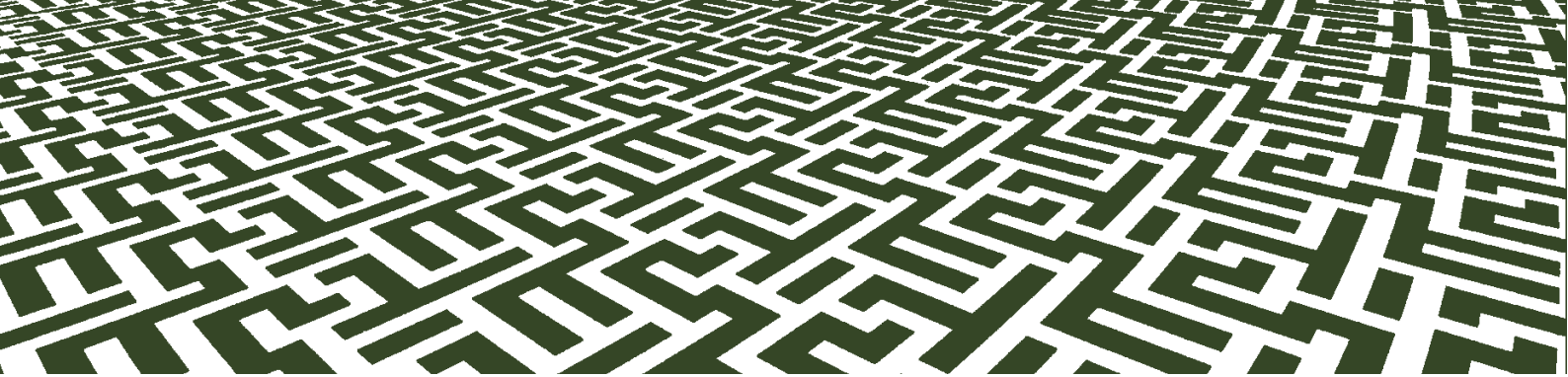

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№2
2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 2/2025

дата публикации: 22.05.2025 г.

Является сетевым СМИ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:

Экономические: 5.2.1. Экономическая теория

Социологические: 5.4.2. Экономическая социология

Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	А.Н. Олейник (Канада)
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Г.Д. Гловели	Л.И. Полищук
Р.С. Гринберг	В.М. Полтерович
В.Е. Дементьев	Т.Ф. Ремингтон (США)
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	А.Я. Рубинштейн
Л.В. Зеленоборская	М.Е. Симон
Р.И. Капелюшников	Н.Е. Тихонова
С.Г. Кирдина-Чэндлер	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

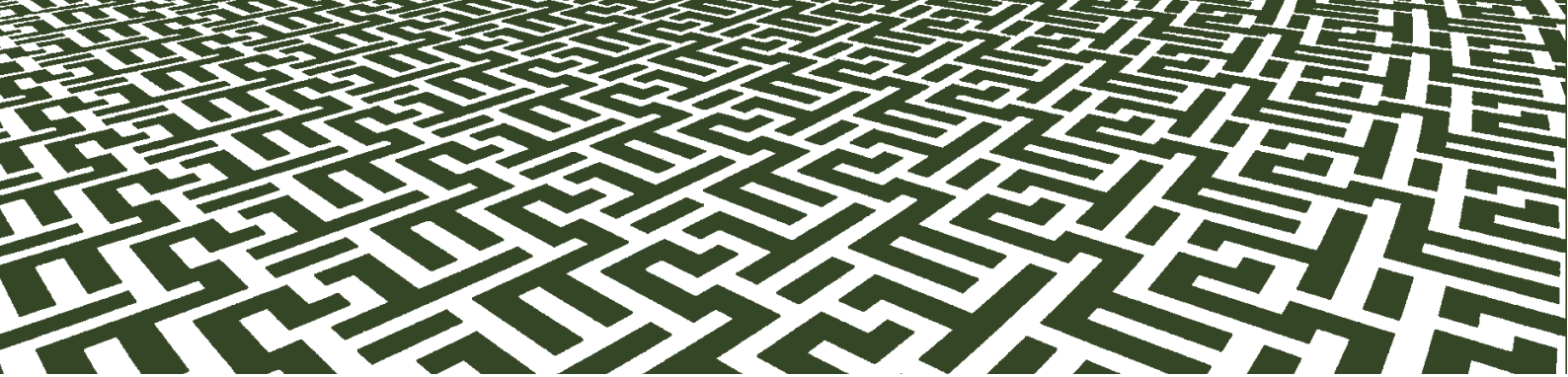
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

тел./факс: 8(499) 724-15-41

e-mail (издателя): ieras@inecon.ru

e-mail (для авторов статей): editorqet@inecon.ru

© Вопросы теоретической экономики, 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- **Economic Theory**
- **Methodology of economic science**
- **From Theory to Economic Policy**
- **Interdisciplinary Studies**
- **Economic History**
- **Surveys & reviews**

Nº2
2025

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

scientific journal

№ 2/2025

Publication Date: 22.05.2025

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	A.N. Oleinik (Canada)
M.I. Voeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
G.D. Gloveli	L.I. Polishchuk
R.S. Grinberg	V.M. Polterovich
V.E. Dementiev	T.F. Remington (USA)
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	A.Y. Rubinshtein
L.V. Zelenoborskaya	M.E. Simon
R.I. Kapelyushnikov	N.E. Tikhonova
S.G. Kirdina-Chandler	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@inecon.ru
© Issues of Economic Theory, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.Е. Шаститко, Н.С. Павлова

Медиация сквозь линзу экономической теории трансакционных издержек:
предметное поле проблемы и выводы для политики 7

Н.М. Плискевич

Специфика российских институтов и патернализм государства
(Часть 2. Эволюция патерналистского государства) 22

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.Л. Тамбовцев

Свойства институтов как пренебрегаемый объект исследования 40

И.Н. Ионов

«Цивилизационный ренессанс» и социокультурная экономика 55

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Е.Е. Шестакова

Долгосрочный уход — ответственность государства, общества или семьи
(взгляд с Востока и Запада) 71

С.А. Васильев, Н.Л. Александров

Рынок цифровых валют как фактор трансформации архитектуры денежных систем 87

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.А. Нисневич

Мир авторитарного правления в начале XXI века (Часть 2) 110

А.Н. Медушевский

Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 1) 130

Б.В. Павленко

Социальный капитал и экономическое неравенство в городах России:
анализ социальных сетей 144

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

И.В. Макарова, П.А. Ореховский

Транспортный коллапс 1990–1991 гг. и сдвиг в структуре российских грузоперевозок 164

М.А. Фельдман

Государственная программа технической учёбы рабочих в 1936–1940 гг.
на страницах журнала «Техническая учёба» 181

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев

И снова о природе богатства (о книге М. Коямы и Дж. Рубина «Как разбогател мир:
исторические истоки экономического роста») 196

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

A. Shastitko, N. Pavlova

Mediation through the Lens of Transaction Cost Economics: Subject Field and Policy
Implications 7

N. Pliskevich

The Specificity of Russian Institutions and State Paternalism
(Part 2. Evolution of the Paternalistic State) 22

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

V. Tambovtsev

Institutional Properties as a Neglected Unit of Analysis 40

I. Ionov

«Civilizational Renaissance» and Sociocultural Economics 55

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

E. Shestakova

Long-Term Care Is the Responsibility of the State, Society or Family
(a View from the East and West) 71

S. Vasiliev, N. Aleksandrov

The Digital Currency Market As A Factor In The Transformation Of The Architecture
Of Monetary Systems 87

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Yu. Nisnevich

The World of Authoritarian Rule at the Beginning of the XXI century (Part 2) 110

A. Medushevskiy

International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 1) 130

Pavlenko B.

Social Capital and Economic Inequality in Russian Towns: Social Network Analysis 144

ECONOMIC HISTORY

I. Makarova, P. Orekhovsky

Transport Collapse of 1990-1991 and a Shift in the Structure of Russian Cargo Transportation 164

M. Feldman

State Program of Technical Education of Workers in 1936–1940 on the Pages of the Magazine
«Technical Studies» 181

SURVEYS & REVIEWS

Zaostrovtssev A.

And Again About the Nature of Wealth (about the book by M. Koyama
and J. Rubin «How the World Got Rich: The Historical Origins of Economic Growth») 196

А.Е. Шаститко

д.э.н., профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Н.С. Павлова

к.э.н., старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

МЕДИАЦИЯ СКВОЗЬ ЛИНЗУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК: ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫВОДЫ ДЛЯ ПОЛИТИКИ¹

Аннотация. На основе применения концептуального ядра экономической теории транзакционных издержек предложено объяснение оснований и возможностей применения медиации в хозяйственных спорах как способа обеспечения устойчивости контрактов и непрерывности транзакций в цепочках создания стоимости. Место медиации среди альтернативных механизмов управления транзакциями в спектре между иерархическим и рыночным механизмами объяснено с помощью концептуальных схем О. Уильямсона и К. Менара. Показано, чем медиация отличается от вовлечения в транзакции третьей стороны и почему медиация наиболее уместна и востребована для поддержания гибридных институциональных соглашений, которые в таком случае могут обеспечиваться двусторонними механизмами управления. Показано, почему участие медиаторов в разрешении споров не является частным случаем трёхстороннего механизма управления транзакциями, а может быть отнесено к двусторонним механизмам, несмотря на независимость медиаторов от сторон спора. Раскрыты подходы к определению экономических эффектов медиации и выявлению пределов компетенции медиатора. Роль, функции и компетенции медиаторов рассмотрены и в контексте проблем, порождаемых неполнотой заключаемых контрактов. Подчёркнута роль рассеянного (в понимании Ф. Хайека) и неявного знания и их сочетания как источников потребности в медиации. Предложено описание структурных альтернатив медиации, в том числе — добровольной и принудительной медиации в их различных формах. Показано, что одной из основных проблем добровольной медиации как элемента гибридного механизма управления транзакциями является принуждение к исполнению достигнутых договорённостей. Данная проблема может быть решена различными способами, в том числе путём перехода к принудительной медиации. Осмыслен опыт применения принудительной медиации в антимонопольном регулировании. Представлены вопросы для дальнейших экономических исследований новой предметной области в контексте экономической теории транзакционных издержек.

Ключевые слова: гибридные институциональные соглашения, механизм цен, иерархия, медиация, механизмы управления транзакциями, транзакционные издержки, рассеянное знание, неявное знание.

JEL: D02, D23, L14, K21, P23, P28

УДК: 338.1

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_7_21

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

© А.Е.Шаститко, Н.С.Павлова, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Медиация сквозь линзу экономической теории транзакционных издержек: предметное поле проблемы и выводы для политики // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_7_21.

FOR CITATION: Shastitko A., Pavlova N. Mediation through the Lens of Transaction Cost Economics: Subject Field and Policy Implications // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_7_21.

Постановка проблемы

Устойчивость контрактов, на основе и с помощью которых создаётся стоимость, не может считаться подразумеваемой как общее правило. Такое можно было бы представить лишь в рамках «экономической теории классной доски», очищенной от подавляющего большинства аспектов реальной хозяйственной практики. Причём обеспечение устойчивости добровольных контрактов, спроектированных и заключённых лицами, действующих на основе своих прав и по своей воле, представляет особый интерес. Разумеется, и сама по себе устойчивость отдельных контрактов не является самостоятельной ценностью: многое зависит от предмета, по поводу которого выстраивается взаимодействие между экономическими агентами. Далеко не все контракты являются добровольными, и поддержание их устойчивости, даже если они и соответствуют чьим-то интересам, скорее направлено на перераспределение, чем на создание стоимости². Потому ряд аспектов, связанных с достижением устойчивости контрактов, вряд ли может вписываться в логику экономической политики, ориентированной на экономическое развитие.

Однако общественно приемлемые контракты находятся под защитой правовой системы. Выполняя важную функцию по спецификации и защите прав собственности, эта система сама требует значительных ресурсов и в любом случае характеризуется ограниченными мощностями относительно запросов на разрешение многочисленных конфликтных ситуаций. Если бы это было не так, то можно было бы ожидать одновременного соблюдения трёх условий: быстрое, качественное и бесплатное правосудие для участников спора (но в лучшем случае — соблюдения любых двух из трёх условий). Эти ограничения проявляются в том числе и в таких эффектах, как ошибки первого и второго рода в правоприменении.

В хозяйственной практике и экономической науке известны разные способы поддержания устойчивости контрактов, которые могут быть рассмотрены через призму сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив управления транзакциями. Для обсуждения данного вопроса мы предлагаем применить идеи из экономической теории транзакционных издержек, которая делает акцент на ограниченности принципа правового централизма и обосновывает применимость различных вариантов частного, но законного, порядка улаживания конфликтов, в ряду которых стоит медиация.

Проблематика медиации довольно давно обсуждается российскими специалистами в области правоправедения (в том числе на страницах журнала «Бюллетень федерального института медиации»). Однако систематический экономический анализ данного явления применительно к хозяйственной практике (и тем более к более широкому кругу общественных отношений) всё ещё ждёт своего часа.

С учётом предложенной постановки проблемы мы рассматриваем вопросы в следующей последовательности. В первом параграфе приводится описание элементов экономической теории транзакционных издержек с учётом предполагаемой специфики предмета

² Что соответствует в целом трилемме бизнесмена по В.Л. Тамбовцеву [Тамбовцев, 2011].

исследования — медиации как компонента двустороннего механизма управления транзакциями. Во втором параграфе мы обсуждаем феномен медиации в контрактных отношениях, отвечая на такие вопросы, как: 1) что такое медиация в свете экономического анализа контрактных отношений; 2) кто такой медиатор; 3) почему у сторон контракта может возникнуть спрос на медиацию; 4) что является результатом медиации; 5) почему результаты медиации могут быть лучше, чем результаты других механизмов улаживания конфликтов; 6) какие структурные альтернативы (разновидности) медиации можно выделить, опираясь на теорию вопроса и наблюдаемую хозяйственную практику. В третьем параграфе акцент делается на предложенных в российской практике институциональных нововведениях в сфере медиации и об институциональных рамках организации этой деятельности. В четвертом параграфе в фокусе внимания находится вопрос о том, какими компетенциями и стимулами должен обладать медиатор, для того чтобы можно было рассчитывать на результативность процедуры. В заключении предложены основные выводы и повестка для дальнейших экономических исследований медиации.

Экономическая теория транзакционных издержек

Хозяйственная практика подсказывает, что во многих случаях сохранение жизнеспособности добровольного контракта (а в более широком плане — соглашения между сторонами, опосредуемого одним или множеством связанных контрактов) — в интересах каждой из сторон. Вместе с тем существуют разнообразные препятствия, преодоление которых ведёт к результатам, по свойствам нередко напоминающим равновесие для одноходовой игры «дилемма заключённых». Рациональные, действующие в своих интересах лица в конечном счёте находят решение (равновесие взаимодействия), которое хуже, чем потенциально доступная альтернатива [Диксит, Нейлбафф, 2024. С. 76–85; Axelrod, 1984]. Одна из причин — неспособность создавать заслуживающие доверия, достоверные обязательства, которые блокировали бы действия, обуславливающие ухудшение положения контрагента. Разумеется, создание такого рода обещаний — сложная задача, не имеющая совершенного, идеального решения [Шаститко, 2022а; Шаститко, 2024].

Третья сторона, гарантирующая права участников обмена, казалось бы, предоставляет выход из затруднительного положения. В экономической литературе вариант с гарантиями прав — абсолютных и относительных (обязательственных) — подробно обсуждался в работах по вопросам ошибок первого и второго рода в играх с третьей стороной-гарантом и разными вариантами структуры платёжной матрицы [Шаститко, 2011; Шаститко, 2013]. Однако, как показывают практика и многочисленные исследования, третья сторона далеко не всегда в состоянии урегулировать отношения между сторонами контракта. Препятствием могут быть не только ненадлежащие стимулы, но и неинформированность, неспособность верифицировать существенную для того или иного спора информацию и тем самым предложить приемлемое для всех сторон конфликта решение. Отчасти такая неспособность обусловлена фактом рассеянности знания [Hayek, 1945], часть которого вместе с тем ещё и неявное (а потому если и передаваемое, то со значительными издержками и искажениями), хотя имеет большое значение для принимаемых сторонами контрактов решений и перспектив их взаимодействия. Неспособность третьей стороны (регулятора, суда) своевременно и без значительных искажений задействовать это релевантное знание в коммуникации между сторонами спора — один из источников ошибок в правоприменении, как минимум, в отношении одной из сторон.

Отметим, что в данной работе третьей будет считаться сторона, которая, вмешиваясь в спор (конфликт) между участниками договора, принимает решения, становящиеся обязательными для исполнения. В первую очередь речь идёт о судебных решениях, хотя

возможны и квазисудебные процедуры, когда в рамках административного разбирательства между компанией и регулятором в деле оказывается третья сторона, которая по факту оказывается участником хозяйственного спора. В частности, в рамках дел о нарушении антимонопольного законодательства, а также в рамках антимонопольного контроля сделок экономической концентрации в процессе могут оказаться третьи лица (но не третья сторона в подразумеваемом споре между сторонами контракта) с заявленными самостоятельными требованиями (правовой позицией).

Мы предлагаем оценить возможности структурной альтернативы урегулирования споров, когда, с одной стороны, участники договора самостоятельно уже не могут решить возникшие проблемы (в частности, по причине возникшего взаимного непонимания и как следствие утраты доверия, необходимого для поддержания устойчивости контракта), а, с другой — третья (независимая) сторона не может принять решение, удовлетворяющее участников контракта, ввиду ограниченной рациональности, последствия которой в силу специфики положения третьей стороны-гаранта не представляется возможным преодолеть с разумными издержками. Дело может быть не только и даже не столько в отсутствии надлежащей мотивации, а в том, что необходимым условием урегулирования спора может оказаться как способность третьей стороны разобраться в спорной ситуации с учётом временных ограничений, так и организации коммуникации между спорящими сторонами для выхода из кризиса договорных отношений.

Для обсуждения данного вопроса мы используем инструментарий экономической теории транзакционных издержек, который позволяет в рамках сравнительного анализа структурных альтернатив раскрыть специфику предмета исследования — медиации в контрактных отношениях.

Одно из ключевых достижений экономической теории транзакционных издержек, элементы которой подробно изложены в [Уильямсон, 1996; *Williamson*, 1996; *Ménard*, 2005; *Шаститко*, 2024] и других работах, — это объяснение выбора механизмов координации (механизмов управления транзакциями) между экономическими субъектами в зависимости от ключевых характеристик транзакций: повторяемости, уровня неопределённости и специфичности активов. Напомним, что в рамках данной теории нашлось место и механизмам конкуренции, которые были хорошо известны из неоклассической микроэкономики — прикладной теории цен. Этот механизм является наиболее приемлемым, если соблюдаются три условия: стороны склонны к оппортунизму (стратегический оппортунизм), ограниченно рациональны, используются ресурсы общего назначения. Отметим: мы здесь предполагаем, что механизм контрактации — через конкуренцию — выбран правильно³. Ключевой характеристикой такого процесса взаимодействия являются издержки переключения, уровень которых таков, что ими можно пренебречь. Иными словами, в этой ситуации недобросовестное поведение стороны договора «лечится» отказом от дальнейшего взаимодействия с ним. Контракт просто разрывается и заключается с другим контрагентом. Соответственно, в этой ситуации выстраивание длительных отношений между контрагентами не обладает самостоятельной ценностью, также как и не имеет значения индивидуальность контрагента. Отсюда возникает неизбирательность системы отношений, основанной на ценах. В таких условиях создание механизма, подталкивающего стороны к поддержанию контрактных отношений, может быть, и имело смысл, если бы не было ресурсозатратным.

Антиподом данного механизма контрактации является механизм иерархии, где конкуренция как ключевая характеристика контрактного процесса заменяется командами.

³ В дальнейших исследованиях эту предпосылку можно ослабить и допустить, что медиация может быть применена для корректировки механизма управления транзакциями, который, как оказалось, не соответствует характеристикам транзакций. Иными словами, это направление исследований — продолжение обсуждения проблематики ошибочного выбора механизмов управления транзакциями [*Шаститко*, 2016; *Shastitko, Ménard*, 2017].

Мы не утверждаем, что в иерархии невозможна конкуренция, а лишь отмечаем, что конкуренция, если и существует, то основывается и моделируется как производная от системы команд. Напомним, что иерархия как механизм управления транзакциями — относительно дорогое устройство, что нашло отражение в одной из эвристических моделей⁴ О. Уильямсона [Уильямсон, 1996; Williamson, 1996; Шаститко, 2024. С. 492–495]. В случае нулевой специфичности активов минимизация транзакционных издержек и, соответственно, минимизация издержек производства достигается с помощью использования механизма цен. И лишь тогда, когда мы имеем дело с высокой степенью специфичности ресурсов, иерархия может обеспечить более приемлемые результаты, чем механизм цен и гибридные механизмы (в том числе трёхсторонние механизмы управления транзакциями), минуя такую возможность адаптации, как повторные переговоры.

Здесь стоит напомнить, что использование специфических активов имеет смысл лишь в том случае, если они более производительны, чем активы общего назначения⁵. А эта более высокая производительность — условие генерирования потока квазиренды, по поводу распределения которой и возникают основания для споров между сторонами договора. Именно на присвоение квазиренды в свою пользу направлены действия оппортунистов. Иерархия как раз и используется в качестве способа избежать проблем между участниками транзакций в условиях высокой специфичности ресурсов.

Цена, которую приходится платить за блокирование оппортунизма посредством иерархии, — слабые стимулы участников транзакций, которые обусловлены отсутствием у них конечных прав. Вот почему в определённых рамках сравнительными преимуществами обладают такие механизмы управления транзакциями, которые, сохраняя определённую степень децентрализованности прав собственности (и, соответственно, конечных прав), тем не менее сохраняют возможности коллективной адаптации к изменяющимся обстоятельствам транзакций. Иными словами, такой адаптации, которая не предполагает по умолчанию смену контрагента. Однако сохранение двух привлекательных свойств — сильных стимулов (конечные права) и коллективной адаптации (в том числе за счёт объединения ресурсов) — требует создания особых устройств, когда продолжение транзакций — добровольное и предпочитаемое решение их участников.

Наглядной иллюстрацией является эвристическая модель, предложенная К. Менаром: «линза Менара». В рамках данной модели представлено множество вариантов организации взаимодействия, в которой допускаются одновременно и повышение степени децентрализованности в принятии решений участниками контрактных отношений, обладающих конечными правами, и повышение степени объединённости, централизации прав собственности. Именно такие возможности дают основание для вывода о широком разнообразии гибридов (при сохранении двух родовых признаков, отмеченных выше): сети на основе информации, координация третьей стороной, стратегический центр [Ménard, 2022. P. 306] (рис. 1). Множественность вариантов организации гибридов имеет значение для объяснения вариативности применения механизмов медиации. Однако здесь же хотелось бы специально отметить неисследованность вопроса о дизайне медиации в свете выбора той или иной формы механизма гибридного устройства.

⁴ Напомним, что таких моделей три. В первой объясняется переход от механизма цен к иерархии на основе суммы разниц транзакционных и трансформационных издержек для различного уровня специфичности ресурсов. Во второй модели определены условия минимизации транзакционных издержек для выбора из трёх структурных альтернатив — механизма цен, гибрида и иерархии (также по мере изменения уровня специфичности ресурсов). Наконец, в третьей эвристической модели выбор механизма управления транзакциями представлен в системе координат с различными уровнями неопределённости и специфичности ресурсов.

⁵ С одной лишь оговоркой: если аргумент о специфичности активов не используется в качестве защиты от антимонопольного преследования за применение необоснованных ограничений в отношении контрагентов.

Рис. 1. Линза Менара.

Источник: Ménard C. Hybrids: where are we? // *Journal of Institutional Economics*. 2022. Vol. 18, No. 2. P. 306.

Итак, комбинация указанных двух свойств характеризует гибридное институциональное соглашение, позволяющее извлекать квазиаренту на основе применения корректно спроектированных условий контрактов, в которых заложены не только распределение рисков между сторонами, но и механизмы поддержания устойчивости посредством коллективной адаптации к возникшим новым обстоятельствам. Эти обстоятельства самые разнообразные, но источник проблемы в общем-то один: они могут быть по-разному прочитаны сторонами (в том числе потому, что часть экономически значимого знания, как уже было отмечено выше, является рассеянной⁶), а отсутствие договорённости *ex ante* может привести к тому, что действия (также как и бездействия) стороны в договоре могут истолковываться превратно. В лучшем случае они могут быть не поняты, а в худшем становятся источником подозрений в недобросовестности контрагента. В свою очередь, развитие событий способно привести к повышению уровня неопределённости не столько в силу изменения внешних обстоятельств, сколько потому, что участник договора (транзакций) воспринимает поведение партнёра как источник неопределённости — структурной неопределённости (если субъективно оно становится непредсказуемым в части прогнозирования конкретных действий и, соответственно, набора элементарных исходов), что тесно связано с такой характеристикой контракта, как его неполнота.

Для обсуждения оснований и ограничений медиации уместно напомнить о комплексе поставленных Уильямсоном практических вопросов в связи с применением неполных контрактов — характерной черты гибридных механизмов управления транзакциями [Williamson, 1996; Шаститко, 2024. С. 475–477].

Во-первых, существуют трудности в определении полного набора вероятных событий, которые должны быть учтены при планировании взаимодействия между людьми. Наборы вероятных событий для каждого экономического агента могут не совпадать. Это сопряжено с особенностями структурной, или радикальной, неопределённости, связанной

⁶ Это проблема не только центрального планировщика, но и сторон договора, особенно если коммуникация не отвечает требованиям достижения, необходимого для продолжения контракта уровня взаимопонимания.

с такой поведенческой характеристикой индивида, как ограниченная рациональность. Для лиц, принимающих решения в условиях структурной неопределённости и взаимодействующих как стороны контракта, наборы вероятных элементарных событий могут пересекаться, но вовсе не обязательно должны совпадать.

Во-вторых, даже если множество вероятных событий в целом определено и одинаково для заинтересованных сторон, вполне могут возникать сложности со спецификацией каждым из действующих лиц вероятных событий. Каждое из событий обладает определённой структурой, что требует применения набора характеристик, с помощью которых оно описывается и, соответственно, идентифицируется действующими лицами *ex ante*.

В-третьих, и это уже относится к проблеме коммуникации, даже если каждое из действующих лиц в состоянии специфицировать любое из возможных событий, то это ещё не означает, что они будут специфицированы всеми действующими лицами одинаково. Таким образом, исходное понимание того или иного события может быть (и, скорее всего, является) различным. Причём такое возможно, даже если при описании указанных событий используются одни и те же слова.

В-четвёртых, факт преодоления проблемы подобия в спецификации элементарных событий ещё не означает, что решён комплекс вопросов, связанных с неполнотой контрактов, так как решение не предполагает автоматически одного и того же определённого набора согласованных действий для каждого участника контракта в зависимости от того или иного вероятного события. В связи с этим важно учитывать: 1) необходимость выбора между институциональными соглашениями, различающимися способами координации, контроля и адаптации (например, повторные переговоры с перезаключением контракта (с привлечением медиатора или без него)) или разрывом контракта в случае обнаружения нарушения условий контракта; 2) переговоры в рамках действующего контракта с целью уточнения обязанностей и прав каждого из участников и определения необходимых действий с целью адаптации к непредвиденному *ex ante* событию; 3) адаптацию посредством команды, не предполагающей каких бы то ни было переговоров и т.д.).

В-пятых, даже при условии положительного решения вопросов, обозначенных в первых четырёх пунктах, возникает проблема коммуникации *ex post*. Прежде всего это относится к идентификации наступившего события как одного из специфицированных *ex ante*. Поскольку каждое из событий, как уже было отмечено, обладает множеством измерений, то его идентификация и сопоставление с образцом, ключевые характеристики которого установлены *ex ante*, сопряжена с издержками, причём различающимися в зависимости от того, какое отношение к той или иной транзакции имеет рассматриваемый субъект (участник контракта, судья, медиатор, аутсайдер или потенциальный конкурент).

В-шестых, возникает зеркальная проблема, обозначенная в пункте четыре: выполнены ли именно те действия, которые должны быть совершены каждым из участников контракта.

В-седьмых, неполнота контракта становится более серьёзной проблемой, если принять во внимание не только ограниченность рациональности заинтересованных сторон, но и ключевую мотивационную предпосылку, используемую в новой институциональной экономической теории, — оппортунистическое поведение, которое в условиях асимметричного распределения информации создаёт дополнительные сложности в решении вопросов, обозначенных в первых шести пунктах. Причём оппортунизм может проявляться в отношении как контрагента, так и гаранта соглашения (впрочем, как и в отношении медиатора), особенно если существует возможность переложить часть издержек в урегулировании спорных вопросов *ex post* на суды или на применяющих квазисудебные процедуры регуляторов, не затрачивая дополнительных ресурсов для разработки условий контракта, позволяющих урегулировать соответствующий вопрос *ex ante* (хотя следует признать, что это не всегда возможно).

В-восьмых, суды далеко не всегда в состоянии адекватно разрешить спор, возникающий между экономическими агентами в подобных ситуациях, что и являлось предметом пристального внимания в первых моделях неполных контрактов. Если используется специфический ресурс без специальных мер предосторожности, то риск оппортунистического поведения со стороны контрагента должен быть учтён в цене. Соответственно, если специфический ресурс используется продавцом, то цена товара (услуги) должна быть выше по условиям контракта, не предполагающим специальных мер предосторожности, чем с таковыми. Если же сравнивать цены в контрактах с использованием специфических и неспецифических ресурсов, то необходимым условием выбора первого варианта являются более низкие трансформационные издержки, связанные с использованием специфического ресурса. Однако, и это следует специально отметить, более высокая техническая

Таблица

Проблемы неполных контрактов и функции медиаторов

№	Проблема неполноты контракта	Функция/компетенция медиатора
1	Несогласованный набор вероятных событий	Медиатор обеспечивает правила взаимодействия (в первую очередь обмена доступной информацией), позволяющие сторонам выявить и согласовать набор вероятных событий
2	Несогласованные вероятности событий	Медиатор обеспечивает правила взаимодействия, позволяющие сторонам выявить и согласовать вероятности выделенных событий
3	Несогласованная спецификация самих событий	Медиатор обеспечивает правила взаимодействия, позволяющие сторонам согласовать видение спецификации событий
4	Несогласованный набор действий каждого участника в случае возникновения события	Медиатор обеспечивает правила взаимодействия, позволяющие сторонам <i>ex ante</i> согласовать свои действия в случае наступления событий. Медиатор отслеживает реалистичность и исполнимость действий
5	Сложность идентификации наступившего события как одного из специфицированных <i>ex ante</i>	Медиатор в рамках обеспечения реалистичности и исполнимости договорённостей выявляет возможные проблемы с идентификацией событий и предлагает сторонам предусмотреть решения этих проблем. Однако медиатор не отслеживает само исполнение достигнутого соглашения
6	Сложность идентификации действий каждого участника в случае возникновения события действием, специфицированным <i>ex ante</i>	Медиатор в рамках обеспечения реалистичности и исполнимости договорённостей выявляет возможные проблемы с идентификацией действий и предлагает сторонам предусмотреть решения этих проблем. Медиатор не отслеживает само исполнение достигнутого соглашения
7	Сложность идентификации, предотвращения или пресечения оппортунизма сторон	В случае оппортунистического поведения сторон в ходе медиации медиатор не может принуждать стороны отказаться от оппортунистического поведения, он может лишь рекомендовать сторонам обратить внимание на другие способы разрешения конфликта. Медиатор также не выступает гарантом исполнения соглашения, достигнутого по итогам медиации
8	Сложность для третьей стороны (суда) разрешения конфликта по поводу специфических активов	Медиатор не выступает третьей стороной. Медиатор помогает сторонам реализовать двусторонний механизм управления транзакцией

Источник: составлено авторами.

эффективность (производство, при прочих равных условиях, с более низкими трансформационными издержками) специфического ресурса не гарантирует его использования в рамках соответствующей транзакции, если риск оппортунизма слишком высок и/или, соответственно, создание контрактных гарантий сопряжено со значительными издержками: ожидаемые размеры экспроприации квазиренды, генерируемой специфическим ресурсом, достаточно велики.

Исходя из выявленных проблем неполноты контракта, предложим набор функций и компетенций медиатора, которые могут способствовать разрешению указанных проблем (табл.).

Таким образом, комбинация двух характеристик — коллективная адаптация и сильные стимулы — указывает не только на сильные стороны гибрида, но и на такое свойство, как хрупкость данного институционального устройства. Можно ли каким-то образом понизить степень хрупкости без утраты привлекательных свойств гибрида? Известны ли применимые инструменты, будь то на практике или в теории? На наш взгляд, одним из таких инструментов является медиация, к обсуждению свойств которой мы и переходим.

Медиация в контрактных отношениях

Как следует из предшествующего изложения, медиация вряд ли будет пользоваться спросом, когда для координации применяется механизм цен или иерархия. Для начала попробуем понять, почему стороны могут обращаться за помощью к медиатору, понимая, что эта помощь не бесплатна и требует затраты ресурсов: денежных и временных, а далее — необходимого уровня доверия к медиатору, веры в его способности урегулировать спорную ситуацию.

С одной стороны, участники транзакций должны ценить продолжение отношений⁷, что является оборотной стороной различных издержек переключения. С другой стороны, они самостоятельно (уже) не могут урегулировать спорные вопросы, которые мешают продолжению сотрудничества (момент упущен). Им можно было бы порекомендовать обратиться в суд за помощью. Напомним, что в случае с трёхсторонним механизмом управления транзакциями суд может не только и даже не столько определять, кто виноват, а также кто кому сколько должен, но и предложить действия, которые стали бы способом заполнения бреши в договоре, обнаружившейся *ex post*, т. е. после подписания первоначального договора и возникновения событий, которые в этом договоре не были учтены в плане спецификации обязательственных (относительных) прав собственности каждой из сторон. Однако, как минимум, для этого суду надо разобраться в предмете и природе спора, а затем — вынести обязательное для исполнения решение (если только стороны не выйдут на досудебное соглашение). Ведь суд — независимая третья сторона, обращение к которой при всех преимуществах этого варианта урегулирования споров, создаёт и новые риски — риски прерывания транзакций. И они тем сильнее и значимее, чем выше интенсивность транзакций (в классификации Уильямсона непрерывно воспроизводящиеся транзакции).

Упомянутые условия обращают внимание ещё на одну возможность, открытую для сторон контракта: обратиться к специалисту (не обязательно только в области права, что

⁷ Ценность отношений может быть наглядно продемонстрирована с помощью теоретико-игровой ситуации «битва полов» (battle of the sexes), в которой проблема поиска приемлемого варианта равновесия взаимодействия по Нэшу (в простейшем случае их два, и оба — Парето-оптимальные) возникает именно в силу коммуникационных проблем (в игре это равносильно предпосылке об одновременных ходах). Соответственно, переход к одному из равновесий в таком случае — корректировка игры, в которой коммуникация становится возможной, в том числе посредством вовлечённости медиатора. Соответственно, разница в выигрышах без коммуникации и с коммуникацией — не только стимул к привлечению медиатора, но и источник оплаты его услуг.

характерно для судей) за помощью в обсуждении вариантов преодоления кризиса договорных отношений. Этот специалист, понимая мотивацию и обстоятельства хозяйственной деятельности сторон, организует переговорный процесс таким образом, что в его рамках восстанавливается нарушенное доверие и взаимопонимание (соответственно, надо знать, когда и как оно было нарушено). Однако в отличие от суда медиатор самостоятельно не предлагает решения. И это ограничение обусловлено тем, что есть непередаваемое, некодифицированное знание сторон, которое должно быть использовано для выработки кооперативного решения: продолжения сотрудничества. Медиатор не обязан этим знанием владеть. Более того, возможно, он и не должен (а, скорее всего, и не может) им обладать, так как такое обладание может быть маркером того, что он как медиатор не вполне независим и пытается действовать в интересах одного из участников договора. Наконец, невозможность владеть этим знанием может быть тем свойством трансакции, которое изначально и приводит к конфликту сторон в связи с рассеянным и неявным характером знания, мешающим сторонам преодолеть асимметрию информации.

Однако есть ещё одна сторона проблемы, которая связана с информированностью медиатора, если посмотреть на процесс медиации в более широком контексте. Обладание им «загрифованной» информацией участников переговорного процесса создаёт дополнительные регуляторные риски, если эта информация используется не только для улаживания хозяйственного спора, но и для коллективных антиконкурентных действий. Вопрос о том, насколько желательно или нежелательно с точки зрения антимонопольного законодательства применение медиации в контексте соглашений между конкурентами, например, соглашений о совместной деятельности, нуждается в дополнительной оценке.

Медиатор так выстраивает процесс коммуникации, чтобы стороны создали или восстановили утраченное доверие⁸, но не предлагая (и тем более не определяя) конкретное решение, за которое ответственность должны нести сами стороны контракта, а не медиатор.

Восстановление пошатнувшегося доверия предполагает, как минимум, уверенность в мотивах контрагента. Любопытно, что неопределённость мотивов другого действующего лица — основание для обращения за помощью к независимой третьей стороне: консультанту по вопросам стратегии, который помогает справиться со стратегической неопределённостью в отличие от неопределённости, обусловленной естественной случайностью [Диксит, Нейлбафф, 2024. С. 62]. Однако в не меньшей степени сказанное относится и к медиатору, который должен понимать мотивы контрагентов как основу для выполнения своей основной функции — фасилитации, модерирования переговорного процесса.

Структурные альтернативы медиации в хозяйственных отношениях

Мы не даём экономический анализ медиации в политических отношениях, который вполне возможен⁹, но предполагаем учёт специфики данной сферы отношений. Исследование медиации в хозяйственных отношениях помимо всего прочего предполагает ответ на вопрос, а какие формы медиации известны, какие формы медиации возможны, а также как эмпирически различать указанные формы, так же как отличать медиацию от других форм разрешения споров (конфликтов).

(А). Проектируемая медиация vs медиация к случаю (*ad hoc*). В первом случае стороны могут уже на стадии разработки проекта договора описать, каким образом они будут

⁸ Отметим, что здесь речь идёт не об обобщённом доверии, а о контрактном, ситуативном, связанном с характеристиками конкретного контрагента.

⁹ Более того, эта практика заметна особенно тогда, когда у конфликтующих сторон не осталось каналов коммуникации или наблюдается их острый дефицит, что требует участия третьей стороны в качестве фасилитатора процесса, начиная с предоставления устраивающей обе стороны площадки и заканчивая непосредственной вовлечённостью в переговоры.

разрешать спорные вопросы в случае, если есть возможность не обращаться в суд и разрешить дело миром. Тем самым они договариваются о принципах определения доверенного лица и/или устанавливают, кто конкретно будет им помогать в случае возникновения спора. Если же в договоре никаких конкретных указаний на этот счёт нет, то многое будет зависеть от существующих формальных правил (законов), регламентирующих предоставление услуги медиации.

(В). Добровольная медиация vs принудительная медиация. Добровольная медиация в чистом виде подразумевает, что стороны свободно прибегают к данной процедуре, исходя из собственных интересов. Стороны по своему усмотрению выбирают медиатора, устанавливают место и время, участвуют в процедуре по своей воле. В литературе сложно найти подробные примеры кейсов добровольной медиации, поскольку одно из преимуществ такой процедуры — непубличность информации о её ходе, об этапах переговоров и даже зачастую о подробностях достигнутых договорённостей. В функционал медиатора при этом входит отслеживание того, чтобы принятые условия соглашения по итогам медиации были реалистичны и исполнимы [Морозова, 2022], однако контроль исполнения самого решения, принятого по итогам полностью добровольной медиации, может быть затруднён, если соглашение не является самоподдерживающимся. Это связано с отсутствием внешнего (не совпадающего со сторонами) гаранта принуждения к исполнению решения. Существуют различные способы решения данной проблемы. Например, в России с 2019 г. возможно нотариальное заверение медиативных соглашений, которое придаёт такому соглашению статус исполнительного документа [Демидова, 2022]. Другой пример: утверждение судом мирового соглашения на основе медиативного, достигнутого по итогам медиации, которая проводилась параллельно с ходом судебного разбирательства. Однако само обращение к процедуре медиации здесь остаётся добровольным. Принудительная медиация же подразумевает, что стороны в той или иной степени «подталкиваются» к использованию медиационных процедур, хотя изначально они такую процедуру не выбрали. Принуждение к медиации может носить более мягкий или более жёсткий характер. В зависимости от юрисдикции и от характера спора, существуют различные механизмы принуждения к медиации судами: от автоматического перенаправления жалоб по определённому вопросу из суда в медиацию до полной дискреции судьи. Так, в известной серии патентных споров между Apple и Samsung в 2011-2018 гг. компании были принудительно направлены судом на медиацию в 2012 г., а в 2014 г. прибегли к медиации по настоятельной рекомендации суда (что всё же можно отнести к принудительной медиации, хотя и в более мягкой форме) [Jeon, Choy, 2014]. В обоих случаях процедура медиации не позволила достигнуть договорённости.

В вопросе определения целесообразности принудительной медиации и оптимальной степени её «жёсткости» принципиально важен ответ на вопрос: генерирует ли спор между участниками транзакции побочные отрицательные эффекты. Если ответ положительный, то следующий вопрос — доступны ли способы принуждения сторон «к миру», с условием, что принуждающая сторона сама решение не придумывает, а лишь подталкивает к нему стороны, стимулируя выявление и сопоставление альтернатив достижения мира в контрактных отношениях. Причём стимулирование может быть основано и на угрозе (достоверной, т.е. процессуально реализуемой) применения санкций к участникам транзакций в случае неудачного решения вопроса. Принудительная медиация может быть основана не только на угрозе принуждения, но и на активной вовлечённости медиатора (одного из регуляторов) в обсуждение спорных вопросов.

Вот почему отдельный вопрос из тех, которые заслуживают обсуждения — «жёсткая» принудительная медиация. В известном смысле эту форму можно было бы трактовать как «принуждение к миру». В последние годы она активно исследуется, например, в контексте российского антимонопольного законодательства.

Один из наиболее известных примеров — принудительная медиация в исполнении ФАС России для урегулирования спора, возникшего между компаниями ММК и Русал по

поводу поставок жидкого каменноугольного пека — побочного продукта металлургического производства ММК. Более подробно эта ситуация была разобрана в [Шаститко, Павлова, 2017; Shastitko, Ménard, Pavlova, 2018]. Особенность ситуации состоит в том, что инициировать запуск процедуры принудительной медиации могли только сами спорящие стороны. Реализованный вариант разрешения спора в момент его возникновения ещё не был очевиден как сторонам, так и регулятору. Принудительность медиации проявлялась в том, что стороны должны были самостоятельно прийти к соглашению, согласовав его условия. В противном случае в соответствии с требованиями антимонопольного законодательства, наказание со стороны регулятора ожидало обе спорящие стороны.

Принудительная медиация была применена в том числе и для предупреждения или прекращения отрицательных побочных эффектов для субъектов, не имеющих отношения к данному конфликту (отрицательные внешние эффекты в форме экологических последствий, а также в виде эффектов для смежных рынков). Это институциональное нововведение в известном смысле противоречило рекомендациям исследователей долгосрочных контрактов со значительными издержками переключения, которые не рекомендовали третьим сторонам вмешиваться в урегулирование споров [Joskow, 2002]. Это обстоятельство указывает на особенности договорной практики, которая сложилась в рыночной экономике, унаследовавшей в значительной мере множество технологических связей централизованно управляемой экономики СССР.

Доверие медиатору: компетенции и стимулы

Одна из ключевых компетенций медиатора — понимание сферы своей ответственности не только «по бумагам», но и на практике. Законодательно минимальные требования к медиаторам утверждены в статье 15 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», однако эти требования не отражают тех компетенций, которыми медиатор должен обладать. Сложность обеспечения и верификации компетенций медиатора — одна из наиболее острых проблем данного института в России на сегодняшний день. Её решение во многом видится в развитии саморегулирования¹⁰.

Среди важнейших компетенций — необходимо владение техникой управления конфликтами. Как известно, для обсуждения препятствий к улучшающим институциональным нововведениям важно помнить, что они неоднородны и могут быть классифицированы как три большие группы.

Первая группа препятствий связана с различиями в интересах, когда от медиатора может потребоваться помощь в обнаружении и активации области добровольного обмена, в рамках которой можно было бы найти взаимоприемлемые варианты решения. В этом случае базовой предпосылкой является идея о том, что субъективная «картина мира» у сторон договора вполне может совпадать и соответствовать как результатам объективного и непредвзятого позитивного исследования. На переднем плане оказываются именно различия в интересах, которые дополняют осознание возможностей добровольного обмена, но требуют обеспечения достоверности тех обязательств, которые уже взяты и/или которые предстоит уточнить сторонам договора. Подчеркнём, что речь идёт именно о добровольном обмене, основанном на информированном согласии сторон, без манипуляции скрытой информацией и совершения ненаблюдаемых действий во вред контрагентам.

Вторая группа связана с различиями в субъективных «картинах мира» (теориях), которые могут быть обусловлены как недостаточной проработанностью проекта

¹⁰ В 2025 г. была зарегистрирована первая саморегулируемая организация медиаторов. МЕДИАТОР.РФ. URL: <https://медиатор.рф/news/sro-mediatorov-provedet-pervoe-ochnoe-sobranie-v-moskve/>

договора *ex ante*, так и обстоятельствами, которые возникли неожиданно: их нельзя было предвидеть (с разумными издержками), но вместе с тем они имеют прямое отношение к перспективам обеспечения устойчивости рассматриваемого соглашения. В этом случае медиатор должен обратить внимание на возможности корректировки картины мира у одного из участников договора, а, возможно, и у обоих (если договор двусторонний). Соответственно, такая корректировка может потребовать выявления и объяснения закономерностей, причинно-следственных связей, которые не были очевидны сторонам договора, но которые вместе с тем имеют прямое отношение к определению условий урегулирования спора.

Наконец, третий вариант — экзотический, но тем не менее реальный. Он возникает, если выясняется, что одна из сторон договора не приемлет контекст, который сопровождает выполнение контракта, по идеологическим соображениям, которые не связаны с материальным вознаграждением. В частности, у сторон договора могут обнаружиться разные представления о правильном, должном в том числе под влиянием внешних, не подконтрольных им обстоятельств. Более подробно данные виды препятствий к улучшающим институциональным изменениям разобраны в [Шаститко, 2022b; Эггертссон, 2021].

Мы не предполагаем подробно разбирать здесь эту сторону деятельности медиатора, но хотели бы отметить, что отсутствие способности выяснить, что же именно является основанием для нащупывания вариантов поддержания контрактных отношений, которые взаимовыгодны (и соответствуют критерию Калдора-Хикса-Зербе) [Zerbe, Bauman, Finkle, 2006; Шаститко, 2024. С. 731–732], повышает риски неудачи и, соответственно, хрупкость гибридных институциональных соглашений.

Медиатор в известном смысле слова — институциональный предприниматель, так как именно с его помощью обнаруживается возможность взаимовыгодных транзакций, из совокупных (ожидаемых) выгод от которых и может быть оплачена услуга медиатора. Институциональную предпринимательскую функцию медиатора можно назвать ещё и потому, что в его сфере ответственности оказываются прежде всего отношения между сторонами договора и в этой части — починка/достройка механизмов, обеспечивающих его работоспособность.

Заключение

Достаточное разнообразие механизмов улаживания конфликтов — способ сделать контракты, посредством которых создаётся новая стоимость, более дееспособными. Один из недооценённых и недоиспользованных компонентов такого рода механизмов — медиация. Ожидается, что медиация может быть наиболее востребована в хозяйственной практике на множестве двусторонних механизмов управления транзакциями, где стороны контрактов сами ищут способы урегулирования споров, но с помощью участника, который: а) облечён доверием; б) независим (равноудалён) от сторон конфликта, в) компетентен в части управления конфликтами/спорами, г) модерирует переговоры, не навязывая и не определяя решение, к которому должны прийти стороны.

Разумеется, для систематической разработки проблематики медиации как элемента механизмов управления транзакциями требуется больше эмпирического материала и более глубокое осмысление связей между элементами сложной картины договорных отношений. В числе вопросов для дальнейших исследований следует отметить:

- может ли медиатор исправлять ошибки в выборе механизмов управления транзакциями;
- как стороны спора участвуют в формировании вознаграждения медиатора;
- как решается проблема конфликта интересов для медиатора, и др.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Демидова В. (2022). Нотариальное удостоверение медиативных соглашений: нюансы и практика (продолжение) [Demidova V. (2022). Notarial certification of mediation agreements: nuances and practice (continued)] // *Zakon.Ru*. Блог Центра медиации «Solis». URL: https://zakon.ru/blog/2022/10/07/notarialnoe_udostoverenie_mediativnyh_soglashenij_nyuansy_i_praktika_prodlolzhenie (дата обращения: 21.03.2025).
- Диксит А., Нейлбафф Б. (2024). Теория игр: Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни [Dixit A., Nalebuff B. (2024). *Game Theory: The Art of Strategic Thinking in Business and Life*]. — М.: МИФ.
- Морозова Т. (2022). Как медиатору проверить условия медиативного соглашения на реальность и исполнимость? [Morozova T. (2022). How a mediator can check the conditions of the mediation agreement for reality and enforceability] // *Медиатор.РФ*. № 4. С. 120-125.
- Тамбовцев В.Л. (2011). Типы экономических действий [Tambovtsev V.L. (2011). Types of Economic Actions] // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 126-138.
- Уильямсон О. (1996). Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация [Williamson O. (1996). *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, and Relational Contracting*]. — СПб.: Лениздат.
- Шаститко А.Е. (2011). Ошибки I и II рода в экономических обменах с участием третьей стороны-гаранта [Shastitko A.E. (2011). Type I and Type II Errors in Economic Exchanges Involving a Third-Party Guarantor] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 10. С. 125-148.
- Шаститко А.Е. (2013). Экономические эффекты ошибок в правоприменении и правоустановлении [Shastitko A.E. (2013). Economic Effects of Errors in Law Enforcement and Law Establishment]. — М.: Издательский дом «Дело».
- Шаститко А.Е. (2016). О методологии институциональных исследований (К 80-летию статьи Рональда Коуза «Природа фирмы») [Shastitko A.E. (2016). On the Methodology of Institutional Studies (On the 80th Anniversary of Ronald Coase's Article «The Nature of the Firm»)] // *Вопросы экономики*. № 8. С. 96-119.
- Шаститко А.Е. (2022a). Достоверность обязательств в контрактных отношениях: где пределы возможного? [Shastitko A.E. (2022a) The Credibility of Commitments in Contractual Relations: Where Are the Limits of the Possible?] // *Управленец*. Т. 13, № 2. С. 20-33.
- Шаститко А.Е. (2022b). Несовершенные институты и реформы (О книге Трауинна Эггертссона «Несовершенные институты. Возможности и границы реформ») [Shastitko A.E. (2022b) Imperfect Institutions and Reforms (On the Book by Trond Eggertsson «Imperfect Institutions: Possibilities and Limits of Reform»)] // *Вопросы экономики*. № 2. С. 147-157.
- Шаститко А.Е. (2024). Новая институциональная экономическая теория [Shastitko A.E. (2024). *New Institutional Economic Theory*]. — М.: МАКС Пресс.
- Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2017). Антитраст в условиях двусторонней монополии [Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2017). Antitrust in the Context of Bilateral Monopoly] // *Вопросы экономики*. № 8. С. 75-91.
- Эггертссон Т. (2022). Несовершенные институты: Возможности и границы реформ [Eggertsson T. (2022). *Imperfect Institutions: Possibilities and Limits of Reform*]. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Axelrod R. (1984). *The Evolution of Cooperation*. — N. Y.: Basic Books.
- Hayek F. von. (1945). The Use of Knowledge in Society // *The American Economic Review*. Vol. 35. No. 4. Pp. 519-553.
- Jeon H., Choy K. (2014). Comparative Study on Civil Mediation and Apple v. Samsung: Mediation in Intellectual Property Disputes // *Journal of Korean Law*. Vol. 14. Pp. 117-130.
- Joskow P. L. (2002). Transaction cost economics, antitrust rules and remedies // *Journal of Law, Economics and Organization*. Vol. 18. No. 1. Pp. 95-116.
- Ménard C. (2005). A New Institutional Approach to Organization // *Handbook of New Institutional Economics* / C. Ménard & M. Shirley (eds.). — Heidelberg, Germany: Springer. Pp. 281-318.
- Ménard C. (2022). Hybrids: where are we? // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 18. No. 2. Pp. 297-312.
- Shastitko A., Ménard C. (2017). Discrete institutional alternatives: Theoretical and policy issues (Celebrating the 80th anniversary of Ronald Coase's «Nature of the Firm») // *Russian Journal of Economics*. Vol. 3. No. 2. Pp. 200-220.
- Shastitko A., Ménard C., Pavlova N. (2018). The curse of antitrust facing bilateral monopoly: Is regulation hopeless? // *Russian Journal of Economics*. Vol. 4. No. 2. Pp. 175-196.
- Zerbe R., Bauman Y., Finkle A. (2006). An Aggregate Measure for Benefit-Cost Analysis // *Ecological Economics*. Vol. 58. Pp. 449-461.

Шаститко Андрей Евгеньевич

aes99@yandex.ru

Andrey Shastitko

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Competition and Industrial Policy, Faculty of Economics, Moscow State University; Director of the Center for Research on Competition and Economic Regulation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

aes99@yandex.ru

Павлова Наталья Сергеевна

pavl.ns@yandex.ru

Natalia Pavlova

PhD (economics), Senior Researcher of Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

pavl.ns@yandex.ru

MEDIATION THROUGH THE LENS OF TRANSACTION COST ECONOMICS: SUBJECT FIELD AND POLICY IMPLICATIONS¹¹

Abstract. Based on the application of the conceptual core of the economic theory of transaction costs, an explanation is offered of the grounds and possibilities of using mediation in economic disputes as a way to ensure the stability of contracts and continuity of transactions in value chains. The place of mediation among alternative mechanisms of transaction management in the spectrum between the hierarchical and market mechanisms is explained using the conceptual schemes of O. Williamson and C. Menard. The paper shows how mediation differs from involving a third party in transactions and why mediation is most appropriate and in demand for maintaining hybrid institutional agreements, which in this case can be ensured by bilateral mechanisms of transaction management. The paper also shows why the participation of mediators in dispute resolution is not a special case of a trilateral transaction management mechanism, but can be attributed to bilateral mechanisms, despite the independence of mediators from the parties to the dispute. Approaches to determining the economic effects of mediation and identifying the limits of the mediator's competence are disclosed. The role, functions and competences of mediators are considered in the context of problems caused by the incompleteness of concluded contracts. The role of diffuse (in the understanding of F. Hayek) and tacit knowledge and their combination as sources of the need for mediation is emphasized. A description of structural alternatives to mediation is proposed, including voluntary and compulsory mediation in their various forms. It is shown that one of the main problems of voluntary mediation as an element of a hybrid transaction management mechanism is enforcement of the agreements reached. This problem can be solved in various ways, including by switching to mandatory mediation. The experience of using mandatory mediation in antitrust regulation is considered. Issues for further economic research of the new subject area are presented in the context of the economic theory of transaction costs. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Keywords: *hybris arrangements, price mechanism, hierarchy, mediation, mechanisms of governance, transaction cost, dispersed knowledge, tacit knowledge.*

JEL: D02, D23, L14, K21, P23, P28.

¹¹ The article was prepared within the framework of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА).

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПАТЕРНАЛИЗМ ГОСУДАРСТВА

(Часть 2. Эволюция патерналистского государства)

Аннотация. Институциональная структура гуманитарного сектора экономики как важнейшего в формировании человеческого капитала должна соответствовать не только задачам технологического развития, но и социальным потребностям общества. Сегодня возрастает роль институтов патерналистского государства, призванных поддерживать науку, образование, культуру, искусство, здравоохранение. Эти институты, как связанные с наиболее передовыми сферами жизни общества, с одной стороны, особо чувствительны к новым потребностям. С другой стороны, они являются составной частью общей институциональной структуры государства, отдельные элементы которой могут запаздывать в своём развитии и тормозить развитие институтов патернализма. В статье тема патерналистского государства рассматривается как составная часть общей эволюции государства и представлений о нём. Эволюция институтов патернализма и в целом институциональной системы общества показана на сопоставлении трёх концептуальных схем, которые, по сути, близки друг другу. Все они рассматривают государство не просто как совокупность властных структур, но как внутренне связанную форму трёх компонентов — политической власти, экономики и гражданского общества. Это таблица эволюции форм патернализма и его институциональной структуры А.Я. Рубинштейна; картина эволюции государственных устройств различных стран, связанная с четырьмя Левиафанами и возможностями перехода от одного к другому, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона; концептуальная схема структуры посткоммунистических режимов Б. Мадьяра и Б. Мадловича. Такое сопоставление разных подходов подводит к выводу, что современному этапу развития, опирающемуся на «экономику знаний», необходим не просто обладатель человеческого капитала, но субъект социального действия. Поэтому столь важно развитие гуманитарного сектора экономики как основы поддержания техно-гуманитарного баланса в обществе для обеспечения его устойчивого развития.

Ключевые слова: институциональная система, современное государство, патерналистское государство, постсоциалистическое развитие, Деспотический Левиафан, Отсутствующий Левиафан, Обезданный Левиафан, Бумажный Левиафан, патрональная автократия, патрональная демократия, субъект социального действия.

JEL: A12, A13, B00, B15, B52

УДК: 303.022, 303.093.3

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_22_39

© Н.М. Плискевич, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Плискевич Н.М. Специфика российских институтов и патернализм государства (Часть 2. Эволюция патерналистского государства) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 22–39. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_22_39.

FOR CITATION: Pliskevich N. The Specificity of Russian Institutions and State Paternalism (Part 2. Evolution of the Paternalistic State) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 22–39. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_22_39.

Патернализм как элемент государства в широком смысле

Сложно организованная общественная система не может успешно функционировать, если в общую структуру социально-экономических взаимодействий не будет включена совокупность отраслей гуманитарного сектора экономики. Он призван обеспечивать производство благ науки, образования, культуры, искусства, медицины, необходимых для нормального развития и общества. Особой проблемой является специфика создания этих благ, которые носят нематериальный характер. Они не всегда осознаются индивидами как необходимый элемент самой среды существования общества. В случае, если их ценность не воспринимается людьми, облечёнными властью распределять специально предназначенные для финансирования общественно значимых благ средства, производство в данном секторе будет сокращаться. Чтобы этого не произошло, необходима особая институциональная среда, специфические институты поддержки. Такой средой могут быть институты патерналистского государства. Причём государства не в узком смысле слова как государственно-властной конструкции, а как социальной метасистемы «политическая власть — экономика — гражданское общество», дающей возможность «согласования поведения отдельных индивидуумов и их общностей, преследующих различные цели» [Рубинштейн, 2024а. С. 389]¹.

При такой трактовке государства ключевой становится проблема согласования интересов всех трёх компонентов метасистемы. Важно, что это должно быть именно *согласование*, качество которого зависит от степени равенства позиций этих трёх сторон в их диалоге при выработке взаимоприемлемого решения. В целом для элементов триады государства в широком смысле важна уравновешенность действующих в ней сил. Несбалансированность компонентов сказывается на функционировании и всей системы, и её патерналистского компонента, что может приводить к серьезным отрицательным последствиям.

Нарушителем баланса может быть не только властно-политический компонент триады, который часто *de facto* отождествляет собственные интересы с интересами государства. Возможен и перекося в сторону экономического компонента, связанный с резким усилением монополистического капитала и его сращиванием с властными структурами. Это имело место и в США на рубеже XIX–XX вв., и в России на рубеже XX–XXI вв. с появлением так называемых олигархов. Тогда в результате борьбы с этим явлением и гражданского общества, и властей удалось отойти от крайностей этого процесса. А сегодня Д. Аджемоглу и С. Джонсон пишут об аналогичной опасности, грозящей со стороны монополистов в сфере информационных технологий [Аджемоглу, Джонсон, 2024].

Столь же опасны и эксцессы, связанные с появлением различных популистских представлений, особенно если их подхватывает какой-то популист-харизматик, способный повести за собой большинство граждан. В условиях демократии такое большинство может изменить предпочтения в политической системе, направить её по ложному пути. Как отмечал Л. фон Мизес, именно дисбаланс, основанный на активизации такого большинства, стал причиной «всех страданий и бедствий наших дней». Для Мизеса как либерала было неприемлемо, что «большинство божественно и непогрешимо и что поддержка политики многими является доказательством её соответствия общему благу». Он осуждал «диктатуру большинства и жестокое преследование инакомыслящего меньшинства» [Мизес, 2024. С. 144, 145].

Таким образом, на современном этапе развития государства в широком смысле сохраняется угроза его устойчивости. Избежать резких срывов можно только на пути согласования интересов, достижения баланса всех трёх компонентов триады государства как социальной метасистемы, их способности слышать друг друга и находить компромиссные решения, отвергая при этом любые формы насилия — и силовые, и экономические, и информационные. Но достижение такого качества взаимодействия — длительный эволюционный процесс формирования баланса сил между тремя носителями разных типов

¹ О государстве в узком и широком смысле см. в первой части статьи: [Плискевич, 2025].

власти — политической, экономической и гражданского общества. К сожалению, мы не можем сегодня констатировать наличие такого баланса в большинстве государств.

Этот очевидный факт, по сути относящийся к государству в узком смысле слова, даёт аргументы для критики концепции государства в широком смысле. Отторжение вызывает само слово «государство»². Предлагалось даже заменить слово «государственный» на «общественный». Действительно, у Мизеса мы встречаем такие характеристики общества, которые, по сути, демонстрируют общество как образование, соответствующее принципам метасистемы: «...действия, приведшие к общественному сотрудничеству и ежедневно их воспроизводящие, не преследовали и не преследуют ничего, кроме сотрудничества и взаимной помощи друг другу для достижения конкретных единичных целей. Весь комплекс взаимоотношений, созданный этими согласованными действиями, называется обществом. Оно заменяет совместной работой — по крайней мере постижимую — изолированную жизнь индивидов» [Мизес, 2024. С. 135]. Или: «Либерализм стремится к политическому устройству, которое бы обеспечивало ровную работу общественного сотрудничества и поступательное усиление взаимных общественных связей» [Там же. С. 145].

Определение общества как носителя координирующей функции не позволяет определить границы этих координирующих действий. И потому сам Мизес переходит от уровня общества как координатора к уровню государства как структуры, с одной стороны, имеющей чётко ограниченные размеры в пространстве, а с другой — наделённой в этом пространстве не только функциями координатора взаимодействий, но и средствами, позволяющими достигать общественно важных целей. Государство и правительство, подчёркивает Мизес, — не цель, а средство. Насилие, входящее в его функции, не самоцель: «Поскольку государство и правительство предназначены для того, чтобы заставить эту общественную систему надёжно работать, то и определение границ государственных функций должно соответствовать этим требованиям. Единственный критерий оценки законов и методов проведения их в жизнь — это то, насколько эффективно они охраняют общественный порядок, который желательно сохранить» [Там же. С. 685]. Акцент же в характеристиках государства лишь как на предоставленном ему праве на насилие для поддержания порядка для Мизеса представляет собой «излишнюю умственную гимнастику»: «Никто не сомневается в том, что государство имеет достаточно силы, чтобы на своей территории установить тоталитарный режим. Проблема в том, является ли такой режим целесообразным с точки зрения сохранения и функционирования общественного сотрудничества, Относительно этой проблемы никакие изощрённые интерпретации концепций и понятий не принесут никакой пользы. Её должна решать праксеология, а не ложная метафизика государства и права» [Там же. С. 687].

Напомним также, что Ф. фон Хайек особо подчёркивал, что функции государства не ограничиваются властным элементом, необходимым для поддержания порядка. В его функции входит также предоставление членам общества ряда услуг, которые не могут быть оказаны структурами стихийного порядка качественно. И эта функция государства принципиально отличается от его функции принуждения, ибо в данном случае «правительство просто управляет ресурсами, переданными ему в управление», и оно в таком случае «представляет собой одну из многих организаций и, подобно всем остальным, является частью всеохватывающего стихийного порядка» [Хайек, 2024. С. 66].

И эта функция государства как института, предоставляющего разнообразные услуги гражданам, требует создания системы, способной финансировать возможность оказания этих услуг. Й. Шумпетер отмечал, что именно такая финансовая потребность дала толчок процессу формирования государства: «Налог не только способствовал созданию государства, он содействовал его дальнейшему формированию» [Шумпетер, 2025. С. 35]. При этом

² См., в частности, обсуждение статьи А.Я. Рубинштейна [Рубинштейн, 2024b. С. 218–244] в Журнале Новой экономической ассоциации.

для Шумпетера важно, что современное государство — особый институт, отличный как от примитивных образований, так и от социалистически организованных конструкций, покоящихся на смешении сфер социального действия (власти, экономики и общества). Это не просто ещё одно обозначение для «социальной общности» или «социальной организации», где «социализированы все сферы социальной жизни и вся деятельность индивида растворена в социальном целом» [Там же. С. 36]. Он подчёркивает: «Лишь там, где индивидуальная жизнь содержит свой центр тяжести в самой себе, где её смысл заключён в индивиде и его персональной сфере, где реализация личности является самоцелью, может существовать государство как реальный феномен... у распадающейся всеобъемлющей общности сохраняются определённые — всё равно какие — цели, поскольку вновь созданные индивидуальные автономии не могут или не хотят их достичь. Поэтому государство никогда не сможет стать самоцелью, а всегда остаётся лишь машиной для достижения этих общих целей. В силу своей сущности оно как представитель последних противостоит индивидуальным персонификациям самоцелей» [Там же. С. 37–38]. Можно сказать, что такое определение, данное Шумпетером государству в сложный период окончания Первой мировой войны, соответствует и понятию государства в широком смысле, и его задачам по обеспечению стабильного функционирования гуманитарного сектора.

Думается, что в широком смысле государство как социальная метасистема «политическая власть — экономика — гражданское общество» вписывается в представления и Мизеса, и Хайека, и Шумпетера о самореализации внутри общественного целого, ограниченного определённой территорией и обладающего возможностями для оказания общественно значимых услуг находящимся на этой территории индивидам и различным их группам. Тем не менее есть и известная критика этих представлений. Она опирается на обширную литературу, рассматривая государство в узком смысле прежде всего в свете наличия монополии на насилие и злоупотребления этим насилием. По мнению критиков государства как социальной метасистемы, равноправный баланс между тремя её компонентами невозможен, ибо «государства, как правило, довольно легко выходят за пределы отведённой им в теории роли поставщика общественных благ» [Заостровцев, 2024а. С. 238].

А.П. Заостровцев не без основания считает современные государства хищническими. Они различаются, с его точки зрения, только «по степени хищничества, но, как таковое, оно неотделимо от сути их бытия», а потому метасистема «политическая власть — экономика — гражданское общество» может существовать только тогда, когда «нет ничего, кроме государства и вся система общественных отношений складывается из его властного принуждения» [Заостровцев, 2024а. С. 238–239] (см. также [Заостровцев, 2024b]). Эти утверждения подкрепляются аргументированными высказываниями других критиков современного государства, в частности Э. де Ясаи, который характеризует государство как самостоятельный социальный субъект, преследующий собственные интересы. И интересы эти в том, чтобы стать всеохватывающими. В этом — основной пафос книги Ясаи. Но в заключительных её строках он не столь категоричен и, резюмируя крайние результаты этого процесса, он отмечает: «...перспективы любого окончательного решения насущных вопросов в отношениях между государством и гражданским обществом выглядят сомнительными — возможно, это обнадеживает. Если бы стремление государства к самореализации успешно завершилось появлением хорошо управляемого тоталитаризма, человеческие типы, к выращиванию которых такая система приспособлена, скорее всего, быстро разочаровали и обманули бы ожидания государства. Это действительно может оказаться его неминуемым затруднением, точно так же, как неминуемым затруднением гражданского общества, вероятно, является разочарование в государстве» [Ясаи, 2025. С. 398–399].

Критические замечания А.В. Оболонского, касающиеся социальной метасистемы «политическая власть — экономика — гражданское общество», также основываются на критике государства в узком смысле слова в его современном состоянии. Он полагает, что

расширительное толкование государства опасно. Общество нуждается в ограничениях полномочий государства и требует «независимого общественного контроля над государственной машиной», ибо, «как известно, лишь независимый контроль может быть действенным, а не имитационным» [Оболонский, 2024. С. 221]. В результате позиция Рубинштейна представляется Оболонскому двойственной и непоследовательной.

Однако и Рубинштейн отнюдь не считает современное государство соответствующим требованиям сбалансированности трёх компонентов предложенной им метасистемы. Достижение баланса предполагает длительный эволюционный процесс со своими прорывами вперёд и откатами назад. О том, что такой процесс пусть медленно, но идёт, свидетельствует история последних веков в наиболее развитых странах. Хотя многое говорит и о том, что человечество находится скорее в начале этого пути, нежели на его финальной стадии. Что касается России, то сам Рубинштейн подтверждает это, приводя результаты расчётов индекса социальной организации государства (ISOS), разработанного им как измерителя уровня сбалансированности трёх компонентов социальной метасистемы. Чем более уравновешены её элементы, тем выше должна быть величина индекса. На основе данных экспертного опроса ведущих российских экономистов 2023 г. было, в частности, установлено, что более половины респондентов указывают на «низкий уровень» этого индекса в сегодняшней России, меньше трети говорят о его среднем уровне, и лишь немногим больше 15% ответов респондентов позволяет думать о его высоком уровне [Рубинштейн, 2024а. С. 420].

Важность сбалансированности и взаимного уравнивания сил как государства в узком смысле, так и общества для достижения взаимоприемлемых решений лежит в основе конструкции Обузданного Левиафана Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [Аджемоглу, Робинсон, 2021]. Причём как достижение состояния Обузданного Левиафана, так и усилия по удержанию системы в нём — трудный, длительный и достаточно динамичный эволюционный процесс. Чрезмерное силовое давление любого компонента системы из диады Аджемоглу и Робинсона или триады Рубинштейна способно разрушить это равновесие. Собственно, и в современном обществе, отнюдь не благодушно относящемся ко многим действиям власти и особенно такого её элемента, как государственная бюрократия, мы видим попытки обуздания произвола тех, кто в силу своих должностных обязанностей начинает отождествлять себя с государством. И сам Оболонский в своей книге приводит целый ряд документов, свидетельствующих об этом — своего рода кодексов поведения государственных служащих, действующих в таких странах, как США, Великобритания, Канада [Оболонский, 2016. С. 242–434]. Нельзя сказать, что эта мера уже привела к серьёзным качественным сдвигам. Однако нельзя не видеть здесь и начало сложного пути, способного впоследствии дать свой результат.

Разумеется, у современного государства как в широком, так и в узком смысле масса проблем. Но, перефразируя знаменитое высказывание У. Черчилля о демократии, можно сказать, что «государство — наихудшая форма правления, если не считать всех остальных». Поэтому сегодня нужно признать, что от того, как будут развиваться процессы балансирования интересов трёх компонентов социальной метасистемы «политическая власть — экономика — гражданское общество» во многом зависит качество институтов патерналистского государства. А от их качества в современном мире зависит и то, как будет развиваться гуманитарный сектор экономики, и то, будет ли человеческий капитал членов общества соответствовать стоящим перед ними задачам. Будут ли они искать и находить новые формы социального развития, новые способы балансирования различных интересов, или у них возобладает стремление использовать привычные по прошлому опыту методы решения совершенно новых, невиданных ранее проблем.

Следует напомнить слова А.С. Ахиезера, перекликающиеся с концептуальными построениями как А.Я. Рубинштейна, так и Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона: «Широко распространённое представление о “сильном государстве” является результатом... редуцирования

государства до государственного аппарата, который черпает силу из самого себя. Сила state, напротив, определяется силой общества как истинного субъекта. Эта точка зрения не отменяет представления об относительной самостоятельности государства, его способности, кроме всего прочего, превращать силу общества в свою собственную... Сильное государство характеризуется способностью наращивать свой потенциал, опираясь на массовую активность граждан, сочетающих организованную нацеленность на реальную проблему и творческий поиск новых форм организованности, развитие новых форм способностей, развитие форм и содержания диалогизации общества» [Ахиезер, 2008. С. 346–347].

Патерналистское государство и его эволюция

Понятие «патерналистское государство» важно не ограничивать сферой взаимоотношений собственно государственных структур с организациями или отдельными индивидуумами, чья деятельность жизненно важна для нормального функционирования современного общественного организма и создания для этого соответствующих условий. Эти отношения нередко воспринимаются как «субъект — объектные», где субъект — государственная структура, наделённая ресурсами и полномочиями по опеке организаций науки, образования, культуры, искусства, здравоохранения, которые видятся этой структуре (а нередко и самим работникам опекаемых организаций) просто как сфера приложения усилий к деятельности опекаемых объектов.

Такое положение не может удовлетворить современного человека, особенно если он обладает высокой квалификацией. В современном развитом обществе для гармоничного развития важен не только баланс всех составляющих его сил, но и субъектность каждой из них. Само институциональное развитие диктует необходимость изменения форм патерналистской поддержки. Особенно важна патерналистская поддержка отраслей гуманитарного сектора экономики, хотя непосредственно и не приносящих (или практически не приносящих) доход, но способствующих получению качественного человеческого капитала, призванного дать новый импульс как развитию экономики в целом, так и совершенствованию общественных отношений, нахождению более тонких способов согласования разнообразных интересов.

С особой остротой этот вопрос встаёт при переходе к «экономике знаний», в которой востребуется не только особое качество человеческого капитала, но и то, что он должен производиться в объёмах, достаточных для удовлетворения запросов этой экономики. Для успешного функционирования этого сектора в соответствии с новыми требованиями необходимы серьёзные финансовые вложения, которые могут рассматриваться как инвестиции в человеческий капитал всего общества³. То есть современному обществу требуются и современные формы патернализма, новые институты, призванные максимально способствовать развитию опекаемых сфер жизни общества, а тем самым и всему обществу.

³ Как отмечают Д. Хаскел и С. Уэстлейк, сегодня очевидна смена приоритетов в инвестировании с материальных активов на нематериальные: «Новые инвестиции не принимают формы роботов, компьютеров или кремниевых микросхем — хотя... все они играют в этой истории вспомогательную роль. Разновидность же инвестиций, значение которых неуклонно возрастает, — это нематериальные инвестиции: в идеи, знание, произведения искусства, программное обеспечение, бренды, в сети и отношения» [Хаскел, Уэстлейк, 2024. С. 29–30]. Хаскел и Уэстлейк показывают, что ныне расходы на нематериальные инвестиции увеличиваются относительно материальных вложений. Особо важно в контексте данной статьи ещё одно замечание Хаскела и Уэстлейка — о важности вложений в институциональную систему современного общества — его нормы, правила, общедоступные знания и институты: «Как и в случае с физической инфраструктурой создание этих объектов сопряжено с высокими затратами, они используются в течение длительного времени, в большинстве случаев носят публичный и социальный характер и, как правило, способствуют повышению продуктивности экономики» [Там же. С. 236].

Причём не только как целому, но и как совокупности составляющих его индивидов — носителей человеческого капитала того или иного качества.

Таким образом, эволюционная модернизация институтов патернализма — органическая составная часть модернизации всей институциональной среды. Пренебрежение этой частью общей модернизации ведёт к торможению всех процессов и способствует «утечке мозгов», когда страну покидают наиболее необходимые для её прогрессивного развития носители высококачественного человеческого капитала. В такой ситуации оказалась современная Россия. Например, в недавно вышедшей монографии коллектива социологов под руководством Н.Е. Тихоновой [Тихонова и др., 2023] отмечается целый ряд тревожных тенденций в положении профессионалов на российском рынке труда⁴. Среди институциональных аспектов авторы выделяют факторы, ограничивающие прирост и обновление человеческого капитала профессионалов, так или иначе связанные со сложившейся структурой экономики и существующей «институциональной матрицей» [Там же. С. 169]. При этом отмечается значительная доля неудовлетворённых своим положением носителей высококачественного человеческого капитала. Авторы отмечают, что ситуация российских профессионалов не является благополучной в социальном плане, так как «более половины из них не расценивали свой статус в обществе, как и возможности самореализации в работе или часть других очень значимых для них аспектов своей жизни, как хорошие» [Там же. С. 231].

Как отмечает А.Я. Рубинштейн, в процессе модернизации институтов патернализма «остаётся вопрос нормативного стандарта — генерирование знания “как должно быть”, которое, собственно, и определяет характер и конкретные направления институциональной модернизации, подталкивающей индивидуумов к вектору “правильной” стратегии» [Рубинштейн, 2015. С. 14]. При этом нельзя забывать, что многие признанные эффективными институциональные практики развитых стран — результат долгого и нередко противоречивого исторического развития. Они несут в себе следы этой противоречивости: «Западный мир прошёл через долгий период созревания, в ходе которого налаживались взаимосвязи, повышающие эффективность рынков, ...хотя те по-прежнему далеки от идеала» [Норт, 2010. С. 172]. Поэтому Д. Норт особо отмечал важность для стран, вступивших в конкурентную борьбу с более успешными соперниками, создания наиболее благоприятных условий для налаживания взаимопонимания между всеми участниками и экономических, и социальных процессов. Но в то же время при попытках ускоренной реализации такой потребности Норт и его коллеги предостерегали от стратегии ускоренного внедрения уже сложившихся в развитых странах институтов, которые могут быть отторгнуты неподготовленной для них средой принимающих сообществ. Более продуктивной они признают стратегию, связанную с изучением пути, который прошли развитые страны к их современному институциональному состоянию [Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгайт, 2012. С. 33]. О том же пишет и В.М. Полтерович, развивая идею о необходимости выстраивания цепочки промежуточных институтов в соответствии с возможностями общества на каждом этапе развития [Полтерович, 2007].

Эти общесоциальные и общеэкономические потребности отразились и на эволюции форм патернализма, его институциональной структуры. А.Я. Рубинштейн наглядно представил картину этой эволюции в таблице [Рубинштейн, 2015. С. 52; Рубинштейн, 2016.

⁴ В данной монографии под профессионалами понимается социальная группа с особым социальным статусом, которая, с одной стороны, обладает высоким образовательным потенциалом, а значит, способна решать сложные задачи в меняющемся технологическом и социальном мире, но с другой — не обременена при этом организационными проблемами, относящимися скорее к деятельности руководителей или предпринимателей. Хотя эта группа связана со всеми видами экономической деятельности, но значительная её часть занята именно в отраслях, входящих в ареал патернализма государства. Потому приведённые в монографии выводы свидетельствуют о материальном и социальном положении и настрое работающих в этих отраслях.

С. 483], демонстрирующую и соотношение разных концептуальных представлений о патернализме с его формами, и изменения в представленном эволюционном движении важности ценностей свободы, прежде всего свободы выбора⁵. В ней показана эволюция понимания патернализма и реальных патерналистских практик от архаичного представления о всемогущем и всеведущем государстве как единственно способном осуществлять рациональную заботу о гражданах, переходящую на следующих этапах развития в иные формы, отражённые в концепциях мериторного патернализма, либертарианского патернализма, асимметричного патернализма и, наконец, консоциативного патернализма, предполагающего возможность самих граждан участвовать в принятии решений, их затрагивающих.

Таблица 1
Либеральная эволюция патернализма*

	Архаичный патернализм	Мериторный патернализм	Новый патернализм		Консоциативный патернализм
			либертарианский патернализм	асимметричный патернализм	
	S_1	$S_1 < S_2$	$S_2 < S_3^1$	$S_3^1 < S_3^2$	$S_3^2 < S_4$
«Отцовская забота» государства о гражданах					
Концепция множественности «Я»					
Формирование установок «патера» — «правлящее большинство»					
Институты «субсидий и налогов»					
Институты «Nudge»					
Концепция автономных предпочтений «Патера» (нормативный стандарт)					
Формирование установок «патера» — институты консоциативной демократии					

* S — «Ценность свободы». Цифрами обозначено соответствие уровня ценностей свободы в каждой из выделенных форм патернализма (так как в новом патернализме (3) объединены два его вида, то и ценности свободы различаются как S_3^1 и S_3^2).

Источник: Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм. Либеральная эволюция патернализма // Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. СПб.: Алетейя, 2016. С. 483.

При этом Рубинштейн подчёркивает, что если построенную им схему наложить на ось времени, то оказывается, что появление различных версий патернализма упорядочено во времени. Это позволило сформулировать теоретическое утверждение: «...патернализм как часть экономической реальности, развиваясь во времени и пространстве, претерпевает институциональную эволюцию, имеющую ярко выраженную либеральную направленность» [Рубинштейн, 2016. С. 482]. Хотя в реальности выявленный общетеоретический тренд сталкивается с экстерналиями, способными изменить общую траекторию. Особенно

⁵ Думается, что выделенная в данной таблице линия, показывающая последовательность увеличения в обществе важности ценностей свободы, сочетающаяся с появлением всё более развитых форм патернализма, может быть интерпретирована и как линия последовательного увеличения субъектности участников патерналистских отношений, превращения их в «субъект-субъектные».

это касается периодов качественных социально-экономических и политических трансформаций, к каковым, без сомнения, относится и постсоциалистический период.

Предложенную схему интересно положить не только на ось времени. Ведь известно, что и сегодня в различных сообществах, государствах мы встречаем как формальные, так и неформальные институты, не только соответствующие передовым принципам организации экономики и общественной жизни в целом, но и в той или иной степени уживающиеся с элементами, унаследованными от прошлых периодов развития и даже с откровенно архаичными формами. Поэтому интерес представляет сопоставление предложенной Рубинштейном схемы эволюции патерналистского государства со схемами изменений институциональных структур современных обществ. Вместе с тем институциональная система патернализма производна от институциональной структуры, которая утвердилась в той или иной стране на современном этапе её развития. В какой степени общая институциональная структура страны, будучи наложенной на схему институциональной системы патернализма, соответствует критериям его наиболее передовых форм, стимулирует их развитие либо, наоборот, тормозит его?

Если обратиться к предложенной Аджемоглу и Робинсоном концепции разных Левиафанов и наложить её на схему Рубинштейна, то становится очевидным, что наиболее тонкие и современные институты патернализма соответствуют Обузданному Левиафану. Последний «обладает мощью, однако сосуществует с обществом и прислушивается к обществу, а оно, в свою очередь, сохраняет бдительность, желает участвовать в политике и борьбе за власть» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 53].

Само достижение состояния Обузданного Левиафана — результат длительной эволюции, причём в её ходе менялась и степень его «обузданности», происходил переход от одного её уровня к другому, более совершенному⁶. В предложенной Рубинштейном схеме также прослеживается ход этого поступательного движения. Такому варианту развития соответствует представленная в схеме эволюция постархаических институциональных форм патернализма, последовательно отражаемых в концепциях от мериторного до консоциативного патернализма и фиксирующая формирование всё новых и новых установок «патера» и появление соответствующих институтов.

Укоренение новых форм патернализма, продвижение его к более совершенным видам является свидетельством движения всего общества к состоянию Обузданного Левиафана или упрочения его позиций в «узком коридоре». Процессы социокультурного развития играют в этом движении ключевую роль, а потому столь важны институты, специально предназначенные для приращения научного, культурного, образовательного и иных потенциалов. Не случайно в Кембриджской истории капитализма подчёркивается важность институтов, специально нацеленных на производство и распространение знаний, достижения ими высокого уровня. Этот уровень «формируется благодаря специальным институтам... Те страны, которые либо не имели, либо лишились этого потенциала в сфере знаний, а также институтов, его укрепляющих, потерпели неудачу. Наоборот, успех ждал те государства, которые смогли выстроить и усилить этот потенциал и институты» [Кембриджская история капитализма..., 2021. С. 169].

⁶ И сегодня в разных странах, входящих, по мнению Аджемоглу и Робинсона, в «узкий коридор» Обузданного Левиафана, степень его «обузданности» различна. В рамках предложенной ими схемы можно предположить, что разные страны находятся на разном расстоянии от той зыбкой грани, которая отделяет этот коридор от сфер господства Деспотического или Отсутствующего Левиафанов. И само это положение накладывает свои специфические черты на действующие в них нормы и правила, т.е. на специфику институциональной системы. К тому же на пути к Обузданному Левиафану и даже в ситуации, когда почти удалось достигнуть этого состояния, возможны разного рода экстерналии, препятствующие позитивному развитию процесса и даже способные повернуть его вспять. Особо опасны так называемые «промежуточные выгодоприобретатели», стремящиеся законсервировать процесс развития в выгодной для них точке в ущерб всему обществу [Hellman, 1998].

Проблема сочетаемости формальных и неформальных норм и правил особенно ярко проявилось в последние десятилетия в странах, осуществляющих постсоциалистические преобразования. Во многих они сопровождаются фактическим отторжением или искажением самой сути воспринимаемых институтов, в том числе относящихся к гуманитарной сфере. Поэтому углублению представления о проблемах, возникающих при попытках привнесения в страну современных институтов патернализма в условиях постсоциалистической трансформации может способствовать сопоставление схемы эволюции институтов государственного патернализма Рубинштейна с выстроенной Мадьяром и Мадловичем треугольной концептуальной схемой путей трансформации постсоциалистических режимов.

Важнейшей исходной точкой трансформации здесь является то, что при формировании этих режимов вся институциональная конструкция строилась на слиянии политической, экономической и социальной сфер социального действия, объединённых жёстким руководством партии-государства [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 1. С. 104–115]. В сфере патернализма это достаточно ярко проявилось в стремлении к монополизации источников жизнеобеспечения населения. Например, изначально были выделены так называемые «общественные фонды потребления», из которых финансировались такие сферы, как образование, культура, здравоохранение. Государство в значительной степени дотировало расходы на содержание общественного транспорта и ЖКХ. Этим, в частности, объяснялось и то, что уровень непосредственно начисляемых зарплат мог быть существенно занижен (см., например: [Плискевич, 2010]). При этом, так как вся система была выстроена иерархически, то возможности доступа ко всем этим благам связывались не столько с денежными ресурсами, сколько с местом в иерархической системе. Соответственно, появлялось расхождение в доступности благ, выделяемых государством формально безвозмездно, но по иерархическому принципу, и недополучением всеми работниками доходов в виде зарплаты из-за существования якобы *равно* доступных «бесплатных» благ. Это породило и двойственность отношения к государству как к «патеру», сохранившуюся и в постсоциалистических обществах. Так, в России многие социологические опросы прошедших десятилетий устойчиво отмечают, что, с одной стороны, до 80% граждан считают, что в трудных ситуациях им должно помогать государство (т.е. сохраняется предшествующий стереотип о «бесплатности» важных сфер жизнеобеспечения). Но, с другой стороны, те же 80% не верят в то, что смогут получить от государства эту помощь и надеются лишь на родственников и друзей.

Разным странам с разной «досоциалистической» историей развития в ходе постсоциалистической трансформации с разной степенью успешности удаётся преодолеть последствия этой черты прежнего режима. При этом, согласно Мадьяру и Мадловичу, важно, что сложившаяся на уровне сознания акторов «степень разделения сфер социального действия жёстко закреплена в обществе: она не может легко измениться сама по себе без целенаправленного вмешательства и последовательных реформ» [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 1. С. 117]. Поэтому начатые постсоциалистические преобразования, как правило, означали изменение формального институционального устройства, но не затрагивали неформальных представлений о том, в чём состоит суть разделения сфер социального действия. В результате в значительной части постсоциалистических стран была воспроизведена система «власть-собственность», хотя и не в той форме, в которой она господствовала в социалистический период их развития. Демократические процедуры в таком обществе становятся инструментами, способствующими дальнейшему слитному существованию этих сфер. В результате привнесённые из обществ либеральной демократии формальные институты либо вскоре начинают законодательно корректироваться в соответствии с господствующими представлениями, либо продолжают действовать привычные неформальные связи, либо побеждает неформальная интерпретация

воспринятых извне формальных норм⁷. Причём всё это имело своим следствием сужение сферы свободы выбора, ограничение её жёсткими рамками, а потому происходили рост атомизации общества, его отчуждения от власти, потеря гражданами желания обрести статус субъекта социально-экономических процессов.

В России о возрождении системы «власти-собственности» писали уже в конце 1990-х — начале 2000-х гг. [Нуреев, Рунов, 2002]. Для этой системы ключевым является стремление со стороны власти к установлению контроля над собственностью, а значит, к установлению контроля над развитием любых форм общественной жизни, требующих экономической поддержки. Отсюда — контроль и даже блокирование идущих «снизу» инициатив, вырастающих из потребностей отдельных граждан или их групп, объединяющихся в разнообразные сообщества, сетевые структуры, благотворительные или волонтерские организации. А это означает преобладание институциональных форм архаичного патернализма как форм «отцовской» заботы государства о гражданах и в целом о гуманитарном секторе экономической структуры общества (подробнее об архаичных формах патернализма см.: [Плискевич, 2018; Плискевич, 2019]).

В то же время концентрация внимания государственных органов на кажущихся им рациональными в деле общей стабилизации общества архаичных формах патернализма создаёт множество проблем. Прежде всего, в современном быстро развивающемся мире гуманитарный сектор экономического и социального развития уже стал ведущей силой. Для его развития, соответствующего многообразию постоянно возникающих всё новых и новых задач, требуются огромные средства. Но в системе приоритетов, выработанных в лоне тех или иных государственных структур, многие из этих задач или не считаются важными, или им не уделяется достаточного внимания, или их просто не замечают либо игнорируют. Поэтому и наука, и образование, и культура, и здравоохранение фактически не оказываются среди приоритетных при формировании государственного бюджета. Но современный мир не может развиваться без проявления личной инициативы как в научно-технической, так и в культурной, образовательной и других областях. Она может принести огромные социально-экономические результаты только в атмосфере подлинно либеральной свободы развития личности как «свободы для...», желания быть субъектом, а не объектом идущих процессов, ответственным за свои действия. Но именно такую личность стремится «обуздать» архаичный патернализм, в отличие от современных форм патернализма, открывающих перед ищущими личностями новые возможности.

Действия по «корректировке» ранее принятых законов или их неформальная интерпретация, сужающие область свободы тех, кто работает в гуманитарном секторе экономики, особо чувствительна для них. Так, занятые в сфере образования прекрасно осознают, что успех человека в новых технологических условиях зависит от качества человеческого капитала. Поэтому важнейшей целью современного образования становится развитие у учащихся таких качеств, как умение свободно и нестандартно мыслить, проявлять активность в любых видах деятельности, в том числе в предпринимательстве, обладать навыками использования новых технологий, равно как и выработки новых организационных форм, востребованных постоянно изменяющейся технологической ситуацией, стремлением к научно-технологическому лидерству. Однако педагогам, ограниченными канонами старой институциональной среды, трудно дать своим подопечным импульс к приросту человеческого капитала такого качества. Многие исследования констатируют, что сложившаяся система управления образованием несёт для занятых в ней рост бюрократической нагрузки, препятствует их самосовершенствованию в профессии, крайне сужает свободу

⁷ Поэтому в треугольной концептуальной схеме постсоциалистического развития, предложенной Мадьяром и Мадловичем, область наибольшей силы неформальных институтов и отношений находится близ вершины треугольника, символизирующей патрональную автократию.

творчества преподавателя (от дошкольных учреждений до вузов), не говоря о проблемах с оплатой их труда [Абанкина, Семенова, 2023; Зборовский, Амбарова, 2019].

Первоначальные идеи, закладывавшиеся в проекты реформирования отечественной системы образования, не только звучавшие в виде деклараций, но и нашедшие отражение в принятых законах, под воздействием общей институциональной среды подверглись искажениям. В результате, например, законы, предполагавшие развитие автономии университетов, оказались внешне «очень похожи на те, которые установлены в европейских странах, но, по существу, они не предоставляют обещанной свободы в принятии стратегических решений и распределении ресурсов, не защищают от мелочной опеки и неусыпного патерналистского контроля, не гарантируют устойчивого долгосрочного развития» [Абанкина, Семенова, 2023. С. 115]. Но такое «упрощённое», скорректированное заимствование институциональных структур из наиболее успешных в социально-экономическом развитии стран по сути не соответствует современным формам патернализма. Более того, оно усугубляет и без того обострившиеся проблемы, связанные с необходимостью соблюдения в обществе техно-гуманитарного баланса как глубинного фактора поддержания устойчивости общественной конструкции. Мы же «наблюдаем отставание институциональных реформ, несомасштабность сложившегося проектного менеджмента в крупных вузах росту финансовых ресурсов, слабую чувствительность вузов к внешним угрозам: финансово-экономическому кризису, демографическому спаду, снижению платёжеспособного спроса, особенно в регионах России» [Там же. С. 116]. Такое несоответствие заявленных целей реформирования образовательной системы и реальной практики не может не сказаться и на результатах её функционирования. Д. Норт особо отмечал важность создания в современных условиях сложной структуры институтов и организаций, обобщающих и применяющих разнообразные знания: «...рост объёма знания зависит от способствующих ему вспомогательных институтов, причём этот процесс ни в коем случае не является автоматическим» [Норт, 2010. С. 143].

Мы сталкиваемся с тем, что в России не произошло разделение сфер социального действия. В ней продолжают господствовать архаичные формы патернализма как производные от общей ситуации со сложившимся на данном этапе общественного развития положением страны в достаточной близости от полюса «патрональной автократии» в выделенном Мадьяром и Мадловичем концептуальном пространстве постсоциалистических режимов.

Заключение. Так какой же Левиафан?

Институциональную структуру современной России трудно назвать соответствующей тем задачам, которую поставил не только перед нашей страной, но и перед миром в целом новый рывок научно-технического прогресса. Как и во времена предыдущих рывков, в такой ситуации нарушается техно-гуманитарный баланс, требующий для сохранения устойчивости общества соответствия новым технологическим требованиям уровня его культурно-психологической регуляции [Назаретян, 2017]. Эта разбалансированность наблюдается сегодня во всём мире и выливается во многие социальные конфликты. Но её преодоление лежит на пути не возрождения старых стабилизационных практик, связанных с ограничениями и ужесточениями жизни общества, а, напротив, поисков новых, более сложных стабилизационных компонентов, требующих повышения инициативы и ответственности каждого за свои действия и их последствия, а значит, расширения для каждого индивида пространства свободы как «свободы для». Новым научно-технологическим вызовам может соответствовать только новая ответственная свободная личность, обретающая свою подлинную субъектность во взаимоотношениях и с окружающими её

индивидами, и с отдельными сообществами, и с независимыми общественными структурами, и со структурами государственной власти.

Формированию всё более широкого круга таких личностей и призвана содействовать сфера гуманитарного сектора общей экономической системы страны. Немалую роль в успешности её функционирования играют современные формы патернализма, предполагающие как институциональные, так и финансовые возможности не только для создания благоприятных условий развития личности как субъекта социального действия, но и для укрепления баланса между такими компонентами жизни социума, как политическая власть, экономика и гражданское общество.

Собственно, такую ситуацию описывают Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, характеризуя Обузданного Левиафана, в котором государственная власть тем сильнее, чем сильнее её оппонент-партнёр, т.е. общество. Напряжение, вызванное новым рывком научно-технического развития во многих странах, — и находящихся в «узком коридоре» Обузданного Левиафана, и пребывающих в ситуациях Деспотического или Отсутствующего Левиафана, — требует дополнительных усилий со стороны как государственной власти, так и общества в поисках новых путей и форм поддержания баланса.

Говоря о странах, проходящих постсоциалистическую трансформацию, нельзя не отметить их особое положение в структуре Аджемоглу и Робинсона. Ведь все эти страны пережили на рубеже 1980–1990-х гг. слом старой государственной структуры, фактически произошёл её развал или крайнее ослабление. И тут нельзя не обратиться ещё к одному Левиафану в системе Аджемоглу и Робинсона, как правило, не упоминаемому при её рассмотрении. Это так называемый Бумажный Левиафан, который характеризуется ситуацией крайнего ослабления сил как государства, так и общества (рис.1). Хотя в предложенной ими схеме этот Левиафан и располагается по отношению к «узкому коридору» со стороны Деспотического Левиафана, но власть в нём слаба, непоследовательна, часто не имеет возможностей воздействия на развитие разных процессов в тех или иных частях системы. В результате деспотизм в таких странах дезорганизован и хаотичен. Но и общество не имеет развитых структур самоорганизации, а потому его действия столь же хаотичны и дезорганизованы. Бумажный Левиафан сочетает в себе характеристики Деспотического Левиафана со слабостями Отсутствующего Левиафана, с тем, что политическая власть в нём не сдерживается обществом. «Он репрессивен, но не силен. Он слаб сам по себе и ослабляет общество» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 467]. Фундаментальной чертой для него является то, что он не контролируется обществом, которое продолжает оставаться слабым, дезорганизованным и сбитым с толку» [Там же. С. 502]. Эти хаотичность и дезорганизованность провоцируют при укреплении соответствующих тенденций переход Бумажного Левиафана в состояние либо Деспотического, либо Отсутствующего, либо удержание в положении при котором «слабость государства поддерживается своеобразной организацией общества», основанной на традиционной для него «клетке норм», как, например, в Индии [Там же. С. 501].

Нельзя сказать, что такое состояние комфортно для элит, имеющих достаточно воли к власти. Однако Аджемоглу и Робинсон указывают на две причины, по которым они предпочитают поддерживать состояние Бумажного Левиафана. Во-первых, любые импульсы к развитию, особенно мобилизационного типа, также являются мощным толчком к одновременному развитию и государства, и общества. И если элиты не уверены, что смогут подавить любое недовольство со стороны общества и сохранить свою власть, не допустив к ней соперников, то сами эти импульсы предвещают для них проблемы.

Во-вторых, важную причину поддержания состояния Бумажного Левиафана Аджемоглу и Робинсон видят в том, что «недостаточная способность государства иногда становится мощным инструментом в руках беспринципных лидеров» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 473]. Состояние Бумажного Левиафана открывает для властвующих

Рис. 1. Бумажный Левиафан

Источник: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021. С. 501.

элит и их приближённых возможности получать выгоду от принятия законов по своему усмотрению. Но то, что Бумажному Левиафану при этом не удастся построить настоящее государство, — палка о двух концах для их граждан. Такие государства и деспотичны, и качественно не исполняют такие, например, свои функции, как надзор за исполнением законов, разрешение различных споров, оказание общественных услуг и т.д.

Бумажный Левиафан не только плох для свободы, но и, отмечают Аджемоглу и Робинсон, катастрофичен для экономического процветания. Они показывают это на примерах ряда стран Латинской Америки и Африки. Однако тут стоит обратить внимание и на положение в социалистических странах конца 1980-х гг. Вынужденные развиваться в условиях нарастающих научно-технических изменений второй половины XX в., требующих включения как в производство, так и в сферы, необходимые для обороны, всё более широких масс населения, обладающих человеческим капиталом, адекватным новым условиям, а значит, с всё большей потребностью в индивидуальной свободе, эти государства постоянно допускали новые и новые послабления, подтачивающие Деспотического Левиафана. В результате сила его слабела, хотя и о силе самоорганизации общества говорить не приходилось. То есть постепенно складывалась ситуация, характерная именно для Бумажного Левиафана — слабое государство против слабого общества. Поэтому представляется, что состояние Бумажного Левиафана можно распространить и на ситуацию в странах «развитого социализма» на поздних его этапах. Сам факт, что режимы в этих странах рухнули при начальных попытках их модернизации, свидетельствует об этом.

Возникает вопрос: к какому из Левиафанов можно отнести режимы, складывающиеся в процессе постсоциалистической трансформации. В первой части нашей работы мы уже приводили схему треугольника концептуального пространства эволюции постсоциалистических стран Мадьяра и Мадловича [Плискевич, 2025. С. 27]. Рассуждения венгерских учёных связывались с той или иной силой государства и общества и не предполагали сильных

анархических проявлений, присущих Отсутствующему Левиафану. Поэтому упомянутый треугольник можно представить как пространство возможных путей от Деспотического к Обузданному Левиафану. Этим двум состояниям соответствуют вершины треугольника «коммунистическая диктатура» и «либеральная демократия». Однако в треугольнике присутствует и третья вершина — «патрональной автократии». Эта вершина символизирует режим, в котором превалируют неформальные институты, они служат поддержанию власти верховного «патрона», искажают формальные институты в условиях слабого атомизированного общества, не способного этому противостоять. Указанная вершина треугольника в максимальной степени концентрирует в себе свойства Бумажного Левиафана.

Во-первых, здесь присутствуют авторитарные и даже во многом тоталитарные режимы, использующие рынок. Ярким представителем такого пути является Китай. Страны такого типа тяготеют к правой стороне треугольника, обозначенной как «диктатура с использованием рынка» и находящейся между вершинами «коммунистической диктатуры» и «патрональной автократии».

Во-вторых, страны, стремящиеся достичь вершины «либеральной демократии», и при этом применяющие в своей повседневной практике преимущественно формальные институты, тяготеют к стороне треугольника между коммунистической диктатурой и либеральной демократией (в какой-то степени это напоминает двумерную схему гибридных режимов).

В-третьих, страны, где в той или иной степени господствуют неформальные институты, располагаются вдоль стороны «патрональной демократии» и в той или иной степени удаления от ограничивающих её вершин — «либеральной демократии» и «патрональной автократии». Таковых в схеме Мадьяра и Мадловича большинство. Место России (по состоянию на 2019 г.) определено венгерскими учёными по сравнению с другими странами в наибольшей близости к вершине «патрональной автократии» и примерно в равном удалении от сходящихся в ней сторон «патрональной демократии» и «диктатуры с использованием рынка». Кроме того, венгерские ученые представили траектории движения рассматриваемых ими стран в пространстве треугольника, начиная с позднесоциалистического периода и до конца 2010-х гг., и продемонстрировали, что путь практически всех рассматриваемых стран не был прямым [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 541–642].

Сопоставив две концептуальные структуры развития (Аджемоглу и Робинсона, с одной стороны, и Мадьяра и Мадловича — с другой), можно сказать, что в постсоциалистических странах оно происходит в треугольном пространстве Мадьяра и Мадловича. Однако само различие в положении рассматриваемых стран в этом пространстве, степень их удалённости от концептуальных вершин треугольника и его сторон даёт основание утверждать, что пока постсоциалистическое развитие каждой из них не завершилось, — ни у общества, ни у государства не хватает сил как для полноценного самоутверждения, так и для эффективного сопротивления оппоненту (у государства — для подавления оппозиционных тенденций без помощи насилия, у общества — для эффективного контроля за действиями государства и противодействия его деструктивным движениям). Поэтому нельзя говорить о том, что рассмотренные Мадьяром и Мадловичем постсоциалистические страны достигли «узкого коридора» Обузданного Левиафана, хотя и освободились от власти Деспотического Левиафана.

Естественно стремление общества вывести его на дорогу к Обузданному Левиафану. Однако выбор такого пути зависит от многих факторов. Как подчёркивают Аджемоглу и Робинсон, универсального способа перехода в этот коридор нет, как нет и единственной двери для входа в него. Наиболее сложная ситуация — в случае Бумажного Левиафана. Она состоит в дихотомии: усилении власти либо государства, либо общества. Вариант однозначного выбора возможен в случае вызванного каким-либо кризисом мобилизационного

эффекта, в результате которого общество обретает силу как побочный эффект попытки усиления государства (либо наоборот) [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 587–588].

В целом же и современное состояние различных обществ, и их шансы войти в «узкий коридор» Обузданного Левиафана бесконечно многообразны и не фатально безнадежны. Свою роль играют тут и зависимость от предшествующего развития, и осознание элитой (хотя бы её частью) критичной важности для стабильного развития страны создания условий, необходимых для достижения, а затем и поддержания техно-гуманитарного баланса в обществе (что, собственно, и лежит в основе конструкции Обузданного Левиафана). Перспективы каждой страны определяются не только её уникальной историей, но и «типами коалиций и возможными компромиссами, а также точным балансом власти между государством и обществом» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 587].

Обратившись к российской ситуации, становится очевидным, что эту задачу невозможно решить без реального совершенствования всех сфер гуманитарного сектора социально-экономического развития, без соответствующих запросам времени современных форм патернализма. Только на этом пути возможно появление массового субъекта социального действия как истинного двигателя и политических, и экономических, и социальных процессов.

Post scriptum. В 1930 г. — году «великого перелома» — Юрий Олеся в своих дневниковых заметках упоминал о желании написать бытовую реалистическую пьесу о процессах, которые он наблюдал вокруг и которые его волновали. Один из намеченных им тезисов звучал так: «Нельзя строить государство, одновременно разрушая общество» [Олеся, 1999. С. 40]. Не эта ли ошибка в государственном строительстве откликается нам сто лет спустя?

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абанкина И.В., Семенова К.А. (2023). Образование: инвестиции в будущее [Abankina I.V., Semenova K.A. (2023). Education: Investments in the Future] // *Гуманитарный сектор патерналистского государства* / Под ред. А.Я. Рубинштейна. — СПб.: Алетейя. С.108-151.
- Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). Власть и прогресс: наша тысячелетняя борьба за технологии и процветание. [Acemoglu D., Johnson S. (2024). Power and progress: our thousand-year struggle over technology and prosperity]. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор [Acemoglu D., Robinson J. (2021). The narrow corridor]. — М.: АСТ.
- Ахиезер А.С. (2008). Человек в поисках полноты бытия [Akhiezer A.S. (2008) Man in Search of the Fullness of Being] // *Труды*. Т. 2. — М.: Новый хронограф, 2008. С. 11–384.
- Заостровцев А.П. (2024а). Государство: хищническая природа против гражданского общества [Zaostrovtshev A.P. (2024). State: Predatory nature vs. civil society] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4. С. 237-244.
- Заостровцев А.П. (2024б). Государство благосостояния: великодушие или хищничество? [Zaostrovtshev A. (2024b). Welfare State: Generosity or Predatory?] // *Вопросы теоретической экономики*. 2024. №4. С. 22–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44 DOI: 10.31737/22212264_2024_4_237-244
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2019). Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах [Zborovsky G.E., Ambarova P.A. (2019). The Dream of a Good Education: Contradictions in the Development of Educational Communities in Russian Universities] // *Мир России*. № 2. С. 98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124.
- Кембриджская история капитализма. в 2 т. Т. 2 Распространение капитализма: 1848 — наши дни (2021). [The Cambridge History of Capitalism in 2 vols. Vol. 2 The Spread of Capitalism: 1848 — Today (2021).] / Под ред. Л. Нила, Дж. Уильямсона. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. В 2 т. [Magyar B., Madlovics B. (2022). The anatomy of post-communist regimes. A conceptual framework. In 2 v.]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Мизес Л. фон (2024). Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории [Mises L. von. (2024). Human action. A treatise on economics]. — М., Челябинск: Социум.

- Назаретян А.П. (2017). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании* [Nazaretyan A.P. (2017). Non-linear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting]. — М.: Аргамак — Медиа.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений* [North D. (2010). Understanding the Process of Economic Change]. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012). *В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности* [North D., Wallis J., Webb S., Weingast B. (2012). In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activity]. — М.: Изд. дом ВШЭ.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. (2002). Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? [Nureyev R.M., Runov A.B. (2002). Back to private property or forward to private property?] // *Общественные науки и современность*. № 5. С.5-23.
- Оболонский А.В. (2016). *Этика публичной сферы и реалии политической жизни* [Obolonskiy A.V. (2016). Ethics of the Public Sphere and the Realities of Political Life]. — М.: Мысль.
- Оболонский А.В. (2024). Является ли Российское государство патерналистским? (К вопросу о концепции А.Я. Рубинштейна) [Obolonsky A. V. (2024). Is the Russian state really paternalistic? (On the concept of A.Ya. Rubinshtein)] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4. С. 218–226. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_218-226
- Олеша Ю. (1999). *Книга прощания* [Olesha Yu. (1999). Book of Farewell]. — М.: Вагриус.
- Плискевич Н.М. (2010). «Система низких зарплат» — институциональная ловушка постсоциалистической экономики [Pliskevich N.M. (2010). «The system of low wages» — an institutional trap of the post-socialist economy] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5. С. 125-147.
- Плискевич Н.М. (2018). Архаичный патернализм как органическая часть системы «власти-собственности» [Pliskevich N.M. (2018). Archaic paternalism as an organic part of the “power-property” system] // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 17-32.
- Плискевич Н.М. (2019). Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? [Pliskevich N.M. (2019). Archaic institutions and archaic paternalism: is there a connection?] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 100-115. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00008.
- Плискевич Н.М. (2025). Специфика российских институтов и патернализм государства (Часть 1. Государство в узком и широком смысле) [Pliskevich N. (2025). The Specificity of Russian Institutions and State Paternalism (Part 1. The State in the Narrow and Broad senses)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 23–36. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_23_36.
- Полтерович В.М. (2007). *Элементы теории реформ* [Polterovich V.M. (2007). Elements of the Theory of Reforms.]. — М.: Экономика.
- Рубинштейн А.Я. (2015). *Институциональная эволюция патернализма: Научн. докл.* [Rubinstein A.Ya. (2015). Institutional evolution of paternalism. Scientific report]. — М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А.Я. (2016). Социальный либерализм. Либеральная эволюция патернализма [Rubinstein A.Ya. (2016). Social Liberalism. Liberal Evolution of Paternalism] // *Социальный либерализм*. Под ред. А.Я.Рубинштейна, Н.М.Плискевич. — СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А. Я. (2024а). *Общая теория опекаемых благ: Учеб.* [Rubinstein A.Ya.(2024а). General Theory of Patronized Goods. Textbook]. — СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А.Я. (2024б). Социальная организация государства: экономическая теория и социологические измерения [Rubinstein A.Ya. (2024b). Social organization of the state: The problem of balance] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4. С. 196–217. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_196-217.
- Тихонова Н.Е., Латов Ю.В., Латова Н.В., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. (2023). *Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы* [Tikhonova N.E., Latov Yu. V., Latova N.V., Karavay A.V., Slobodenuk E.D. (2023). Human Capital of Russian Professionals: Status, Dynamics, Factors]. — М.: ФНИСЦ РАН.
- Хайек Ф. фон (2024). *Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики* [Hayek F. von (2024). Law, legislation and liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy]. — М., Челябинск: Социум.
- Хаскел Д., Уэстлейк С. (2024). *Капитализм без капитала. Подъем нематериальной экономики* [Haskel J., Westlake S. (2024). Capitalism without Capital. The Rise of the Intangible Economy]. — М.: Издательский дом ВШЭ.
- Шумпетер Й. (2025). Кризис налогового государства [Schumpeter J.A. (2025). Die Krise des Steuerstaates] // Шумпетер Й. (2025). *Кризис налогового государства. Социология империализмов*. — М.: Издательский дом ВШЭ.
- Ясаи Э. де (2025). *Государство* [Jasay A. de (2025). The State]. — М.: ИРИСЭН.
- Hellman J. (1998). *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Tran sition* // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203-234.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

senior researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

THE SPECIFICITY OF RUSSIAN INSTITUTIONS AND STATE PATERNALISM (PART 2. EVOLUTION OF THE PATERNALISTIC STATE)

Abstract. The current stage of scientific and technological development makes the factor of compliance with new tasks of the institutional structure of the humanitarian sector of the economy especially significant as the most important in the formation of human capital, meeting not only technological but also social needs of society. The refore, the role of institutions of paternalistic state, designed to support science, education, culture, art, and health care, is increasing. These institutions, as associated with the most advanced spheres of society, on the one hand, are especially sensitive to all newly emerging needs. But on the other hand, they are an integral part of the general institutional structure of the state, individual elements of which may lag in their development and, accordingly, slow down the development of institutions of paternalistic support of the humanitarian sector. In the article, the topic of paternalistic state of the humanitarian sphere of the economy is considered as an integral part of the general evolution of the state and ideas about it. The evolution of institutions of paternalism and the institutional system of society as a whole is shown by comparing three conceptual schemes that are essentially close to each other. All of them consider the state not just as a set of power structures, but as an internally connected form of three components — political power, economy and civil society. These are: the table of evolution of forms of paternalism and its institutional structure by A. Ya. Rubinstein; the picture of the evolution of state structures of various countries, associated with the four Leviathans and the possibilities of transition from one to another by D. Acemoglu and J. Robinson; the conceptual scheme of the structure of post-communist regimes by B. Magyar and B. Madlovich. Such a comparison of different approaches leads to the conclusion that the modern stage of development as an information, digital economy, “knowledge economy” requires not just the owner of human capital that meets the needs of the time, but is not an object, but a subject of social action. Therefore, the development of the humanitarian sector of the economy is so important as the basis for maintaining the techno-humanitarian balance in society to ensure its sustainable development.

Keywords: *institutional system, modern state, paternalistic state, post-socialist development, Despotic Leviathan, Absent Leviathan, Tamed Leviathan, Paper Leviathan, patronal autocracy, patronal democracy, subject of social action.*

JEL: A12, A13, B00, B15, B52.

В.Л. Тамбовцев

*д.э.н., профессор, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (Москва)*

СВОЙСТВА ИНСТИТУТОВ КАК ПРЕНЕБРЕГАЕМЫЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Как любые объекты институты обладают некоторыми свойствами, которые влияют на их функционирование, что, в свою очередь, сказывается на поведении индивидов. Отдельные свойства институтов упоминаются и анализируются в большом числе исследований как в экономической науке, так и в других социальных науках. Однако работы, специально посвящённые той или иной группе свойств, фактически отсутствуют. Задачами статьи является разработка и обоснование типологии свойств институтов, краткий обзор имеющихся исследований отдельных из этих свойств, а также выявление актуальных направлений, в которых изучение свойств институтов и составляющих их элементов ещё не проводилось либо находится на ранней стадии. Для этого разграничены свойства институтов как подсистем более общих систем и свойства элементов института как относительно обособленной системы, обсуждены свойства (функции), не только присущие любым институтам, но и те, которыми обладают лишь некоторые виды институтов, а также обсуждены свойства таких элементов институтов, как их адресаты и гаранты, с одной стороны, и правила поведения адресатов и гарантов — с другой. Выводы из проведённого анализа завершают статью.

Ключевые слова: институты, элементы институтов, свойства, функции.

JEL: D02, K00

УДК: 303.01, 303.04, 330.101

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_40_54

© В.Л. Тамбовцев, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамбовцев В.Л. Свойства институтов как пренебрегаемый объект исследования // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 40–54. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_40_54.

FOR CITATION: Tambovtsev V.L. Institutional Properties as a Neglected Unit of Analysis // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 40–54. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_40_54.

Введение

Исследования институтов количественными методами приобрело значительные масштабы в начале 1990-х гг., после того как Д. Норт в речи, произнесённой по случаю вручения ему Премии памяти А. Нобеля, подчеркнул их важность для анализа экономики (institutions matter): «Когда транзакции дорогостоящи, институты имеют значение. А транзакции дорогостоящи всегда» [North, 1994. Р. 360]. Если значимость отдельных экономических институтов, например, законов, определяющих уровни налогообложения различных субъектов и факторов, никогда не вызывала каких-либо сомнений, то подчёркивание влияния на экономику всей совокупности институтов, действующих в различных сферах общественной жизни, привлекало внимание исследователей к новому объекту изучения — институциональной среде национальных экономик.

Одной из первых задач работ в этой области стало подтверждение или опровержение упомянутого тезиса о том, что институты имеют значение. Решение такой задачи требовало количественной оценки влияния совокупности институтов на те или иные показатели экономической динамики, что, очевидно, означало необходимость *измерения* этой совокупности. В ранних исследованиях [Knack, Keefer, 1995; Keefer, Knack, 1997], в силу отсутствия непосредственных измерителей институциональной среды как следствия её ненаблюдаемости, при эконометрическом моделировании использовались переменные, которые косвенно отражали социально-экономические последствия функционирования совокупности институтов национальных экономик. Такого рода последствия стали часто именоваться «качеством институтов», а оценка последнего различными интегральными индикаторами приобрела общепринятый характер [Kuncic, 2014]. Возникающие в этой связи методические и методологические трудности достаточно подробно охарактеризованы в литературе, проанализированной в [Тамбовцев, 2021a], и на сегодняшний день ситуация радикально не изменилась.

Сложности включения институциональных факторов в экономические модели нашли отражения в дискуссии середины 2010-х гг. относительно измерения институтов. Анализ её результатов привёл к выводу, что «измерить институт как целое в принципе невозможно: имеет смысл измерять те или иные свойства института, результаты его воздействия на поведение людей, а также его отдельные компоненты, — их свойства, а также результаты функционирования механизма инфорсmenta. При этом важно подчеркнуть, что как свойства института, так и результаты его воздействия на поведение сами вполне могут быть конструктами, или латентными переменными, выражающими (неоднозначный) ряд наблюдаемых феноменов — свойств, отношений и объектов, так что каждая из таких переменных может быть самостоятельным объектом исследования» [Тамбовцев, 2021b. С. 199].

Последующее рассмотрение этих вопросов показало, что тематика свойств, которыми обладают институты, не получила пока систематического детального анализа. В литературе упоминаются и исследуются многие характеристики институтов, одни часто, другие лишь изредка, можно найти также различные классификации свойств и функций институтов, что в целом, однако, не позволяет описать свойства институтов как многомерный объект измерения, сдерживая построение адекватной системы измерителей институтов и, тем самым, их углублённого количественного изучения.

В задачи данной статьи не входит детальный анализ всех совокупностей подходов, представленных в литературе, относительно затрагиваемых свойств институтов, в ней решаются менее масштабные задачи — выявить разнообразие трактовок некоторых часто упоминаемых свойств, оценить продуктивность наиболее широко применяемых подходов и попытаться определить, какие из свойств институтов изучены в настоящее время явно недостаточно. Соответственно, следующий раздел статьи посвящён обоснованию базовой типологии свойств институтов как систем, далее будут рассмотрены основные свойства институтов как относительно обособленных систем, черты элементов и отношений внутри институтов¹, а в завершающем разделе формулируются выводы относительно актуальных направлений исследований свойств институтов.

Институт как система и типология его свойств

В связи с тем, что понятие института в современной экономической литературе в целом и в сфере институциональных исследований в частности, имеет не единственное

¹ Такой вид институтов, как контракты, обладает рядом специфических черт, которые в силу ограниченности объёма журнальной статьи в этой работе рассматриваться не будут.

определение, сразу укажу, что в данной статье, за исключением случаев явно оговариваемых иных трактовок, под институтами будем понимать правила действий в тех или иных ситуациях, за нарушение которых индивиды подвергаются некоторым наказаниям со стороны других индивидов. Более кратко это определение может звучать так: институт — это правило в единстве с механизмом обеспечения его исполнения. Развёрнутый и более строгий вариант этих определений был введён в [North, 1984. Р. 8]: это «множество ограничений поведения в форме правил и регуляций, множество процедур обнаружения отклонений... и, наконец, множество... норм, которые ограничивают способы, которыми правила и регуляции специфицируются и принуждаются к исполнению».

Приведённые варианты определений, как легко видеть, различаясь на вербальном уровне, характеризуют одни и те же объекты, которые можно назвать *функционирующими институтами*, т.е. теми социально-экономическими системами, которые объективно существуют в окружающей нас реальности. Эти объекты, как и другие системы, состоят из элементов с различными свойствами и отношений между ними. К элементам институтов относятся: *адресаты* *A*, т.е. индивиды, которые в ситуациях *S* должны следовать правилу или правилам *R*; *правила* *R*, описывающие, что именно в *S* следует делать *A*; *гаранты* *G*, — индивиды, которые наблюдают за действиями *A* в *S*, оценивают соответствие этих действий *R* и, в случае обнаружения нарушений, предпринимают *санкции* *F* по отношению к нарушителям, руководствуясь правилами *N*, определяющими порядок выявления нарушителей *R* и применения к ним тех или иных санкций. Гаранты института могут быть: (а) наёмными работниками, специализирующимися на контроле исполнения его правил; в этом случае институт является *формальным*; (б) любыми индивидами, убеждёнными в том, что в ситуации *S* должно исполняться *R*, в силу чего они в меру своих возможностей самостоятельно наказывают тех, кто поступает иначе; в этом случае институт является *неформальным*. Между указанными элементами существуют разнообразные отношения, часть из которых приведена в описании института как системы: *A* в *S* *действуют* или *не действуют* согласно *R*, *G* *наблюдают* за действиями *A* в *S*, и т.п. Другую часть отношений составляют отношения, не включённые в *описание* института, но вполне могущие существовать в реально действующих институтах: например, некоторые гаранты могут относиться к своим обязанностям невнимательно, в то время как другие — строго следовать установленным для них правилам; некоторые санкции могут причинять нарушителям правил ущерб, существенно превышающий те издержки, которые приносят или могли бы принести их действия, и т.д.

Характеристика систем в терминах вещей, их свойств и отношений между ними была введена и подробно описана А.И. Уемовым, согласно трактовке которого «*Вещь* — сущность, обладающая свойствами и/или отношениями. *Свойства* — то, что обнаруживается у вещи, взятой вне отношений к другим вещам. *Отношения* — связи, взаимодействия вещей» [Уемов, 1963. С. 52]. Тем самым, вещь может трактоваться как любое конкретное материальное или идеальное образование, «существующее само по себе и являющееся носителем определённых отношений и свойств», которое вполне допустимо может рассматриваться «как система элементов, каждый из которых предполагает остальные» [Там же. С. 59]

Легко видеть, что в соответствии с концепцией Уеова институты, включая функционирующие институты, представляют собой вещи, т.е. системы. Это позволяет предложить общую типологию их свойств, основывающуюся на принципе двойственного рассмотрения, согласно которому любую систему можно рассматривать, во-первых, как подсистему более общей системы (или надсистемы), а во-вторых, как относительно обособленную систему [Lange, 1965; Майминас, 1967]. Тем самым, в первую группу попадают свойства, присущие тому или иному *институту как целому*, в том числе, те функции, которые он выполняет или может выполнять по отношению к экономике, в то время как во вторую — свойства *элементов* (вещей), составляющих институт, и *отношений* между этими

элементами: ведь у отношений, как и у вещей, также имеются свойства, поскольку любое отношение, согласно концепции Умова, можно рассматривать как вещь.

Свойства, которые входят в названные группы, могут включать как те, которые *существенны* для института, т.е. их наличие у элементов института обеспечивают возможность его функционирования, так и те, которые являются *факультативными*, поскольку при их отсутствии институты могут продолжать существовать и действовать. Подгруппы существенных и факультативных свойств есть также и в первой группе, т.е. наличествовать у институтов как составных частей экономики или других социально-экономических систем, например, правовой или политической.

Поскольку факультативные свойства обеих групп могут быть идиосинкразическими, т.е. принадлежащими какому-то одному конкретному институту, их общее число может оказаться неограниченным, расширяющимся по мере накопления опыта использования института. В связи с этим имеет смысл в первую очередь выделять и рассматривать те свойства институтов и их элементов, которые нашли отражение в существующей литературе, т.е. выявлены при анализе различных видов поведения.

Прежде чем перейти к анализу такого рода свойств, нельзя не отметить, что далеко не все они опираются на понимание институтов, разделяемое в новой институциональной экономической теории (НИЭТ), что будет специально отмечаться в тех случаях, когда это окажется важным для корректного понимания предлагаемых утверждений.

Свойства институтов

Первым из свойств институтов как целостностей рассмотрим их *стабильность*, или устойчивость во времени. В рамках социологического понимания институтов это свойство фактически входит в их определение: как отмечается, например, в [Rageth, Caves, Renold, 2021. P. 508], «хотя обществоведы используют термин “институт” или “социальный институт” неясными способами (in ambiguous ways), в целом они имеют в виду “сложные социальные самовоспроизводящиеся формы, такие как государство, семья, языки, университеты, больницы, бизнес-корпорации и правовые системы”²», ссылаясь на статью в Стэнфордской философской энциклопедии [Miller, 2019], автор которой, в свою очередь, ссылается на монографию [Turner, 1997], что в целом ясно говорит о стабильности такой трактовки в социальных науках. Схожую позицию разделяют и сторонники старого экономического институционализма: «Будучи относительно стабильными, институты обладают почти равновесными свойствами (equilibrium-like qualities), даже если их равновесия нарушаются. Эти равновесия поддерживаются предпочтениями или целями, становясь в конечном счёте отлитыми в бронзу (become molded)» [Hodgson, 2006. P. 21].

Провозглашение стабильности институтов их существенным свойством вступает, однако, в противоречие с тем фактом, что институты как составная часть человеческой культуры не могут не быть инструментом адаптации к меняющимся условиям внешней среды, каковой является вся культура. Если условия внешней среды — природной, социальной, экономической — меняются, а институты некоторой страны остаются неизменными, вероятность того, что её население ждёт тяжёлые времена, оказывается возрастающей. Разумеется, здесь важно, что в странах с неодинаковыми уровнями экономического развития устойчивость и изменчивость разных типов институтов обеспечивают адаптацию к изменениям внешней среды. Так, в [Berggren, Bergh, Bjørnskov, 2012] эмпирически показано, что в богатых странах нестабильность экономических институтов позволяет решить

² Обсуждение продуктивности определений такого типа, лишённых какой-либо операциональности, выходит за рамки тематики этой статьи.

проблему «институционального склероза», в то время как в бедных та же нестабильность приводит к росту транзакционных издержек и неопределённости, что препятствует экономическому росту.

Приведённому чисто теоретическому суждению о важности институциональной изменчивости для адекватной адаптации сообществ к меняющимся условиям, казалось бы, явно противоречат результаты анализа долгосрочного влияния институциональной нестабильности на экономический рост и развитие [Hartmann, Spruk, 2021]. Однако исследователи вполне обоснованно разграничили два типа изменений — позитивные и негативные, где к первым отнесли те, которые связаны с адаптивной эффективностью, а ко вторым — ведущие к снижению уровня защиты прав собственности и росту слабости институтов³. Так что выявленное негативное воздействие институциональной нестабильности на экономический рост и развитие вызывается негативными изменениями в институциональной среде. Тем самым в этой работе подтверждается высказанное в [Тамбовцев, 2021a] положение о том, что влияние институтов на экономику имеет смысл анализировать «поштучно», в то время как используемые индексы качества институтов охватывают всю институциональную среду, не только экономическую, но и политическую. В результате позитивные (для роста и развития) воздействия одних институциональных изменений могут вполне перекрываться негативным влиянием изменений других институтов.

Не следует забывать и о таком важном факторе устойчивости некоторых (прежде всего, неэффективных с точки зрения обеспечения условий создания стоимости, или экономической ценности) институтов, как эффект блокировки («Lock-in Effect»; см.: [North, 1990. Рр. 7-8; 99-100]). Этот эффект заключается в том, что выгоды, получаемые некоторой группой благодаря действию института *I*, таковы, что их количество оказывается достаточным для того, чтобы заблокировать изменение *I*, несмотря на то, что это позволило бы получать социальные выгоды большему числу субъектов, чем только членам упомянутой группы.

Отсюда, как представляется, следует, что существенным свойством экономических (и иных) институтов является не их стабильность (или устойчивость), а *способность влиять* на рост и развитие экономики. В настоящее время можно считать надёжно установленным, что этим свойством обладают институты, обеспечивающие защиту прав собственности и выполнения контрактов (см., например: [Posner, 1998; Clague, Keefer, Knack, Olson, 1999]), что, естественно, не означает, что этим свойством располагают только они. Вопрос о более полном перечне институтов, обладающих этим свойством, остаётся открытым и, безусловно, заслуживающим изучения.

Достаточно часто исследователи упоминают о таком свойстве институтов, как *неясность*. Существование неясных (ambiguous) институтов, или институциональной неясности (institutional ambiguity), отражается как в экономической литературе (в том числе под именем институциональной неопределённости — institutional uncertainty) (см., например: [Alm, McKee, Jackson, 1992; Dequech, 2001]), так и в работах по анализу институтов в социологии и политической науке (см., например: [Jackson, 2010; Bode, 2015]). Эти свойства отражают тот факт, что как описания правил и других компонентов (для формальных институтов), так и понимание индивидами, их ментальные модели (для неформальных институтов) могут иметь значения, зависящие от социального контекста, т.е. тех конкретных ситуаций, в которых происходят те или иные действия. Наличие у институтов неясности или неопределённости означает, что они *повышают* издержки адресатов и, что немаловажно, *снижают* вероятность реализации ряда производственных и предпринимательских возможностей, вследствие возрастания вероятности наказания из-за неясности того, какие действия соответствуют существующим институтам, а какие нет. В рамках

³ Свойство слабости институтов будет рассмотрено далее в этом разделе.

политического анализа институциональная «неясность — неизгладимая (permanent) черта, даже если правила формализованы. Акторы с различными интересами будут конкурировать за раскрытие такой неопределённости, поскольку это может иметь глубокие последствия для распределения ресурсов и результатов их использования» [Mahoney, Thelen, 2010. Р. 11]. Такая трактовка, как легко видеть, полностью соответствует концепции эффекта блокировки, лишь расширяя сферу его потенциального действия практически на неограниченное множество институтов.

Институциональная неясность может иметь место по нескольким основным причинам: (1) непреднамеренное принятие некоторой формулировки как имеющей якобы однозначное понимание, хотя в действительности это не так; (2) сознательный выбор нечёткой формулировки для обеспечения гарантам возможностей дискреционного выбора; (3) сознательное принятие расплывчатой формулировки вследствие непредсказуемости будущих ситуаций и предоставления адресатам возможности действий; (4) изменение пониманий правильности действий, обусловливаемое различием практического опыта в отдельных группах больших сообществ.

Первый случай является наиболее массовым и часто имеет место при создании формальных институтов, которое не сопровождается обсуждением проекта правила с его потенциальными адресатами. Второй случай возникает тогда, когда создатели правила по какой-то причине заинтересованы в его избирательном исполнении, т.е. как при «прощении» одних нарушителей, так и при наказании некоторых невиновных. Третья причина приводит к формированию «институциональных пробелов» (institutional voids), например давая возможности политикам искать и находить новые варианты достижения целей, не будучи ограниченными жёсткими правилами [Hajer, 2003]. Четвёртая ситуация характерна для неформальных институтов, когда в локальных сообществах возникают несовпадающие трактовки действовавших ранее единых правил поведения. В целом, как следует из этого разнообразия, институциональная неясность может иметь противоречивые последствия для результативности институтов, что не всегда учитывается при эмпирическом анализе тех или иных создаваемых или созданных правил как элементов институтов. Например, Д. Норт [North, 1991] подчёркивал значимость такой функции институтов, как снижение неопределённости, в то время как некоторые неясные институты, очевидно, эту функцию не выполняют, хотя оказываются весьма полезными как для разных групп своих участников, так и для затрагиваемых сообществ в целом. Отмеченное разнообразие причин возникновения неясностей институтов требует также расширения её типологии, например, по отношению к той, что представлена в [Dequech, 2011]. Безусловно, значимым представляется также поиск инструментов снижения неясности, особенно для причин (1) и (2), что расширило бы анализ, представленный в [Aspers, 2018].

Понятие *качества* институтов как свойства не отдельного института, а всей их совокупности, действующей в той или иной стране, весьма активно используется в таких областях исследований, как выявление факторов, воздействующих на экономический рост [Aron, 2000; Polterovich, Popov, 2007; Nawaz, Iqbal, Khan, 2014; Ahmad, Nayan, 2020; Alexiou, Vogiazas, Solovev, 2020; Mehmood et al., 2023], уровень развития демократии [Krieger, 2022], субъективное благосостояние населения [Arshed, Arif, Abbas, Hameed, 2021], устойчивое развитие [Azam et al., 2021], развитие финансовой сферы [Khan., Kong, Xiang, Zhang, 2020], результаты инновационной активности [Sharma, Sousa, Woodward, 2022], рост сложности экономики [Vu, 2022] и другие характеристики функционирования экономики.

При всём том само понятие качества институтов не имеет однозначного понимания, а его измерители, применяемые в упомянутых и многих других эмпирических работах, являются объектом разнообразной критики [Alonso, Garcimartín, 2013; Molinari, 2014; Winful, Sarpong, Agyei-Ntiamoah, 2016; Тамбовцев, 2021a; Esquinas, 2023]. Ведь поскольку это свойство не отдельного института, а их совокупности, а его измерители обычно

объединяют несколько свойств последней, то индикаторы качества становятся интегральными показателями, чье значение неизбежно зависит от весов, придаваемых их компонентам, что, очевидно, ведёт к элементам субъективности подобных измерителей и неубедительности выявляемых связей.

Свойство качества на уровне *отдельного* института, а не их совокупности, выражается в литературе, как минимум, двумя характеристиками: это легитимность/нелегитимность института и его функциональность/дисфункциональность. Первое из этих свойств, согласно [Klafki, 2024. Р. 9], «является базовым условием любой формы власти и потому — фундаментальным понятием в социальных науках», что, однако, не мешает этому понятию быть и оставаться, по мнению [Wiesner, Harfst, 2022], «существенно оспариваемым». Напомню, что концепт *существенно оспариваемых понятий* (essentially contested concepts) был введён в [Gallie, 1956] для характеристики таких понятий, относительно которых соответствующее научное сообщество оказывается не в состоянии договориться относительно необходимости их использования в исследованиях, а уж тем более о вкладываемом в них содержании.

Оставив в стороне обсуждение этих дебатов и высказываемых подходов к легитимности, отмечу, что с психологической точки зрения она трактуется как такая «психологическая черта власти, института или социального объекта, которая подводит тех, кто связан с ними, к убеждению, что они закономерны, правильны и обоснованы (appropriate, proper, and just). Вследствие легитимности люди чувствуют, что они должны подчиняться решениям и правилам, следуя им добровольно, а не из боязни наказания или предвидения вознаграждения» [Tyler, 2006. Р. 375]. Соответственно «институты, не рассматриваемые как легитимные гражданами, клиентами, участниками, пользователями или иными стейкхолдерами, будут лишены поддержки и их будет трудно осуществлять» [Bovens et al., 2020. Р. 3]. Исходя из приведённых характеристик свойства легитимности, в [Тамбовцев, 2021а. С. 58] был предложен подход к его измерению, предполагающий, что респондентам имеет смысл задавать примерно такой вопрос: «В сообществе действует такое-то правило. Как Вы считаете: (а) да, так и должно быть; (б) существование этого правила возможно, но не обязательно; (в) нет, такого правила не должно быть». Институт сильно легитимен, если выбран ответ (а); слабо легитимен, если выбран ответ (б); не легитимен, если выбран ответ (в). Если среди опрошенных будет преобладать ответ (а), то можно считать, что изучаемый институт легитимен в данном сообществе». Тем самым, получение количественных оценок легитимности различных институтов на уровне как населения страны в целом, так и отдельных сообществ, вполне возможно. Это даёт основание как для сравнительной оценки институтов, так и для изменения тех из них, которые имеют низкую легитимность.

В отличие от дискуссионности понятия легитимности, концепт (дис)функциональности трактуется вполне однозначно: быть (дис)функциональным — значит (не) выполнять свою функцию. Это означает, что для выявления этих свойств у институтов необходимо указание на функции последних. В этом пункте анализа ясность существенно теряется, поскольку разные исследователи обнаруживают у институтов несовпадающие функции. Как представляется, это связано с тем, что затруднительно однозначно определить, для чего институт создавался, а что оказалось непредвиденным последствием его функционирования. Эта сложность в явном виде была выражена, например, в [Chang, 2006. Р. 2], где автор писал: «в одной из моих предыдущих статей я идентифицировал три ключевые функции институтов в обеспечении экономического развития: (i) координация и администрирование; (ii) научение и инновации; (iii) перераспределение дохода и социальная сплочённость [Chang, 1998. Р. 68]. Однако почему именно эти три функции? Почему не добавить стимулирование инвестиций или, следуя подходу Амартии Сена, функцию развития человеческих способностей?»

Тем самым, понятие (дис)функциональности понятно и осмысленно, например, для институтов внутри частных организаций, которые создаются с вполне ясными целями. Для институтов же общего действия, особенно неформальных, сформировавшихся спонтанно, относительно их функций могут быть лишь высказаны гипотезы. Для формальных институтов общестранового характера, например, создаваемых законодателем, вполне возможно несоответствие объявляемых и реальных целей их введения, поэтому трактовка таких институтов, как функциональных или дисфункциональных, может оказаться зависящей от того, с какой целью сравнивать фактические последствия функционирования таких институтов.

Есть, однако, и такие функции или свойства институтов, которыми они обладают *независимо* от намерений их создателей, даже и в тех случаях, когда институты возникают спонтанно, без каких-либо целей их формирования. Согласно [Тамбовцев, 2011. С. 38-40], таковыми являются *ограничительная, координационная и распределительная* функции, т.е. ограничение допустимых вариантов действий, обеспечение возможности координировать действия адресатов и (пере)распределение усилий и последствий, порождаемое появлением ограничений. Все остальные функции либо свойственны не всем, а только некоторым институтам, либо вообще относятся не к институтам, а к индивидам, использующим знания об институтах в своих дискреционных действиях.

Приведу несколько примеров, демонстрирующих, как отсутствие ясности в причинах возникновения институтов обуславливает бездоказательность утверждений относительно их функций. Так, в [Hindriks, Guala, 2021. P. 2027] авторы утверждают: «Институты генерируют кооперативные выгоды, которые объясняют, почему они существуют и проявляют постоянство. Следовательно, их этиологическая функция — продвигать (promote) кооперацию». Легко видеть, что если эти утверждения и верны, то отнюдь *не для всех* институтов, а только для некоторой их части, если, конечно, не считать кооперацией, скажем, взимание штрафа за пересечение сплошной разделительной полосы при обгоне на пустой двухполосной дороге. Кроме того, в этой работе отсутствуют какие-либо научные подтверждения того, что именно выгоды кооперации порождают все известные институты.

Согласно [Lascaux, 2023. P. 192], «сторонники институциональной теории фокусируются на двух важных функциях, выполняемых институтами, которые включают предоставление возможностей и ограничение социальных действий». Опять-таки, конструкция утверждения такова, что речь идёт явно о любом институте, что не соответствует действительности для первой из названных функций. Ведь предоставить возможность делать то, что ранее осуществлять было нельзя, можно в двух ситуациях: во-первых, когда такой способ действий физически существовал, т.е. был открыт или придуман, но его использование было запрещено, и только изменение запрещающего института или создание нового позволило снять этот запрет, а значит, предоставить возможность. Нетрудно догадаться, что, если этот способ действий был не только известен, но и выгоден, то с большой вероятностью он применялся, несмотря на запрет. Осмысленно ли тогда говорить, что изменение института предоставило возможность? Во второй возможной ситуации новый способ был открыт или создан, скажем, как некоторая новая технология, и сразу включён в какой-то новый институт как допустимый способ действий. Корректно ли утверждать, что именно новый институт «предоставил возможность»? Да, если речь идёт о правовой системе, в которой можно делать лишь то, что прямо разрешено, и нет, если новый способ действий открыт или придуман в правовой системе, где можно делать всё, что прямо не запрещено. В обоих рассмотренных случаях «физическое» возникновение новой возможности действий происходило *безотносительно к институтам*, которые могут лишь снять (или ввести) социальные (правовое или неформальное) препятствия для практической реализации самой возможности.

И ещё один пример бездоказательности суждений о функциях институтов: в [Cardinale, 2018. P. 193] утверждается, что фиксация у институтов функций предоставления

возможности и ограничений действия неполна, поскольку «обстоятельства действий... могут меняться быстро и драматически, возлагая на индивидов бремя адаптации к новой реальности. В таких ситуациях институты могут быть нужны для проявления их способностей поддерживать индивидов в адаптации их когнитивных моделей, нормативных принципов и поведенческих рутин к глубоким изменениям, случившимся во внешней среде. Эти динамические свойства институтов, которые отражают эволюционирующую природу отношений между индивидуальными акторами и их окружением, названы здесь адаптивной функцией институтов». Фактически автор только *предполагает*, что эволюционный процесс наделил институты (все или только некоторые?) способностью помогать людям адаптироваться к изменениям, однако он как-то незаметно переходит от гипотезы к якобы фактическому наличию такой способности, что даёт ему возможность завить о существовании уже целой новой функции (любых, поскольку не утверждается иного) институтов.

В литературе можно найти и другие свойства, реально или гипотетически имеющиеся у всех или некоторых институтов. Например, в [Деревянко, 2010. С. 5] говорится о практической функции, которая «проявляется в конкретизации теоретических выводов и проверке их достоверности через хозяйственную деятельность» и об интегрирующей функции, способствующей «реализации индивидов как субъектов общественного производства, облегчая налаживание экономических связей, обеспечивая экономию на транзакционных издержках». В [Ashmarov, 2018. Р. 74] автор полагает, что «общими для институтов являются следующие функции: репродуктивная (воспроизводство ресурсов) и социальная (передача индивидам установившихся в их среде паттернов поведения и способов действий)». Приведённые (и другие) суждения исследователей относительно свойств институтов подтверждают выдвинутое во введении предположение о том, что свойства институтов изучены на сегодняшний день явно недостаточно, а дискуссия относительно них практически не ведётся.

Свойства элементов институтов

Если множество институтов, как тех, что действуют в какой-то национальной экономике, так и всех функционирующих в мировой экономике, достаточно динамично и подвержено постоянным изменениям, то типы элементов, из которых состоит социально-экономическое множество, именуемое институтом, напротив, вполне определённые, хотя конкретное содержание, как минимум, двух типов изменчиво, при этом без изменения самих институтов. Напомню, что любой институт включает две группы элементов: во-первых, это *индивиды*, которые могут быть либо адресатами (*A*) института, либо его гарантами (*G*), либо входить в обе эти группы: например, работники правоохранительных органов государства, будучи гарантами исполнения уголовного законодательства, одновременно являются и адресатами последнего. Вторая группа элементов — это правила, которые определяют допустимое поведение как адресатов института (правила *R*), так и его гарантов (правила *N*), внутри которых есть и правила, фиксирующие допустимые санкции (*F*), которые следует применять к обнаруживаемым нарушителям правил R^4 .

Таким образом, обсуждая свойства элементов институтов, необходимо говорить о свойствах как людей и их групп, так и типов правил. Поскольку в соответствии с функциями институтов люди — как адресаты *A*, так и гаранты *G* — должны действовать, исполняя свои правила — *R* и *N*, соответственно, — то одним из свойств как *A*, так и *G* выступает

⁴ Последние, очевидно, включают в себя описания ситуаций *S*, в которых возможны или необходимы способы поведения *M*. Однако в силу широкого разнообразия типов институтов, сфер их применения и т.п. эти объекты не будут рассматриваться как элементы институтов.

в первую очередь свойство «способность выполнять правила»: адресаты должны *быть в состоянии* исполнять *R*, а гаранты — контролировать действия всей совокупности адресатов.

Наличие такого свойства представляется, на первый взгляд, настолько очевидным, что какое-либо обсуждение его видится лишённым смысла: ведь никто не будет, например, требовать страховки автомобилей от людей, не являющихся владельцами таковых. Однако применительно к гарантам различных, прежде всего формальных, институтов анализ их возможностей исполнять свои функции имеет самое непосредственное отношение: речь идёт о *пропускной способности* (или мощности) контрольно-надзорных организаций (КНО) и её соответствии числу тех объектов, за деятельностью которых они должны не просто наблюдать, но и анализировать её. Ведь контрольно-надзорные действия, как и любые другие, требуют расходования усилий, времени и других ресурсов, чтобы получить основания для вывода о нарушении того или иного из существующих и действующих институтов. Лишь некоторые из нарушений в настоящее время могут выявляться без прямого участия людей (например, превышение установленной скорости движения автомобилей посредством применения камер видеонаблюдения и компьютерных программ распознавания образов), в то время как другие для своего выявления требуют значительных интеллектуальных усилий. Тем самым, для успешного и действенного исполнения своих функций состав КНО должен не просто обладать достаточной численностью, но и профессиональные знания и умения работников также должны быть на адекватном уровне. Для этого соответствующие специалисты должны видеть привлекательность деятельности в таких организациях на рынке труда. Всё это требует определённых затрат на финансирование КНО. Но тут выделение необходимых объёмов финансирования вступает в конфликт с величинами бюджетных ресурсов, распределяемыми на другие направления их использования. Тем самым, вопрос о свойствах работников КНО из разряда чисто академических переходит в разряд практических, ощутимо влияющих на полноту исполнения тех юридических норм, которые являются элементом соответствующих институтов: ведь фактически неисполняемые юридические нормы не создают действующего института, т.е. не влияют на те процессы, которые они должны были бы по замыслу регулировать.

Кроме таких свойств гарантов, занятых в КНО, как их численность и уровень квалификации, для адресатов контролируемых институтов значимы также и их личностные свойства. Ведь контрольно-надзорная деятельность, осуществляемая по отношению к действиям адресатов по исполнению ими тех или иных институтов, с точки зрения классификации экономических благ представляет собой разновидность услуг. Это означает, что к ней можно подходить с точки зрения менеджмента услуг, важным элементом которого является оценка качества услуг, прежде всего — их оценка потребителями. Как показали исследования, проведённые ещё в середине 1980-х гг., такого рода оценка предполагает сопоставление ожиданий от получения услуги с её фактическим предоставлением, т.е. оценивание услуги её потребителем производит *воспринимаемое качество услуги* (perceived quality of the service). Эта оценка, в свою очередь, состоит из двух компонентов: технического качества (technical quality), характеризующего то, что потребитель получил как *результат* получения услуги, и функционального качества (functional quality), отражающего восприятие потребителем *процесса* получения услуги [Grönroos, 1984. P. 37-39; Parasuraman, Zeithaml, Berry, 1985]. Первый тип оценок, как представляется, точнее называть *качеством услуги*, а второй — *качеством обслуживания*. Здесь важно подчеркнуть, что между этими видами оценок нет какой-либо причинно-следственной или иной связи: можно получить очень вкусное и полезное блюдо от грубого официанта, равно как устаревшие и неверные знания можно приобрести от преподавателя, легко ставящего отличные оценки всем своим студентам независимо от приобретённых ими навыков и умений.

На конкурентных рынках услуг потребительские оценки качества как самих услуг, так и обслуживания выступают основой для успеха одних фирм и проигрыша в конкурентной борьбе других, в силу чего стремление к их повышению выступает одной из основных задач менеджмента в таких фирмах. Но деятельность КНО не имеет рыночного характера, эти организации не борются за повышение числа индивидов или организаций, которые они контролируют и т.п. Качество их деятельности, очевидно, имеет значение для их оценок со стороны вышестоящих органов управления, но, казалось бы, отнюдь не со стороны адресатов тех правил, исполнение которых контролируют те или иные КНО. Однако не следует забывать о том, что действия КНО не могут не сказываться на *легитимности* тех институтов, гарантами которых выступают различные КНО, а низкая легитимность легко проявляется в готовности нарушить базовое правило института во всех тех случаях, когда ожидаемые выгоды будут оцениваться как превышающие ожидаемые издержки. Иными словами, низкое качество обслуживания, например грубость контролёров, не может не вести к тому, что институт утрачивает те характеристики, которые составляют *психологические свойства* легитимности, описанные в приводившейся выше цитате [Tyler, 2006. Р. 375].

Из совокупности различных свойств, которыми могут обладать входящие в любой институт правила вида R , наиболее значимым является уровень их *легитимности*. Выше легитимность была охарактеризована как свойство института как целого, однако именно легитимность R является определяющей для легитимности включающего это правило института. «Качество обслуживания» института, т.е. оценка действий его гарантов по отношению к адресатам в случае возникновения их прямых взаимодействий, также, конечно, влияет на оценку легитимности института, однако может лишь в некоторой степени повысить или понизить её.

Другое значимое свойство R — его *экономическая эффективность* в сравнении с вариантами данного правила, посредством которых также можно было бы обеспечить решение той проблемы, на которую нацелен соответствующий институт. Такое свойство имеет смысл оценивать в рамках процессов институционального проектирования, т.е. создания формальных институтов [Тамбовцев, 1997]. Правило, включаемое в создаваемый институт, будет экономически эффективным, если ожидаемые издержки его функционирования окажутся наименьшими из издержек функционирования вариантов правил, приводящих, по мнению проектировщиков, к одним и тем же результатам. Если проектирование института осуществляется без явного сопоставления вариантов правила, то возникает ненулевая вероятность выбора такого варианта, реализация которого повлечёт за собой избыточные издержки, т.е. ухудшит финансирование других направлений бюджетирования, будь то государственный, региональный либо любой иной бюджет.

Для полноты картины нельзя не упомянуть и такое значимое свойство R , как его *результативность*, т.е. способность обуславливать такое поведение адресатов, которое привело бы к решению проблемы, т.е. к достижению того, на что нацелен проектируемый институт. Получение такой оценки требует, очевидно, достаточно глубокого знания тех закономерностей, которые связывают поведение адресатов и содержание проблемы, решать которую заказчики проекта решили посредством создания нового или изменения существовавшего института. При отсутствии таких знаний, например при замене его *личными убеждениями* тех или иных из заказчиков, спроектированный институт вполне может оказаться нерезультативным, а расходы на его проектирование и функционирование — непроизводительными.

Те же два свойства важны и при проектировании правил вида N , регулирующих поведение гарантов института. Замечу также, что оценки результативности и экономической эффективности упомянутых элементов институтов вполне возможны не только при проектировании институтов, но и в ходе их практического функционирования, для анализа фактических свойств действующих институтов. Если эмпирический анализ покажет,

что наблюдаемые свойства изучаемого института отличаются от тех, что могли бы иметь место при использовании несколько иных правил, это может служить основанием для корректировки соответствующих элементов рассматриваемого института. Разумеется, такой анализ имеет смысл осуществлять по определённой методике, однако обсуждение её содержания и разработка выходят далеко за пределы темы этой статьи.

Выводы

Проведённый анализ, включая разобранные примеры, показывает, что тематика свойств институтов как целого и в особенности свойств их элементов во многом находится за пределами исследовательского интереса, что обуславливает возникновение определённого числа некорректных результатов в опубликованных работах. Разумеется, в силу ограниченности объёма статьи, далеко не все такие некорректности нашли в ней отражение.

Кроме этого вывода общего характера, нельзя не упомянуть и несколько более конкретных, характеризующих достигнутый уровень изучения свойств экономических (и ряда иных) институтов. При широком разнообразии институтов, не удивительно, что кроме общих для всех институтов (социально-экономических систем, соответствующих определению, данному Д. Нортом в статье [North, 1984]) свойств, а именно — выполнять ограничительную, координационную и распределительную функцию, остальные известные и возможные свойства характерны только для отдельных институтов и их видов. Причём не все институты того или иного вида обязательно обладают некоторым свойством. Например, не все экономические институты обязательно имеют свойство «влиять на экономический рост».

Свойства, которыми обладают элементы институтов, практически не имеют всеобщего характера, разве что кроме свойства совокупностей индивидов и гарантов «не быть пустыми множествами». Некоторые из рассмотренных свойств имеют смысл анализировать только для спроектированных формальных институтов (например, их действенность, т.е. способность достигать целей, ради которых они проектируются и создаются). Другие институты не обладают такими чертами.

Отмеченные моменты, как представляется, ясно говорят о том, что такая область исследований, как свойства институтов, обладает весьма масштабным потенциалом изучения как теоретико-методологических, так и эмпирических вопросов, связанных с выявлением и анализом свойств институтов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Деревянко В.М. (2010). Функции институтов в современной экономике [Derevianko V.M. (2010). Functions of institutions in modern economy] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 2. С. 5-8.
- Майминас Е.З. (1967). Процессы планирования в экономике: информационный аспект [Maiminas E.Z. (1967). Process of Planning in an Economy: Informational Dimension]. — Вильнюс: Минтис.
- Тамбовцев В.Л. (1997). Теоретические основы институционального проектирования [Tambovtsev V.L. (1997). Theoretical issues of institutional design] // Вопросы экономики. № 3. С. 82-94.
- Тамбовцев В.Л. (2011). Институты [Tambovtsev V. L. (2011). Institutions] // Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория. Учебник. 2-е изд. / Под ред. А.А. Аузана — М.: Инфра-М. С.30-54.
- Тамбовцев В.Л. (2021a). Качество институтов: проблемы определения и оценки. [Tambovtsev V.L. (2021a). The quality of institutions: Problems of definition and evaluation] // Вопросы экономики. №7. С. 49-67. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-49-67
- Тамбовцев В. Л. (2021b). Измерение институтов: что бы это значило? [Tambovtsev V. L. (2021b). Measuring institutions: What is behind this?] // Журнал экономической теории. Т. 18. № 2. С. 197-211. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.3

- Уемов А.И. (1963). *Вещи, свойства и отношения* [Uemov A. I. (1963). *Things, Properties and Relations*]. — М.: Изд-во АН СССР.
- Ahmad M., Nayan S. (2020). Empirical heterogeneity in the institutions-economic growth literature: A critical review // *Institutions and Economies*. Vol. 12. No. 1. Pp. 99-128.
- Alexiou C., Vogiazas S., Solovev N. (2020). Economic growth and quality of institutions in 27 postsocialist economies // *Journal of Economic Studies*. Vol. 47. No. 4. Pp. 769-787. URL: https://econpapers.repec.org/scripts/redir_pf?u=https%3A%2F%2Fdoi.org%2F10.1108%252FJES-02-2019-0069;h=repec:eme:jespps:jes-02-2019-0069.
- Alm J., McKee M., Jackson B. (1992). Institutional Uncertainty and Taxpayer Compliance // *American Economic Review*. Vol. 82. No. 4. Pp. 1018-1026.
- Alonso J.A., Garcimartin C. (2013). The Determinants of Institutional Quality. More on the Debate // *Journal of International Development*. Vol. 25. Is. 2. Pp. 206-226
- Aron J. (2000). Growth and Institutions: A Review of the Evidence // *World Bank Research Observer*. Vol. 15. No. 1. Pp. 99-135.
- Arshed N., Arif A., Abbas R.Z., Hameed K. (2021). Comparing Quality of Institutions with Happiness of Asian People // *Studies of Applied Economics*. Vol. 39. Is. 3. Pp. 1-22. DOI: 10.25115/EEA.V39I2.3431.
- Ashmarov I.A. (2018). Economic systems and economic institutions // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. Vol. 1. No. 1. Pp. 72 — 80. DOI: 10.5281/zenodo.2528892
- Aspers P. (2018). Forms of uncertainty reduction: decision, valuation, and contest // *Theory and Society*. Vol. 47. No. 2. Pp. 133–149. DOI: 10.1007/s11186-018-9311-0
- Azam M., Hunjra A. I., Bouri E., Tan Y., Al-Faryan M.A.S. (2021). Impact of institutional quality on sustainable development: Evidence from developing countries // *Journal of Environmental Management*. Vol. 298. Atr. 113465. DOI: 10.1016/j.jenvman.2021.113465
- Berggren N., Bergh A., Bjørnskov C. (2012). The growth effects of institutional instability // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 8. Is. 2. Pp. 187 — 224.
- Bode I. (2015). A 'world culture' of institutional ambiguity? Comparing the reorganization of hospital care in Germany and Mexico // *Current Sociology*. Vol. 63. Is. 3. Pp. 411–431.
- Bovens M., van Erp J., Douglas S., de Graaf B., Mak E., van den Bos K., de Dijn A., Gädeke D., van de Grift L., Nivette A. (2020). Institutional Legitimacy in Open Societies // *Institutions for Open Societies Think Paper Series #2*. Utrecht University
- Cardinale I. (2018). Beyond Constraining and Enabling: Toward New Microfoundations for Institutional Theory // *Academy of Management Review*. Vol. 43. Is. 1. Pp. 132–155. DOI: 10.5465/amr.2015.0020
- Chang H.J. (1998). The Role of Institutions in Asian Development // *Asian Development Review*. Vol. 16. Is. 2. Pp. 64-95.
- Chang H.J. (2006). Understanding the relationship between institutions and economic development: Some key theoretical issues // *WIDER Discussion Paper*. No. 2006/05.
- Clague C., Keefer P., Knack S., Olson M. (1999). Contract-Intensive Money: Contract Enforcement, Property Rights, and Economic Performance // *Journal of Economic Growth*. Vol. 4. No. 2. Pp. 185-211.
- Dequech D. (2001). Bounded Rationality, Institutions, and Uncertainty // *Journal of Economic Issues*. Vol. 35. No. 4. Pp. 911-929.
- Dequech D. (2011). Uncertainty: a typology and refinements of existing concepts // *Journal of Economic Issues*. Vol. 45. No. 3. Pp. 621-640.
- Esquinas M.F. (2023). Editorial: "Good and bad institutions": The Issue of Institutional Quality in the Social Sciences // *Revista Centra de Ciencias Sociales*. Vol. 2. No. 2. Pp. 117–128 DOI: 10.54790/rccs.70
- Gallie W.B. (1956). Essentially contested concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 56. Is. 1. Pp. 167–198. DOI: 10.1093/aristotelian/56.1.167
- Grönroos C. (1984). A service quality model and its marketing implications // *European Journal of Marketing*. Vol. 18. Is. 4. Pp. 36–44. DOI: 10.1108/EUM00000000004784
- Hajer M.A. (2003). Policy without polity? Policy analysis and the institutional void // *Policy Sciences*. Vol. 36. Is. 2. Pp. 175–195.
- Hartmann S., Spruk R. (2021). Long-term effects of institutional instability // *Empirical Economics*. Vol. 61. Is. 4. Pp. 2073–2112. DOI: 10.1007/s00181-020-01934-z
- Hindriks F., Guala F. (2021). The function of institutions: Etiology and teleology // *Synthese*. Vol. 198. Pp. 2027–2043. DOI: 10.1007/S11229-019-02188-8
- Hodgson G.M. (2006). What Are Institutions? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 40. No. 1. Pp. 1-25.
- Jackson G. (2010). Actors and institutions // *Oxford Handbook of Comparative Institutional Analysis* / G. Morgan, J. Campbell, C. Crouch, O.K Pedersen, R. Whitley (eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 63–86.
- Keefer P., Knack S. (1997). Why don't poor countries catch up? A cross-national test of an institutional explanation // *Economic Inquiry*. Vol. 35. Is. 3. Pp. 590–601.
- Khan M.A., Kong D., Xiang J., Zhang J. (2020). Impact of institutional quality on financial development: cross-country evidence based on emerging and growth-leading economies // *Emerging Markets Finance and Trade*. Vol. 56. Is. 15. Pp. 3829-3845 DOI: 10.1080/1540496X.2019.1588725

- Klafki A. (2024). Patterns of Legitimacy — An Introduction // *Patterns of Legitimacy* / A. Klafki (ed.). — Baden-Baden: Nomos. Pp. 9-17.
- Knack S., Keefer P. (1995). Institutions and economic performance: Cross-country tests using alternative institutional measures // *Economics and Politics*. Vol. 7. Is. 3. Pp. 207–227.
- Krieger T. (2022). Democracy and the quality of economic institutions: theory and evidence // *Public Choice*. Vol. 192. Is. 3-4. Pp. 357–376. DOI: 10.1007/s11127-022-00990-6
- Kuncic A. (2014). Institutional quality dataset // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 10. Is. 1. Pp. 135–161.
- Lange O. (1965). *Wholes and Parts: A General Theory of System Behaviour*. — Oxford, UK: Pergamon Press.
- Lascaux A. (2023). On the adapting function of social institutions // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 19. Is. 2. Pp. 192 — 209. DOI:10.1017/S1744137422000261
- Mahoney J., Thelen K. (2010). A Theory of Gradual Institutional Change // *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power* / J. Mahoney, and K. Thelen (eds.). — Cambridge, UK: Cambridge University Press. Pp. 1-37.
- Mehmood W., Ul Din S. M., Aman-Ullah A., Khan A. B., Fareed M. (2023). Institutional quality and economic growth: Evidence from South-Asian countries // *Journal of Public Affairs*. Vol. 23. Is. 1. Art. e2824. DOI: 10.1002/pa.2824
- Miller S. (2019). Social Institutions // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2019 Edition) / E.N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/social-institutions/>
- Molinari M.C. (2014). A Second-Best Theory of Institutional Quality // *Public Organization Review*. Vol. 14. Is. 4. Pp. 545–559.
- Nawaz S., Iqbal N., Khan M.A. (2014). The Impact of Institutional Quality on Economic Growth: Panel Evidence // *Pakistan Development Review*. Vol. 53. No. 1. Pp. 15-31.
- North D.C. (1984). Transaction costs, institutions, and economic history // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 140. No. 1. Pp. 7–17.
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (1991). Institutions // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 5. Is. 1. Pp. 97–112.
- North D.C. (1994). Economic Performance Through Time // *American Economic Review*. Vol. 84. No. 3. Pp. 359-368.
- Parasuraman A., Zeithaml V.A., Berry L.L. (1985). A Conceptual Model of Service Quality and Its Implications for Future Research // *Journal of Marketing*. Vol. 49. No. 4. Pp. 41-50.
- Polterovich V., Popov V. (2007). Democratization, Quality of Institutions and Economic Growth // *MPRA Paper 19152* / University Library of Munich, Germany.
- Posner R.A. (1998). Creating a Legal Framework for Economic Development // *World Bank Research Observer*. Vol. 13. No. 1. Pp. 1–11.
- Rageth L., Caves K. M., Renold U. (2021). Operationalizing institutions: a theoretical framework and methodological approach for assessing the robustness of social institutions // *International Review of Sociology*. Vol. 31. Is. 3. Pp. 507-535. DOI: 10.1080/03906701.2021.2000067
- Sharma A., Sousa C., Woodward R. (2022). Determinants of innovation outcomes: The role of institutional quality // *Technovation*. Vol. 118. 102562. DOI: 10.1016/j.technovation.2022.102562
- Turner J.H. (1997). *The Institutional Order: Economy, Kinship, Religion, Polity, Law, and Education in Evolutionary and Comparative Perspective*. — New York: Longman.
- Tyler T.R. (2006). Psychological perspectives on legitimacy and legitimation // *Annual Review of Psychology*. Vol. 57. Pp. 375–400.
- Vu T.V. (2022). Does institutional quality foster economic complexity? The fundamental drivers of productive capabilities // *Empirical Economics*. Vol. 63. Is. 3. Pp. 1571–1604. DOI: 10.1007/s00181-021-02175-4
- Wiesner C., Harfst P. (2022). Conceptualizing legitimacy: What to learn from the controversies related to an «essentially contested concept» // *Frontiers in Political Science*. Vol. 4. Art. 867756. DOI: 10.3389/fpos.2022.867756
- Winful E.C., Sarpong D., Agyei-Ntiamoah J. (2016). Relationship between institutional quality and stock market performance: Evidence from emerging economies // *African Journal of Business Management*. Vol. 10. No. 19. Pp. 469-484. DOI: 10.5897/AJBM2016.8153

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of Sciences (Economics), professor, Chief Researcher, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

tambovtsev@econ.msu.ru

INSTITUTIONAL PROPERTIES AS A NEGLECTED UNIT OF ANALYSIS

Abstract. Like any objects, institutions have certain properties that influence their performance, which, in turn, affects the behavior of individuals. Some properties of institutions are mentioned and analyzed in a large number of studies, both in economics and in other social sciences, but works specifically devoted to one or another group of properties are virtually absent. The objectives of the article are to develop and substantiate a typology of institutional properties, provide a brief overview of existing studies of certain properties, and identify current areas in which the study of institutional properties and their constituent elements has not yet been conducted or is at an early stage. For this purpose, the properties of institutions as subsystems of a more general system and the properties of elements of an institution as a relatively isolated system are distinguished, the properties (functions) inherent in any institution and those possessed only by certain types of institutions are discussed, and the properties of such elements of institutions as their addressees and guarantors, on the one hand, and the rules of behavior of addressees and guarantors, on the other hand, are discussed. The conclusions from the analysis completed the article.

Keywords: *institutions, institutional elements, properties, functions.*

JEL: D02, K00.

И.Н. Ионов

к. ист. н., с.н.с., Институт всеобщей истории РАН (Москва)

«ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕНЕССАНС» И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭКОНОМИКА

Аннотация. В статье рассматриваются эпистемологические проблемы отечественного варианта социокультурной экономики как предмета интеллектуальной истории, который анализируется в контексте развивающегося с 2010-х гг. «цивилизационного ренессанса». Показано, что социокультурная экономика связана с процессами деглобализации и подрывом традиционных представлений о модернизации. Наиболее ярко эти тенденции проявились в социологии, где цивилизационный поворот определил представление о Модерне как новом типе цивилизации, о множественности модерностей, в том числе альтернативных и переплетённых. В социокультурной экономике проявились такие черты «цивилизационного ренессанса», как контингентность нарратива, внимание к альтернативным версиям объяснений, стремление мыслить «от противного», общие для социально-гуманитарного знания черты культурного, пространственного, исторического поворотов. Вместе с тем прослеживается отстранённость от вековой традиции цивилизационного анализа и ряда его дисциплинарных направлений. Сквозная связь с позицией С. Хантингтона приводит к повышенному влиянию классического научного знания, метаисторического подхода к цивилизационному анализу, связанному со сциентизмом, детерминизмом, эссенциализмом. Это проявляется в игнорировании некоторых альтернативных версий интерпретации социокультурных влияний на экономику, проблем употребления понятия культурного кода. Преодоление этих сложностей видится в более активной интеграции социокультурной экономики в процесс «цивилизационного ренессанса», росте роли гуманитарных аспектов анализа, движении в направлении трансдисциплинарного, мультиперспективистского, конструктивистского подхода, расширяющего когнитивные карты экономистов за счёт рефрейминга цивилизационных моделей.

Ключевые слова: *социокультурная экономика, постглобализация, «цивилизационный ренессанс», цивилизация Модерна, множественные модерности, «эффект колеи», эссенциализм, мультиперспективизм, рефрейминг.*

JEL: A1, A12, A14, A20

УДК: 303.01, 303.1, 930

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_55_70

© И.Н. Ионов, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ионов И.Н. «Цивилизационный ренессанс» и социокультурная экономика // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 55–70. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_55_70.*

FOR CITATION: *Ionov I.N. «Civilizational Renaissance» and Sociocultural Economics // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 55–70. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_55_70.*

«Цивилизационный ренессанс»: основные черты

Социокультурная экономика как область знания формируется в сложных условиях, в процессе кризиса глобализации с обозначившейся тенденцией к деглобализации и постглобализации [Roudometof, 2024], подрыва традиционных представлений о модернизации как европеизации и разрушения прогрессизма и глобализма как идеологий, размывания классических представлений о рационализме как господствующей мотивации

в хозяйственной деятельности человека [Канеман, 2023]. Она строится на руинах классической модели знания и связанных с ней сциентистских подходов, опирается на возводимые стены новых моделей, отчасти неклассического склада, связанных с культурным поворотом в социально-гуманитарном знании, отчасти постнеклассического склада, нащупывающего компромисс между классическим и неклассическим знанием. Такого рода модели можно соотнести с «цивилизационным поворотом» или даже «цивилизационным ренессансом» (*revival*), как его называет А. Давутоглу [Davutoğlu, 2014. Рр. VII–XII]. Последний преодолевает скептическое отношение к сравнительной истории цивилизаций, тесно связанной с философией истории, появившееся в 1980–1990-х гг. [Ионов, 2007. С. 373–375, 415]. Но он изменяет и само представление о цивилизациях, делая его более сложным и неоднозначным [Браславский, 2024. С. 250].

Особенно ярко это проявляется в социологии, где представление об универсальном процессе модернизации замещается теориями Ш.Н. Эйзенштадта о новом типе цивилизации Модерна, предполагающем взаимодействие традиции и модернизации, единственности Модерна и множественности модерностей (мультимодерности), а также развитыми на этой основе концепциями альтернативных модерностей Й. Арнасона и переплетённых модерностей Й. Терборна [Арнасон, 2021; Арнасон, 2022; Therborn, 2003; Цивилизационное... 2024. С. 135, 138, 240]. Важно отметить, что если мир-системная теория Ф. Броделя и И. Валлерстайна отмечала особенности развития экономики в региональных анклавах древности, а также на полупериферии и периферии современного мира, то представления об альтернативных и переплетённых модернах касаются в том числе разновидностей модерности в странах «первого мира». Характерно переосмысление Й. Терборном типа модерности США, в которой он видит не чистый результат модернизации, а взаимодействие предпринимательского капитализма, всепроникающей религиозности и сложного этнического состава населения [Therborn, 2003. Р. 302]. Последний фактор в условиях глобализации делает феномен переплетённых модернов универсальным. Возникают ассоциации с идеей Н. Элиаса о том, что за фазой доминирования истеблишмента в процессе цивилизации наступает фаза контрнаступления аутсайдеров. За экспансией западных образцов модернизированного поведения следует оборонительная, а то и реакционная фаза распределённой модерности, принуждающая Запад к «закрытости», что «приводит к усилению контрастов и росту напряжённости в обществе... усиливается отталкивание» [Элиас, 2000. С. 308].

В условиях мультимодерности, представленной множеством интерпретаций [Браславский, 2024. С. 309], соотношение ценностей модернизации и традиции перестаёт рассматриваться как бинарная оппозиция. Например, в китайской концепции государства-цивилизации они трактуются как взаимодополнительные моменты. При этом её создатель политолог Чжан Вейвей акцентирует как духовный авторитет китайского государства, так и его неспособность проводить реформы вне идеала модернизации. Он признаёт проблемы, связанные с чрезмерным огосударствлением экономики, запаздыванием политической реформы, ростом коррупции, социальной поляризацией населения, ухудшением окружающей среды [Zhang, 2012. Рр. IX–X]. Вспоминаются работы культуролога Э.С. Маркаряна, который справедливо писал о динамической природе традиции как основы и вектора креативных процессов в обществе, «органической взаимообусловленности традиций и инноваций», в силу чего анализ традиций создаёт возможность для моделирования новых форм адаптации людей к среде обитания [Маркарян, 1981. С. 81, 86. 92–94]. Результатом подобного подхода стал отказ исследователей международных отношений (*international studies*), таких как Р. Сил и П. Катценштейн, от парадигмального, во многом идеологизированного подхода и провозглашение аналитического эклектизма и постпарадигмальности как принципа изучения взаимодействия мировых культур и государств [Sil, Katzenstein, 2011. Рр. 3–11].

И это не случайный фактор, а отражение новых форм сознания, принесённых в познавательное пространство «цивилизационного ренессанса» совпавшим с ним «темпоральным поворотом». В частности, это перемена режима историчности, восприятия современности, сменившая характер этого образа с устойчивого на неустойчивый, с ясного на противоречивый. Правда, при этом современность приобрела способность, по словам Х.-У. Гумбрехта, поглощать и прошлое, и будущее. Вместо девелопментального историзма из всех образов эволюции, предпочитающего ароморфоз и дающего причинно-следственные детерминистские, телеологические объяснения, это порождает радикальный историзм, как его называет М. Бевир, воспринимающий прошлое как контингентный децентрированный нарратив, открытый разным способам объяснения и понимания, учитывающий роль вероятности и случайности. Вместо образа единого линейного времени появляется образ множественных времён. Если первый легитимирует настоящее и вводит представление о едином темпоральном режиме, то второй соглашается с сосуществованием множества темпоральных шкал [Олейников, 2021. С. 14-19; Йордхайм, 2021. С. 95-118]. Соответственно, образ цивилизации становится всё более зыбким. «В противоположность метаисторическому ответвлению цивилизационного анализа, — пишет социолог Р.Г. Браславский, — в его социологическом направлении подчёркивается не гомогенность и внутренняя согласованность, а амбивалентность и антиномичность культурных предпосылок цивилизационных формаций» [Браславский, 2024. С. 250].

Если копнуть ещё глубже, до уровня когнитивных проблем, то мы наблюдаем феномен, связанный с отказом от наиболее очевидных детерминистских и эссенциалистских моделей прошлого, связанных, как выяснили психологи Д. Канеман и А. Тверски, с особенностями интуитивных реакций человека («эмоциональный фрейминг») в обстоятельствах, когда важен не глубокий анализ, а быстрая ориентация, создающая когнитивную карту, которая даёт возможность реагировать чётко и без сомнений (эффект привязки). Но у человека есть и другой механизм оценок, который связан с недоверием к интуиции, когнитивным напряжением, «перенаправлением внимания» на слабые логические и исторические связи, непривычные объекты и обстоятельства, с разрывом устоявшихся шаблонов и внушённых установок (корректировка «эффекта привязки»), со способностью исследователя выходить за рамки предпосылочного знания и реструктурировать когнитивные карты (рефрейминг), меняя познавательные перспективы. Исследователь реализует таким образом «стратегию намеренного “обдумывания противоположного”». Последняя связана с более сложным восприятием времени, и именно она разрушает более привычные когерентные модели и помогает выявлять в них когнитивные искажения [Канеман, 2023. С. 36, 81–82, 109–110, 120, 162–163, 269]. Именно множественность познавательных перспектив мешает «когнитивно лёгкой» стратегии конструирования из эмоционально окрашенных, когнитивно бедных элементов чрезмерно связанных и логичных образов. «Когда мы используем множественные подходы, знание, которое они производят, никогда точно не конвергирует», отмечали Д. Канеман, П. Словик и А. Тверски [Канеман, Словик, Тверски, 2005. С. 401]. На арену тут выходит когнитивное напряжение, менее прозрачное, «зыбкое» время, воплощающее непредопределённость и принципы радикального историзма, а также контингентные нарративы, связанные с представлениями о вероятности и случайности [Ионов, 2024. С. 5-19].

Вырисовывается конфликтная познавательная ситуация, сущность которой — явный когнитивный диссонанс, предполагающий сочетание разных оптик и познавательных перспектив, создание «механизмов выработки неопределённости», которая тем не менее, по словам психолога А.Г. Асмолова [Асмолов, 2015. С. 2-4], осознаётся как неперемнное условие «познания сложности». Требования смены метафизических, эпистемологических и фактологических оснований в рамках одного исследования, ранее

представавшие у М. Вернера и Б. Циммерманн в концепции *«histoire croisée»* как своего рода познавательная утопия, теперь становятся необходимым требованием, обеспечивающим логическую и фактическую релевантность социально-гуманитарного знания [Вернер, Циммерманн, 2007. С. 59-90]. Переход происходит через границы не только парадигм, как у Р. Сил и П. Катценштейна, но и научных дисциплин. Особенностью современной эпохи, характерной резким столкновением альтернативных подходов к самым различным вопросам, стало появление множества полей для диалога. Они имеют трансдисциплинарный, мультиперспективистский характер. Дисциплинарный подход в них в значительной степени разрушен постмодернистской деконструкцией, которая затрагивает как классические сциентистские, так и неклассические конструктивистские повестки дня и вопросы. Это позволяет не увлекаться дискредитировавшим себя ещё в XX в. историческим синтезом, но и не разрушать до конца сциентистский идеал, ограничивая задачи его переосмысления разными вариантами рефрейминга.

Понятие цивилизации в этих условиях перестаёт быть проекцией «методологического национализма», который делал возможным анализировать общество так, будто оно естественным образом поделено на нации (или цивилизации). В этой логике государство создает нацию (политическое общество), а не наоборот, а цивилизации ассоциируются преимущественно с государствами мира, имеющими длительную историю. Цивилизация становится аналитической категорией, вскрывающей «цивилизационное измерение человеческих обществ» самого разного уровня и масштаба (Ш.Н. Эйзенштадт). Вместе с мировой и национальными появились региональные, узко-локальные и групповые цивилизации, их глобальные и региональные констелляции, влияющие на их природу, институты и традиции. Стал возможен многоуровневый цивилизационный анализ, сопровождающийся сменой исследовательских перспектив. Как и нация, цивилизация — «переменная, а не константа, из неё невозможно исходить... она может прибывать или истощаться, достигая пика в исключительные — но краткие — моменты коллективного подъёма... <влияя> через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы, институты, организации, сети и события» [Брубейкер, 2012. С. 18]. Й. Арнасон пишет, что «допустимо предположить существование разнообразия цивилизационных формаций, причём некоторые из них будут в большей степени напоминать “цивилизации” в привычном значении этого термина, чем другие» [Арнасон, 2021. С. 20-21].

Актуальная проблема — связь вариантов цивилизационного анализа, развивающихся в философии, социологии, истории, культурологии, политологии, антропологии, экономике, географии между собой и с общенаучными процессами «цивилизационного ренессанса» [Ионов, 2024. С. 14-17]. Ведь каждая из этих дисциплин по-разному видит свою роль в формирующемся трансдисциплинарном научном комплексе, каждый раз по-особенному выстраивает собственный веер сменяющих друг друга исследовательских перспектив. Особенно своеобразны разновидности, направленные на педагогическую деятельность, как социокультурная экономика в варианте А.А. Аузана, структура которых определяется не только эпистемологическими, но и методическими задачами. В связи с этим встаёт вопрос, в чём своеобразие проявлений общих закономерностей «цивилизационного ренессанса» на том или ином дисциплинарном поле? В чём специфика понятийного аппарата и эпистемологии социокультурной экономики, которая заставляет дистанцировать её от ближайших научных дисциплин, например социологии? Какие противоречия возникают между специалистами этих родственных дисциплин? Как на эти вопросы может ответить историк, специалист по интеллектуальной истории и истории цивилизационных представлений? Вот вкратце основные задачи этой статьи.

Общие черты и специфика социокультурной экономики

Социокультурная экономика в сложившемся в России виде в целом удовлетворяет существенным признакам «цивилизационного ренессанса» [Аузан, 2016; Аузан, 2017; Аузан, Никишина, 2021]. Это междисциплинарное направление знания на перекрёстке экономики, культурологии и социологии. Экономическая тематика изначально играла большую роль в теориях цивилизации. У. Робертсон в XVIII в. сводил представление о цивилизации к росту экономического благосостояния, а А. Фергюсон (1767) считал, что каждому из этапов цивилизации свойственен определённый тип экономической активности, особое отношение к собственности и соответствующий уровень социального расслоения, порождающий «общественное мнение» того или иного типа. Тем самым А. Фергюсон предвосхитил многие идеи К. Маркса и Ф. Энгельса и оказал решающее влияние на Л.Г. Моргана, который сделал его взгляды широко известными [Ионов, 2007. С. 196-197]. Экономоцентрический подход к цивилизации в течение XX–XXI вв. сменился культуроцентрическим, менталистским и семиологическим подходами. Но роль экономики оставалась заметной. Наиболее важную роль сыграли М. Вебер и его «хозяйственная этика мировых религий», Ф. Бродель, для которого представления о материальной цивилизации как образе жизни переплелись с образами мир-экономик, а также И. Валлерстайн, создавший концепции капиталистической мир-системы и множественности глобализаций [Ионов, 2007. С. 314-326, 391-396; Ионов, 2015. С. 214-263].

Наряду с культурными получили новый смысл социально-экологические модели, очень популярные в XIX — первой половине XX вв. Для социологов они служат оправданием возвращения к экономической проблематике. «Есть и ещё одна причина, чтобы подчёркивать значение экономических паттернов, — пишет Й. Арнасон, — они свидетельствуют о явной связи между цивилизационными проблемами и новыми подходами в экологической истории. Сближение этих двух направлений исследований является одной из наиболее неотложных задач в социальных науках. Оно принесло бы большой смысл экологическому подходу и большую объяснительную силу цивилизационному. Благодаря недавним достижениям экологической истории некоторые исследователи всё больше открыты для такого сближения» [Арнасон, 2021. С. 24]. Эта тематика проявляется и в социокультурной экономике: после влияния религии и языка социально-экологические факторы занимают третье место [Аузан, 2022. С. 61, 89]. Изучение последних широко распространено как за рубежом [Фернандес-Арместо, 2009], так и в нашей стране, в том числе среди экономистов [Кульпин, Пантин, 1993; Кульпин, 1995; Кульпин, 2010].

Только в контексте «цивилизационного ренессанса», большую роль в котором сыграли политологи, понятна опора А.А. Аузана на идеи политолога С. Хантингтона, которого он почему-то называет «создателем теории цивилизаций», выдвинувшим как новое положение «культура имеет значение» и связавшего «подвижки в экономической модернизации... с подвижками в религии» [Аузан, 2022. С. 35-37, 64, 74; *Культура...* 2002] (и это спустя более чем век после опубликования М. Вебером в 1915–1920 гг. «Хозяйственной этики мировых религий»!) Й. Арнасон обвиняет Хантингтона в интуитивном характере его обобщений и отмечает, что он «собрал воедино значительное число работ по цивилизационной тематике без какого-либо обсуждения противоречащих друг другу моделей или исправления неадекватных взглядов и претендовал на то, что вся традиция таких исследований поддерживает его собственную интерпретацию, суммированную в описании цивилизаций как наиболее широких общностей. Это было колоссальным заблуждением, ведущим к преувеличенным представлениям о коллективной идентичности как неизменной и центральной особенности цивилизаций (сравнительные исследования показывают, что фактически это аспект, который подвержен значительным изменениям) и о её непосредственном переводе в политические альянсы и стратегии» [Арнасон, 2021. С. 15-16, 21]. В кругу аналитиков

и критиков цивилизационного подхода (особенно применительно к России) опора на Хантингтона считается слабым местом [Russia... 2020. Pp. XV, XIX, 2, 17, 173, etc].

В этом смысле социокультурная экономика находится в сложных отношениях с традицией школы исторического журнала «Анналы. Экономики. Общества. Цивилизации», долгое время считавшегося авангардным именно в развитии цивилизационного подхода и выступавшим (от А. Берра до Ф. Броделя и И. Валлерстайна) в противостоянии с политической, событийной историей, характерной для историков-позитивистов начала XX в. [Ионов, 2007. С. 391] Существенным упущением является недооценка экономистами роли социологов и особенно цивилизационного подхода Ш.Н. Эйзенштадта с его представлением о разнообразии путей к модернизации и о цивилизации Модерна как нового типа цивилизации. Он воплощен во множественности модерностей, связанных с разнообразием культурных традиций [Eisenstadt, 2000. P. 27].

Из-за этого социокультурная история попадает под критику социологов, не принявших метаисторический, субстанционалистский, детерминистский, законосообразный подход к анализу цивилизационных формаций разного рода, который они считают порочным наследием старых школ теории цивилизаций XVIII–XX вв. «Популяризованная в 1990-е гг. во многом благодаря нашумевшему тезису С. Хантингтона о “столкновении цивилизаций” в ответ на дезинтеграцию биполярного послевоенного миропорядка метаисторическая версия цивилизационного подхода представляла собой в концептуальном отношении возврат к старым стратегиям интерпретации, *преувеличивающим культурную гомогенность и закрытость отдельных цивилизаций* (курсив мой. — И.И.) и игнорирующим долгую историю их трансформаций и взаимодействий, — пишется в недавно вышедшей монографии по теории цивилизаций. — В академической среде понимаемый таким образом цивилизационный подход критикуют за “культурный эссенциализм” в теоретическом и “культурный расизм” в идеологическом отношении. При этом многие как последователи, так и оппоненты цивилизационного подхода не учитывают разнообразие и принципиальные различия между собой цивилизационных теоретических перспектив, отталкивающихся от плюралистической концепции цивилизации. Метаисторическая теория локальных цивилизаций сформировала односторонний стереотипный образ всей области цивилизационного анализа и во многом заблокировала более адекватное восприятие других версий цивилизационного подхода» [Цивилизационное... 2024, с. 12].

Получается, что социокультурная экономика, с одной стороны, близка к тематике цивилизационных исследований, но с другой — ей присущ существенный отрыв как от их традиции, так и от их современного состояния. Ей свойственно частичное расхождение с современными эпистемологическими основами цивилизационного анализа. Как они могут сказаться на релевантности социокультурной экономики требованиям современной науки? Каковы могут быть её внутренние особенности, позволяющие перестраивать знание на новой когнитивной, эпистемологической и конструктивистской основе, каковы перспективы преодоления подобных недостатков? Ведь так или иначе, у социокультурной экономики больше черт, роднящих её с разными направлениями «цивилизационного ренессанса», чем расхождений.

Между scientismом и релятивизмом

Уже сейчас для социокультурной экономики характерны трансдисциплинарность, «перенаправление внимания» и смена познавательных перспектив. Три её закона в трактовке А.А. Аузана последовательно разворачивают три познавательные перспективы социокультурных влияний на экономику, принадлежащие трём разным дисциплинарным направлениям науки. Характерно, что описание (поскольку инициатива изначально

отдана политологам) начинается с упрощённой до телеологизма модели ценностей политологов Р. Инглхарта и К. Вельцеля, которых вообще-то больше всего тревожили судьбы демократии. В исходном варианте данная модель включает в себя сложные размышления, волновавшие её создателей именно в профессиональном смысле (о ходе процесса секуляризации, нормах индивидуального выбора, балансе политических навыков, гендерном равенстве и феминизации общества), чем о, например, нежелании воевать за свою страну, ксенофобском авторитаризме и наступлении общества искусственного интеллекта. Концепция социокультурной экономики сосредоточена только на одной, правда — центральной, части этой модели: пересмотре традиционной концепции модернизации (перехода от первой фазы, связанной с секулярно-рациональными ко второй фазе, связанной с постматериалистическими ценностями) и создании новой модели модернизации как перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения. В ходе последнего возможно «сопротивление культурного наследия» в результате воздействия «эффекта колеи» [Инглхарт, 2018. С. 30-34; Инглхарт, Вельцель, 2011; Вельцель, 2017; Аузан, 2022. С. 38-40]. Так в центре внимания социокультурной экономики появляется универсалистская векторная модель модернизации и цивилизации, «код экономической успешности», как его называет А.А. Аузан, составляющий основу иерархии ценностей цивилизации Модерна, на которой основаны законы экономики, социокультурные профили, определяющие господствующие культурные коды наций, а также уточнение ценностных детерминант [Аузан, 2022. С. 46, 63]. Но по принципу «перенаправления внимания» этим дело не ограничивается.

Универсальная модель цивилизации Инглхарта-Вельцеля, в которой страны противопоставлены друг другу, дополняется концепцией социолога Г. Хофстеде, в которой сочетались общие черты цивилизации Модерна (исследовались работники одной и той же фирмы IBM в разных странах) и ценности, доминировавшие в отдельных странах, что отражало реальность «множественных модернизаций». В созданных Хофстеде «звездаграммах» были представлены соотношения несколько более широкого круга ценностей, чем в первом из законов: индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, мера избегания неопределённости, феминность/маскулинность, долгосрочная/краткосрочная ориентация. Это позволяло обратиться к более широкому анализу социокультурных факторов, в частности к результатам ряда эпистемологических поворотов, перестроивших процесс изучения общества в конце XX — начале XXI вв.: лингвистического, пространственного, экологического, исторического [Аузан, 2022. С. 51-66]. Поскольку речь идёт об обществах цивилизации Модерна, это лишь частично характеристики локальных цивилизаций (в основном речь шла о сравнении США и Японии). Доминирует интерес к конкурентоспособности отдельных ценностных ориентаций (межцивилизационный аспект, характерный для «цивилизационного ренессанса», который впервые акцентировал Б. Нельсон и развил Й. Арнасон) [Арнасон, 2021. С. 58-83].

А.А. Аузан выделяет и более сложные варианты звездаграмм, касающиеся России, которую С. Хантингтон именовал «разорванной страной». Этот разрыв, или, как его называет Аузан, «двухъядерность экономической культуры», был обнаружен в противостоянии коллективистских и индивидуалистических ценностей, сложившемся из-за того, что независимая модернизация оставляет социокультурные следы лишь в социальных элитах, в то время как народные массы остаются под влиянием традиционных коллективистских ценностей, использованных самодержавным государством для развития податной крестьянской общины с круговой порукой. Следствие — несостыкованность инструментов хозяйственных коммуникаций и, как результат, — недоговороспособность массы населения, её принципиальное недоверие к партнёрам [Аузан, 2022. С. 74-79, 140-141]. Надо указать, что эти рассуждения могут опираться не только на слова Хантингтона, но и на большую

традицию изучения русской культуры историками и философами, а также на высказывания зарубежных учёных.

Характеризуя работы А.С. Ахиезера о «расколотом обществе» России, о её «промежуточной цивилизации», её насущной потребности в медиации и диалоге, его вдова С.Я. Матвеева отмечала, что о «расколе на “дневную” и “ночную” культуры... конфликтах между деревенской и городской жизнью писали и говорили И. Киреевский, В. Соловьев, В. Ключевский, А. Герцен, Г. Флоровский, Н. Лосский, Н. Бердяев, Г. Федотов, Д. Мережковский, австриец Вальтер Шубарт и многие другие, вплоть до В.И. Ленина, указывавшего на противоположность двух культур в одной нации, конфликт между которыми “неизбежен”» [Матвеева, 2014]. А.С. Ахиезер же писал о существовании в России двух субкультур, что приводит к периодической дезинтеграции общества, так как «гипоцентр одной субкультуры совпадает с гиперцентром другой культуры... Тем самым складывается заколдованный круг... обе субкультуры вызывают друг у друга дискомфортное состояние... при этом каждая из сторон может полагать, что борется с мировым злом» [Ахиезер, 1991. С. 289-290].

Подобные расколотые цивилизации у историков принято называть «пограничными», интегрирующими опыт нескольких социокультурных образований. Для родственных цивилизаций Латинской Америки и России типично проблемное, противоречивое соотношение личности и общества, индивидуализма и общинного архетипа [Шемякин, 2001. С. 273-344]. По этому поводу ведётся интересный диалог между глобальными историками, которые называют подобные зоны «историческими регионами», и социологами, которые видят здесь не внутренний раскол или разрыв, а взаимодействие соседних цивилизаций. Й. Арнасон пишет по этому поводу: «Они образуют арены длительных взаимодействий, конфликтов, частичного слияния и наведения мостов между различными цивилизационными течениями. Факт существования таких регионов имеет последствия для нашего понимания цивилизаций; он служит аргументом против представления о замкнутых культурных мирах с жёсткими и непреодолимыми границами... Можно заметить..., что Россию лучше понимать в таких терминах, чем в качестве замкнутой православной цивилизации» [Арнасон, 2021. С. 14].

И только при формулировке третьего закона социокультурной экономики, определяющего возможные источники экономического роста, А.А. Аузан обращается к работам собственно экономистов. В них он находит анализ социокультурного потенциала экономики. Он предлагает использовать как двигатель модернизации проблемные, но мощные социокультурные факторы: феминность, высокую адаптивность российской культуры, перерастающую в креативность, способность к краткосрочной мобилизации. При их помощи Аузан предлагает преодолеть эффект колеи, резонанс «удерживания прежних неэффективных институтов», которые порождаются культурной традицией, и вместе с тем не дают ей меняться [Аузан, 2022. С. 80-91, 95-98].

Для этого надо использовать «культурный код трансформации», промежуточные институты, способные превратить экономику в успешную. Они могут сыграть роль укоренённых в местной культуре инструментов, помогающих преодолевать политические или культурные ограничения на пути модернизации. Как примеры успешной опоры на локальные ценности приводятся Словения с собственностью трудовых коллективов на предприятия, Южная Корея с чеболями, Россия с перспективой внедрения селективных налогов с правом решать, куда направлять средства [Аузан, 2022. С. 120-126]. Эти идеи опираются на работы экономистов Цянь Инъи, В.М. Полтеровича и Д. Родрика, определивших политические или культурные препятствия на пути реформ и поставивших целью найти политику, устраняющую ограничения и соответствующие им институты, а затем последовательно выстраивать цепочки таких институтов [Аузан, 2022. С. 119-120, 136].

Здесь мы видим довольно жёсткую тернарную схему, логика которой знакома нам по работам Г.В.Ф. Гегеля: исходную бинарную оппозицию (выживания и самовыражения), раскрывающуюся через её конкретизацию в разнообразных ценностях культуры («звездаграммах») — и порождающую механизм развития, действующий на основе переходных институтов, синтезирующих наличные и искомые ценности. Но это лишь схема, на которой автор не останавливается. Законы социокультурной экономики составляют лишь общую рамку изложения, за каждой из структур которой следует «перенаправление внимания» в стиле Д. Канемана и появление блестящей россыпи новых познавательных перспектив, представляющих широчайшее поле для размышлений: за законом экономического успеха следуют рассуждения о роли социальной интерпретации религиозных взглядов, за законом конкурентной специализации — повествование о роли языка, климата и истории, за законом трансформации — анализ роли институтов, таких как семья, школа, тюрьма и армия, средства массовой информации; ему сопутствует вставка о культуре доверия [Аузан, 2022. С. 40-46, 59-64, 127-134, 136-155].

Возможность альтернативных интерпретаций

Однако совокупность направлений исследований, заданная работами упомянутых политологов, социологов и экономистов и дополненная творчеством преподавателей, не исчерпывает полноты возможных познавательных перспектив изучения социокультурных влияний на экономику. Понятие цивилизации так или иначе связано с гуманистическим идеалом. Поэтому важнейшая составляющая цивилизационного анализа процесса модернизации — не только эффективность экономики, но и то, что Ш.Н. Эйзенштадт называл «антиномиями модерности», прежде всего тема «противоборствующих нормативных принципов»: поляризация действия и структуры, индивидуализма и коллективизма модерности и психологических травм людей как их следствие. Р.Г. Браславский обозначил это как противоречие между автономией человека и овладением им условиями своего существования. «Высвобождение людей из традиционных связей имело своим последствием рост неопределённости, порождённой собственными усилиями людей» [Браславский, 2024. С. 100-101]. Й. Арнасон пишет в связи с этим, что «модерность является внутренне разделённой и оспариваемой...: она соединяет новые способы накопления богатства и власти с новым пониманием человеческой автономии. С обеих сторон присутствуют — и находятся в конфликте — культурные интерпретации» [Арнасон, 2021. С. 31-34]. Эта важная тема затрагивается в связи с образом человека не столько в экономике, сколько в антропологии. Чтобы продемонстрировать перспективы подобных подходов для развития социокультурной экономики, «перенаправим внимание» на один из них, сформулированный антропологами начала XXI в., пытавшимися двигаться в направлении «цивилизационного ренессанса». Примером для нас будет Ю. Кавада, выступавший с позиций постколониальной критики на конференции по диалогу цивилизаций в Киото в 2001 г. Его тема близка проблематике социокультурной экономики. Он сосредоточил внимание на эффективности межкультурных взаимодействий, на особенностях периферийных локальных экономик, гуманном использовании человеческого капитала. И оказалось, что его представление об эффективности экономики гораздо шире.

Характерно противостояние Ю. Кавады как линейно-стадиальной, европоцентристской версии теории цивилизаций, так и мультикультурализму. Его не устраивало субстанционалистское, системно-структурное восприятие локальных цивилизаций, «характеристика культуры как определённой конфигурации, рассматриваемой как единство, носителем которой является определённая группа людей». Он считал, что для народов подобная идея может стать знаменем фундаментализма, поощрять политический и культурный

изоляциялизм. Альтернативой этому взгляду Кавада провозглашал отказ от абсолютизации любой познавательной позиции, поскольку в цивилизационном исследовании объект и субъект исследования находятся на одном уровне и в когнитивном, и в моральном смысле. Следствие — непризнание и даже моральное неприятие любой познавательной позиции в качестве универсальной. Он считал необходимым критиковать познавательные последствия этих позиций с других точек зрения. В рамках этого подхода значение ценностей модернизации характеризуется как глобальное, но не универсальное. Это понятие ставится в кавычки, как и понятия «варварство» или «дикость» [Kawada, 2001. Рр. 627, 630, 634].

Поэтому для Кавады было естественным сравнивать социокультурные условия и достижения весьма разнородных экономик. Он предложил «метод триангуляции», при котором на одном поле оказывались западные культуры, его собственная, японская и африканская культура одного из народов Буркина Фасо. Технология выращивания риса в Японии раннего Нового времени рассматривалась им как «человеко-зависимая» и сравнивалась в этом качестве с механизированными, «человеко-независимыми» технологиями Запада. При этом те и другие расценивались как взаимодополняющие, так как в эпоху Мейдзи их элементы в Японии были объединены. Третьей стороной сравнения была подсечная культура выращивания проса в африканской саванне, основанная на технологии «бриколажа», т. е. изобретательного использования любых ресурсов, независимо от их происхождения, как материального, так и магического, ритуального, характера. В её структуре магические «знаки» занимали место логических понятий в других сравниваемых культурах, а производственный цикл полностью помещался внутри экологического цикла [Kawada, 2001. Рр. 630, 635].

Кроме того, цивилизации подразделялись на «целеориентированные», динамичные и ориентированные на эффективность деятельности (Европа) и «ориентированные на процесс» (*process-respected*), как Япония или Буркина Фасо. При исследовании методом триангуляции каждая из перечисленных технологических культур и ценности, которые она несёт, могут рассматриваться с точки зрения двух других. Культуры как идеальные типы сконструированы таким образом, чтобы подчеркнуть их статус теоретического объекта, операциональную функцию и познавательную ценность для сравнительного исследования цивилизаций. Кавада фиксирует дистанцию между этими моделями и реальностью, а также предлагает способы их применения. Историю человечества, по его мнению, надо описывать не только с точки зрения достижений Запада, но и психологических травм, которые наносит модернизация, критики процессов дегуманизации труда, становящегося чисто экономическим фактом, и разрушения природной среды. Регуманизация человеческого труда, о которой говорил М.К. Ганди, как и деревенская технология бриколажа, имеют актуальное значение и приобретают важную роль при создании человеко-ориентированных технологий [Kawada, 2001. Р. 636-639].

Проблемы понятийного аппарата

Концепцию социокультурной экономики можно развивать и в эпистемологическом плане. С точки зрения идей «цивилизационного ренессанса» заметно, что на это направление знаний наложил отпечаток свойственный экономистам сциентистский и детерминистский поход, в целом чуждый современному цивилизационному анализу, особенно в его социологической и исторической составляющих (контингентный нарратив). Этот подход проявляется в интересе к причинно-следственным связям и устойчивым закономерностям, апелляции к понятиям, фиксирующим природу культурных и экономических традиций отдельных цивилизаций. На взгляд социологов и историков, склонных к деконструкции

когнитивных карт или способов фреймирования, определяющих предпосылочное знание, это скорее характеризует позицию и жёсткую познавательную перспективу наблюдателя, а не объект наблюдения. Это касается, в частности, важной для А.А. Аузана проблемы доверия [Аузан, 2022. С. 136-155]. Социологи утверждают, что «доверие оказалось гораздо более сложным социальным феноменом, чем это представлялось социологам в 1990-х гг. (нам в том числе)» [Цивилизационное..., 2024. С. 393].

Детерминистский и сциентистский подход экономистов подвергается критике гуманитариев. Ведь там, где экономические законы опираются на социокультурные обстоятельства, в дело вступают культурология, герменевтика и интерпретации, в частности, конкурирующие дискурсы, на основе которых выстраиваются не только разные способы фреймирования сравниваемых объектов, но и отличия субъектов экономического анализа. В связи с этим социолог Й. Арнасон ставит на первый план «герменевтический подход к данной проблематике (с нашей точки зрения, только он и является адекватным)» [Арнасон, 2021. С. 22]. Влияние дискурсов релятивизирует значение понятий и жёсткость детерминистских схем [Йоргенсен, Филлипс, 2008. С. 42-43].

Экономисты проявляют интерес к разным аспектам хозяйственной жизни и определяющим её социокультурным обстоятельствам. Они сравнивают страны в разных контекстах и по разным основаниям. Иногда это сравнение на уровне богатства и благосостояния отдельных наций. Иногда — в географических масштабах мировой экономики, в рамках квазилинейной прогрессистской версии эволюции, в презентистском контексте современной экономики. В связи с этим можно говорить о разных познавательных позициях, воплощённых в различных фреймах или когнитивных картах, создающих разные представления о норме, исключениях, пространственных и временных моделях. Представляется важным упоминание об изменениях этих «кодов» или «законов» во времени и пространстве, о неполноте отражения ими богатств национальной культуры. Поэтому речь здесь идёт не только о законах экономики, как в классическом знании, но и об исследовательских перспективах, повестках дня, вопросниках, как в неклассическом и постнеклассическом знании, которые распадаются на ряд направлений. Экономика здесь не только изучаемый объект, но и по-разному конструируемый учёным предмет знания. В отличие от классического знания здесь ясно видна фигура исследователя как одного из акторов экономического процесса, меняющего повестку дня и вопросник.

Как пример приведу хотя бы понятие культурного кода, выведенное в заглавие книги А.А. Аузана. Такого рода явление не дано нам в ощущениях: оно выстраивается исследователем для проблематизации культуры, представляет собой модель или конструкт, часть когнитивной карты изучаемой реальности. Поэтому его образ нестоек и внутренне противоречив. В книге М. Эпштейна о выражении культурных кодов через первопонятия культуры они характеризуются по-разному: как через универсальность первосмысла («элементы общечеловеческого опыта»), так и через локальность его проявления («преломление через национальные языки и культуры»); как через ригидность во времени («константность: устойчивость, преемственность на протяжении всего существования цивилизации или длительной эпохи; подчас укоренённость в древних, мифологических представлениях»), так и через переменчивость («потенциальность: первопонятие обладает открытой структурой, допускающей множество интерпретаций и, оставаясь константным, непрестанно расширяет свой смысл, предоставляет возможности для домысливания и переосмысления, играет активнейшую роль в смене культурных парадигм»). Порой противоречивые свойства постулируются одно за другим: «5) аксиоматичность: первопонятие выступает как самоочевидное, самообоснованное, признанное в культуре как точка отсчёта для других понятий и способ их определения; 6) дискуссионность: первопонятия вызывают множество споров, разногласий; за право их использовать и привлекать на свою сторону борются разные мировоззрения, идеологии, методологии». Таким образом,

код — это не ответ, а вопрос, не результат, а отправная точка исследования [Эпштейн, 2022. С. 7, 9, 11-12, 14-15]. Какое из свойств характеризует культурный код нации в данный момент, в данном месте и ситуации неясно; это не эмпирический факт, а инструмент теоретического анализа, ценность которого в его непонятности, проблемности как импульсе для построения вопросника исследователя.

В работе Р. С. Уортмана о русской культуре подчеркнуты зыбкость смысловых границ ключевых слов русского языка, спрятанных в паутине значений, внутреннее культурное разнообразие страны, перформативный и эмоциональный характер культурных кодов, проявляющихся в харизматичности того или иного языкового явления, представляющего основу «эмоциональной матрицы». Уортман выражает удивление их гибкостью и изменчивостью, странными особенно в России, где эти коды навязываются государством или изобретаются интеллигенцией под сильным европейским влиянием как на уровне общих понятий (политичность, образованность, культурность), так и на уровне повседневных бытовых и производственных практик (хозяин как личность, софийное хозяйство, социалистическое соревнование, культурный отдых), а культура высших слоёв и простонародья остаётся расколотой [Wortman, 2019. Pp. 3-4, 122, 180].

Понятие культурного кода сжимает до минимальной символической проекции смысла достаточно расплывчатое само по себе представление о национальном характере или ментальности, часто критикуемые историками, обращающими внимание на их метафорический характер. Поэтому недостаточно убедительным оказалось выдвинутое ещё Э.С. Кульпиным на конференции в сентябре 1994 г. представление о культурных кодах цивилизаций и точке бифуркации в развитии России и Запада XIII–XV вв., которые сменили эволюционный тип развития, соответственно, на мобилизационный и инновационный [Кульпин, 1995; Генетические коды..., 1995; Кульпин, 2010. С. 21]. Исследователи цивилизационного подхода к истории России, говоря о кодах и ментальностях, отмечают «отсутствие надёжных критериев для построения соответствующей системности» [Морозов, 2014. С. 117, 221, 285-287]. Особенно это касается гораздо более популярного, чем термин «культурный код», понятия «менталитет», приобретающего характер самоисполняющегося пророчества относительно больших групп людей, вплоть до нации и цивилизации («это случилось потому, что таков менталитет») [Морозов, 2014. С. 221]. Между тем социологические исследования доказывают существование множества идентичностей и соответствующих им ментальностей, носителем которых может быть конкретный человек. Это могут быть и городская, и образовательная, и профессиональная, и правовая, и экологическая, и экономическая, и др. идентичности (и ментальности) [Морозов, 2014. С. 199-202, 210, 212]. Всё это ограничивает роль понятия культурного кода до редукционистской культурологической метафоры, маркирующей национальную культуру. Недаром попытки верификации подобного рода моделей сводятся к иллюстрациям, отдельным примерам. Лауреат Нобелевской премии по экономике за 2002 г. Д. Канеман по сходному поводу отмечал, что именно таким способом легче всего создаются когерентные модели, внешне логичные и убедительные, но не релевантные познавательным задачам [Канеман, 2023. С. 109, 115, 118].

Для историка подобное структуралистское словоупотребление, упор на системности культурно-экономических связей выглядит несовременным, попыткой выстроить когерентный исторический нарратив, уступающий в условиях когнитивного поворота место контингентному нарративу, связанному с представлениями о вероятности и случайности. «Цивилизационный ренессанс» связан с переходом к радикальному историзму, отвечающему общему духу работ А.А. Аузана и разрушающему представление об однозначности смыслов и линейности причинно-следственных связей, что открывает дорогу к реинтерпретации смыслов и циркулярной причинности [Олейников, 2021. С. 16-17]. Применение понятий закона и культурного кода, на наш взгляд, должно быть ограничено

путём «перенаправления внимания» не спонтанно, как это делается сейчас, а в рамках более общего контекста (типа мультимодерности), хотя эти понятия и эффективны как инструменты обучения. В определённой мере их применение затрудняет анализ экономической роли культурной традиции во всей её локальной и темпоральной оригинальности, сложности и противоречивости. Ещё Э. Трельч писал, что в выведенных исследователями цивилизаций XIX в. социальных законах, «которые служат одновременно и ценностными законами... всегда уже заключено очень большое превышение эмпирии» [Трельч, 1994. С. 124].

С эпистемологической точки зрения тут сразу встаёт проблема перевода обозначения ценностей с языка на язык. Ценностные понятия часто имеют характер «пустых означающих», имеющих порой десятки и сотни значений (например, «культура» [Kroeber, Kluckhohn, 1952]), которые дрейфуют на смысловом поле в произвольных направлениях. Фиксация позиции наблюдателя, а также языка изложения, противоречащая идеалу рефлексивности и историчности, мешающая обретению мультиперспективистской позиции, ограниченно пригодна для компаративистских целей [Вернер, Циммерманн, 2007]. Как писал ещё классик цивилизационного подхода и создатель концепции мир-экономик Ф. Бродель: «Я считаю ошибочным только одно: выбрать одну из... историй, а всеми остальными пренебречь» [Бродель, 2000. С. 128]. С онтологической точки зрения, как уже указано, ущербна реификация и эссенциализация нормативного образа цивилизации как способа фреймирования изучаемой реальности.

Всё это отчасти сближает социокультурную экономику со слабыми местами сциентистских экологических моделей истории цивилизаций [Генетические коды..., 1995]. Их роднят стремление к реификации способов фреймирования реальности и детерминизму (скептически воспринимаемым гуманитариями). Здесь несколько расходятся идея колеи развития как пассивной принудительной силы (*path dependence*) и представления о «радикальной рефлексивности способности» модерности и творческой силе традиции, в которой не угасает импульс породившей её инновации, реинтерпретации и трансформации последней [Цивилизационное... 2024. С. 134-135]. Причина этого — упор на проблематику локальных цивилизаций (в частности, российской), и недооценка глобальной цивилизации Модерна и проблематики множественных модерностей. Этот подход интересен в той мере, в какой он сопровождается «перенаправлением внимания» на другие факторы. Социолог Р.Г. Браславский в связи с этим пишет: «...наблюдаемое культурное и институциональное разнообразие современных обществ не может быть отнесено всецело на счёт влияния исторически сложившихся цивилизационных традиций или институциональных матриц, т. е. объяснено исключительно культурной и/или институциональной зависимостью от прошлого пути, так называемым эффектом колеи. Как показал Э. Гидденс, беспрецедентная рефлексивная способность модерности подрывает любые прежде сложившиеся цивилизационные формации, но в то же время, по замечанию Й. Арнасона, она усиливает релятивный характер всех интерпретаций, вырабатываемых в ответ на собственную проблематику модерности, что, в свою очередь, открывает возможности для взаимодействия последней с историческим цивилизационным наследием» [Браславский, 2024. С. 201].

Некоторые итоги

Нельзя не отметить эпохальный, прорывной характер созданных в России работ по социокультурной экономике. Они стали большим вкладом в такое мощное, наблюдаемое в последние десятилетия междисциплинарное явление, как «цивилизационный ренессанс», затронувший множество направлений в философии, политологии, социологии, антропологии, культурологии, истории, географии. Историки, начинавшие движение в этом направлении в 1980 — начале 1990-х гг., могут только позавидовать экономистам. Но если

у историков и социологов процесс включения в цивилизационный анализ сопровождался глубоким изучением работ предшественников, то экономисты выбрали случайный импульс для вдохновения, найдя его в спорных и довольно противоречивых работах политолога С. Хантингтона [Ионов, 2024. С. 15-17; Ионов, 2015. С. 283-286]. Это проявляется в некоторой жёсткости исследовательских и преподавательских моделей, влиянии на них системно-структурного идеала классического знания, детерминизма, элементов телеологизма и эссенциализма, в игнорировании опыта проработки альтернативных версий интерпретации социокультурных влияний на экономику, созданных в смежных областях знания, проблем употребления понятий «закона» и «культурного кода». Некоторые проблемы, такие как соотношение индивидуализма и коллективизма, «эффект колеи», уровень генерализированного и институционального доверия трактуются ими как локально российские, в то время как для социологов первая относится к кругу общих вопросов «антиномий модернизации», вторая входит в число сложных проблем соотношения традиций и множественных модерностей, а третья по меньшей мере является спорной [Цивилизационное... 2024. С. 19, 134, 393-394]. Выходом из этой ситуации может быть более активная интеграция социокультурной экономики в процесс «цивилизационного ренессанса», углубление её исторической и теоретической составляющих, движение в направлении трансдисциплинарного, мультиперспективистского, конструктивистского подхода, расширяющего круг когнитивных карт экономистов за счёт рефрейминга цивилизационных моделей.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Арнасон Й. (2021). *Цивилизационные паттерны и исторические процессы* [Arnason J. (2021). *Civilizational Patterns and Civilizing Processes*]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Арнасон Й. (2022). *Тоталитарный раскол: альтернативные модерности XX века* [Arnason J. (2022). *The Totalitarian Schism: Alternative Modernities of the 20th Century*] // *Неприкосновенный запас*. 2022. № 1 (141). С. 105–130.
- Асмолов А.Г. (2015). Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Asmolov A.G. (2015). *Psychology of modern times: challenges of uncertainty, complexity and diversity*] // *Психологические исследования* (электронный журнал). Т. 8. № 40. С. 1-11. (URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/550> (дата обращения: 15.01.2025)).
- Аузан А.А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития: эволюция гипотез [Auzan A.A. (2015). *Path dependence. The problem of path dependence: evolution of hypotheses*] // *Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика*. № 1. С. 3–17.
- Аузан А.А. (2017). *Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь* [Auzan A.A. (2017). *The economics of everything. How institutions shape our lives*]. — М.: МИФ.
- Аузан А.А. (2022). *Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа* [Auzan A.A. (2022). *Cultural codes of economics. How values influence competition, democracy and the well-being of the people*]. — М.: Издательство АСТ.
- Аузан А.А., Никишина Е.Н. (2021). *Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций* [Auzan A.A. Nikishina E.N. (2021). *Sociocultural economics: how culture influences the economy, and economics influences culture: a course of lectures*]. — М.: Экономический факультет МГУ.
- Ахиезер А.С. (1991). *Россия: критика исторического опыта*. В 3 т. Т. 3. [Akhiezer A.S. (1991). *Russia: criticism of historical experience*. In 3 vols. V. 3.]. — М.: Философское общество СССР.
- Браславский Р.Г. (2024). *Цивилизационный анализ как трансдисциплинарная исследовательская программа в социологии*. Дис... д-ра социол. наук [Braslavsky R.G. (2024). *Civilization analysis as a transdisciplinary research program in sociology*. Diss... D-r of Sociol. Sciences]. — СПб.: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
- Бродель Ф. (2000). *История и общественные науки. Историческая длительность* [Braudel F. (2000). *History and social sciences. Historical duration*] // *Философия и методология истории* / Под ред. И.С. Кона. — Благовещенск: РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. С. 115-142.
- Брубейкер Р. (2012). *Этничность без групп* [Brubaker, R. (2012). *Ethnicity without groups*]. — М.: НИУ ВШЭ.
- Вернер М., Циммерманн Б. (2007). *После компаратива: histoire croisée и вызов рефлексивности* [Werner M., Zimmermann B. (2007). *After the comparative: histoire croisée and the challenge of reflexivity*] // *Ab Imperio*. № 2. С. 59-90.

- Вельцель К. (2017). *Рождение свободы* [Welzel C. (2017). *Freedom rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation*]. — М.: АО «ВЦИОМ».
- Генетические коды цивилизаций: М-лы 3-й научн. конф. «Человек и природа-проблемы социо-естественной истории». Феодосия, сент. 1994 г. (1995) / Ред. Э.С. Кульпин [Genetic codes of civilizations: M-ls of the 3rd scient. conf. «Man and nature are problems of social-nature history». (1995)]. — М.: Московский Лицей.
- Инглхарт Р. (2018). *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир* [Inglehart R. (2018). *Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world*]. — М.: Мысль.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития* [Inglehart R., Welzel K. (2011). *Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development*]. — М.: Новое издательство.
- Ионов И.Н. (2007). *Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия* [Ionov I.N. (2007). *Civilizational consciousness and historical knowledge: problems of interaction*]. — М.: Наука.
- Ионов И.Н. (2015). *Мировая история в Глобальный век. Новое историческое сознание* [Ionov I.N. (2015). *World history in the Global Age. New historical consciousness*]. — М.: Аквилон.
- Ионов И.Н. (2024). *Цивилизационный ренессанс и когнитивистика* [Ionov I.N. (2024). *Civilization Renaissance and Cognitive Science*] // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2024. № 89 (4). С. 5-19. DOI: 10.21267/AQUILO.2024.89.89.034
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. (2008). *Дискурс-анализ. Теория и метод* [Jorgensen M. W., Phillips L. J. (2008). *Discourse analysis. Theory and method*]. — Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр».
- Йордхайм Х. (2021). *Множественное время и стратиграфии истории* [Jordheim H. (2021). *Plural time and stratigraphy of history*] // *Логос*. Т. 31. № 4. С.95–118. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-95-116
- Канеман Д. (2023). *Думай медленно... решай быстро* [Kahneman D. (2023). *Think slowly... decide quickly*]. — М.: Издательство АСТ.
- Канеман Д., Словик П., Тверски А. (2005). *Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения* [Kahneman D., Slovik P., Tversky A. (2005). *Decisionmaking under uncertainty. Rules and biases*]. — Харьков.: Инст-т прикладной психологии «Гуманитарный Центр».
- Кульпин Э.С. (1995). *Социально-экологический кризис XV в. и становление российской цивилизации* [Kulpin E.S. (1995). *Social and environmental crisis of the 15th century, and the formation of Russian civilization*] // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 88–98.
- Кульпин Э.С. (2010). *Генетический код цивилизации* [Kulpin E. S. (2010). *Genetic code of civilization*] // *Природа и общество: на пороге метаморфоз. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»* / Под ред. Э.С. Кульпина-Губайдуллина Вып. XXXIV. М.: ИАЦ Энергия. С. 10-26.
- Кульпин Э.С., Пантин В.И. (1993). *Решающий опыт* [Kulpin E.S., Pantin V.I. (1993). *A decisive experience*]. — М.: Московский лицей.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* (2002). [Culture Matters: How Values Shape Human Progress (2002)] / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М.: Московская школа политических исследований.
- Маркарян Э.С. (1981). *Узловые проблемы теории культурной традиции* [Markaryan E.S. (1981). *Key problems of the theory of cultural tradition*] // *Советская этнография*. № 2. С. 78–96.
- Матвеева С.Я. (2014). *Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера* [Matveeva S.Ya. (2014). *A divided society: the path and fate of Russia in the sociocultural theory of Alexander Akhiezer*] // *Демоскоп Weekly*. №609–610. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0609/nauka02.php> (дата обращения: 15.01.2025).
- Морозов Н.М. (2014). *Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX-XXI вв.* [Morozov N.M. (2014). *Conceptualization of historical knowledge about Russian civilization at the turn of the XX-XXI centuries*]. — Кемерово: Практика.
- Олейников А.А. (2021). *Время истории* [Oleynikov A.A. (2021). *The time of history*] // *Логос*. Т. 31. № 4. С. 5–30. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-5-27
- Трельч Э. (1994). *Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории*. [Troelch E. (1994). *Historicism and its problems. The logical problem of the philosophy of history*]. — М.: Юрист.
- Фернандес-Арместо Ф. (2009). *Цивилизации* [Fernandez-Arместо F. (2009). *Civilizations*].— М.: Издательство АСТ.
- Цивилизационное многообразие современного мира* (2024). [Civilizational diversity of the modern world (2024).] / Отв. ред. Р. Г. Браславский, А. В. Малинов. — М., СПб.: ФНИСЦ РАН.
- Шемакин Я.Г. (2001). *Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории* [Shemyakin Ya.G. (2001). *Europe and Latin America: interaction of civilizations in the context of world history*]. — М.: Наука.
- Элиас Н. (2001). *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. В 2 т. Т. 2. [Elias N. (2001). *About the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic research*. In 2 vols. Vol. 2]. — М., СПб.: Университетская книга.

- Эпштейн М. (2022). *Первопонятия : Ключи к культурному коду* [Epstein M. (2022). *First concepts: Keys to the cultural code*]. — М.: Колибри, Азбука-Аттикус.
- Davutoğlu A. (2014). *Civilizational Revival in the Global Age* // *Civilizations and World Order. Geopolitics and Cultural Difference* / F. Dallmayr, M. A. Kayapınar, İ. Yaylıcı (eds.). — Lanham, Boulder, New York etc.: Lexington. Pp. 73-98.
- Eisenstadt S.N. (2000). Multiple Modernities // *Daedalus*. Vol. 129. № 1. Pp. 1-29.
- Kawada J. (2001). *Beyond Cultural Relativism and Globalism — A Proposal to Deepen Cultural Awareness through «Dialogues»* URL: <https://www.unu.edu/dialogue/papers/Kawada-abstcs>. Pdf (access date: 26.03.2007).
- Kroeber A. L., Kluckhohn C. (1952). *Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions* // *Papers. Peabody Museum of Archaeology & Ethnology, Harvard University*. No. 47(1). — Cambridge, Mass.: Peabody Museum Press.
- Roudometof V. (2024). How Should We Think About Globalization in a Post-Globalization Era? // *Dialogues in Sociology. Online First*. P. 1–14. DOI: 10.1177/29768667241293053
- Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia* (2020). / K.J. Mjør and S. Turoma (eds.). — Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Sil R., Katzenstein P.J. (2011). *Beyond Paradigms. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics*. — Basingstoke: PalgraveMacMillan.
- Therborn G. (2003). Entangled Modernities // *European Journal of Social Theory*. Vol. 6. №. 3. Pp. 293–305.
- Wortman R.S. (2019). *The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History. Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries*. — London; New York: Bloomsbury Academic.
- Zhang Weiwei (2012). *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. — Singapore: World Century Publishing Corporation.

Ионов Игорь Николаевич

igion52@yandex.ru

Igor Ionov

candidate of sciences (history), senior researcher, Institute of world history of the Russian Academy of sciences (Moscow)

igion52@yandex.ru

«CIVILIZATIONAL RENAISSANCE» AND SOCIO-CULTURAL ECONOMICS

Abstract. The article examines the epistemological problems of the domestic version of socio-cultural economics as a subject of intellectual history, which is analyzed in the context of the civilizational renaissance developing since the 2010s. It is shown that socio-cultural economics is associated with the processes of deglobalization and the undermining of traditional ideas about modernization. These trends are most clearly manifested in sociology, where the civilizational turn determined the idea of Modernity as a new type of civilization, and the idea of the plurality of modernities, including alternative and intertwined ones. In socio-cultural economics, such features of the civilizational renaissance as the contingency of the narrative, attention to alternative versions of explanations, the desire to think “from the contrary”, features of cultural, spatial, historical turns common to social and humanitarian knowledge have manifested themselves. Nevertheless, there is a detachment from the centuries-old tradition of civilizational analysis and a number of its disciplinary areas. The cross-cutting connection with S. Huntington’s position leads to an increased influence of classical scientific knowledge, a metahistorical approach to civilizational analysis associated with scientism, determinism, and essentialism. This is manifested in ignoring a number of alternative versions of the interpretation of socio-cultural influences on the economy, and problems with the use of the concept of a cultural code. Overcoming these difficulties is seen in a more active integration of socio-cultural economics into the process of civilizational renaissance, an increasing role for humanitarian aspects of analysis, and a movement toward a transdisciplinary, multiperspectivist, constructivist approach that expands the cognitive maps of economists by reframing civilizational models.

Keywords: *socio-cultural economics, post-globalization era, civilizational revival, civilization of Modernity, multiple modernities, path dependence, essentialism, multiperspectivism, reframing.*

JEL: A1, A12, A14, A20.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Е.Е. Шестакова

*к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ДОЛГОСРОЧНЫЙ УХОД — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА ИЛИ СЕМЬИ (ВЗГЛЯД С ВОСТОКА И ЗАПАДА)

Аннотация. Быстро меняющаяся демографическая и социальная ситуация, старение населения и связанное с этим растущее число реально нуждающихся в долгосрочном уходе, но остающихся вне зоны действия системы социальной поддержки, ставят перед государством новые задачи. Модель государственного обеспечения только самых бедных и уязвимых и опора на местное сообщество как организатора социальной сферы и семью — как опору для всех остальных не в полной мере отвечает новым вызовам. Статья посвящена современному пониманию процессов старения и определению долговременного ухода как нового социального риска; анализу различных подходов к формированию систем поддержки лиц с ограничениями в самообслуживании на примере ряда ключевых государств с высокими темпами старения и средним уровнем развития, где предложение неформального семейного ухода сокращается, а инфраструктура только формируется. Пролонгированная и многоканальная система современного ухода относится к категории дорогостоящих услуг. Их стоимость, как правило, значительно превышает медианные доходы пенсионеров в случаях средней и высокой зависимости. Среди дополнительных ограничителей в большинстве среднеразвитых государств выступает и невысокий уровень доступности медицинских услуг. Индикатором последнего является высокая доля личных расходов пациентов в общих затратах на здравоохранение. Практика рассматриваемых стран показывает, что задачи формирования современных институтов, которые могли бы обеспечить повышение эффективности общественных расходов на цели материальной и социальной поддержки пожилого населения, решаются на пути создания смешанной экономики ухода с использованием средств государственных бюджетов, страховых схем и населения, с привлечением государственных, некоммерческих и коммерческих структур, действующих в данной сфере. Формы и объём государственной поддержки в каждом случае определяются размерами опекаемых групп населения.

Ключевые слова: старение населения, социальный риск, долговременный уход, смешанное финансирование, государственная поддержка.

JEL: I11, I13, J14

УДК: 364.01, 364.04

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_71_86

© Е.Е.Шестакова, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шестакова Е.Е. Долгосрочный уход — ответственность государства, общества или семьи (взгляд с Востока и Запада) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 71–86. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_71_86.

FOR CITATION: Shestakova E.E. Long-Term Care Is the Responsibility of the State, Society or Family (a View from the East and West) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 71–86. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_71_86.

Старение населения и изменение семейных норм в отношении межпоколенной поддержки, идущие как в экономически развитых, так и, с нарастающей скоростью, в государствах со средним уровнем развития, диктуют необходимость поиска наиболее эффективных и экономически приемлемых подходов к организации системы долговременного ухода и реабилитации. Тема роста социальных и экономических затрат для отдельных семей и для общества в целом на медико-социальную поддержку людей с ограниченными возможностями давно находится в фокусе внимания в государствах с высокой долей лиц пожилого и старческого возраста в структуре населения [Cylus, Figuera, Normand, 2019; Ces, Coster, 2019; Hashiguchi, Llana-Nozal, 2020]. Накоплен значительный опыт использования различных моделей организации и общественного финансирования долговременного ухода [Long-term care report..., 2021; Rocard, Llana-Nozal, 2022].

В данной области остаётся много нерешённых вопросов как общего плана (определение степени ответственности государства/общества за организацию и финансирование данного вида услуг, необходимость учёта моральных и этических аспектов при распределении ресурсов), так и частных (в том числе способов выявления реальных потребностей в уходе, необходимости создания реестра организаций, оказывающих помощь, стандартизации данных услуг, и др.). Эти дискуссионные вопросы особенно важны для государств, которые только начинают формировать соответствующие системы.

В данной статье ставятся задачи:

- ▶ охарактеризовать современное понимание процессов старения и необходимости на определённых этапах жизненного цикла долговременного ухода как нового социального риска;
- ▶ выделить основные подходы к вопросу формирования систем необходимой поддержки для лиц, не справляющихся с самостоятельным уходом (паллиативные, гериатрические, маломобильные лица, граждане с серьёзной инвалидностью и психическими расстройствами), на примере двух региональных групп: государств Восточной и частично Юго-Восточной Азии, многие из которых являются лидерами по темпам старения (Республика Южная Корея, КНР, Таиланд), и ключевыми государствами Латинской Америки, для которых проблема старения населения не стоит столь остро, но рассматривается как перспективная угроза, к противодействию которой необходимо готовиться.

В настоящее время доля лиц в возрасте 65 лет и старше в Республике Корея превышает 18% от общей численности населения. К 2050 г. эта доля по прогнозам возрастёт почти до 45%. Среди латиноамериканских стран самые высокие показатели в этой сфере в Уругвае — 19 и Чили — 15%. В 2050 г. они предположительно достигнут 28 и 32%, соответственно [Henry, Golman, 2021. P. 11].

Теоретические подходы к определению понятия системы долговременного ухода

Старение или резкое увеличение доли пожилых людей в возрастной структуре населения и связанные с этим трансформации экономических и социальных институтов в текущем столетии уже не являются исключительно феноменом группы наиболее экономически развитых стран. Они становятся объективным трендом и для государств с формирующимися рынками и средним уровнем развития. Существенно меняются и подходы к теории старения.

Современные взгляды при всём их многообразии принципиально отличаются от широко распространённых теорий середины XX в. Тогда в качестве универсальных социальных закономерностей и неизбежных результатов модернизации рассматривались

исключение пожилых людей из активной социальной жизни и адаптация к их положению как «потерявших роль» [Burgess, 1960; Cumming, 1961]. Современные теории старения развивают давние тезисы Р. Хевихерста и Р. Альбрехта [Havighurst, Albrecht, 1953] о важности сохранения пожилыми гражданами активной роли в обществе [Longino, 1982]. Для экономистов особый интерес представляют работы, посвящённые влиянию социально-экономической политики на положение пожилого населения и возможным последствиям этой политики для экономики [Cohn, 2016], проблеме дискриминации и «эйджизма» [Nelson, 2016], отчасти связанной с навязанными стереотипами, не соответствующими современным демографическим и социально-экономическим условиям [Hummert, Garstka, Shaner, 2004; Barber, Van-Gool, Wise, Woods, Penneau, 2021].

Хотя сохраняются значительные различия в отношении того, что считается «успешным старением» в разных культурных контекстах [Dhaka, Nankervis, Burgess, 2022], в современных условиях данный процесс в значительной степени ассоциируется с сохранением в течение как можно более длительного времени социально активной, продуктивной и независимой жизнедеятельности лиц пожилого возраста. Эксперты ВОЗ при разработке концепции здорового старения (активного долголетия) исходили из необходимости развития и поддержания функциональных способностей, обеспечивающих благополучие пожилых людей, что, в свою очередь, требует от общества: 1) изменения представлений о старении и пожилых людях; 2) создания для них благоприятной среды; 3) адаптации систем здравоохранения к потребностям пожилых людей; 4) развития систем долгосрочного ухода.

Необходимость в долгосрочном уходе не является проблемой только пожилого населения, но общемировой тренд на рост ожидаемой продолжительности жизни, превышающий ожидаемую продолжительность здоровой жизни, способствует концентрации внимания именно на категории пожилых. Хотя социальные представления о возрасте широко варьируются по странам и регионам, в целом меняется соотношение инвалидности и смертности от болезней; население как высоко-, так и среднеразвитых стран меньше сталкивается с ранней смертностью, но в большей степени страдает от серьёзных неинфекционных заболеваний. Подверженность лиц в возрасте 65 лет и старше многочисленным хроническим заболеваниям выше, чем в других возрастных группах. Это негативно сказывается на их функциональных возможностях и часто требует серьёзного лечения. Услуги долгосрочного ухода направлены, насколько это возможно, на поддержание текущего состояния и качества жизни человека при возникновении у него ограничений в способности к самообслуживанию, но требуются они далеко не всем людям даже в самом преклонном возрасте.

Существует ряд различных определений долгосрочного ухода. Одни авторы объединяют данное понятие с социальным обслуживанием [Roland, Forder, Jones, 2022], другие эксперты включают в определение медицинские и социальные услуги для всех возрастных групп, нуждающихся в уходе и поддержке при осуществлении повседневной деятельности [Addati, Cattaneo, Pozzan, 2022]. Разница в определении отражает спектр различных подходов с точки зрения выделения контингента нуждающихся в длительном уходе, типа услуг (медицинские, социальные, психологические), места их предоставления (сестринские дома, медицинские учреждения, на дому и др.). В общем случае в данное понятие включается широкий спектр личных, социальных и медицинских услуг, которые гарантируют, что люди со значительной потерей способности к самостоятельной жизнедеятельности или подверженные риску такой потери в результате заболеваний или инвалидности смогут поддерживать уровень функциональных возможностей, соответствующий их основным правам и сохранению человеческого достоинства [Decade of healthy aging..., 2021]. Местный и культурный контекст может способствовать концентрации внимания на разных аспектах системы долгосрочного ухода. В 70 странах, в том числе во многих азиатских

государствах, действует законодательная обязанность членов семьи осуществлять долгосрочный уход за пожилыми родственниками, что теоретически ограничивает коллективную ответственность и разделение риска внутри общества.

Необходимость в долгосрочном уходе для пожилых определяется, с одной стороны, демографической ситуацией, так как внутренние возможности человека с возрастом снижаются, особенно после 85 лет, а с другой — здоровьем, уровнем образования, социально-экономическим положением. Системы пенсионного обеспечения, медицинского обслуживания и долгосрочного ухода тесно взаимосвязаны как напрямую, так и косвенно через такие параметры, как состояние популяционного здоровья, автономность, возможности удовлетворения базовых потребностей в обеспечении адекватных жизненных стандартов и продления трудовой жизни. От адекватного размера пенсий зависит, сколько пожилой человек сможет платить за медицинское обслуживание и долгосрочный уход из собственных средств. В свою очередь, качественный долгосрочный уход может способствовать снижению расходов на госпитализацию, что подтверждают исследования результатов пилотных проектов в КНР [Хи, 2021]. Справедливо считается, что реализация курса на активное долголетие и расширение общественной системы медицинского обслуживания оказывают позитивное влияние на здоровье населения и способствуют осуществлению пенсионных реформ, увеличению трудового периода жизни и повышению официального пенсионного возраста.

Потребность в долгосрочном уходе в случае её реализации характеризуется высокими временными и финансовыми издержками, которые (в отличие от в целом медицинских услуг) являются инвестициями в человеческий капитал лишь частично. Они часто оказывают серьёзное негативное влияние не только на материальное положение получателя помощи, но и на других членов семьи, которые в силу моральных обязательств должны снижать или прекращать свою активность на рынке труда. В то же время особенность данной потребности — её неопределённость во времени и объёме и отсутствие осознания возможности её возникновения в перспективе у большинства населения, которое не относится к пожилому возрасту. Непредсказуемость данного риска и неравенство его распределения заставляет рассматривать его как отдельную угрозу для общества (особый социальный риск) и обращаться к принципам солидарности и коллективных действий при урегулировании последствий его реализации.

Спрос на услуги медико-социального характера может определяться (по крайней мере частично) моделью потребительского поведения в течение жизни. Основные факторы риска возникновения и прогрессирования серьёзных неинфекционных заболеваний могут быть сокращены как на основе обеспечения доступности медицинских услуг (физической и финансовой), так и отказа от вредных привычек, и, напротив, приверженности здоровому питанию, физической активности [Murray et al., 2019]. В то же время на финансовые возможности использовать здоровую диету, поддерживать качественные жилищные условия, участвовать в социальных и спортивных мероприятиях существенно влияет доходная безопасность домашних хозяйств.

Право на долгосрочный уход на основе потребности действует в очень ограниченной группе наиболее экономически развитых стран с весьма дорогостоящей универсальной моделью предоставления данных услуг (Скандинавские страны и Нидерланды). В большинстве государств используются схемы предоставления долгосрочного ухода, учитывающие финансовые возможности получателей [Шестакова, 2017]. В США, например, основным источником финансирования долгосрочного ухода, помимо средств самого населения, является «Медикейд» (Medicaid). Возможность получения услуг по данной программе определяется финансовым статусом получателя, его доходом (ниже уровня бедности штата) и накопленными активами. Из 60 стран, в которых действуют формальные системы медико-социального ухода, в 55 используется адресные программы предоставления услуг

или выплаты денежных пособий на уход разной степени жёсткости, исходя из уровня зависимости и материального статуса получателя [Addati, Cattaneo, Pozzan, 2022]. Такой подход несёт в себе определённые риски. При последовательном адресном подходе, как показывает практика и развитых, и среднеразвитых государств, как правило, не удаётся распределять риски нуждаемости в дорогостоящих услугах среди всех членов общества и сформировать необходимый уровень солидарности между низко- и высокодоходными группами, что ведёт к формированию двухуровневых систем. Государство обеспечивает поддержку наиболее бедных, у которых самые высокие риски нуждаемости, но невысокая возможность лоббирования своих интересов, в силу чего бюджетные расходы на данные цели могут быть подвержены сокращениям, а размеры предлагаемых пособий не покрывают стоимости необходимых услуг [Extending social health protection..., 2021].

Другая проблема схем с оценкой нуждаемости связана с ограниченностью достоверной информации о доходах, особенно в государствах со средним уровнем развития и значительной долей неформального сектора экономики. В таких случаях высоки ошибки включения и исключения тех или иных групп из соответствующих программ. Это негативно влияет на их охват социальной помощью и медицинским обслуживанием. Так, доля охваченных медицинскими схемами в странах, входящих в верхнюю часть группы со средним уровнем развития, составляет более 95%, но в данных схемах, как правило, используется значительный список исключений. Недавние исследования социальной защиты в странах Азии, в том числе в КНР и Вьетнаме, показали, что стоматологические услуги, протезирование, во многих случаях и услуги реабилитации после инцидентов и несчастных случаев, помощь на дому, хосписные услуги исключены из спектра предоставляемых по общественным схемам [Tessier, De Wulf, Momose, 2022. P. 16]. Эти виды медицинского вмешательства могут играть важную роль в жизни лиц старших возрастных групп (важного критерия отсутствия нуждаемости в посторонней помощи) и спрос на них увеличивается с возрастом. Кроме того, чтобы решать вопросы определения уровня нуждаемости при выплате пособий требуется гибкость и периодичность пересмотра меняющихся потребностей и условий жизнедеятельности получателя помощи.

Критерии доступности системы долговременного ухода

Доступность медико-социальной помощи для нуждающихся лиц определяется такими параметрами, как: 1) критерии включения в схемы поддержки; 2) пакетом предоставляемых услуг или размерами денежных пособий, на которые их можно приобрести; 3) уровнем финансовой защиты участников; 4) правилами формирования сети поставщиков услуг.

Критерии отбора участников государственных или поддерживаемых государством программ долговременного ухода сильно отличаются по странам. Но в качестве наиболее распространённых критериев определения нуждаемости, включая и государства Восточной Азии, используются сложности (или невозможность) осуществления повседневных (ADL) и инструментальных видов деятельности (приём лекарств, управление финансами, осуществление покупок, использование транспорта и др. (IADL) [Priorities for social security..., 2022]. Так, в Малайзии национальные обследования состояния здоровья населения (National Health Morbidity Survey) проводятся раз в 4 года. В 2018 г. основной темой данного обследования было изучение состояния здоровья пожилого населения и оценка ограничений данной группы в повседневной жизни. Исследование показало, что 17% пожилого населения страны испытывают сложности при осуществлении основных повседневных дел и почти 40% сталкиваются с проблемами при реализации инструментальных видов деятельности. Однако возможность пользоваться государственными

учреждениями медико-социального обслуживания в стране действует только после оценки финансового положения и по достаточно строгим критериям. В Сингапуре право на получение финансовой помощи по системе социального страхования на случай длительного ухода (ElderShield) имеют застрахованные лица с высоким уровнем зависимости от помощи третьих лиц, сталкивающиеся с невозможностью осуществления не менее 3 действий из списка основных повседневных дел [Tessier, De Wulf, Momose, 2022]. В КНР при реализации пилотных программ внедрения схем долговременного ухода в отдельных провинциях использовались как определённые модификации традиционной шкалы ограничений в повседневной деятельности, так и в некоторых случаях свои собственные схемы.

Обширное современное исследование систем долговременного ухода, формирующихся в странах Латинской Америки [Aranco et al., 2022], показало, что единую методику доступа к услугам долговременного ухода использует только одна страна региона. В 26 государствах Латинской Америки в среднем 14,4% лиц в возрасте 65 лет и старше нуждаются в помощи при осуществлении базовых повседневных действий. При этом в 10 государствах (в том числе в Аргентине, Бразилии, Чили, Мексике и Уругвае) эта доля рассчитывается непосредственно на основе обследований домашних хозяйств, а в других странах — на основе данных о численности пожилого населения и его эпидемиологическом профиле. Наиболее высокие показатели зависимости фиксируются в Мексике — 25,5%, в Бразилии данный уровень составляет 10,3, в Аргентине — 7,3% [Aranco, Ibarrran, Stampini, 2022. P. 10]. Столь существенная разница может быть связана как с разными социально-экономическими условиями жизни (например, доля пожилых с доходами выше среднего уровня — 12,4 долл. в день — в Бразилии и Уругвае превышает 75%, а в Мексике составляет 30% [Aranco et al., 2022. P. 13]), так и различными подходами к оценке зависимости (в Бразилии в категорию нуждающихся в помощи попадают лица с высоким уровнем зависимости, фактически лежащие больные, а в Уругвае учитывается средняя степень потери способности к самообслуживанию). Но, безусловно, общие тенденции для всех стран — рост зависимости с возрастом, особенно среди лиц в возрасте 80 лет и старше, более высокие показатели нуждаемости в посторонней помощи для женщин и увеличение данной гендерной разницы с возрастом и существование отрицательной корреляции между социально-экономическим статусом и функциональной зависимостью у пожилых граждан.

Второй важнейший элемент в структуре гарантий социальной защиты при возникновении необходимости в долговременном уходе — предоставляемый пакет пособий и медико-социальных услуг, определение адекватного объёма и состава помощи. В пакет помощи могут входить услуги, денежные пособия или их сочетание. Услуги оказываются на дому, в медицинских стационарах, учреждениях социального обслуживания, хосписах и включают предоставление технических средств, медицинских приспособлений, выполнение широкого комплекса социально-бытовых действий. Денежные выплаты могут осуществляться в форме пособий на приобретение товаров и услуг, переоборудования дома, прямых выплат ухаживающим лицам. Если обратиться к практике восточноазиатских стран, то в Сингапуре помощь предоставляется исключительно в виде денежных пособий самим нуждающимся, в Южной Корее используются и предоставление услуг по широкому спектру, и денежные выплаты, в том числе в пользу неформальных помощников. Эмпирические исследования показывают, что если есть выбор между получением пособий либо использованием услуг, то бедные семьи используют пособия, которые часто направляются на удовлетворение базовых нужд, а реципиенты с более высоким уровнем образования и доходами в два раза чаще прибегают к получению услуг или найму сиделок [Chaverri, Matuz-Lopez, 2023. P. 2168].

Отдельно необходимо остановиться на вопросах финансовой доступности различных схем долговременного ухода. При финансировании схем формального ухода страны могут применять различные институциональные решения и стратегии развития:

формировать специальные схемы страхования, выплачивать надбавки к пенсиям на уход, выдавать целевые субсидии и ваучеры, предоставлять пакет услуг в рамках системы медицинского страхования. В общем плане финансирование зависит от того, когда применяются используемые схемы до или после возникновения потребности. Финансирование до (ex-ante) возникновения потребности может осуществляться через страхование, индивидуальное накопление средств, различные превентивные меры. При втором варианте (ex-post) в основном используется непосредственно семейное и государственное финансирование ухода. В странах, где действуют страховые модели финансирования (как обязательного, так и добровольного частного), они охватывают только часть населения. В схемах социального страхования это плательщики взносов (т. е., как правило, формально занятые, но таковых может быть немного), поэтому обязательная страховая схема неизбежно нуждается в дополнении определённым типом бюджетного и семейного финансирования. Модель добровольного частного страхования, в свою очередь, должна сочетаться с государственными схемами финансирования для тех, кто не может в неё включиться из-за высокой стоимости страхования. Данные социологических обследований домашних хозяйств в ряде государств со средним уровнем развития показывают значительный рост численности лиц, использующих собственные накопления для оплаты долговременного ухода. Доля таких расходов на внешнюю помощь по уходу составляет, например, в КНР 17%, Индии — 25, Мексике — 20% [Costa-Font, Raut, 2022. P. 25].

Среди наиболее распространённых общих моделей финансирования, основанных на налогах (ex-post), можно выделить группу универсальных схем, моделей с определёнными механизмами оценки доходов и имущества предполагаемых получателей помощи и их семей, схем частичных пособий и соплатежей и схем, включающих только катастрофические риски. Дизайн систем может зависеть и от того, как они финансируются: на национальном, региональном или локальном уровне налогообложения. При этом все модели и бюджетного, и смешанного бюджетно-страхового финансирования (за исключением очень ограниченного числа универсальных схем) предполагают значительный объём финансового участия населения в покрытии медико-социальных расходов.

В отличие от других социальных рисков, в области ухода за потерявшими возможность самостоятельной жизнедеятельности пожилыми людьми, главными либо единственными (в странах, не входящих в группу наиболее развитых) источниками поддержки выступает семья и её текущие доходы и накопления самих нуждающихся лиц. Соотношение этих источников финансирования, в свою очередь, в том числе в силу изменения норм межпоколенной поддержки, непостоянно. В КНР доля прямой и финансовой поддержки услуг ухода со стороны детей сократилась с начала 2000-х гг. с 80 до 57%, а собственных накоплений и пенсий пожилых граждан увеличилась с 18 до 30% [Costa-Font, Raut, 2022. P. 29].

Обычно пожилые люди сначала теряют возможность самостоятельно осуществлять сложные инструментальные действия по каждодневной процедуре, требующие социального взаимодействия. Часто в этом им начинают помогать родственники. Но само сокращение такой способности является предвестником будущих проблем с физическими и когнитивными возможностями, которые в теории более эффективно решаются с помощью формального медико-социального ухода.

Проблемы внутрисемейной организации и финансирования долговременного ухода осложняются недостатками в области медицинского обслуживания. Если для развитых государств вопросы медицинского обслуживания, включая обслуживание лиц старших возрастов, в основном решаются за счёт общественных ресурсов (средств обязательного медицинского страхования и бюджетных поступлений), то в государствах среднего уровня развития сохраняется значительная доля оплаты услуг из собственных средств пациентов, главным образом выплат «из кармана». По имеющимся оценкам в государствах Латинской Америки на данный способ покрытия медицинских расходов приходится более 33%. В Чили

и особенно в Бразилии большую роль играет система частного медицинского страхования [Pessino, Ter-Minassian, 2021]. Базовый пакет медицинской помощи, гарантированный государством, во многих случаях не отвечает потребностям населения. Это проявляется в росте личных расходов на лечение и углублении неравенства в доступности услуг здравоохранения. По данным национальных социологических опросов, 22% пожилых граждан Мексики и 10% Бразилии отмечают, что их расходы на медицинское обслуживание превышают 25% семейного годового дохода, хотя к катастрофическим, по международным меркам, относятся даже расходы в размере 10% [Aranco et al., 2022].

В восточноазиатских странах выплаты из кармана колеблются в достаточно широких пределах — от 36% в КНР и 32% в Южной Корее до 11-12% в Японии и Таиланде [Extending social health protection..., 2021. Р. 28]. В КНР, несмотря на значительные успехи и рост субсидий для бедных и уязвимых слоёв населения, острой проблемой остаются катастрофические расходы домашних хозяйств на медицину при серьёзных и длительных заболеваниях. Кроме двух основных схем на медицинское страхование в стране с 2012 г. вводятся две дополнительные схемы для покрытия «катастрофических расходов» для наёмных работников и их семей (Catastrophic medical insurance CMI) и для сельских и городских резидентов (Medical financial assistance for the poor MFA).

На современном этапе в государствах со средним уровнем развития спрос на услуги здравоохранения переходит от медицины, ориентированной в основном на поддержку материнства и детства и экстренную помощь при инфекционных и острых заболеваниях, на лечение хронических болезней, превентивную и профилактическую медицину. Существует большое количество различных комплексных оценок состояния систем здравоохранения стран, основанных на опросах или статистических данных. Ко второй группе относится, например, Индекс медицинского обслуживания (Health Care Index), базирующийся на оценках состояния инфраструктуры отрасли, численности и квалификации персонала, расходов на здравоохранение, доступности услуг и ресурсов. В этом рейтинге лидирующие позиции занимают восточноазиатские государства: Южная Корея и Япония, а также Тайвань» (80-86 баллов). Среди других стран региона высокие показатели в Таиланде, Сингапуре и Малайзии (70-77 баллов), КНР находится на 34 месте (68 баллов), рядом со Швецией. А Аргентина, Мексика и Колумбия опережают США¹.

Индекс доступности и качества медицинских услуг (Healthcare Access and Quality Index), который определяется Институтом медицинских расчётов и оценок (Health Metrics and Evaluation Institute) на основе показателей заболеваемости и смертности от определённых категорий неинфекционных и инфекционных заболеваний, скорректированных на возраст, в среднем для стран Латинской Америки составляет 62 (в ОЭСР, для сравнения, — 86 из 100). Несмотря на определённую условность расчётов Индекса доступности и качества медицинских услуг, косвенно он может свидетельствовать о состоянии систем здравоохранения в разных странах. Наиболее высокие показатели на латиноамериканском континенте у Чили (78) и Уругвая (71), существенно ниже они у Аргентины, Мексики и Бразилии (68-64). Среди государств Восточной Азии в лидерах находятся наиболее развитые страны региона: Япония (94, опережающая по данному индексу не только США, но и Германию и Францию), Сингапур (91) и Южная Корея (90). Относительно высокий уровень фиксируется и в КНР — 78 баллов и Таиланде — 76 (в Индии, например, данный показатель равен 41) [Lozano, 2018]. Но важно учитывать, что для крупных государств характерны и большие территориальные различия в доступе к медицинским услугам. В КНР данный индекс доступности колеблется от 95 пунктов (Пекин) до 43 (Тибет); в Бразилии разница между штатами составляет 20, в Мексике — 17 пунктов [Lozano, 2018. Р. 2241].

¹ NUMBEO. URL: https://www.numbeo.com/health-care/rankings_by_country.jsp (access date: 10.01.2025).

Опыт использования схем страхования долговременного ухода в государствах Восточной Азии

Среди государств данного региона особый интерес представляет опыт Японии — мирового лидера по уже достигнутым показателям старения населения. Эта страна давно практикует систему страхования риска долгой жизни, отдельные элементы которой служат образцами для соседей. В отличие от большинства стран, использующих в основном общие схемы медицинского страхования (для всего населения или определённых профессиональных групп, например, госслужащих), в Японии действуют специальные схемы медицинского страхования пожилых людей и долговременного ухода. Наряду с общей системой медицинского страхования для наёмных работников есть система для резидентов (самозанятых, неработающих, «молодых» пенсионеров — Citizens' Health insurance (CHI)), схема медицинского страхования для лиц в возрасте 75 лет и старше (Health insurance for advanced elderly scheme (AENI)) и схема страхования на случай долговременного ухода.

Все схемы, включающие представителей старших возрастных групп, финансируются за счёт взносов и государственных субсидий. В схеме для резидентов (CHI), включающей пенсионеров до 75 лет, государственная субсидия устанавливается на уровне 50% от её общего бюджета. Размер взносов для каждого участника зависит от величины доходов домашнего хозяйства, к которому он относится, и параметров взносов для данного вида страхования, устанавливаемых в каждом муниципалитете. Поэтому они варьируют от 7,3% до 15,9% от общих доходов домашних хозяйств. Схема для медицинского страхования наиболее возрастной группы граждан (AENI) финансируется за счёт бюджетных средств (50% от общих доходов, из которых $\frac{2}{3}$ обеспечиваются центральным и $\frac{1}{3}$ местными бюджетами), страховых платежей участников (10%) и переводов из двух основных фондов (для наёмных работников и резидентов) медицинского страхования (40%). Данной системой управляют альянсы муниципалитетов на уровне префектур, которые отвечают за предоставление медицинских услуг для наиболее возрастной категории граждан и мониторят их стоимость. Доля населения, пользующаяся данной схемой, составляет 14% от его общей численности.

Система обязательного страхования долговременного ухода в Японии распространяется на всех резидентов страны в возрасте 40 лет и старше, которые включены в одну из трёх действующих схем медицинского страхования, половина бюджета долговременного ухода финансируется за счёт налогов, половина — из специальных страховых взносов на уход. Размеры взносов дифференцированы по разным муниципалитетам и отражают местные расходы на соответствующую помощь ($\frac{2}{5}$ от общего объёма страховых средств вместе с медицинской страховкой поступает от основной группы реципиентов — лиц в возрасте 65 лет и старше, и $\frac{3}{5}$ от граждан в возрасте 40-64 лет, которые в обязательном порядке участвуют в страховании). Для каждого из семи установленных уровней потребности в услугах² есть свои лимиты расходов. Кроме того, участники всех схем медицинского страхования, включая и долговременный уход, должны оплачивать часть этой лимитированной стоимости полученных услуг. Размер последних платежей в общем случае составляет 30%, но для большинства пожилых, включённых в специальную страховую программу для данной группы населения (AENI), такие платежи установлены на уровне 10% от стоимости услуг (но могут быть увеличены до 20-30% при высоких доходах получателя) [Sakamoto, Rahman, Nomura, Okamoto, 2018]. Некоторые принципиальные моменты японской модели медицинского страхования и страхования ухода (дифференцированные по регионам взносы и «соплатежи», высокая доля государственного субсидирования, связь медицинского

² Определение уровня зависимости устанавливается на основе компьютерной обработки результатов ответов на 74 вопроса о возможностях самообеспечения и особенностях когнитивного поведения предполагаемых получателей.

страхования и финансирования долговременного ухода) послужили отправными точками при формировании собственных страховых моделей стран-соседей.

Быстро стареющая Республика Корея, которая, по оценкам, через 20 лет обгонит Японию по доле пожилых в структуре населения, во многом повторила японскую модель медико-социального обеспечения, но в упрощённом виде, без дифференциации правил на региональном уровне. Введённая в 2008 г. в Республике Корея схема долговременного ухода, основанная на общенациональных правилах, устанавливает единый размер взносов 8,5% от премии на обязательное медицинское страхование (или 0,55% от заработной платы или доходов участника). Государство на современном этапе субсидирует значительно меньший объём расходов на уход, порядка 20%, 60-65% составляют страховые взносы и 15-20% — соплатежи получателей услуг (в зависимости от вида услуг). Для лиц, относящихся к нижним квинтильным группам, предусмотрены скидки с платежей (в размере 40-60% от их величины), действует и специальная программа для наиболее уязвимых категорий населения (с редкими неизлечимыми заболеваниями, жертв природных и техногенных катастроф, бездомных, суммарно составляющих около 3% населения). За них страховые взносы выплачивает государство [Costa-Font, Raut, 2022. P. 50]. Помощь предоставляется как в виде денежных пособий нуждающемуся в уходе или ухаживающим родственникам, так и в виде пакета медико-бытовых услуг на дому и в стационарах.

На принципах сочетания сектора государственного финансирования, индивидуальных накоплений и прямых выплат клиентов построены системы обеспечения пожилых граждан услугами медико-социального характера в Сингапуре и Малайзии. В Сингапуре государственные средства идут главным образом на финансирование срочной стационарной помощи, другие виды услуг оплачиваются за счёт индивидуальных медицинских накопительных счетов (MediShield life). Отдельная схема, также основанная на обязательном накопительном страховании, действует и в отношении долговременного ухода (ElderShield). Изначально данная схема управлялась тремя частными страховыми компаниями, назначаемыми Министерством здравоохранения страны, но с 2018 г. управление соответствующими индивидуальными счетами (long-term care bill, careshield life bill) осуществляет государство. Схема охватывает всех граждан и постоянных резидентов в возрасте 40 лет и старше. Взносы выплачиваются до 65 лет, а их размер зависит от возраста, пола (для женщин тариф выше), времени вступления в систему, пакета выбранных услуг. Данная страховая схема предусматривает только выплату пособий на уход, размер которых зависит от степени нуждаемости и длительности страхования, государство, в свою очередь, субсидирует найм и подготовку иностранной рабочей силы, занимающейся надомным обслуживанием [Extending social health protection..., 2021. P. 287].

Быстро движется в направлении превращения в «пожилое» общество и КНР. По оценкам национальных органов управления, доля населения в возрасте 65 лет и старше к 2035 г. может составить более 30% населения [Хи, 2021]. В стране сохраняется культура уважения к старости и опора на семейный уход, но за последние несколько десятилетий реформ и либерализации экономики, проведения политики «одна семья — один ребёнок» существенно сократилась численность тех, кто готов осуществлять неформальную поддержку пожилых родственников. В 2013 г. был даже принят Закон «О сыновнем долге», который обязывает взрослых детей осуществлять традиционную бытовую помощь и финансово поддерживать пожилых родителей, но закон не предусматривает мер наказания для уклоняющихся от выполнения этих обязанностей и сложно применим на практике. В то же время с середины 2000-х гг. в стране идёт процесс внедрения пилотных схем организации и финансирования долговременного ухода, формируется система обслуживания на дому и в центрах дневного обеспечения на условиях государственно-частного партнёрства. Для расширения участия частного сектора в инвестировании долговременного ухода предусмотрены преференции и налоговые льготы для реабилитационных

центров, сестринских домов и других профильных организаций [Costa-Font, Raut, 2022. P. 13]. К особенностям внедряемой системы финансирования долговременного ухода в стране можно отнести: непосредственную связь системы обеспечения долговременным уходом с типом медицинского страхования³; финансирование долговременного ухода за счёт медицинского страхования (около 80%) и «соплатежей» населения; активное выявление нуждающихся и включение в программы не только наиболее бедных, но и средних слоёв населения. Основным видом помощи является оказание услуг. Выплата пособий предусмотрена в небольшом числе пилотных программ. Общая численность населения, получающая помощь по данным программам, составляет более 134 млн человек [Priorities for social security trends..., 2022. P. 36].

Формирование систем долговременного ухода в странах Латинской Америки

В государствах Латинской Америки продолжительность будущей жизни для лиц, достигших 65 лет, в среднем зафиксирована на уровне 18,7, а здоровой жизни — 13,9 лет. В большинстве стран региона программы долговременного ухода находятся на начальных этапах формирования или только обсуждаются. Оценочные данные о государственных расходах на эти цели есть только для Уругвая — 0,04% ВВП и Чили — 0,02% ВВП. В целом сектор социально-медицинских услуг практически во всех странах региона сильно фрагментирован, качественные услуги в широкой номенклатуре доступны для небольшой части наиболее обеспеченного населения. Не менее 75% пожилых, нуждающихся в уходе, получают помощь социально-бытового характера от родственников или не получают её совсем (в Мексике эта доля достигает 98,6%, при этом один из четырёх нуждающихся вообще лишён помощи; в Бразилии показатель неформального ухода составляет 93%, Аргентине 79, Уругвае 76%) [Aranco et al., 2022. P. 91]. Группа экспертов Межамериканского Банка Развития (Inter-American Development Bank) подсчитала, что для обеспечения медико-социальными услугами (включая стационарную помощь, надомные услуги, дневной и теле-уход) 50% зависимых пожилых людей в 16 странах региона потребуется в среднем 0,48% ВВП стран, но с большими вариациями по странам, от 0,29 в Аргентине до 0,54% ВВП в Мексике [Fabiani, Costa-Font, Aranco, Stampini, Iberraran, 2022].

Данные об общем охвате нуждающегося населения (по всем возрастным группам) формальными медико-социальными услугами доступны только по некоторым странам. В Аргентине доля получающих помощь составляет около 20%, Уругвае — 11, Чили — 7%. В настоящее время только в Уругвае создана Национальная система долговременного ухода (Sistema Nacional Integrado de Cuidados), но с очень ограниченными ресурсами. Главные направления программы — субсидирование найма домашних сиделок для лиц в возрастной группе старше 80 лет (2,2 тыс. человек), развитие программ телемедицины для более молодых пенсионеров (1,3 тыс.), государственное субсидирование нескольких гериатрических стационаров и дневных центров (для нескольких сот человек). С 2017 г. в Чили запущена программа социальной поддержки населения на местном уровне (Chile Cuida), включающая как одну из трёх социальных подпрограмм оказание помощи нуждающимся в уходе пожилым гражданам. Но темпы присоединения к программе муниципалитетов существенно отстают от намеченных планов. Пока в стране нет единого определения степени нуждаемости, на местном уровне используются разные медицинские

³ В стране действуют две параллельные схемы медицинского страхования: для наёмных работников и для сельских и городских резидентов с большой разницей расходов на медицинское обслуживание на душу населения.

и социально-экономические критерии оценки. Государство субсидирует ряд действующих некоммерческих организаций, размещающих лишённых жилья бедных пожилых граждан, и программы телемедицины. Религиозные организации финансово поддерживают дневные центры и структуры помощи на дому. Услугами платной помощи пользуется около 10% нуждающегося пожилого населения [Molina, Sarmiento, Aranco, 2020. Pp. 19-22].

В Аргентине, где, по оценкам, достигнут наиболее высокий уровень охвата помощью, основным инструментом поддержки являются пособия на уход, предназначенные для найма сиделок, но данная субсидия покрывает приблизительно половину стоимости ухода в случае высокого уровня зависимости. В стране функционирует большое число различных некоммерческих и коммерческих организаций с разными условиями проживания и оплаты. Возможность бесплатного или субсидируемого получения услуг социально-бытового характера в специальных стационарах и дневных учреждениях социальных услуг предоставляется только определённым категориям наиболее нуждающихся [Oliveri, 2020. Pp. 40-41].

В Мексике в 2002 г. был принят закон о правах пожилых граждан (Ley de los Derechos de las Personas Adultas Mayores), в котором нет упоминания права на долговременный уход, но содержатся положения о праве семей, оказывающих такую поддержку нуждающимся родственникам, на финансовую помощь государства, в том числе на субсидии на лекарства и медикаменты. В стране действуют две Национальные программы организации помощи наиболее нуждающимся категориям и несколько десятков региональных программ, включая развитие инфраструктуры дневного обслуживания (до 8 часов в день), и государственные и частные программы телемедицины для одиноких пожилых граждан. Однако среди лиц, нуждающихся в уходе (по данным опросов, в возрастной группе 65-69 лет таких лиц 15%, 70-74 года — 21, 80 лет и старше — 50%), пользуются услугами разного рода учреждений социально-бытового обслуживания и нанятыми сиделками только около 4%, в том числе и из-за высокой стоимости данных услуг (по опросам оплачивать размещение в коммерческих стационарных учреждениях может не более 8% лиц в возрасте 50 лет и старше) [Lopez-Ortega, Aranco, 2019. Pp. 38-40].

В Бразилии параллельно существуют две отдельные системы медицинской и социальной помощи, управляемые муниципальными органами власти: Единая система здравоохранения (Systema Unico de Sande, SUS), одним из ключевых элементов которой является система первичной медицинской помощи, охватывающая все регионы страны, и Единая система социальной помощи, обеспечивающая население через свою сеть социальными пособиями и услугами. Исторически в данных схемах мало уделялось внимания пожилым, все меры концентрировались на детях и бедных семьях. В настоящее время в пилотном режиме в ряде городов внедряется схема поддержки зависимых пожилых людей в бедных муниципалитетах (Programa Maior Cuidado), предусматривающая организацию услуг сиделок в размере 10-40 часов в неделю.

Если в целом оценивать ситуацию с долговременным уходом в ключевых латиноамериканских странах, то можно констатировать, что основной объём формальных услуг предоставляется коммерческими организациями. Государственных учреждений данного профиля очень мало, потому распространённой практикой является перечисление как центральными, так и местными властями средств на долговременный уход для определённых целевых категорий некоммерческим и религиозным организациям. При этом в странах действуют только минимальные требования к инфраструктуре, соотношению персонала и пациентов, подготовке персонала для стационарных организаций медико-социального ухода и фактически отсутствуют какие-либо стандарты в отношении надомного и дистанционного обслуживания, не налажена система контроля за предоставлением данных услуг, не соблюдается порядок официальной регистрации организаций, осуществляющих услуги в данной сфере, в итоге подавляющий объём деятельности осуществляется нелегально.

На современном этапе развития систем медико-социального обслуживания многих стран региона особый интерес представляют телемедицинские технологии. С их помощью предполагается снизить расходы на здравоохранение и расширить доступность медико-санитарной помощи в сельских и отдалённых районах, а также обеспечивать экстренную связь с семьёй и медицинскими учреждениями в случае инцидентов. В качестве предполагаемых барьеров распространения телемедицинских технологий можно отметить значительные инвестиционные и эксплуатационные расходы, невысокий уровень соответствующих знаний и навыков у медицинского персонала и доверия к дистанционным консультациям у пациентов. Интеграция пожилого человека в виртуальное пространство, требующая не только технического оснащения, но и перестройки привычного образа жизни, а также приобретения новых компетенций, может быть полезной, но явно недостаточной для лиц, нуждающихся в персональной социально-бытовой помощи.

Возможность использования страховой модели финансирования долговременного ухода в большинстве стран Латинской Америки, за исключением, вероятно, Уругвая, Чили и Бразилии, ограничивается прежде всего высоким уровнем неформальной занятости. Доля формально занятых от общей численности трудоспособного населения составляет в Уругвае 52%, Чили — 44, в Бразилии — 40%. При этом средневзвешенный показатель по всему региону составляет около 27%, а в Мексике, которая формально входит в группу стран ОЭСР, — менее 22% [*Funding options for long-term care services...*, 2022. P. 10]. В целом различные категории самозанятых, работающие с использованием сетевых платформ, тем более их основная неформальная часть, являются проблемными группами для программ страхования, так как выпадают из зоны видимости систем обязательного социального страхования. Теоретически для расширения участия неформально занятых возможно использование схем государственного софинансирования добровольных форм (скажем, фиксированных взносов, различных форм совместного несения рисков, например, обществ взаимного страхования, включение единых страховых взносов и налогов в стоимость услуг работников платформ и самозанятых). Но пока данные вопросы не урегулированы по основным традиционным социальным рискам (пенсионному и медицинскому). В государствах со средним и ниже среднего уровнями развития механизмы добровольного участия в коллективных схемах и корпоративного страхования практически не работают, правда, есть и исключения. Например, в Бразилии в силу традиций доля частного медицинского страхования составляет 28% от общих расходов на здравоохранение.

Схемы, основанные на налогообложении, в отличие от страховых, могут финансировать услуги для всего населения, включая как действующих, так и ранее занятых работников неформального сектора. Но, как показывает практика стран, где используются данные схемы, они предполагают различные ограничения в отборе, основанные на уровне зависимости, возрасте, величине доходов и имущества предполагаемого получателя и членов его семьи.

Заключение

Цель создания системы долговременного ухода — обеспечение лиц с ограниченными возможностями самостоятельной жизнедеятельности системой необходимой поддержки. Главным субъектом решения проблем, связанным со старением населения, является государство. Поэтому изменяется зона его ответственности в данной сфере в связи с изменением ценностных ориентаций и усилением социальных установок на активное долголетие и повышение жизненных стандартов для пожилых людей.

Тем не менее государство не берёт на себя всю ответственность за обеспечение доступного обслуживания для всех нуждающихся. Как показывает опыт, при выборе

модели организации и финансирования долговременного ухода возможны различные подходы. В практике развитых государств модели долговременного ухода дифференцированы от интегральных систем, предоставляющих за счёт общественных (как правило, бюджетных) средств самый широкий спектр медико-социальных услуг, до фрагментарных остаточных программ, по которым помощь оказывается только наиболее уязвимым группам с высоким уровнем зависимости. Традиционный подход: поддержание родственного ухода; вовлечение местных сообществ в оказание социально-бытовой помощи; предоставление за счёт государственных средств минимального пакета главным образом стационарной помощи ограниченному кругу лиц с самыми низкими доходами. Всё это сталкивается с проблемами низкой доступности социального обслуживания и формального ухода, гендерным дисбалансом в данной области, выдавливанием женщин с рынка труда, вытеснением широких средних и ниже среднего слоёв в частный сектор, усилением проблемы «катастрофических расходов» для семей. Современный восточноазиатский вариант предполагает отход от традиционной семейной модели, расширение использования различных формальных услуг на основе смешанного финансирования (социального страхования, значительного государственного субсидирования и средств граждан в виде софинансирования расходов), привлечение частного сектора к удовлетворению растущих потребностей в долговременном уходе, включение в соответствующие программы средних слоёв населения. Действующие системы страхования долговременного ухода в регионе строятся на тех же принципах, что и схемы медицинского страхования.

В латиноамериканских государствах услуги долговременного ухода отделены от более широкой системы здравоохранения и предоставляются в ограниченном объёме на местном уровне в сотрудничестве с частными (коммерческими и некоммерческими) организациями и местными властями. Тем не менее о важности задачи формирования национальных систем долговременного ухода свидетельствует широкое исследование, касающееся оценки реальных потребностей в уходе, расчётов государственных расходов на эти цели (при разных уровнях удовлетворения имеющегося спроса) и принятие в ряде государств комплексных программ медико-социального обслуживания, включающих услуги паллиативной помощи и реабилитации. Новым перспективным трендом, поддерживаемым многими правительствами стран региона, стало развитие телемедицины. По мере старения населения и изменения норм гендерного баланса в семье можно прогнозировать и изменение роли государства в данной сфере, увеличение финансирования и инвестиций в сектор долговременного ухода для обеспечения доступа пожилых граждан к услугам и защите их от чрезмерных расходов «из кармана».

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Шестакова Е. (2017). Старееющее общество: в поисках оптимальной модели долговременного обслуживания. [*Shestakova E. (2017). An aging society: in search of an optimal long-term care model*] // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 4. С. 45-59.
- Addati L., Cattaneo U., Pozzan E. (2022). *Care at work: investing in care leave and services for a more gender equal world of work*. — Geneva: ILO. URL: www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-dgreports/-gender/documents/publication/wcms_838655.pdf (access date: 11.01.2025).
- Aranco N., Bosch M., Stampini M., Azuare O., Goyeneche L., Ibarrraran P., Oliveira D., Retano M.R., Savedoff W., Torres E. (2022). *Aging in Latin America and the Caribbean. Social protection and quality of life of older persons* / Inter-American Development Bank.
- Aranco N., Ibarrraran P., Stampini M. (2022). Prevalence of care dependence among older persons in 26 Latin American and Caribbean countries // *Social protection and health division*. Technical Note: IDB-TN-2470. DOI: 10.18235/0004250.
- Barber S., Van Gool K., Wise S., Woods M., Or Z., Penneau A. (2021). *Pricing long-term care for older persons*. — Geneva: WHO Center for Health Development.
- Burgess E. (1960). *Aging in Western Societies*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Ces S., Coster S. (2019). *Mapping long-term care quality assurance practices in the EU: Summary Report*. — Brussels.

- Chaverri A., Matuz-Lopez (2023). Impact evaluation of cash-for care in Latin America's new long-term care policies: a randomized controlled trail pilot study in Costa Rica // *Journal of applied gerontology*. Vol.42. No. 11. Pp. 2167-2178. DOI: 10.1177/07334648231188284
- Cohn J.M. (2016). The politic of aging in comparative perspective: process and policies // *Journal of aging, longevity, law and policy*. No.1. Pp.131-136.
- Costa-Font J., Raut N. (2022). *Global report on long-term care financing*. — Geneva: WHO.
- Cumming E. (1961). *Growing Old: The Process of Disengagement*. — N.Y.: Basic Books.
- Cylus J., Figuera J., Normand Ch. (2019). *Will population ageing spell the end of the welfare state? A review of evidence and policy options*. — Copenhagen: WHO Regional office for Europa.
- Decade of healthy ageing: baseline report WHO (2021). — Geneva: WHO. URL: <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789240017900> (access date: 11.01.2025)
- Dhakal S., Nankervis A., Burgess J (2022). *Ageing Asia and Pacific in Changing Times. Implications to Sustainable Development*. —Bangkok: ILO.
- Extending social health protection: accelerating progress towards universal health coverage in Asia and the Pacific. (2021). — Bangkok: ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-asia/-ro-bangkok/documents/publication/wcms_831137.pdf (access date: 11.01.2025).
- Fabiani B., Costa-Font J., Aranco N., Stampini M., Iberraran P. (2022). Options de financimiento de los servicios de atencion a la dependencia en America Latina y el Caribe. // *Inter-American Development Bank*. Technical Note: IDB-TN-2473.
- Funding options for long-term care services in Latin America and the Caribbean (2022). DOI: 10.18235/0004306
- Hashiguchi T.C., Llena-Nozal A. (2020). The effectiveness of social protection for long-term care in old-age: is social protection reducing the risk of poverty associated with care needs// *OECD Health working papers*. No. 117. DOI: 10.1787/2592f06e-En.
- Havighurst R.J., Albrecht R.E. (1953). *Older people*. — N.Y.: Longmans and Green.
- Henry C., Golman M. (2021). Old age work and income security in middle income countries: comparing the cases // *ILO Working paper*. No. 34.
- Hummert M.L. Garstka T. A., Shaner J. (2004). Stereotypes of the elderly held by young, middle-aged, and elderly adults // *The International journal of ageing and human development*. N58 (4). Pp. 315-340.
- Longino Ch. (1982). Explicating activity theory: a formal replication // *Journal of gerontology*. Vol.17. Pp. 713-722.
- Long-term care report. Trends, challenges and opportunities in an ageing society (2021). Vol. 1 *Joint report prepared by Social Protection Committee and the European Commission*. — Brussels: European Commission. DOI: 10.2767/677726.
- Lopez-Ortega M., Aranco N. (2019). Envejecimiento y atencion a la dependencia en Mexico // *Banco Interamericano de desarrollo*. Nota Technica: IDB-TN-1614.
- Lozano R. (2018). Measuring performance on the Healthcare Access and Quality Index for 195 countries and territories and selected subnational locations: a systematic analysis from Global Burden of Disease // *The Lancet*. Vol. 391. Pp. 2236-2271. DOI: 10.1016/S0140-6736(18)30994-2
- Molina H., Sarmiento L., Aranco N., Jara P. (2020). Envejecimiento y atencion a la dependencia en Chile // *Banco Interamericano de Desarrollo*. Nota Technica: IDB-TN-2004.
- Murray C., Aravkin A., Zheng P., Abbafatic C., Abbas K., Abbasi-Kangevari M., Abd-Allah F., Abdelalim A., Abdollahi M. (2019). Global burden of 87 risk factor in 204 countries and territories, 1990-2019: A systematic analysis in the Global Burden of Disease Study // *The Lancet*. No. 396. Pp. 1223-1249. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33069327/> (access date: 11.01.2025).
- Nelson T.D. (2016). The age of ageism // *Journal of social issues*. No. 72 (1). Pp.191-198.
- Oliveri M. (2020). Envejecimiento y atencion a la dependencia en Argentina // *Banco Interamericano de Desarrollo*. Nota Technica: IDB-TN-2044.
- Pessino C., Ter-Minassian T. (2021). Addressing fiscal costs of population aging in Latin Americas and Caribbean with lessons from advanced countries // *Inter-American Development Bank Discussion Paper*. No. IDB-DP-859.
- Priorities for social security. Trends, challenges and solutions. Asia and Pacific (2022). / ISSA. URL: <https://ww1.issa.int/publications/priorities/asia-pacific2022> (access date: 11.01.2025).
- Rocard E., Llena-Nozal A. (2022). Supporting informal carers of older people: policies to leave no carer behind // *OECD Health working papers*. No. 140. DOI: 10.1787/0f0c0d52-En
- Roland D., Forder J., Jones K. (2022). What is out there and what can we learn? International evidence on funding and delivery of long-term care // *Social. Policy and Society*. No. 26. Pp. 261-274. DOI: 10.1017/S1474746421000531
- Sakamoto H., Rahman M., Nomura S., Okamoto E. (2018). Japan Health System Review. // *Health systems in transition*. Vol. 8. No. 1. — Bangkok: WHO. Regional Office for South-East Asia. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/259941> (access date: 11.01.2025)
- Tessier L., De Wulf N., Momose Y. (2022). Long-term care in the context of population ageing: a right-based approach to universal coverage // *ILO Working paper*. No. 82. DOI: 10.54394/RHJD4529
- Xu Y. (2021). Development and performance of the elderly care system in the People's Republic of China // *ADB East Asia Working paper series*. No. 36. DOI: 10.22617/WPS210303-2

Шестакова Елена Евгеньевна

EEShestakova1956@yandex.ru

Elena Shestakova

PhD (economics), Leading Researcher of the Institute of economics of Russia Academy of Sciences (Moscow)

EEShestakova1956@yandex.ru

**LONG-TERM CARE IS THE RESPONSIBILITY OF THE STATE, SOCIETY OR FAMILY:
A VIEW FROM THE EAST AND WEST**

Abstract. The rapidly changing demographic and social situation, the aging of the population and the associated growing number of citizens in real need of long-term care, who remain outside the area of social support, poses new challenges to the state. The model of state provision for only poorest and most vulnerable and reliance on the local community as the organizer of social sphere and the family for the rest does not fully meet the new challenges. The article is devoted to the modern understanding of the aging process and the definition of long-term care as a new social risk; the analysis of various approaches to the formation of support system for people with disabilities in self-care on the example of a number of key states with high rates of aging and an average level of development, in which the supply of informal care is declining and the infrastructure of formal care is only being formed. Extended and multi-channel modern care system belongs to the category of expensive services, the cost of which usually significantly exceeds the median income of pensioners in the case of an average and especially high level of dependence. Additional constraints in the middle- developed countries include a relatively low level of accessibility of medical services, including a high proportion of patients' personal expenses in the total health costs. The practice of the countries under consideration shows that the tasks for forming modern institutions, that could ensure increased in the effectiveness of public spending on material and social support for the elderly are being solved by creating a mixt care economy using budget funds insurance schemes and public funds, attracting government, non-profit and commercial agencies operating in this area. The forms and volume of the state support are determined by the size of the population groups under care.

Keywords: *aging of the population, social risk, long-term care, mixed financing, state support.*

JEL: I11, I13, J14.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С.А. Васильев

*д.э.н., проф., Международный банковский институт им. А. Собчака
(Санкт-Петербург)*

Н.Л. Александров

*аспирант, Международный банковский институт им. А. Собчака
(Санкт-Петербург)*

РЫНОК ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ АРХИТЕКТУРЫ ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ

Аннотация. Появление криптовалют можно смело считать началом новой эры в развитии мировой финансовой системы, которая под влиянием растущей популярности и распространения цифровых валют по всему миру претерпевает как количественную (увеличение числа криптовалют, стейблкоинов и других цифровых активов, рост числа их пользователей), так и качественную эволюцию (увеличение скорости финансовых операций, минимизация количества комиссий за их проведение, повышение прозрачности сделок). Данная статья посвящена анализу цифровых валют в контексте их влияния на структуру денежных систем. Авторы описывают различные типы цифровых валют, такие как базовые криптовалюты, стейблкоины и цифровые валюты центральных банков. Особое внимание в статье уделено предпосылкам возникновения децентрализованных валютных систем и взглядам Ф.А. фон Хайека, который в своих трудах предвосхитил появление цифровых валют. В статье выявлены как положительные, так и отрицательные стороны использования этих видов цифровых валют. Авторы делают выводы о перспективах дальнейшего развития рынков основных криптовалют и стейблкоинов и их потенциальном влиянии на мировую экономику. В статье исследуется возможность использования цифровых валют в международных расчётах на примере объединения БРИКС, а также перспективы обращения этих валют в российской экономике. В статье также вводится новый термин «сверхагрессивный инвестиционный риск-профиль» для характеристики уникальной динамики риск-доходности криптовалютных портфелей. В результате проведённой исследовательской работы авторы пришли к выводу, что благодаря динамичному развитию криптоиндустрии в России страна получает значительные возможности для смягчения санкционного давления, а также повышается эффективность развития международных экономических отношений при всё большем укреплении позиций России на мировой политической и экономической арене.

Ключевые слова: цифровые валюты, криптовалюта, стейблкоин, фиатные деньги, цифровые валюты центральных банков, децентрализация, блокчейн.

JEL: E42, G10

УДК: 336.7

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_87_109

© С.А. Васильев, Н.Л. Александров, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильев С.А., Александров Н.Л. Рынок цифровых валют как фактор трансформации архитектуры денежных систем // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 87–109.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_87_109.

FOR CITATION: Vasiliev S., Aleksandrov N. The Digital Currency Market As A Factor In The Transformation Of The Architecture Of Monetary Systems // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 87–109. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_87_109.

Введение

Сфера денежного обращения традиционно считается одной из самых консервативных в экономике, однако в последнее время в этой сфере происходят значительные качественные изменения, вследствие которых в обозримом будущем возможны радикальные изменения принципов функционирования монетарных систем. Толчком к изменениям стало изобретение технологии блокчейна, благодаря которой стало возможным создание механизма децентрализованной эмиссии валют. Первым проектом, реализующим возможности системы блокчейн, стал биткойн, за которым последовал еще ряд сходных проектов. Заметим, что новые валюты не вполне корректно называть частными деньгами, о которых в своей знаменитой работе писал классик австрийской экономической школы Ф. фон Хайек [Наук, 1976], так как в данном случае отсутствует единый эмитент: новая валюта «добывается», подобно золоту.

По схожей технологии формируются системы стейблкоинов, привязанных к определённым традиционным валютам или котировкам основных биржевых товаров. Именно стейблкоины могут быть охарактеризованы как частные деньги, поскольку у них существует единый эмитент, а стабильность данной частной валюты обеспечивается её свободным обменом на базовую валюту или соответствующий контракт на поставку товаров.

Третьим направлением формирования системы цифровых валют являются цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ) или в английской аббревиатуре — CBDC (англ., Central Bank Digital Currency). Теоретически такие валюты могут функционировать как на основе технологии блокчейна, так и на основе традиционных банковских технологий. По своей экономической природе цифровые валюты центральных банков аналогичны бумажным деньгам, но в практическом применении имеют значительные преимущества, например, возможность быстрых расчётов через баланс центральных банков. Однако с введением ЦВЦБ возникают потенциальные проблемы, которые описываются ниже. Пока эти цифровые валюты не получили широкого распространения.

Таким образом, в обозримой перспективе можно говорить о формировании комбинированной валютной системы, в которой централизованно эмитируемые валюты, а именно обычные фиатные деньги и цифровые валюты центральных банков будут конкурировать с децентрализованно эмитируемыми валютами, то есть валютами типа биткойна и стейблкоинами.

Экономические исследования на тему цифровых валют были опубликованы сравнительно недавно. Так, в последние годы вышло несколько содержательных работ российских авторов С. Андрюшина [Андрюшин, Кочергин, 2022], Д. Кочергина [Кочергин, Андрюшин, 2023], С. Шешуковой [Кочергин, Андрюшин, Шешукова, 2023; Кочергин, Андрюшин, Шешукова, 2024], Е. Черняевой [Черняева, 2023], А. Яковлева [Яковлев, 2020] и других авторов. Большинство из них достаточно реалистично смотрят на проблему обращения криптовалют и видят все сложности, связанные с их внедрением, но в то же время сохраняют оптимистичные воззрения и выступают за расширение использования криптовалют в хозяйственной практике.

Международная литература, посвящённая теме цифровых валют, уже насчитывает более нескольких сотен названий. Все эти исследования сильно математизированы, но не всегда содержательны. В данной статье авторами обращено внимание на работы, в которых присутствуют, наряду с развитой техникой математического моделирования, принципиальные постановки вопросов, связанных с дизайном и устойчивостью цифровых валют, регулированием их эмиссии и взаимодействием цифровых и традиционных валют.

Предпосылки возникновения децентрализованных валютных систем

Основой существующей мировой денежной системы являются фиатные деньги, то есть деньги, эмиссия которых не связана с базовым активом, которым большую часть XX в. было золото. В полной мере эта система оформилась в начале 70-х гг. XX в. после отмены формальной привязки стоимости доллара к золоту. Валютная система, основанная на фиатных деньгах, функционирует уже около 60 лет.

Главной особенностью фиатных денег является отсутствие формальных ограничений на объём денежной эмиссии центральных банков и значительная волатильность валютных курсов. В период до отмены Бреттон-Вудской системы в 1973 г. курсы национальных валют были достаточно стабильны: они были привязаны к доллару, а стоимость доллара была привязана к золоту. Для сглаживания неизбежных в этой ситуации межстрановых торговых дисбалансов был создан Международный валютный фонд.

В условиях перехода к системе фиатных денег курсы валют стали значительно более гибкими, что помогало выравнивать условия международной торговли. Однако неконтролируемая эмиссия привела к всплескам высокой инфляции и высокой взаимной волатильности курсов основных международных валют. Так, в период 1980-1985 гг. курс доллара к корзине основных международных валют вырос на 50%, что, собственно, и было поводом к заключению так называемого Plaza Accord 1985 года¹, целью которого была девальвация доллара. Однако обратной стороной реализации этого соглашения стала сильная ревальвация йены, которая привела к долгосрочному застою японской экономики.

В развивающихся странах переход к фиатным деньгам был ознаменован периодами высокой инфляции и гиперинфляции, сравнимыми с теми, которые ранее наблюдались только в военные или послевоенные годы. Так в 1986-1990 гг. цены в Бразилии увеличились в 9 тыс. раз, в Аргентине — в 5 тыс. раз, в Югославии — в тысячу раз^{2,3,4}. Со временем как в развитых, так и в развивающихся странах научились контролировать уровень инфляции через ставку центрального банка, нормативы резервных требований центральных банков к коммерческим банкам и операции на открытом рынке. Однако дискреционный характер политики центральных банков существенно повышает нестабильность экономик как развитых, так и развивающихся стран. Центральный банк, который обладает формальной независимостью от правительства, может произвольно устанавливать как свою ключевую (учётную) ставку, так и нормы обязательных резервов, включая другие нормативы, которые должны соблюдать коммерческие банки.

В последние десятилетия государственные органы навязывают коммерческим банкам несвойственные им функции, в частности контроль над операциями, связанными с торговлей наркотиками и финансированием терроризма. Банки также получили право отказывать физическим и юридическим лицам в обслуживании без объяснения причин и без возможности оспорить отказ в судебном порядке. Между тем банковская система является важным элементом общественной инфраструктуры, так что немотивированный отказ в предоставлении банковских услуг без возможности административного и судебного оспаривания, вообще говоря, нарушает базовые права человека и основные принципы гражданского законодательства.

¹ Соглашение «Плаза» (1985). Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/soglashenie-plaza-1985-614a1d>. (дата обращения: 20.01.2025)

² Уровень инфляции в Бразилии. SVSPB. URL: <https://svspb.net/danmark/infljacija.php?l=brazilija> (дата обращения: 20.01.2025)

³ Гиперинфляция вокруг света. GoldenFront. URL: <https://goldenfront.ru/articles/view/giperinfljacija-vokrug-sveta/> (дата обращения: 20.01.2025)

⁴ Перспективы развития мировой экономики — сентябрь 2005. Институциональное строительство — МВФ. URL: <https://www.imf.org/~media/Websites/IMF/imported-flagship-issues/external/pubs/ft/weo/2005/02/rus/weo0905r.ashx> (дата обращения: 20.01.2025)

Эти дополнительные административные функции банков существенно увеличивают их издержки и, соответственно, стоимость банковских услуг. В то же время ужесточение регулирования практически никак не повлияло на частоту финансовых кризисов и волатильность финансовых рынков. Можно предположить, что вся совокупность дисфункций традиционной денежной системы стала существенным фактором, который стимулировал разработку и внедрение децентрализованных валютных систем.

Частные деньги Ф. фон Хайека и появление цифровых валют

Идеи децентрализации финансовой системы, отчасти напоминающие нынешние события, были выдвинуты Ф. фон Хайеком ещё в середине 1970-х гг. Отмечая дисфункциональный характер эмиссии фиатных валют, Хайек предложил перейти к децентрализованной эмиссии валют крупными частными эмиссионными центрами (банками) с тем, чтобы различные валюты конкурировали на рынке за своё место под солнцем. Это нашло отражение в его концепции «денационализации денег», которая предусматривала ликвидацию центральных банков. Эмиссионная политика частных банков, по мнению Хайека, должна была быть привязана к определённым товарным корзинам, что обеспечивало бы стабильность валюты эмитента [Hayek, 1976].

Работа Веры Смит «Происхождение центральных банков» добавляет важный контекст к характеристике эволюции частных денег [Смит, 1996]. Изначально деньги были частными, каждый банк выпускал свои собственные банкноты, которые еженедельно проходили взаимный клиринг через расчётные центры, и каждая банкнота поддерживала свой собственный курс по отношению к золоту. Создание Банка Англии ознаменовало монополизацию эмиссионной функции. В XVIII — XIX вв. обращение параллельных частных валют было обычной и общепринятой практикой. Сегодня технологии решают прежние проблемы мультивалютных систем: курсы обмена в режиме реального времени и беспрепятственный пересчёт в платёжных терминалах упрощают практическую работу с параллельными валютами.

Значительно более серьёзным вопросом является вопрос управления резервами эмиссионных банков. Так, часть резервов могут составлять конкурирующие частные валюты. В первое время их взаимные курсы будут весьма волатильны, как будут волатильными и объёмы резервов. В резервах частных банков также могут быть использованы золото, национальные и международные валюты. По этой причине странам — эмитентам «твёрдых» валют будет сложно отказаться от эмиссии фиатных денег. Другая причина невозможности отказа от национальной валюты — необходимость уплачивать налоги и формировать национальный бюджет. Непонятно, как это сделать в условиях денационализации денег. Изменятся процедуры бухгалтерского учёта — для него тоже необходима единая счётная единица. При мультивалютных расчётах всегда возникают счёта курсовых разниц, которые значительно усложняют учёт и аудит. Таким образом, сохранение национальной валюты, по крайней мере в качестве счётной единицы, является абсолютной необходимостью даже в весьма радикальных вариантах децентрализации эмиссионной деятельности.

Если взглянуть на современную ситуацию с позиций Ф. Хайека, то базовые криптовалюты выглядят аналогом валют, базирующихся на золотом стандарте, а стейблкоины представляют собой полный аналог частных денег с опорой на базовые активы (товарные корзины).

В условиях обращения на рынке нескольких частных валют наряду с национальной и, возможно, международными валютами, ключевым моментом, определяющим доверие к частной валюте, является прозрачность и соблюдение правил её эмиссии, а также возможность онлайн аудита резервов эмиссионного центра. Впрочем, это также справедливо и по отношению к эмиссии национальной валюты.

Базовые криптовалюты в современной финансовой системе

Исторически первой криптовалютой стал биткойн, а относительно успешный дебют этой криптовалюты способствовал появлению иных криптовалют. Опуская технические особенности организации расчётов в криптовалютах, отметим следующие содержательные особенности их обращения.

Во-первых, эмиссия базовых криптовалют осуществляется децентрализованно на открытом рынке [Кочергин, Андрюшин, Шешукова, 2024. С. 41]. Процесс эмиссии, то есть майнинг, является вознаграждением субъектам рынка за верификацию осуществляемых на рынке транзакций. Эта система эмиссии криптовалют называется принципом *Proof of Work*. Недостатком такого подхода являются значительные энергозатраты в процессе майнинга, и соответственно, высокая себестоимость единицы криптовалюты.

В процессе создания других криптовалют, в частности, Эфириума (*Ethereum*), был использован принцип *Proof of Stake*, в соответствии с которым первоначальная эмиссия криптовалюты изначально распределяется в соответствии с финансовым вкладом её учредителей. Топ-5 криптовалют, ранжированных по капитализации по состоянию на 4-й квартал 2024 г. (по состоянию на 08.11.2024), представлен в табл. 1.

Таблица 1

Топ-5 крупнейших криптовалют по капитализации по состоянию на 2024 г. (по состоянию на 08.11.2024)

Название криптовалюты	Капитализация, млрд долл.
Bitcoin	1501,7
Ethereum	349,6
Tether	122
Solana	94,2
BNB	85,9

Источник: составлено авторами по данным amp.rbc.ru⁵

Самой популярной среди инвесторов и крупнейшей криптовалютой по капитализации является биткойн (*Bitcoin*). В 2024 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам США уже одобрила вложения несколько биржевых инвестиционных фондов ETF (*Exchange-Traded Fund*) в биткойн⁶, упростив процедуру вложения капитала в указанную криптовалюту, что незамедлительно положительно отразилось на цене биткойна, который в 2024 г. впервые стал дороже 100 тыс. долл. Также внушительный рост цены биткойна в IV-м квартале 2024 г. подкреплён достаточно смелым предложением вновь избранного президента Д. Трампа о создании стратегического резерва биткойнов в США⁷, что говорит о наличии перспектив дальнейшего развития криптовалюты. Динамика цены биткойна приведена на рис. 1.

⁵ Топ-10 криптовалют изменился. Кто кого обогнал. РБК. URL: <https://amp.rbc.ru/crypto/news/672dce269a7947c927269c92> (дата обращения 25.12.2024).

⁶ Кripto-ETF в 2024 г.: ключевые достижения и перспективы на 2025 г. CoinEx. — URL: <https://www.coinex.com/ru/academy/detail/1669-crypto-etfs-in-2024-key-achievements-and-prospects-for-2025?pid=31> (дата обращения 25.12.2024).

⁷ Биткойн приблизился к \$ 108 000 на планах Трампа создать резерв криптовалюты. Форбс. URL: <https://www.forbes.ru/investicii/527346-bitcoin-priblizilsa-k-108-000-na-planah-trampa-sozdat-rezerv-kriptoaluty> (дата обращения 25.12.2024).

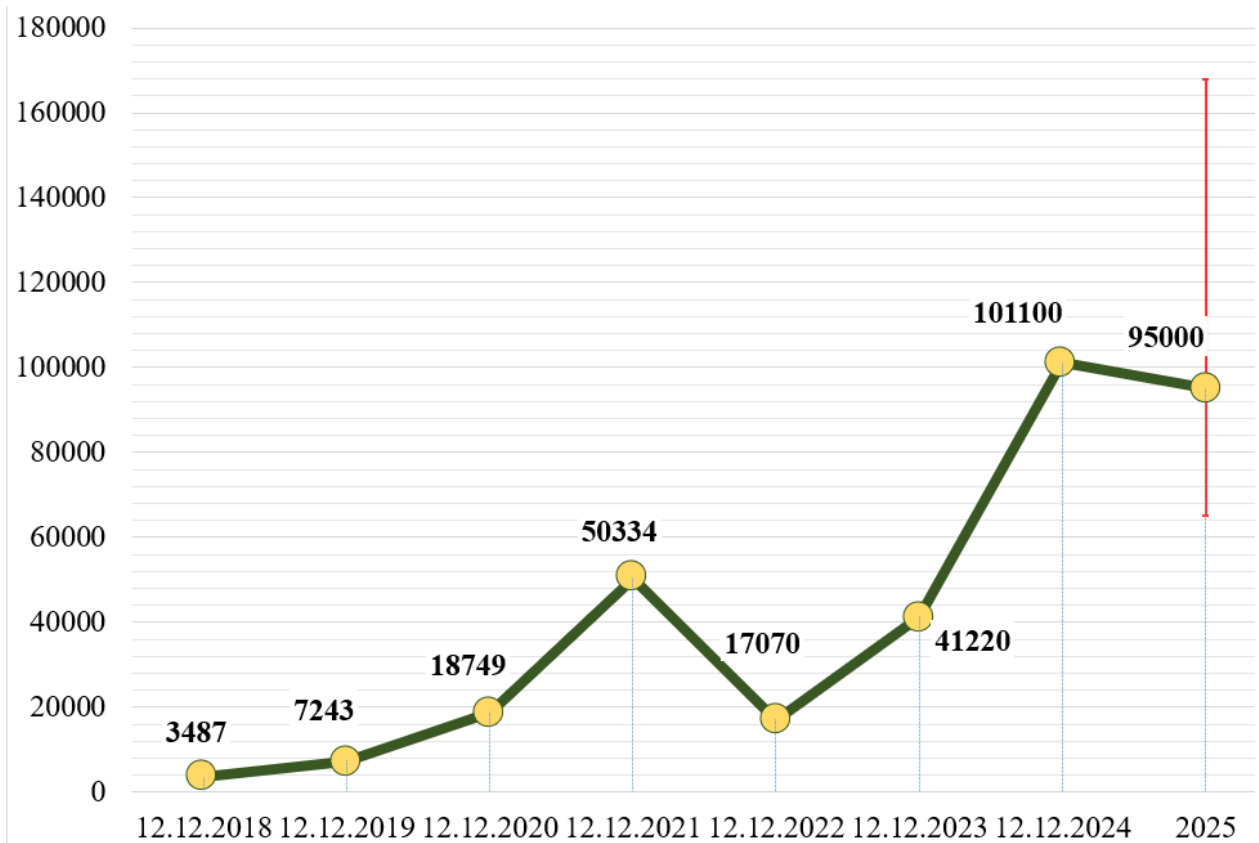

Рис. 1. Динамика цены биткойна

Источник: составлено авторами по данным investfunds.ru⁸

Инвестиции в биткойн весьма выгодны как для институциональных, так и для частных инвесторов. Например, условный инвестор с капиталом в 100 000 долл., вложивший средства в биткойн 12 декабря 2018 г. (когда цена 1 биткойна составляла 3 487 долл.), смог бы приобрести примерно 28 биткойнов. К 12 декабря 2024 г., если бы инвестор продал все биткойны, он заработал бы более 2 700 000 долл. (без учёта комиссий и налогов криптовалютных бирж). Доходность этой сделки превышает 2 700% за шесть лет. Такая доходность не сравнится с другими традиционными инвестиционными инструментами. Аналитики прогнозируют, что к концу 2025 г. цена биткойна может продолжить рост и превысить отметку в 180 000 долл., что может побить рекорды 2024 г. и предоставить дополнительные возможности для роста капитала. При этом, по состоянию на 29.04.2025 цена биткойна составляла 95 000 долл.⁹. На основании данного факта на рисунке 1 отражен сценарный прогноз цены биткойна (красная линия отклонения), где пессимистичному варианту соответствует значение 75 000 долл., позитивному 165 000 долл. (определено посредством геометрического броуновского движения). Ожидается, что такие смелые прогнозы подтолкнут больше инвесторов к покупке биткойна, увеличивая вероятность того, что эти предсказания сбудутся.

Доходность биткойна сопровождается высокой волатильностью, значительно превышающей волатильность обычных активов, таких как золото (рис. 2). Краткосрочные колебания цены биткойна подчёркивают его спекулятивную природу, поэтому его могут относить к спекулятивным активам, а не к стабильным инвестициям [Blau, 2017. Р. 494].

⁸ BITCOIN | ONLINE. InvestFunds. Независимый источник данных для частного инвестора в России. URL: <https://investfunds.ru/indexes/9021/> (дата обращения 25.12.2024).

⁹ Курс Биткойна. OKX. URL: <https://www.okx.com/ru-eu/price/bitcoin-btc> (дата обращения: 29.04.2025)

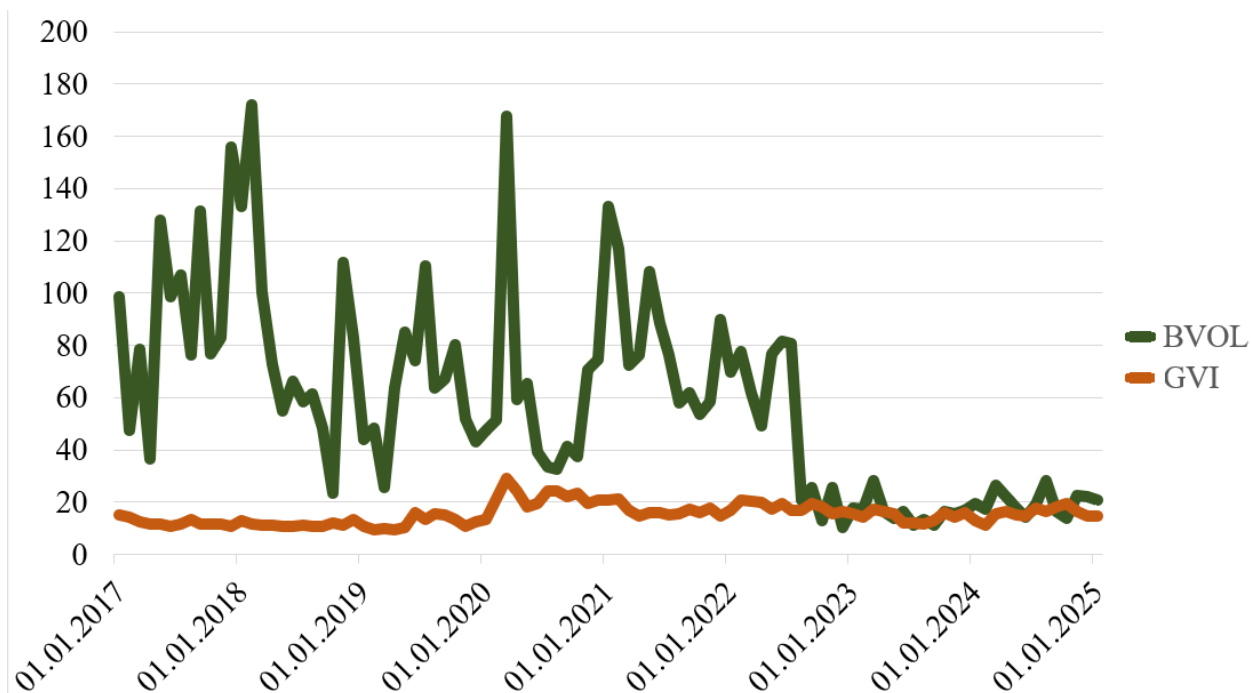

Рис. 2. Динамика волатильности биткойна (BVOL) и золота (GVI)

Источник: составлено авторами по данным tradingview.com¹⁰

Появление криптовалют качественно повлияло на подходы к инвестированию. В табл. 2 показана трансформация риск-профиля инвестора, которая связана с использованием криптовалют в инвестиционных целях.

Таблица 2

Основные инвестиционные риск-профили в зависимости от используемых активов

Риск-профиль инвестора	Инструменты инвестиционного портфеля:
Консервативный	Преобладание депозитов и облигаций. Минимум акций (не более 20% портфеля)
Умеренный	Примерное соотношение акций и облигаций в портфеле: 40% — акции; 60% — облигации. Допустимо также использование паевых инвестиционных фондов
Агрессивный	Примерное соотношение акций и облигаций в портфеле: 80-85% — акции; 15-20% — облигации
Сверхагрессивный	Преобладание акций и криптовалюты в инвестиционном портфеле. Возможная доля криптоактивов — порядка 50%. Акции в данном портфеле выступают в роли более консервативного инструмента по сравнению с криптовалютой.

Источник: составлено авторами по данным Vanguard¹¹, Investopedia¹², CFA Institute¹³

¹⁰ Major world indices. TVTradingview. URL: www.tradingview.com (access date: 23.01.2025).

¹¹ Vanguard LifeStrategy Funds. URL: www.investor.vanguard.com/investment-products/mutual-funds/life-strategy-funds (access date: 23.01.2025).

¹² What Is Risk Tolerance, and Why Does It Matter? Investopedia. URL: www.investopedia.com/terms/r/risktolerance.asp (access date: 23.01.2025).

¹³ The Performance of the 60/40 Portfolio: A Historical Perspective. CFA Institute. URL: https://rpc.cfainstitute.org/sites/default/files/docs/research-reports/monash-report-1_performance-of-the-6040_online.pdf (access date: 23.01.2025).

Добавление криптовалюты в инвестиционный портфель значительно повышает риски инвестора и одновременно даёт возможность получить гораздо более высокую прибыль. Эти риски обусловлены как повышенной волатильностью криптоактивов, так и отсутствием у них обеспечения другими ликвидными ценностями. Например, волатильность биткойна, измеряемая индексом волатильности биткойна, в среднем превышает волатильность традиционных активов, таких как золото. Криптовалюты обеспечены исключительно верой держателей в их перспективность и востребованность. Позитивные новости в мировой криптовалютной индустрии часто вызывают покупательскую активность, причём реальные и потенциальные держатели интерпретируют такие новости как сигнал к инвестированию. Повышенный спрос приводит к росту цен на эти активы, создавая самоусиливающийся цикл спекулятивного роста.

Согласно классической теории инвестирования, агрессивные портфели состоят в основном из акций, которые по ряду причин — например, из-за более низкой волатильности и подкрепления материальными факторами, такими как наличие рабочих мест, продукции или физических активов, — менее рискованы, чем криптовалюты. Учитывая значительно более высокие риски, связанные с криптовалютными инвестициями, мы предлагаем ввести новое понятие: «сверхагрессивный инвестиционный риск-профиль». Этот профиль будет описывать инвесторов, которые преимущественно вкладывают средства в криптоактивы, несущие самый высокий уровень риска по сравнению со всеми остальными классами активов.

Однако пассивное инвестирование и трейдинг являются далеко не единственными способами получения прибыли от инвестирования в криптовалюту (табл. 3).

Таблица 3

Методология инвестиций в криптоактивы

Название методов	Суть методов
Традиционные методы:	
Пассивное инвестирование	Осуществление регулярных долгосрочных вложений фиксированного процента инвестиционного капитала в относительно стабильные (известные, уже зарекомендовавшие себя) криптовалюты с целью получения прибыли на долгосрочном росте их цен
Трейдинг	Проведение краткосрочных спекулятивных сделок, цель которых — получение выгоды за счёт разницы между ценой продажи и ценой покупки наиболее волатильных криптовалют.
Специфические методы:	
Майнинг	Использование определённых цифровых вычислительных операций для построения новых составляющих (блоков) цепи блокчейна с целью добычи (генерации) криптовалюты
Стейкинг	Способ получения прибыли на хранении криптоактивов. Используется принцип, который аналогичен банковскому депозиту: пользователи цифровых платформ с алгоритмом Proof of Stake осуществляют хранение криптоактивов в своих криптокошельках и получают за это процент прибыли
Лендинг	Владелец криптовалюты предоставляет её в долг различным контрагентам под проценты

Источник: составлено авторами по: Черняева Е.Н. Криптовалюты. — М.: Эксмо, 2023. С. 43-46.

Таким образом, криптовалютный рынок предоставляет большое разнообразие вариантов получения прибыли на криптоактивах. На фоне совершенствования старых методов, а также наличия высокой вероятности появления новых способов увеличения капитала при использовании потенциала криптоотрасли, логично сделать вывод о наличии прочного фундамента, на котором продолжает активно строиться рынок цифровых валют. По состоянию на декабрь 2024 г. капитализация криптовалютного рынка обновила исторические максимумы и превысила 3,3 трлн долл.¹⁴, (для сравнения в декабре 2023 г. данный показатель не превышал 1,8 трлн долл.¹⁵), а количество держателей криптовалют во всём мире преодолело отметку в 560 млн чел., что больше на более чем 33% относительно результатов 2023 г.¹⁶.

Основным недостатком базовых криптовалют является их высокая волатильность, которая превращает эти валюты в инвестиционный спекулятивный актив. Чем больше криптовалюта рассматривается рынком как спекулятивный актив, тем более значительной становится потенциальная амплитуда колебаний этой валюты. Одной из основных характеристик валюты является её способность выступать в качестве защитного актива, инструмента сбережений. По состоянию на конец 2024 г. справедливо говорить о том, что криптовалюты в ближайшем будущем смогут стать реальными конкурентами фиатных валют только в том случае, если их волатильность станет сопоставимой с волатильностью фиатных валют.

Однако высокая волатильность базовых криптовалют не препятствует их использованию в качестве платёжного средства. Цена товара, выраженная, например, в долларах США, в любой момент может быть пересчитана в биткойны на основании текущего курса. Убыток по операции, который может понести продавец при относительно стабильной курсовой динамике криптовалют, сопоставим с комиссионными вознаграждениями в традиционных платёжных системах. Увеличение частоты использования криптовалют, а также либерализация законодательства в области регулирования криптоактивов в ряде стран мира в долгосрочной перспективе позволит раскрыть полный потенциал цифровых валют, постепенно стабилизируя их курсы и повышая уровень доверия к новому виду денег.

Производные криптовалюты (стейблкоины)

Понятие «производные криптовалюты» подразумевает под собой те валюты, которым соответствует некоторый базовый актив, например, курс стейблкоина может быть привязан к определённой фиатной денежной единице: другой криптовалюте, золоту, нефти и т.д. Чаще всего таковой единицей является доллар США. Эмитент такой криптовалюты принимает на себя обязательство обменять в любой момент любое количество криптовалюты на безналичную базовую валюту.

Преимущества такой системы очевидны: стейблкоин мало волатилен по базовому активу, легко может использоваться как средство платежа или накапливаться в качестве финансового резерва в электронных кошельках. Выпуск такой криптовалюты дело весьма затратное, эмитент должен поддерживать достаточно низкодходные резервы (типа *treasuries*) для того, чтобы можно было удовлетворять заявки на погашение стейблкоинов.

¹⁴ Графики рыночной капитализации криптовалют TVTradingview. URL: <https://ru.tradingview.com/markets/cryptocurrencies/global-charts/> (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁵ График общей рыночной капитализации криптовалют. CoinGecko. URL: <https://www.coingecko.com/ru/global-charts> (дата обращения: 25.12.2024). [

¹⁶ В России криптовалютой завладели 9,2 млн человек. COMNEWS. Новости цифровой трансформации, телекоммуникаций, вещания и ИТ. URL: <https://www.comnews.ru/content/233539/2024-06-04/2024-w23/1008/rossii-kriptovalyutoy-zavladeli-92-mln-chelovek> (дата обращения: 25.12.2024).

С другой стороны, затраты эмитента покрываются комиссионными платежами клиентов, что позволяет получать хорошую прибыль. На рис. 3 приведён объём транзакций биткойна (*Bitcoin*), стейблкойнов (*Stablecoin*) и фиатных денег (*Fiat money*) за период 2018 — 2023 гг.

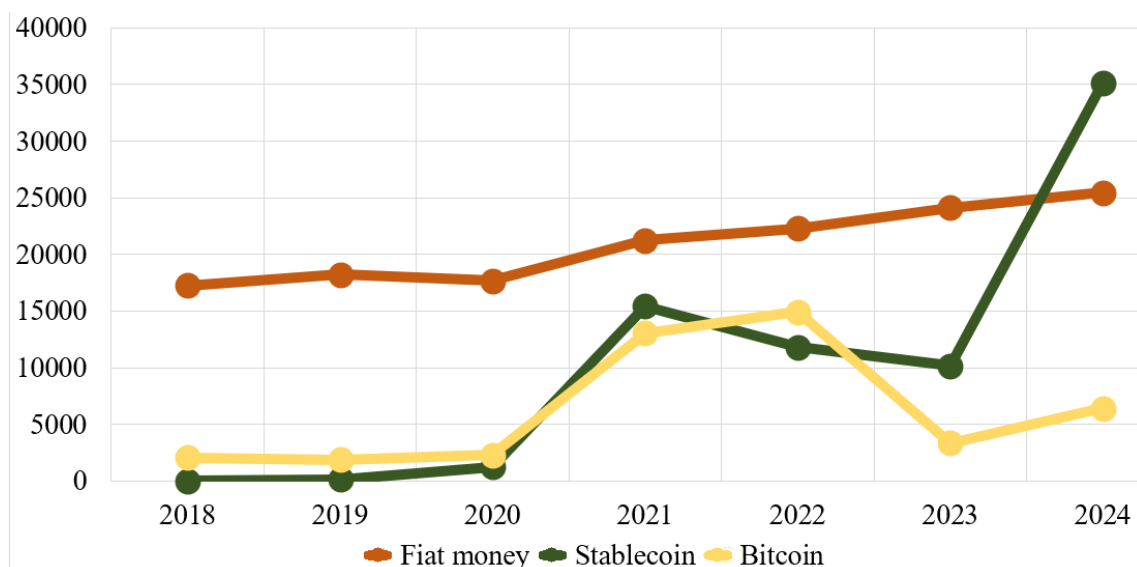

Рис. 3. Объёмы транзакций *Bitcoin*, *Stablecoin*, *Fiat money* в денежном эквиваленте (млрд долл. США)
 Источник: составлено авторами по данным artemisanalytics.com¹⁷, glassnode.com¹⁸, ycharts.com¹⁹ и statista.com²⁰

Для оценки объёма транзакций фиатных денег в данном случае используется общая сумма транзакций через платёжные системы *Visa* и *Mastercard*. При расчёте безналичного «фиатного» сегмента мы сознательно ограничились суммой оборотов *Visa* и *Mastercard*, потому что именно эти две международные карт-схемы образуют ядро глобальных трансграничных платежей и публикуют сопоставимую в валюте USD отчётность; национальные сети вроде *UnionPay*, *Mir* почти целиком обслуживают внутренние операции своих стран, считываются в местных валютах и тем самым искажают сравнение с децентрализованными on-chain потоками, а их добавление, хоть и увеличило бы абсолютный столбец «Fiat money», не изменило бы относительную картину между фиатом, биткойном и стейблкойнами, зато внесло бы лишние валютные пересчёты и понизило прозрачность методики. Объём транзакций стейблкойнов оценивается как совокупный объём транзакций *USDT*, *USDC*, *BUSD*, *DAI*, *USDP*. При оценке объёма транзакций *Bitcoin* применялась корректировка *Change-Adjusted*, иными словами, корректировка на «очевидные» изменения: не были учтены транзакции, в которых адрес отправителя был идентичен адресу получателя, то есть в которых биткойны возвращались обратно к отправителю.

На рост объёма транзакций биткойна в 2021 г. повлияла совокупность экономических и социальных факторов (рис. 2). Многие крупные компании, такие как *Tesla* и *MicroStrategy*, начали инвестировать значительные суммы в биткойн, что привлекло внимание инвесторов и увеличило доверие к криптовалюте как к активу. На фоне пандемии COVID-19 многие инвесторы начали беспокоиться о возможной инфляции и девальвации фиатных

¹⁷ Stablecoin Overview. Artemis Terminal. — URL: <https://app.artemisanalytics.com/stablecoins> (access date: 26.12.2024).

¹⁸ Bitcoin. Glassnodestudio. — URL: <https://studio.glassnode.com/charts/addresses.ActiveCount?a=BTC> (access date: 26.12.2024).

¹⁹ Mastercard Inc A (MA) — Total Transaction Volume (I: MIAMATTV). YCHARTS. URL: https://ycharts.com/indicators/mastercard_inc_a_ma_total_transaction_volume (access date: 26.12.2024).

²⁰ Value of payments processed (TPV — Total Payment Volume) of Visa issued credit cards worldwide from 1st quarter 2008 to 3rd quarter 2024. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1394858/visa-credit-card-transaction-value/> (access date: 26.12.2024).

валют. Биткойн рассматривается как «цифровое золото» и способ защиты от инфляции, что побудило инвесторов вкладывать в него средства. Развитие DeFi-приложений, которые используют биткойн в качестве обеспеченного актива, также повысило интерес к криптовалюте. Участники стали видеть в биткойне не только спекулятивный актив, но и инструмент для получения дохода. Резкий спад криптовалюты в 2023 г. связан с банкротством одной из крупнейших на тот момент криптобирж — *FTX*. В течение ещё одного дня владельцы криптовалют активно избавлялись от токена биржи — *FTT* и других монет, связанных с проблемной биржей. Крах *FTX* затронул другие криптовалютные биржи, которые тоже столкнулись с кризисом ликвидности из-за большого количества заявок на вывод денег.

Динамика стейблкоинов зависит от тенденции крипторынка в целом, то есть оборот стейблкоинов больше, когда показатели криптовалюты растут, так как у инвесторов возрастает доверие к новым активам. Превышение объёмов транзакций стейблкоинов над биткойном в 2023 г. связано с использованием их инвесторами для входа в рынок биткойна. Стейблкоины стали основным способом хранения и обмена для многих пользователей на центральных обменниках, поскольку они предлагают больший уровень стабильности по сравнению с гораздо более волатильными криптовалютами, такими как биткойн. Топ-7 стейблкоинов по объёмам капитализации по данным на 24 декабря 2024 г. представлен в табл. 4.

Таблица 4

Топ-7 стейблкоинов по размерам капитализации по данным на конец 2024 г.

Название стейблкоина	Капитализация по состоянию на 24.12.2024 г., млрд долл.	Доминирование по состоянию на 24.12.2024 г., %
Tether	139,69	70,05
USDC	43,1	21,19
Ethena USDe	5,9	2,95
USDS	5,2	2,58
Dai	3,4	1,6
First Digital USD	1,9	0,86
Usual USD	1,46	0,68

Источник: составлено авторами по данным coingecko.com²¹

Абсолютным рекордсменом как по объёму капитализации, так и по проценту доминирования среди наиболее популярных стейблкоинов является *Tether*. Данная цифровая валюта представляет собой исторически первый стейблкоин, который был выпущен в 2015 г., с целью осуществления попытки минимизации уровня волатильности криптовалюты [Кочергин, Андрюшин, 2023], для чего разработчики и реализовали привязку курса *Tether* к доллару США в пропорции 1:1. Другими словами, указанный стейблкоин обеспечен запасами фиатной валюты (доллара США)²². Таким образом, и *Bitcoin*, и *Tether* пользуются всеми привилегиями первопроходцев: *Bitcoin* — самый популярный и узнаваемый криптоактив среди базовых криптовалют, а *Tether* — среди производных.

²¹ Стейблкоины по рыночной капитализации CoinGecko. — URL: <https://www.coingecko.com/ru/categories/stablecoins> (дата обращения: 26.12.2024).

²² USDT: Полное руководство по Tether — что это, как работает и почему популярен. ECOS. — URL: <https://ecos.am/ru/blog/usdt-polnoe-rukovodstvo-po-tether-cto-jeto-kak-rabotaet-i-pochemu-popularen/> (дата обращения: 27.12.2024).

Основную долгосрочную опасность при эмиссии стейблкоинов представляют моральные риски. При больших объёмах эмиссии и стабильности рынка у эмитента может возникнуть соблазн вложить часть активов в менее ликвидные, но более доходные бумаги, что в случае неблагоприятной финансовой ситуации может привести к бегству клиентов и банкротству эмитента. Это является сильным аргументом для вмешательства регулирующих агентств в деятельность эмитентов.

Таким образом, в отличие от волатильного биткойна, стейблкоин — это криптовалюта, обеспеченная базовыми активами, такими как фиатная валюта, золото или другая криптовалюта. Стейблкоины являются связующим звеном между фиатными деньгами и криптовалютами. Природа стейблкоинов предусматривает их более высокую стабильность по сравнению с биткойном и другими криптовалютами. К очевидным плюсам стейблкоина можно отнести:

1. Конфиденциальность пользователей: в то время как традиционные платёжные системы требуют «реальной идентификации» или нецифровых идентификационных данных [Ho, Darbha, Gorelkina, Garcia, 2022. Р. 7], транзакции в блокчейне не всегда требуют указания личных данных, пользователи могут сохранить свою конфиденциальность.

2. Прозрачность: большинство стейблкоинов выпускаются с использованием технологии блокчейн, которая обеспечивает высокую степень прозрачности [Ho, Darbha, Gorelkina, Garcia, 2022. Р. 16]. Каждая транзакция записывается в общедоступный реестр, который может проверить любой желающий.

3. Скорость транзакций: традиционные платёжные системы обеспечивают высокую скорость внутренних платежей, но максимальная скорость, которую может обеспечить *Mastercard* для международных транзакций — это доступность средств в тот же день [Ho, Darbha, Gorelkina, Garcia, 2022. Рр. 11-12]. Стейблкоины же используют технологию блокчейн для осуществления практически мгновенных переводов с минимальными комиссиями.

4. Низкая волатильность, благодаря привязке к реальным активам.

Но при привязке к фиатной валюте стейблкоин перестаёт быть децентрализованным, и появляется риск дискреционных решений со стороны организации-эмитента. Одной из самых больших проблем, с которыми сталкиваются стейблкоины, является неопределённость в сфере регулирования. Правительства и регулирующие органы всё ещё пытаются понять, как классифицировать и регулировать эти цифровые активы. Отсутствие чётких правил может привести к потенциальным юридическим проблемам и трудностям с соблюдением требований как для пользователей, так и для эмитентов.

Стабильность стейблкоина зависит от активов, на которых он основан. Если эти базовые активы потеряют ценность или станут недоступными, стейблкоин может стать нестабильным [Hoang, Baur, 2024. Р. 10]. Например, стейблкоин, обеспеченный фиатной валютой, стабилен настолько, насколько стабильна валюта, к которой он привязан.

Достаточно примечательным является тот факт, что завершение II-го квартала 2024 г. ознаменовалось более чем двукратным превышением общего объёма транзакций стейблкоинов, который в денежном эквиваленте оценивался в 8,5 трлн долл., над объёмом транзакций *Visa* (3,9 трлн долл. США за тот же временной отрезок)²³. Кроме того, по итогам всего 2024 г. совокупная рыночная капитализация стейблкоинов установила новый исторический максимум, превысив 200 млрд долл.²⁴ По сравнению с результатами на начало

²³ Отчёт о состоянии криптовалюты 2024 года: Новые данные о колеблющихся штатах, стейблкоинах, искусственном интеллекте, энергии строителей и многом другом. GateLearn. URL: <https://www.gate.io/ru/learn/articles/state-of-crypto-report-2024-new-data-on-swing-states-stablecoins-ai-builder-energy-and-more/4495> (дата обращения 27.12.2024).

²⁴ Top Stablecoin by Market Capitalization. CRYPTO.COM. — URL: <https://crypto.com/price/ru/categories/stablecoin> (access date: 27.12.2024).

2024 г., когда капитализация стейблкоинов составляла 130 млрд долл. США²⁵, годовой прирост составил более 50%, что говорит как о растущем доверии инвесторов к данному виду цифровой валюты, так и о существенных перспективах для дальнейшего развития рынка стейблкоинов в ближайшем будущем.

Об устойчивости мультивалютных систем

Одним из важных теоретических и прикладных вопросов является вопрос об устойчивости мультивалютных систем. После появления биткойна появился ряд исследований, посвящённых взаимодействию биткойна и фиатных денег.

Практически все исследователи сходятся во мнении о том, что существует противоречие между функцией биткойна как платёжного средства и его функцией как спекулятивного актива. Именно это противоречие является основной причиной долгосрочной волатильности цены биткойна.

Одной из первых содержательных работ в этом направлении стал доклад В. Болта и М. ван Оордта [Bolt, Oordt van, 2020]. Авторы вводят в рассмотрение также третий фактор, влияющий на обменный курс биткойна, а именно, предпочтения агентов рынка, связанные с анонимностью и низкой стоимостью транзакций. Именно эти предпочтения в долгосрочной перспективе становятся главным фактором стабилизации обменного курса.

Иной позиции придерживаются Д. Баур и Т. Димпфль [Baur, Dimpfl, 2021]. Они полагают, что высокая волатильность биткойна делает его в принципе непригодным в качестве средства платежа и меры стоимости, а в качестве средства накопления биткойн, согласно их модельным расчётам, оказывается эффективен только на длительных горизонтах.

К похожим выводам приходят в своей относительно недавней работе М. Сокин и В. Сон [Sokkin, Xiong, 2023]. В их обобщённой модели криптовалют существуют равновесные ситуации, в которых криптовалюта оказывается полностью вытесненной из обращения, а ведущими факторами нестабильности криптовалют, помимо деятельности валютных спекулянтов, могут быть атаки на блокчейн-платформы.

Представляется, что вышеназванные авторы недооценивают сетевые эффекты, возникающие при расчётах в криптовалюте. В настоящее время использование биткойна в розничных продажах затруднено из-за необходимости конверсии фиатных денег в биткойны и обратно. Однако по мере накопления биткойнов в кошельках потребителей и расширения использования биткойна в расчётах торговых сетей с производителями данная проблема отпадает и масштабы его использования в розничной и оптовой торговле могут вырасти очень быстро.

В работе Л. Шиллинг и Г. Улига [Schilling, Uhlig, 2019] исследуется вопрос монетарной политики центральных банков в бивалютной системе «фиатные деньги — биткойн». Согласно модельным расчётам, разным вариантам динамики биткойновой денежной массы соответствуют свои варианты денежной политики центрального банка, позволяющие обеспечить целевое значение инфляции фиатных денег.

В последнее время появилось также значительное количество научных работ, посвящённых проблеме стабильности стейблкоинов. Хотя волатильность стейблкоинов гораздо ниже, чем волатильность базовых криптовалют, наблюдаются значительные и устойчивые отклонения стоимости стейблкоинов от стоимости базового актива (доллара США). Эмпирически установлено, что колебания курса стейблкоина совпадают по времени с колебаниями курса биткойна, однако существуют разные интерпретации данной взаимосвязи.

²⁵ Капитализация стейблкоинов приблизилась к \$200 млрд. Сколько они стоят. РБК.КРИПТО. — URL: <https://amp.rbc.ru/crypto/news/67483a309a79477190fe6a7c> (дата обращения: 27.12.2024).

По мнению К. Дуана и Э. Уркварта [*Duan, Urquhart, 2023*], колебания курса биткойна приводят к оттоку средств на рынок стейблкойнов и вызывают колебания их курсов. В свою очередь, Л. Хоан и Д. Баур [*Hoang, Baur, 2024. Pp. 2-4; 10-12*] считают, что связь имеет обратный характер. По их мнению, приток средств на рынок стейблкойнов создаёт там необходимый резерв для спекулятивного спроса на биткойн, причём этот процесс связан с относительной простотой конверсии стейблкойнов в биткойн.

В связи с этим возникает вопрос о механизмах стабилизации курса стейблкойнов. Р. Лайонз и Г. Вишванатх-Натрадж [*Lyons, Viswanath-Natraj, 2023*] подробно исследуют механизмы централизованного и децентрализованного арбитража, способные минимизировать интенсивность и продолжительность отклонений курса стейблкойнов от стоимости доллара США. Суть их предложений состоит в «демократизации» арбитражных операций, что означает доступ к этим операциям большего количества игроков на рынке.

Лайонз и Вишванатх-Натрадж также отмечают необходимость онлайн-аудита эмитентов стейблкойнов в целях обеспечения доверия рынка. Такой же позиции придерживается К. Берч [*Bertsch, 2023*]. Он также считает, что необходимо достаточно жёсткое государственное регулирование эмитентов стейблкойнов, вплоть до формирования специальных кредитных линий Центробанков для предотвращения набегов держателей стейблкойнов на резервы эмитентов.

Цифровые валюты центральных банков

Появление ЦВЦБ является значительной структурной инновацией в денежной и банковской системах. Данная инновация — достаточно актуальное и закономерное явление, поскольку в последнее время всё более активно развивается цифровая экономика, которая уже выступает в качестве одного из главных драйверов экономического роста [*Яковлев, 2020. С. 62*]. Вполне логично желание центральных банков использовать потенциал цифровых финансовых решений. По своей экономической природе ЦВЦБ — полный аналог бумажных денег и являются, как и бумажные деньги, элементом пассивов центральных банков. В отличие от ЦВЦБ безналичные деньги, находящиеся на текущих счетах и депозитах коммерческих банков, являются пассивами коммерческих банков и учитываются только при расчёте денежного агрегата М2, в то время как ЦВЦБ входят в денежный агрегат М0, то есть в денежную базу. Поэтому при широком распространении ЦВЦБ будет происходить радикальная перестройка балансов коммерческих и центральных банков, последствия рассматриваются в этом и последующих разделах.

В большинстве концепций ЦВЦБ предполагается, что доступ к ним получают не только физические, но и юридические лица. Это формулируется как принцип доступа юридических лиц (организаций, фирм, корпораций) к балансу центрального банка. Возникает закономерный вопрос, почему эта очевидная идея появилась лишь после возникновения криптовалют? Более того, ЦВЦБ могут функционировать без механизмов блокчейна, просто путём открытия юридическим и физическим лицам счетов в центральном банке и проведением расчётов между ними внутри центрального банка.

Первое очевидное объяснение состоит в том, что в доцифровую эпоху подобное было невозможно реализовать. Центральные банки имели, как правило, один (столичный) офис и просто физически не могли обслуживать население и фирмы целой страны. Второе объяснение состоит в том, что центральные банки были созданы не для обслуживания физических и юридических лиц, а для поддержания стабильности банковской системы в целом.

Надо отметить, что система расчётов юридических лиц не через коммерческие банки, а через центрального контрагента существовала в социалистической Югославии,

где все расчётные счета предприятий организаций велись Службой Общественного Учёта (сербскохорв.: Служба Друштвеног Књиговодства), которая соединяла в себе функции центрального статистического управления и центрального расчётного банка. В результате коммерческие банки Югославии, лишённые комиссионных доходов от проведения расчётных операций, оказались финансово неустойчивыми и требовали постоянной подпитки от Национального банка Югославии.

Отвечая на вопрос о том, каким в теории должен быть технический механизм функционирования ЦВЦБ, необходимо сказать, что для обеспечения доверия населения и организаций к новой валюте должна быть обеспечена полная и беспрепятственная прямая и обратная конвертируемость ЦВЦБ в наличную и безналичную валюту.

Есть два канала доступа к ЦВЦБ: 1) внесение наличных денег в электронный кошелёк, открытый в ЦБ; 2) перевод в этот кошелёк денег с текущего счёта в банке. Точно так же должна быть возможность получить из электронного кошелька наличные деньги или перевести их на счёт в коммерческом банке. Данный механизм должен действовать в равной степени и для физических, и для юридических лиц, поскольку существуют юридические лица, например торговые организации, в *cash-flow* которых есть значительная доля наличных денег.

Всё вышеизложенное означает необходимость привлечения к процессу обращения коммерческих банков как агентов центрального банка. Коммерческие банки для обслуживания конверсионных операций своих клиентов должны также открывать в центральном банке электронные кошельки, с которых будут списываться электронные рубли при переводах денег клиентами в их электронные кошельки. Альтернативой такому подходу становится размещение по всей стране банкоматов Центрального банка для обмена валюты в цифровом и в фиатном варианте, что будет достаточно дорого стоить и по капитальным затратам, и по текущим издержкам по обслуживанию банкоматов.

Основные вопросы, связанные с введением ЦВЦБ

В последние годы в экономической литературе идёт оживлённое обсуждение ряда проблем, связанных с введением ЦВЦБ.

Первая проблема касается организации системы платежей. Здесь существуют варианты: 1) все платежи проводятся консолидировано через центральный банк; 2) система является децентрализованной или распределённой между крупными уполномоченными банками. Преимущество централизованной системы состоит в её большей дешевизне и простоте, однако в данном случае выше и уязвимость к хакерским атакам. Распределённая система в этом отношении менее уязвима, но её эксплуатация будет стоить дороже.

Вторая проблема связана с неопределённостью общественного спроса на ЦВЦБ. По воззрениям западных авторов ЦВЦБ представляет собой более надёжный вид валюты, чем наличные деньги. Даже при нулевой ставке процента по депозитам в ЦВЦБ население может предпочесть хранить деньги в ЦВЦБ, чем в наличной форме. В странах с высокой долей безналичных расчётов это может привести к полному вытеснению наличных денег, поскольку станет невыгодно содержать банкоматы. Широко обсуждаемым способом преодоления данной проблемы является «отрицательная процентная ставка» по депозитам в ЦВЦБ, то есть комиссия за хранение денег, аналогичная плате за использование банковских сейфов. Впрочем, в России эта проблема выглядит несколько иначе. Доверие к электронному рублю, особенно на первых порах, будет, по-видимому, несколько ниже, чем к наличным деньгам, и главная причина этого состоит в том, что транзакции в наличной валюте анонимны, а в электронных рублях — прозрачны для всех уполномоченных органов. Так что в России при введении ЦВЦБ можно будет вполне обойтись без отрицательной процентной ставки по рублевым депозитам в Центральном банке.

То же самое относится и к взаимным расчётам между юридическими лицами: расчёты между ними через баланс центрального банка будут и дешевле, и быстрее, чем через корреспондентские счета коммерческих банков. Между тем, расчётные операции — это «хлеб» коммерческих банков, массовый уход платежей на баланс центрального банка может привести к резкому падению их доходности и серьёзному кризису банковской системы. В качестве меры противодействия такому обороту событий предлагается использовать цифровую валюту, накапливаемую на счетах физических и юридических лиц в центральном банке, для поддержки коммерческих банков в переходный период введения ЦВЦБ. Также следует отметить, что повышение эффективности межбанковских расчётов, в частности широкое внедрение систем быстрых платежей (RTGS), уменьшает стимулы для оттока расчётов в цифровую валюту центрального банка. Если же расчёты между организациями будут осуществляться через баланс ЦБ, то коммерческие банки просто лишатся своей расчётной функции и будут осуществлять только кредитные и депозитные операции, финансируя за счёт краткосрочных депозитов населения кредитование оборотных средств, а за счёт долгосрочных депозитов — инвестиционное кредитование.

Моделирование перехода экономики на использование ЦВЦБ

Большая экономическая неопределённость, связанная с введением ЦВЦБ, стала стимулом для разработки математических моделей анализа взаимодействия ЦВЦБ с наличными и безналичными деньгами. Большая часть этих моделей основывается на технике DSGE (динамические вероятностные модели общего равновесия). Основная задача таких моделей — проверка различных гипотез о поведении экономических агентов при введении в обращение ЦВЦБ.

Одной из первых публикаций по этой проблематике стала работа Дж. Бардира и М. Кумхофа [Barrdear, Kumhof, 2022]. В модели этих авторов, построенной на данных американской экономики, эмиссия ЦВЦБ происходит путём покупки облигаций казначейства Центральным Банком (Федеральным резервом), что позволяет избежать проблемы немедленного вытеснения цифровой валютой банковских депозитов. На первый взгляд кажется, что физические лица в этой схеме имеют более сложный доступ к ЦВЦБ, чем юридические, однако в конкретном случае ситуация иная. Все граждане США могут купить облигации американского казначейства онлайн в системе *Treasury Direct*, а затем продать их онлайн Федеральному резерву в обмен на цифровые деньги.

Модель Бардира и Кумхофа демонстрирует однозначно положительные результаты для экономической динамики, прежде всего за счёт снижения процентных ставок вследствие монетизации казначейских облигаций и упрощения (удешевления) расчётов между организациями. В отношении финансовой стабильности авторы видят в этой системе значительно больше рисков, особенно в переходный период введения этой валюты.

В целом работа Бардира и Кумхофа, кроме весьма продвинутой модели, содержит развёрнутое и содержательное обсуждение различных аспектов функционирования денежной системы с присутствием в ней ЦВЦБ.

В работе Д. Андольфатто [Andolfatto, 2021] исследуется более узкий вопрос, а именно, конкуренция между ЦВЦБ и банковскими депозитами, которая может поставить под вопрос устойчивость коммерческих банков. Модель, предложенная в работе Андольфатто, показывает, что введение ЦВЦБ не угрожает стабильности банковской системы, хотя коммерческие банки в некоторых случаях будут вынуждены поднять процентные ставки по депозитам (в тех случаях, когда эти процентные ставки установлены на монопольно низком уровне).

Несколько иной аспект проблемы исследуется в работе М. Давудалхосейни [Davoodalhosseini, 2022]. В ней рассматривается конкуренция между наличной валютой

и ЦВЦБ. Модельные расчёты показывают, что в такой двухвалютной системе теоретически существуют крайние варианты, при которых из обращения вытесняется либо цифровая, либо наличная валюта, однако в реальных условиях наиболее вероятной является ситуация, при которой наличная валюта используется для небольших по масштабу транзакций, а цифровая валюта применяется для крупных сделок.

В работе И.Агура, А.Ари и Дж. Делл'Аричиа особое внимание уделяется правовому статусу ЦВЦБ, который, собственно, и определяет степень фактической близости режима использования ЦВЦБ к режиму использования бумажных денег. В частности, обсуждается даже такая экзотическая опция, как анонимные электронные кошельки, которая, однако, отвергается как несущая значительные риски. Также упоминаются другие возможности: анонимность транзакций для третьих сторон, которая позволяет исключить использование персональных данных плательщика в маркетинговых целях, или анонимность транзакций, которая может быть снята только по решению суда [Agur, Ari, Dell'Ariccia, 2022. P. 63]. Кроме того, авторы рассматривают два альтернативных режима функционирования ЦВЦБ: 1) бесплатный для пользователей, 2) платный, который в модели обозначается как режим отрицательных процентных ставок. Второе, по сути, предполагает введение комиссии за хранение ЦВЦБ в электронных кошельках центральных банков. Расчёты показывают, что оптимальным режимом является беспроцентный (бесплатный) режим. Комиссии имеет смысл вводить только в случае, если есть угроза радикального сокращения оборота наличных денег вследствие сетевых эффектов, например, сокращения сети банкоматов коммерческих банков.

Наконец, в работе Т. Анерта, П. Хофмана и С. Монне [Ahnert, Hoffmann, Monnet, 2022] анализируются взаимоотношения торговых сетей и банков, связанные с использованием банковских счетов, ЦВЦБ и наличных денег. Традиционные методы оплаты в розничных торговых сетях с помощью банковских карт позволяют банкам получать полную информацию об операциях торговых сетей и их клиентах и иметь возможность более жёстко определять условия кредитования этих сетей. Поскольку операции с наличной валютой невозможны в онлайн торговле, которая получает всё большее распространение, авторы делают подтверждённый модельными расчётами вывод, о том, что торговые сети будут высоко заинтересованы в использовании ЦВЦБ, что позволит им более эффективно взаимодействовать с кредитными организациями.

Потенциал использования цифровых валют в международных расчётах на примере объединения БРИКС

В последние годы широко обсуждаются вопросы перевода международных расчётов в национальные валюты. Эта тема уже много лет обсуждается на форумах БРИКС, а также на двухсторонних переговорах. Появление цифровых валют придало этой теме новый импульс.

Наиболее общая схема двухсторонних международных расчётов в национальных валютах представляет собой клиринг: экспортёры при экспорте получают доходы в валюте страны импортёра, которые затем могут быть использованы для закупки товаров для экспорта. Такая система легко может быть переведена на цифровую основу: вместо национальных валют, находящихся на счетах в коммерческих банках, используются ЦВЦБ, находящиеся в цифровых кошельках экспортёров и импортёров, что существенно удешевляет и ускоряет соответствующие транзакции. Главное достоинство этой системы состоит в том, что из цепочки расчётов устраняются коммерческие банки, которые в случаях санкционного давления не смогли бы проводить транзакции с определёнными товарами и определёнными странами.

Однако эта система имеет тот же недостаток, что и система клиринга: при наличии структурного дисбаланса в двухсторонней торговле цифровая валюта будет накапливаться на счетах экспортёров страны, имеющей положительное сальдо в двухсторонней торговле, и центральный банк страны с отрицательным сальдо будет вынужден конвертировать эти избытки в международные валюты. Альтернативой такой конвертации может быть использование остатков для участия в приватизационных или инвестиционных процессах, что, однако, сильно зависит от инвестиционного и приватизационного законодательства соответствующих стран.

Более привлекательной представляется идея международной цифровой валюты стран БРИКС, эмитируемой по схеме стейблкойнов. Эмитентом такой валюты может стать, например, «Новый Банк развития» (Банк БРИКС), его дочерняя организация или специально созданный эмиссионный центр.

Базовой валютой для эмиссии стейблкойна БРИКС могут стать специальные права заимствования (СПЗ), валюта, эмитируемая Международным валютным фондом, текущая стоимость которой определяется корзиной главных международных валют. Резервы такого эмиссионного центра должны формироваться преимущественно в этих международных валютах. Представляется, что подобная валюта найдет широкое распространение не только в торговых расчётах между странами — членами БРИКС, но и вообще в торговом обороте развивающихся экономик. Потенциальное широкое использование стейблкойна БРИКС за пределами этого объединения позволит окупить существенные затраты на его запуск, осуществляемые в виде взносов в капитал эмитента.

О перспективах обращения цифровых валют в российской экономике

В настоящее время Россия является одним из мировых лидеров по продвижению использования цифровых валют. В частности, Центральный Банк России планирует в скором времени запустить в обращение цифровой рубль, причём условия его эмиссии и использования вполне соответствуют принципам, которые ранее обсуждались в международных публикациях по этой проблематике.

Накопление цифровых рублей в электронных кошельках как физических, так и юридических лиц не будет приносить им процентных доходов, но и не будет облагаться комиссиями. Расчёты цифровыми рублями для физических лиц будут бесплатными, для юридических лиц предусмотрены минимальные комиссии (меньшие, чем в расчётах через коммерческие банки). Пополнение электронных кошельков граждан и организаций будет осуществляться через электронные кошельки коммерческих банков, внесение наличных рублей в электронные кошельки и снятие с них наличных денег будет осуществляться через банкоматы коммерческих банков.

Пока что не понятна степень анонимности транзакций в электронных рублях, а именно, будет ли поставщик товаров и услуг иметь персональную информацию о покупателях или расчёты будут иметь анонимный характер, как при использовании наличных денег.

Можно предположить, что процесс внедрения в оборот цифровых рублей будет не слишком быстрым: необходимо время, чтобы возникло доверие к новой валюте. Вероятно, этот процесс скорее пойдет в расчётах между организациями, поскольку в таком случае достигается значительное снижение комиссий за проведение операций.

Уже несколько лет продолжается быстрый рост использования криптовалюты. Так, количество держателей криптовалюты в России выросло за период 2018–2023 гг. в несколько раз: от 2,1 к 9,2 млн человек.

По оценке Банка России, по итогам 2023 г. объём вложений жителей России в основные криптовалюты составил 4,7 трлн руб., при этом объём криптовалютных сделок за первое полугодие 2023 г. превысил соответствующий показатель первой половины 2022 г. более чем на 50%.

Существенные сдвиги также произошли за последнее время в оформлении нормативной базы для функционирования в России цифровых валют. Ещё в 2020 г. был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который создал правовую основу для криптовалютных операций и первичных предложений цифровых монет. Согласно этому закону, на территории России запрещено использовать криптовалюту в качестве средства оплаты товаров и услуг, но допускается её применение как объекта вложения денежных средств. В 2024 г. был принят закон о возможности использования криптовалюты во внешнеэкономических сделках (ФЗ 223 от 08.08.2024). Этим же законом с 1 ноября 2024 г. легализован майнинг криптовалют в России, что особенно актуально, учитывая, что по состоянию на 2024 г. Россия занимала 2-е место в мире по объёму майнинга криптовалют.

Законодательное закрепление статуса цифровых валют, произошедшее в последние годы в России, ставит вопрос о перспективах их использования в российской экономике. Представляется, что следующим шагом в развитии цифровых валют после легализации использования биткойна как средства накопления и валюты для международных расчётов должна стать легализация обращения криптовалют внутри страны.

В настоящее время обращение криптовалют легализовано в большинстве развитых и развивающихся стран, за исключением Китая. При этом легальный статус цифровых валют различен, так же как и формы регулирования криптовалютных операций.

Существует ряд серьёзных возражений относительно использования криптовалют в платёжной системе, которые достаточно полно отражены в статье «Политическая экономика биткойна» Дж. Хендриксона, Т. Хогана и У. Лютера [*Hendrickson, Hogan, Luther, 2016. P. 927*]. Два основных негативных момента, связанных с использованием криптовалюты, по их мнению, таковы: во-первых, с помощью криптовалюты можно совершать незаконные транзакции; во-вторых, использование криптовалюты препятствует проведению государственной денежной политики и сбору налогов.

К незаконным транзакциям авторы относят азартные онлайн-игры, наркотрафик и финансирование терроризма. По этой теме следует сделать несколько замечаний: сам по себе запрет на использование криптовалют не способен предотвратить транзакции по финансированию незаконной деятельности. Поскольку данная деятельность высокоприбыльна, её агенты всегда найдут способы обхода запретов. Наоборот, при легализации оборота криптовалюты и организации надлежащего регулирования и мониторинга будет гораздо легче отслеживать незаконные операции. Наконец, следует учитывать, что в современном мире с его высокой информационной прозрачностью и наличием эффективных алгоритмов обработки «больших данных» борьба с терроризмом и наркотрафиком может более эффективно осуществляться не отслеживанием финансовых потоков, а непосредственным пресечением преступной деятельности по месту её осуществления.

Относительно азартных игр следует сказать, что, во-первых, не существует никаких международных конвенций по борьбе с азартными играми, во-вторых, существует огромное количество юрисдикций, где азартные игры разрешены, в-третьих, сам запрет азартных игр абсурден с точки зрения концепции прав человека: индивид вступает в игру по собственной доброй воле и его участие в игре не наносит никакого ущерба третьим лицам. Единственное исключение: в азартных онлайн-играх могут принимать участие дети, но предотвращение такого участия — забота скорее не государства, а родителей.

Второй негативный момент является более серьёзным. Причём потеря правительством сеньоража от эмиссии является минимальным последствием распространения криптовалют. Вообще-то центральные банки в своё время были созданы не для зарабатывания денег в казну, а для обеспечения устойчивости коммерческих банков.

Дж. Хендриксон и его соавторы справедливо отмечают, что при широком распространении в расчётах криптовалют центральные банки теряют контроль над общим денежным предложением. Однако этот аргумент не вполне корректен, потому что функцией ЦБ является не контроль над общим денежным предложением, а обеспечение стабильности национальной валюты.

Это значит, что эмиссионная политика ЦБ, даже при широком распространении параллельных валют, должна быть такой, чтобы темпы роста цен товаров и услуг в национальной валюте не превышали целевого показателя, например, 3 или 4%. Этого можно добиться практически при любой композиции совокупной денежной массы.

Кроме того, очевидно, что потенциал распространения криптовалют в расчётах имеет естественный предел: он ограничен долей государства в экономике. Всегда будет существовать спрос на национальную валюту, потому что именно в ней собираются налоги — принцип, лежащий в основе концепции «хартальных денег» Кнаппа. По мнению Кнаппа, определяющей чертой национального денежного обращения является его способность служить средством сбора налогов, что придаёт национальной валюте легитимность и создаёт на неё устойчивый спрос [Кнапп, 2023].

Предложение национальной валюты также всегда будет значительным, поскольку все социальные выплаты, выплаты государственным служащим и сотрудникам государственных компаний осуществляются в ней. Даже в расчётных системах криптовалюты столкнутся с конкуренцией со стороны ЦВЦБ. Совершенно не очевидно, что по стоимости обслуживания и безопасности транзакций криптовалюты выиграют соревнование с ЦВЦБ.

Наконец, существует проблема сбора налогов. Криптовалютные транзакции не видны контролирующим органам, поэтому здесь, как и в случае с наличными рублёвыми платежами, существует возможность уклонения от уплаты налогов. В этом смысле очевидна необходимость реорганизации методов работы налоговой службы и, возможно, изменения системы налогообложения. Если говорить о методах работы, то необходимо уделять больше внимания анализу «больших данных» о налогоплательщиках. Если же говорить о системе налогообложения, то необходимо делать больший акцент на упрощённые формы.

Легализация внутренних расчётов в криптовалютах будет иметь ряд благоприятных последствий для экономики. Во-первых, будет быстрее формироваться национальная инфраструктура для обмена цифровых валют, совершенно необходимая также и для международных расчётов в криптовалютах. Во-вторых, конкуренция между цифровыми валютами, включая цифровой рубль, будет способствовать повышению эффективности расчётов. В-третьих, сократятся возможности Центрального Банка по инфляционному финансированию общественных расходов, так как в условиях конкуренции валют избыточная эмиссия одной из них приводит к повышению спроса на более устойчивые валюты. В данном случае это будут, скорее всего, стейблкоины и международные валюты. Однако возможно также бегство от рубля в биткойны и иные базовые криптовалюты. Наконец, в среднесрочной перспективе, по мере снижения волатильности криптовалют, Банк России сможет накапливать в них международные резервы, что становится особенно актуальным после замораживания значительной части резервов ЦБР, размещённых в международных фиатных валютах. По всей видимости, заморозить криптовалютные резервы ЦБ будет значительно сложнее (если вообще возможно), чем резервы в фиатных валютах.

Заключение

Когда Ф.А. фон Хайек в своей книге «Частные деньги» описывал новую систему достижения денежной стабильности, то есть систему, основанную на конкуренции параллельных частных валют, его главная идея состояла в том, что стабильности цен можно добиться, только отняв у национальных правительств их монополию на создание денег. Динамичное развитие цифровых валют, таких как базовые криптовалюты и стейблкоины, подчёркивает ведущую роль децентрализованных и денационализированных частных денег в трансформации современной мировой финансовой системы. Исходя из децентрализованности криптовалюты, выделяются основные плюсы её использования, такие как конфиденциальность, безопасность и прозрачность.

По состоянию на конец 2024 г. криптовалютный рынок выступает полноценным драйвером эволюции денежных систем по всему миру, которые, благодаря влиянию данного рынка, становятся всё более открытыми, децентрализованными и прозрачными. Ведь именно прозрачность и быстрая скорость проведения транзакций являются главными преимуществами технологии блокчейн. Развитие рынка цифровых валют носит как количественный (увеличение числа криптовалют, их капитализации, объёма транзакций и т.д.), так и качественный характер, который выражается в повышении интереса и доверия к криптовалютам со стороны государств, институциональных и частных инвесторов, по достоинству оценивших реальные выгоды использования криптоактивов — минимизацию издержек (отсутствие банковских комиссий), прозрачность и скорость осуществления операций. Более того, использование технологии блокчейн при проведении трансграничных финансовых расчётов позволит вывести международные экономические отношения на новый уровень, постепенно возвращаясь к допандемийному уровню глобализации и ускоряя процесс глобализации в дальнейшем. Появление и динамичное развитие мирового рынка криптовалюты может выступить в качестве дополнительного источника мировой стабильности и фактора включённости большинства стран мира в международную финансовую систему, а также позволит, в определённой степени, сократить разрыв между развитыми и развивающимися странами.

Пока что не до конца очевиден характер сосуществования фиатных денег и криптоактивов, зато бесспорно другое — появление цифровых валют является основной движущей силой трансформации и прогрессивного развития архитектуры мировой финансовой системы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Андрюшин С., Кочергин Д. (2022). Стейблкойны как новая форма цифровых денег: эмиссия, обращение, регулирование и управление рисками [Andryushin S., Kochergin D. (2022). Stablecoins as a new form of digital currency: emission, circulation, regulation and risk management] // *Вопросы экономики*. №6. С.42-68. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-6-42-68.
- Кнапп Г. (2023). *Государственная теория денег*. [Knapp G. (1924) *The State Theory of Money*.] — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Кочергин Д., Андрюшин С. (2023). Цифровые активы, криптоактивы и цифровые валюты: экономическое содержание и потенциал конвергенции [Kochergin D., Andryushin S. (2023). Digital assets, crypto-assets and digital currencies: Economic content and potential of convergence] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. №39(4). С. 496-533. DOI: 10.21638/spbu05.2023.403.
- Кочергин Д., Андрюшин С., Шешукова Е. (2023). Конкуренция между цифровыми валютами в условиях трансформации традиционных денежно-кредитных систем. [Kochergin D., Andryushin S., Sheshukova E. (2023). Competition between digital currencies in the context of transformation of the transformation of traditional monetary systems] // *Terra Economicus*. №21(3). С. 32-44. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-32-44.
- Кочергин Д., Андрюшин С., Шешукова Е. (2024). Рынок виртуальных валют и денежно-кредитная политика: финансовые риски, методы регулирования, целевые мандаты. [Kochergin D., Andryushin S., Sheshukova E. (2024). The virtual currency market and monetary policy: Financial risk, regulations, and target mandates.] // *Terra Economicus*. №22(3). С. 34-57. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-34-57.
- Смит В. (1996). *Происхождение центральных банков* [Smith V. (1936). *The Rationale of Central Banking*]. — М.: Институт национальной модели экономики.
- Черняева Е.Н. (2023). *Криптовалюты*. [Chernyaeva E.N. (2023). *Cryptocurrencies*]. — М.: Эксмо.
- Яковлев А.И. (2020). Первый среди равных (Fedcoin как форма CBDC) [Yakovlev A.I. (2020). First among equals (Fedcoin as a form of CBDC)] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 61-69. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10105.
- Agur I., Ari A., Dell'Arricia G. (2022). Designing central bank digital currencies // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 125. Pp. 62-79. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2021.05.002.
- Ahnert T., Hoffman P., Monnet C. (2022). Payments and privacy in the digital economy // *ECB Working Paper Series*. No. 2662.
- Andolfatto D. (2021). Assessing the impact of central bank digital currency on private banks// *The Economic Journal*. Vol. 131(634). Pp.525-540. DOI:10.1093/ej/ueaa073.
- Barrdear J., Kumhof M. (2022). The macroeconomics of central bank issued digital currencies // *Journal of Economic Dynamics and Control*. Vol. 142(C). DOI: 10.1016/j.jedc.2021.104148.
- Baur D., Dimpfl T. (2021). The volatility of bitcoin and its role as a medium of exchange // *Empirical Economics*. Vol. 61. Pp.2663-2683. DOI: 10.1007/s00181-020-01990-5.
- Bertsch C. (2023). Stablecoins: adoption and fragility // *Sveriges Riksbank Working Paper Series*. No. 423.
- Blau B. (2017). Price dynamics and speculative trading in bitcoin // *Research in International Business and Finance*. Vol. 41(C). Pp. 493-499. DOI: 10.1016/j.ribaf.2017.05.010.
- Bolt W, van Oordt M. (2020). On the value of virtual currencies // *Journal of Money, Credit & Banking*. Vol.52. No. 2. Pp.878-879. DOI:10.1111/jmcb.12619.
- Davoodalhosseini M. (2022). Central bank digital currency and monetary policy. // *Journal of Economic Dynamics and Control*. Vol.142(C). DOI: 10.1016/j.jedc.2021.104150.
- Duan K., Urquhart A. (2023). The instability of stablecoins // *Finance Research Letters*. Vol. 52 No. 6. DOI: 10.1016/j.frl.2022.103573.
- Hayek F. (1976). *The denationalization of money*. — L.: Institute of Economic Affairs.
- Hendrickson J., Hogan T., Luther W. (2016). The political economy of bitcoin // *Economic Inquiry*. Vol.54 No. 2. Pp. 925-939. DOI: 10.1111/ecin.12291.
- Hoang L., Baur D. (2024). How stable are stablecoins? // *European Journal of Finance*. Vol.30. DOI:10.2139/ssrn.3519225.
- Lyons R.K., Viswanath-Natraj G. (2023). What keeps stablecoins stable? // *Journal of International Money and Finance*. Vol. 131. 102777. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2022.102777.
- Ho A., Darbha S., Gorelkina Y., Garcia A. (2022). The relative benefits and risks of stablecoins as a means of payment: a case study perspective // *Bank of Canada Discussion Paper* 2022-21.
- Schilling L., Uhlig H. (2019). Some simple bitcoin economics // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 106. No. 2. Pp.16-26. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2019.07.002.
- Sockin M., Xiong W. (2023). A model of cryptocurrencies // *Management science*. Vol.69. No. 11. Pp. 6684-6707. DOI 10.3386/w26816.

Васильев Сергей Александрович

savasiliev.78@gmail.com

Sergey Vasiliev

Doctor of Economics, Professor, International Banking Institute named after A. Sobchak (St. Petersburg)

savasiliev.78@gmail.com

Александров Никита Ленарович

aleksannndrov@mail.ru

Nikita Aleksandrov

Postgraduate Student, International Banking Institute named after A. Sobchak (St. Petersburg)

aleksannndrov@mail.ru

THE DIGITAL CURRENCY MARKET AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE ARCHITECTURE OF MONETARY SYSTEMS

Abstract. The emergence of cryptocurrencies can be considered the beginning of a new era in the development of the global financial system, which, under the influence of the growing popularity and spread of digital currencies around the world, is undergoing both quantitative (increase in the number of cryptocurrencies, stablecoins and other digital assets, growth in the number of their users) and qualitative evolution (increasing the speed of financial transactions, minimizing the number of commissions for their conduct, increasing the transparency of transactions). The paper analyzes digital currencies in the context of their impact on the structure of monetary systems. The authors describe different types of digital currencies, such as basic cryptocurrencies, stablecoins and central bank digital currencies. The paper pays special attention to the background of decentralized currency systems and the views of F.A. von Hayek, who foreshadowed the emergence of digital currencies in his writings. The research reveals both positive and negative sides of using these types of digital currencies. The authors draw conclusions on the prospects for further development of the markets of major cryptocurrencies and stablecoins and their potential impact on the global economy. The paper explores the possibility of using digital currencies in international settlements on the example of the BRICS association, as well as the prospects of circulation of these currencies in the Russian economy. The paper also introduces a new notion of “super-aggressive investment risk profile” to characterize the unique risk-return dynamics of cryptocurrency portfolios. As a result of the research work, the authors concluded that due to the dynamic development of the crypto-industry in Russia, the country may receive significant support to mitigate the sanctions pressure, and thereby improve the efficiency of international economic relations while increasingly strengthening the position of the Russia in the global political and economic arena.

Keywords: *digital currencies, cryptocurrency, stablecoin, fiat money, central bank digital currencies, decentralization, blockchain.*

JEL: E42, G10.

Ю.А. Нисневич

*д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

МИР АВТОРИТАРНОГО ПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (Часть 2)¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию в институциональной парадигме мира авторитарного правления. В первой части статьи было представлено структурирование мира авторитарного правления по признаку религии. Были выделены кластеры мусульманских, христианских и буддистских государств, а также кластеры государств, в которых последователи ни одной из религий не составляют абсолютное большинство, и кластер государств, где правят партии, исповедующие коммунистическую идеологию в её различных интерпретациях (см. ВТЭ. 2025. №1). Во второй части статьи анализируется региональный фактор распределения стран авторитарного правления, выделена специфика такого явления, как «осень патриархов», а также проблема политической нестабильности стран с авторитарным правлением. Показано, что государства мира авторитарного правления неравномерно распределены по географическим регионам. В Азии и Африке располагается 90%, а в Америке, Европе и Океании только 10% государств с авторитарным правлением. При этом доминирующее положение в мире авторитарного правления занимает Китай, который претендует на роль полюса силы, противостоящего США и НАТО. Территориальным ядром мира авторитарного правления можно считать Большой Ближний Восток, в котором на лидирующие позиции претендуют Иран, Саудовская Аравия и Турция. Особую позицию занимает Катар. Крайние изоляционистские позиции в мире авторитарного правления занимают, с одной стороны, Афганистан как непримиримый защитник истинного ислама, а с другой — КНДР как опирающаяся на государственную идеологию чучхе. Показано, что в период начала XXI в., который можно обозначить как «осень патриархов», политическую сцену покинули 24 правителя авторитарных государств с республиканской формой правления, которые начали править в XX в. При этом ещё 11 политических долгожителей сохраняют власть до настоящего времени. Представлен анализ феномена политической нестабильности, который характерен исключительно для мира авторитарного правления и ключевым фактором которого служит участие в поле политики вооружённых формирований в форме военного переворота, гражданской войны и террористической активности радикальных исламских организаций. Отмечается, что интернационализированные гражданские войны, локальные гражданские войны с трансграничной составляющей и трансграничная террористическая деятельность радикальных исламских организаций несут существенные угрозы стабильности и безопасности на глобальном уровне, в мировом политическом пространстве в целом.

Ключевые слова: авторитарное правление, мировые религии, географические регионы, «осень патриархов», политическая нестабильность.

JEL: F02, F50, F54

УДК: 332, 327

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_110_129

© Ю.А.Нисневич, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нисневич Ю.А. Мир авторитарного правления в начале XXI века (Часть 2) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 110–129. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_110_129.

FOR CITATION: Nisnevich Yu. The world of authoritarian rule at the beginning of the XXI century (Part 2) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 110–129. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_110_129.

¹ Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

Как было отмечено в первой части данного исследования [Нисневич, 2025], под авторитарным правлением в нём понимается политический режим, которому «присущи следующие черты: неограниченность власти, её неподконтрольность гражданам, опора на силу; жёсткая централизация и строгая иерархия; ограничение принципа выборности (при наличии в стране выборной системы власти); отсутствие либо формальный характер представительных органов, легальной оппозиции, политических партий, профсоюзов и других общественных организаций, независимых СМИ; воспроизводство правящей элиты происходит преимущественно путём наследования и кооптации; возможность ненасильственной смены власти маловероятна» [Ледяев, 2023]. Во второй части статьи продолжается исследование в институциональной парадигме мира авторитарного правления с рассмотрением таких факторов, как региональное распределение государств авторитарного правления, проблемы «осени патриархов», а также политической нестабильности в этих странах.

Фактор региона в авторитарном правлении

Государства мира авторитарного правления неравномерно распределены по географическим регионам (см. Приложение):

- ▶ В Океании только в Папуа-Новой Гвинее в 2022 году произошел авторитарный откат, а остальные тринадцать государств этого региона являются, как минимум, электоральными демократиями.
- ▶ В Европе только два (4,65%) из сорока трёх государств этого региона (исключая Ватикан) относятся к миру авторитарного правления. При этом все государства Западной и Северной Европы являются демократическими.
- ▶ В Америке пять (14,3%) из тридцати пяти государств региона относятся к миру авторитарного правления. Это расположенные в Центральной Америке Гондурас и Никарагуа, в Карибском бассейне — Гаити и Куба и в Южной Америке — Венесуэла. Все государства Северной Америки являются демократическими.
- ▶ В Африке тридцать пять (64,8%) из пятидесяти четырёх государств этого региона относятся к миру авторитарного правления.
- ▶ В Азии тридцать три (70,2%) из сорока семи государств этого региона относятся к миру авторитарного правления.

Таким образом, в Азии и Африке сосредоточены 90% всех государств мира с установившимся авторитарным правлением в то время, как в трёх других географических регионах Америке, Европе и Океании — только 10% таких государств. При этом государства с авторитарным правлением составляют две трети от всех государств Азии и Африки.

Все государства мира авторитарного правления по характеру внутривнутриполитической ситуации можно разделить на два кластера: в пятидесяти девяти государствах внутривнутриполитическая ситуация стабильна, а для шестнадцати государств ключевой и первоочередной задачей является стабилизация внутривнутриполитической ситуации.

По специфике форм правления в кластере государств со стабильной внутривнутриполитической ситуацией можно выделить три группы.

Первую группу составляют одиннадцать авторитарных монархий, из которых шесть представляют собой абсолютные, а пять — конституционные монархии. При этом семь исламских монархий, включая пять абсолютных и две конституционные, относятся к государствам Ближнего Востока, ещё две исламские монархии — теократический султанат Бруней Даруссалам (абсолютная монархия) и федеративная конституционная монархия Малайзия расположены в Юго-Восточной Азии. Ещё две конституционные монархии — квазиисламское королевство Марокко и королевство Эсватини, расположены, соответственно, в Северной и Южной Африке.

Вторую группу составляют двенадцать авторитарных государств, которые не являются монархиями, но правящие в них политические акторы (факих, рахбар шура, коммунистическая партия, военная хунта) узурпировали власть и всенародно не избираются. В эту группу включена также парламентская республика Эритрея, в которой избранный парламентом в 1993 г. президентом Исаяс Афеверки отменил парламентские и президентские выборы и правит уже более тридцати лет.

Третья группа состоит из тридцати двух авторитарных государств с республиканской формой правления, в которых главы государств — президенты — установили авторитарное правление в режиме их личной власти.

Ни в одну из указанных групп не попадают ещё четыре авторитарные государства со стабильной внутривластной ситуацией.

Во-первых, федеративная парламентская республика Эфиопия, в которой более тридцати лет с 1991 г. правит постоянно побеждающий на выборах блок левых националистических партий Революционно-демократический фронт эфиопских народов, преобразованный в 2019 г. в единую Партию процветания.

Во-вторых, парламентская республика Бангладеш, в которой с 2008 по 2024 г. правила партия «Авами Лиг», возглавляемая премьер-министром Шейх Хасиной.

В-третьих, выборная конституционная монархия Камбоджа, в которой после государственного переворота 1997 г. более двадцати лет в режиме личной власти правил премьер-министр Хун Сен, передавший в 2023 г. власть своему сыну Хун Манету.

В-четвертых, конституционная монархия Таиланд, где после военного переворота 2014 г. и до парламентских выборов 2019 г. правила военная хунта во главе с генералом Праютом Чан-Оча, занимавшим должность премьер-министра. После этих выборов хунта прекратила своё существование, но премьер-министр Чан-Оча и провоенные партии сохраняли власть до парламентских выборов 2023 г., которые эти партии проиграли. Однако победившие на выборах оппозиционные партии не смогли сформировать правительство, и оно было сформировано только после создания широкой коалиции из одиннадцати партий, включающей как оппозиционные, так и провоенные партии². При этом говорить о том, что в Таиланде произошёл переход от авторитарного правления к демократическому представляется преждевременным, так как устойчивость такой многопартийной коалиции в долгосрочной перспективе достаточно проблематична.

Изменения характера и формы правления в государствах первой и второй группы возможны, в основном в результате революционных событий, которые в соответствии с современной теорией революции направлены на преобразование политических институтов и на новое обоснование политической власти в обществе [Голдстоун, 2006. С.61]. Поэтому первоочередной задачей правящих в этих государствах политических акторов является пресечение возможностей развития таких событий посредством подавления, прежде всего силовыми методами, любых проявлений оппозиционных настроений. При этом следует иметь в виду, что революционные события могут приводить не к переходу от авторитарного правления к демократическому, а только к смене формы авторитарного правления, как, например, это имело место в Иране, где после свержения в результате исламской революции 1978 г. шаха Мохаммеда Реза Пехлеви установилась теократическая исламская диктатура, получившая название «режим аятолл». Также следует отметить, что в монархиях имел место прецедент ненасильственного перехода от авторитарного правления к демократическому благодаря политической воле правящего монарха. Такой прецедент имел место в 2008 г. в королевстве Бутан [Бутан, 2009].

² В Таиланде создали коалицию для формирования нового правительства. РИА Новости. 21.08.2023. URL: <https://ria.ru/20230821/tailand-1891213731.html> (дата обращения: 07.03.2025).

Для авторитарных государств с республиканской формой правления, составляющих третью группу, ключевой является задача сохранения авторитарного правления в существующем виде при необходимости систематически проводить всенародные президентские и парламентские выборы для имитации легитимности такого правления. Решение этой задачи осуществляется по двум направлениям. Цель первого, более общая, — не допустить так называемые «опрокидывающие выборы». Её достижение связано с использованием различных девиантных политических технологий, включая преследование и подавление оппозиции, принуждение, запугивание и подкуп избирателей, фальсификацию результатов выборов, с помощью которых «институт выборов деформируется и трансформируется в процедуру административно управляемого формирования с заданным результатом органов публичной власти посредством манипулирования процессом голосования» [Нисневич, 2023. С.420]. Второе направление состоит в создании условий для того, чтобы действующий президент мог баллотироваться на очередной президентский срок вопреки существующим конституционным ограничениям. Для этого используется технология пересмотра конституционных ограничений, которая путём внесения поправок или новой конституции позволяет действующему президенту продлить срок своих полномочий [Versteeg, Horley, Meng, Guim, Guirguis, 2020]. Технология пересмотра конституционных ограничений использовалась в подавляющем большинстве авторитарных государств с республиканской формой правления. Например, в Чаде президент Идрис Деби в 2005 г. организовал конституционный референдум по внесению поправок в конституцию, отменяющих ограничения в два президентских срока, что позволило ему с 2006 г. избираться президентом ещё четыре раза.

Доминирующее положение в мире авторитарного правления занимает Китай, который обладает ядерным оружием, имеет первую по численности армию в мире, занимает второе место в мире по численности населения после Индии и по номинальному значению ВВП после США. Это позволяет Китаю претендовать на роль полюса силы, противостоящего США, ЕС и НАТО. В Стратегической концепции НАТО 2022 г. указывается, что амбициозные цели политики Китая бросают вызов интересам безопасности и ценностям блока, а широкий спектр политических, экономических и военных инструментов используется Китаем для расширения его глобального присутствия и проецирования силы [Стратегическая концепция НАТО, 2022. С.5]. Однако в последние годы у Китая обозначились серьёзные проблемы в экономической сфере, обусловленные такими структурными вызовами, как старение населения, торможение роста производительности труда и уменьшение отдачи от капитала. Всё это приводит к снижению темпов роста ВВП, выводу иностранных инвестиций из китайской экономики и перемещению производств в такие государства, как Таиланд, Малайзия, Вьетнам, Мексика и Индия, где стоимость рабочей силы ниже, чем в Китае³. Кроме того, в Китае остро стоят такие экологические проблемы, как опустынивание, уничтожение лесов, истощение запасов полезных ископаемых, загрязнение водных бассейнов, нехватка питьевой воды, загрязнение воздуха и почв, изменение климата [Толоконникова, 2014].

Территориальным ядром мира авторитарного правления можно считать Большой Ближний Восток [Cardeanu, 2009], где сосредоточены двадцать два государства с устоявшимся авторитарным правлением, а именно пять государств Северной Африки — Алжир, Египет, Ливия, Марокко и Судан, двенадцать государств Ближнего Востока — Бахрейн, Ирак, Иран, Иордания, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Сирия, а также Мавритания, Сомали, Турция, Афганистан и Пакистан. Следует отметить, что указанные государства составляют половину государств мусульманского мира,

³ Ткачев И., Галичева А. Экономисты предупредили об откате Китая к традиционной модели роста. РБК. 28 августа 2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/08/2023/64e8a8fb9a794707558b906e?from=copy> (дата обращения: 07.03.2025)

и семнадцать из них являются исламскими, три — Алжир, Иордания, Марокко — квазиисламскими и только два — Турция и Ливан — светскими.

На лидирующие позиции в территориальном ядре мира авторитарного правления претендуют Иран, Саудовская Аравия и Турция.

Иран претендует на роль лидера в шиитской части мусульманского мира, стремится создать и возглавить «шиитский полумесяц» [Куришаков, 2012]. Он поддерживал алавитский диктаторский режим Асада в Сирии, продолжает поддерживать радикальную шиитскую организацию Хезболла в Ливане и военизированную группировку хуситов — шиитских повстанцев в Йемене. Иран постоянно будоражит мировое политическое пространство, не только поддерживая радикальные исламские организации Ближнего Востока, но и угрожая созданием ядерного оружия, за что против него в 2006 г. были введены санкции Совета Безопасности ООН, а в 2010 г. — санкции ЕС. Эти санкции были отменены в 2016 г. при сохранении ряда ограничений после того, как ядерная программа Ирана была взята под международный контроль в соответствии с ядерной сделкой («Совместным всеобъемлющим планом действий») [Дьяков, 2020]. Но до настоящего времени против Ирана действуют санкции таких государств, как США, Канада, Австралия, Индия, Индонезия, Китай, Республика Корея, Япония⁴.

Саудовская Аравия претендует на роль лидера в суннитской части арабского мира и противостоит Ирану в ключевом для мусульманского мира суннитско-шиитском конфликте [Бородина, Дорофеев, Рыжев, 2019]. Наиболее яркое отражение этот конфликт и противостояние Саудовской Аравии и Ирана находят в продолжающейся с 2014 г. гражданской войне в Йемене, где проправительственные вооружённые формирования суннитов поддерживает коалиция арабских государств во главе с Саудовской Аравией, а вооружённые формирования хуситов — Иран.

Турция, претендуя на лидерство в мусульманском мире, демонстративно поддержала Азербайджан в конфликте с Арменией и террористическую атаку на Израиль 7 октября 2023 г., предпринятую палестинским радикальным движением Хамас⁵. В отношении этого движения президент Эрдоган заявил: «Хамас — это не террористическая организация, а группа освободителей и моджахедов, которые борются за защиту своих земель и граждан»⁶. При этом Турция является членом НАТО и стремится оказывать влияние на политические процессы не только в мусульманском мире, но и на всём мировом политическом пространстве [Ниязбаев, 2022].

Особую и достаточно влиятельную позицию, прежде всего в арабском мире, занимает Катар [Букин, 2014]. При этом Катар обвиняют в скрытой поддержке таких радикальных исламских организаций, как Аль-Каида*, Братья-мусульмане*, Исламское государство*, Талибан, Хамас* и Фронт ан-Нусра* (* — здесь и далее отмечены те, которые признаны террористическими организациями, деятельность которых запрещена на территории РФ). На этом основании в 2017 г. Бахрейн, Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет, Йемен, Ливия и Мальдивы разорвали с Катаром дипломатические отношения, но впоследствии, в 2021 г., отношения были восстановлены.

Крайнюю и радикальную позицию в мире авторитарного правления занимает Афганистан. Установившее в 2021 г. свою диктатуру в этом государстве движение Талибан позиционирует себя как непримиримого защитника истинного ислама, готового к джихаду и восстановлению исламского халифата — единого для всех мусульман теократического

⁴ Санкции против Ирана. Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/sanctions-iran> (дата обращения: 07.03.2025).

⁵ * — Хамас — организация, запрещённая в России.

⁶ Резкие слова президента Эрдогана в адрес Израиля: Запад вам многим обязан, а Турция — нет. Posta Gazetesi. 25 октября 2023. URL: <https://www.posta.com.tr/gundem/cumhurbaskani-erdogandan-israile-sert-sozler-batinin-sana-borcu-cok-ama-turkiyenin-yok-2671464> (дата обращения: 07.03.2025)

государства, основанного на законах шариата [Ляхов, 2021]. При этом успех Талибана в Афганистане привёл к концентрации на его территории ряда радикальных исламских организаций, стремящихся распространить своё влияние за его пределы, и к росту террористической активности подобных организаций в других мусульманских государствах.

Другую крайнюю и изоляционистскую позицию занимает КНДР. Опираясь на идеологию чучхе, дополненную доктриной «сонгун», высшие руководители КНДР, начиная с Ким Ир Сена, стремятся превратить это государство в изолированную от мира «неприступную крепость», располагающую современными вооружениями [Антеева, 2010]. КНДР постоянно будоражит мировое политическое пространство, проводя испытания новых видов вооружений, в том числе возможных носителей ядерного оружия, и нагнетает напряжённость в отношениях с Южной Кореей, тем самым повышая вероятность военного конфликта на Корейском полуострове. В 2022 г. КНДР вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия, а в 2023 г. расторгла соглашение о снижении напряжённости с Южной Кореей.

«Осень патриархов» в авторитарном правлении

Характерная особенность мира авторитарного правления состоит в том, что оно, как правило, долгосрочно в том смысле, что авторитарные правители правят долго. При этом они, естественно, стареют и, старея, по разным причинам покидают политическую сцену.

В начале XXI в. двадцать три правителя, которые ещё с XX в. многие годы правили в авторитарных государствах с республиканской формой правления, покинули политическую сцену. Сюда можно добавить и особый случай премьер-министра королевства Камбоджа Хун Сена. Это время по аналогии с романом Габриэля Гарсия Маркеса «Осень патриарха» можно условно назвать «осень патриархов», так как многие авторитарные правители покидали власть в достаточно преклонном возрасте.

Следует отметить, что «осень патриархов» затронула почти треть государств мира авторитарного правления. При этом уход авторитарных правителей из власти происходил тремя основными путями: смерть правителя, его добровольная отставка и отстранение от власти, включая применение силы.

В случаях смерти правителей или их добровольной отставки власть, как правило, переходила заранее определённом, в том числе и самим правителем, преемнику. В большинстве случаев такой транзит власти носил династический характер — она переходила от отца к сыну:

- ▶ В Сирии после смерти в 2000 г. в возрасте 69 лет президент Хафеза аль-Асада, который правил 29 лет, президентом стал его сын Башар аль-Асад (свергнут и покинул страну в 2024 г.).
- ▶ В Азербайджане после смерти в 2003 г. в возрасте 80 лет президента Гейдара Алиева, который правил 10 лет, президентом стал его сын Ильхам Алиев.
- ▶ В Того после смерти в 2005 г. в возрасте 69 лет президента Гнассингбе Эйадема, который правил 38 лет, президентом стал его сын Фор Гнассингбе.
- ▶ В Чаде после гибели (убит повстанцами) в 2021 г. в возрасте 68 лет президента Идриса Деби, который правил 31 год, временным президентом, возглавившим военную хунту, стал его сын Махамат Идрис Деби.
- ▶ В Габоне после смерти в 2009 г. в возрасте 83 лет президента Омар Бинго Одимба (правил 42 года) президентом стал его сын Али Бонго Ондимба, который был отстранён от власти в 2023 г. в результате военного переворота.
- ▶ В Камбодже после добровольной отставки в 2023 г. в возрасте 71 года премьер-министра Хун Сена, который правил 25 лет, премьер-министром стал его сын Хун Манет.

- ▶ В Сингапуре в 2011 г. «мягкий диктатор» Ли Куан Ю в возрасте 87 лет окончательно передал власть своему сыну Ли Сяньлуну, который был назначен премьер-министром ещё в 2004 г.
- ▶ В Туркменистане после смерти в 2006 г. в возрасте 66 лет президента Сапармурата Ниязова, который правил 15 лет, президентом стал его преемник Гурбангулы Бердымухамедов, который затем правил 16 лет. После отставки в 2022 г. в возрасте 64 лет президента Гурбангулы Бердымухамедова президентом стал его сын Сердар Бердымухамедов.
- ▶ В Венесуэле после смерти от рака в 2013 г. в возрасте 58 лет президента Уго Чавеса, который правил 14 лет, президентом стал назначенный им преемник Николас Мадуро.
- ▶ В Узбекистане после смерти в 2016 г. в возрасте 78 лет президента Ислама Каримова, который правил 25 лет, президентом стал Шавкат Мирзиёев.
- ▶ Особая ситуация сложилась в Гвинее, где после смерти в 2008 г. в возрасте 74 лет президента Лансана Конте, который правил 24 года, власть перешла сначала к военной хунте, а с 2010 г. после президентских выборов, достоверность результатов которых вызывает серьёзные сомнения, президентом стал Альфа Конде. Он был отстранён от власти в 2021 г. в результате военного переворота.
- ▶ В Анголе после добровольной отставки в 2017 г. в возрасте 75 лет президента Жозе Эдуарду душ Сантуша, который правил 38 лет, президентом стал его преемник Жуан Лоренсу.
- ▶ В Казахстане после добровольной отставки в 2019 г. в возрасте 78 лет президента Нурсултана Назарбаева, который правил 28 лет, президентом стал его преемник Касым-Жомарт Токаев.

После принудительного отстранения правителей от власти, как правило, либо сохранялось авторитарное правление при смене авторитарного правителя, либо происходила дестабилизация политической ситуации:

- ▶ В Гамбии в 2017 г. при поддержке вооружённых сил Сенегала и Нигерии в возрасте 52 лет был отстранён от власти президент Яйя Джамме, который правил 21 год и отказался признать результаты президентских выборов 2016 г. После отстранения президента Джамме установилось авторитарное правление президента Адама Барроу.
- ▶ В Египте в 2011 г. под давлением массовых акций протеста в возрасте 82 лет президент Хосни Мубарак, который правил 30 лет, был вынужден уйти в отставку. После непродолжительного периода политической турбулентности в результате военного переворота 2013 г. в Египте установилось авторитарное правление президента Абделя Фаттаха ас-Сиси.
- ▶ В Зимбабве в 2017 г. под давлением массовых акций протеста и в результате военного переворота в возрасте 91 года президент Роберт Мугабе, который правил 30 лет, был вынужден уйти в отставку, и президентом стал первый вице-президент Эммерсон Мнангагва.
- ▶ В Алжире в 2019 г. под давлением массовых акций протеста в возрасте 82 лет президент Абдель Азиз Бутефлика, который правил 20 лет, был вынужден уйти в отставку, и президентом стал бывший вице-президент Абдельмаджид Теббун.
- ▶ В Ираке в 2003 г. после вторжения международной коалиции во главе с США был свергнут президент Саддам Хусейн, который правил 24 года. В 2006 г. в возрасте 73 лет он был казнён по приговору Верховного суда Ирака. С 2003 г. в Ираке сохраняется политическая нестабильность, вплоть до гражданской войны в период 2011 — 2017 гг.

- ▶ В Йемене в 2011 г. под давлением массовых акций протеста в возрасте 64 лет президент Али Абдалла Салех, который правил 17 лет, был вынужден уйти в отставку, и началась гражданская война, продолжающаяся до настоящего времени.
- ▶ В Ливии в 2011 г. в начале гражданской войны, продолжающейся до настоящего времени, в возрасте 72 лет был убит «братский вождь и лидер революции» Муаммар Каддафи, который правил 42 года.
- ▶ В Судане в 2019 г. в результате военного переворота в возрасте 74 лет был отстранён от власти президент Омар аль-Башир, который правил 26 лет, и власть перешла к военной хунте, а в 2021 г. произошёл очередной военный переворот.

В трёх государствах, а именно — на Мальдивах, в Буркина Фасо и Тунисе, после отстранения от власти авторитарных правителей наступал непродолжительный период демократического правления, а затем происходил авторитарный откат:

- ▶ На Мальдивах в 2008 г. в возрасте 70 лет президент Момун Абдул Гаюм, который правил 30 лет, проиграл первые прямые президентские выборы, и, по данным Freedom House⁷, до 2012 г., когда произошёл авторитарный откат, установилось демократическое правление; после отката наступила политическая нестабильность. В этом контексте президентские выборы на Мальдивах в 2008 г. можно рассматривать как «опрокидывающие выборы».
- ▶ В Тунисе в 2011 г. под давлением массовых акций протеста в возрасте 74 лет президент Зин эль-Абидин Бен Али, который правил 24 года, был отстранён от власти и установилось демократическое правление, что дало основание считать Тунис единственным демократическим результатом «арабской весны». Однако, по данным Freedom House^{*}, в 2022 г. в Тунисе произошёл авторитарный откат.
- ▶ В Буркина Фасо в 2014 г. в возрасте 63 лет президент Блез Компаоре, который правил 27 лет, в результате военного переворота был отстранён от власти. В 2015 г. произошёл ещё один военный переворот, после которого, по данным Freedom House^{*}, на период 2016 — 2021 гг. установилось демократическое правление. Но далее последовали авторитарный откат и два военных переворота в 2022 г.

При этом ещё одиннадцать правителей, которые с XX в. правят в авторитарных государствах с республиканской формой правления, сохраняют власть в своих руках до настоящего времени.

Лидерами по длительности правления в этой группе являются находящиеся во власти более сорока лет президент Экваториальной Гвинеи Теодоро Обианг Нгема Мбасого, который правит с 1979 г., и президент Камеруна Поль Бийя, который правит с 1982 г.

Тридцать и более лет остаются во власти: президент Уганды Йовери Мусевени (с 1986 г.), высший руководитель Ирана аятолла Али Хаменеи (с 1989 г.), президент Эритреи Исаяс Афеворки (с 1993 г.) и президент Таджикистана Эмомали Рахмон (с 1994 г.).

Кроме того, в эту группу входят: президент Республики Конго Дени Сассу-Нгессо, который находится во власти (с 1997 г.), президент Джибути Исмаил Омар Геллех (с 1999 г.), и президент Руанды Поль Кагаме.

Средний возраст правителей в пятидесяти двух государствах с персоналистским авторитарным правлением, включая монархии и коммунистические государства, по состоянию на 2024 г. составляет 69 лет, и он заметно снизился вследствие «осени патриархов». При этом 80% составляют правители в возрасте 60 лет и старше, включая четверть правителей в возрасте 80 лет и старше. Возраст остальных 20% правителей составляет от 42 до 59 лет.

⁷ * — Неправительственная организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Самыми старшими по возрасту в настоящее время являются король Саудовской Аравии Салман ибн Абдул-Азиз Аль Сауд (1935 г.р.), президент Камеруна Поль Бийя (1937 г.р.) и высший руководитель Ирана Али Хаменеи (1939 г.р.).

Младших — в возрасте менее пятидесяти лет — правителей в настоящее время всего четверо. Это получившие власть из рук своих отцов после добровольного отказа последних от власти в их пользу премьер-министр Камбоджи Хун Манет (1977 г.р.), эмир Катара Тамим ибн Хамад Аль Тани (1980 г.р.), президент Туркменистана Сердар Бердымухамедов (1981 г.р.), а также унаследовавший власть после смерти своего отца Высший руководитель КНДР Ким Чен Ын (1982 г.р.).

Принципиально важным представляется тот факт, что среди правителей государств мира авторитарного правления сегодня только одна женщина. Это избранная президентом в 2021 г. Сиомара Кастро — жена отстранённого от власти в 2009 г. при попытке изменить конституцию с целью продления своих полномочий ещё на один срок президента Гондураса Мануэля Селая.

Таким образом, мир авторитарного правления можно рассматривать как мир правителей-мужчин в основном преклонного возраста, представителей поколения бэби-бумеров по теории поколений американских исследователей Уильяма Штрауса и Нила Хоува [Strauss, Howe, 1997].

Политическая нестабильность в авторитарном правлении

Характерной исключительно для мира авторитарного правления особенностью является политическая нестабильность в части государств этого мира. В настоящее время политическая нестабильность имеет место в шестнадцати (21,3%) государствах мира авторитарного правления, из которых десять государств расположены в Африке, пять — в Азии, одно — в Америке (Карибский бассейн) и ни одного в Европе и Океании. Таким образом, зону политической нестабильности без учёта Гаити, где нестабильная ситуация возникла только в 2021 г. после убийства президента Моизиса, на две трети составляют государства Африки и на одну треть государства Азии.

Важно отметить, что политическая нестабильность в наибольшей мере характерна для авторитарных государств мусульманского мира. Мусульманские государства с нестабильной политической ситуацией составляют абсолютное большинство от всех государств авторитарного мира, находящихся в таком положении, а именно, одиннадцать из шестнадцати государств (примерно 70%). При этом политическая нестабильность имеет место почти в 30% авторитарных государств мусульманского мира, причём как в исламских — Ирак, Йемен, Ливия, Мальдивы, Пакистан, Сомали и Судан, так и в светских — Буркина Фасо, Ливан, Мали и Нигер.

Дестабилизирующими факторами служат: политические, клановые, этнические и межконфессиональные конфликты, которые проявляются в различных формах вплоть до таких экстремальных, как: вооружённые столкновения правительственных войск и сторонников шиитского имама Муктады ас-Садра в Ираке или гражданская война в Йемене; систематические военные перевороты, как, например, в 2019 г. и в 2021 г. в Судане или в 2020 г. и 2021 г. в Мали; деятельность, в том числе террористическая, национальных радикальных исламистских организаций и группировок как, например, группировки «Аш-шабаб» в Сомали или военизированной шиитской организации и политической партии Хезболла в Ливане и трансграничная террористическая активность международных радикальных исламистских организаций (например, группы Ансар-уль-ислам* или Исламского государства* в Большой Сахаре) [Нисневич, 2024].

Нестабильная политическая ситуация имеет место и в пяти государствах, где абсолютное большинство населения составляют последователи христианских конфессий:

- ▶ В Центральноафриканской республике после государственного переворота 2013 г., в результате которого был смещён президент Франсуа Бозизе, начался острый политический кризис, сопровождавшийся вооружённым противостоянием христианских и мусульманских группировок.
- ▶ На Гаити после убийства в 2021 г. президента Жовенеля Моиза политическую ситуацию дестабилизируют непрекращающиеся массовые волнения, сопровождающиеся вооружёнными столкновениями. Кризисная ситуация на Гаити обострилась в марте 2024 г. после того, как вооружённые бандитские группировки парализовали жизнь столицы Гаити города Порт-о-Пренса, требуя отставки премьер-министра Ариэля Анри⁸.
- ▶ В Мозамбике политическую ситуацию дестабилизирует противостояние Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) и Мозамбикского национального сопротивления (РЕНАМО), которые опираются на различные региональные и этнические группы и, несмотря на подписание мирного договора, сохраняют вооружённые формирования.
- ▶ В Южном Судане в 2013 г. начались вооружённые столкновения между сторонниками президента Сильвы Киира и вице-президента Риека Мачара, которые переросли в гражданскую войну на фоне межэтнического конфликта между народностями динка и нуэр. Война завершилась подписанием в 2020 г. мирного договора, но политическая ситуация остаётся напряжённой и нестабильной.
- ▶ В Гвинее-Бисау, где после военного переворота в 2012 г. к власти пришли военные, возникла политическая турбулентность, которая, в частности, проявляется в перманентной смене премьер-министров.

В подавляющем большинстве случаев ключевым фактором дестабилизации политической ситуации в государствах мира авторитарного правления выступает участие в поле политики вооружённых формирований. Такое участие проявляется в форме военного переворота или гражданской войны, а в государствах мусульманского мира также в террористической активности радикальных исламских организаций.

С начала XXI в. в двенадцати государствах Африки (70%), трёх государствах Азии (18) и двух государствах Америки (12%), относящихся к недемократическим государствам, произошло двадцать девять военных переворотов. При этом за последние пять лет — десять таковых. И все, кроме одного — в Мьянме в 2021 г., — случились в африканских государствах — Судан (2019 и 2021 г.), Мали (2020 и 2021 г.), Гвинея (2021 г.), Буркина-Фасо (оба в 2022 г.), Габон (2023 г.), Нигер (2023 г.).

Следует также отметить, что военные перевороты в начале XXI в. произошли ещё в двух государствах, относящихся в настоящее время к электоральным демократиям, а именно, в 2006 г. на Фиджи и в 2009 г. на Мадагаскаре.

Гражданские войны, которые в XXI в. количественно существенно преобладают над конвенциональными межгосударственными войнами, могут быть общенациональными, охватывающими в основном всю территорию государства, и локальными, которые возникают на периферии государств, сохраняющих контроль над большей частью своей территории [Степанова, 2020].

Характерной особенностью современных общенациональных гражданских войн является их интернационализация, которая заключается в том, что в войне принимают участие вооружённые формирования других государств. Пример — Вторая конголезская

⁸ СМИ: главарь бандитских группировок на Гаити начал «освободительную» войну. РИА Новости. 01.03.2024. URL: <https://ria.ru/20240301/gaiti-1930383299.html> (дата обращения: 07.03.2025).

война или Великая африканская война на территории Демократической Республики Конго (1998 — 2002 гг.) [Сидорова, 2011], в которой участвовало более двадцати вооружённых формирований из девяти государств.

Локальные гражданские войны, в свою очередь, могут носить тот или иной трансграничный аспект как, например, Дарфурский конфликт — межэтнический конфликт в Судане в регионе Дарфур в период 2003 — 2020 гг. [Костелянец, 2014], в котором соседний Чад предоставлял дарфурским повстанцам свою территорию для укрытия от правительственных войск и куда направлялся поток беженцев из Дарфура.

В начале XXI в. гражданские войны в обоих форматах имели и имеют место в трети государств мира авторитарного правления, причём в 70% случаев в государствах Африки и в 30% в государствах Азии.

Террористическая активность радикальных исламских организаций проявляется как в террористической деятельности национальных радикальных исламских группировок и движений (например, таких как Боко Харам в Нигерии, Фронт освобождения Малины в Мали, движение Талибан в Афганистане и Пакистане), так и в трансграничной деятельности международных радикальных исламских организаций, например, таких как Аль-Каида* и Братья мусульмане*⁹.

В настоящее время основные зоны политической нестабильности — это Ближний Восток, где ключевым фактором нестабильности являются интернационализированные гражданские войны и их последствия, и район Сахель в Африке, где таковыми служат локальные гражданские войны и террористическая деятельность как национальных, так и международных радикальных исламских организаций.

Интернационализированные гражданские войны и локальные гражданские войны с трансграничной составляющей, а также трансграничная террористическая деятельность радикальных исламских организаций не только представляют собой значимые факторы дестабилизации политической ситуации в государствах мира авторитарного правления, но и несут существенные угрозы стабильности и безопасности на глобальном уровне, в мировом политическом пространстве в целом.

С целью купировать такие угрозы по решению Совета Безопасности ООН в настоящее время реализуются десять миротворческих миссий по поддержанию мира в государствах с авторитарным правлением [Операции ООН по поддержанию мира, 2024]. Параллельно в Африке, государства которой составляют две трети зоны политической нестабильности, миротворческую деятельность осуществляет Африканский союз, который провёл или участвовал в совместном проведении одиннадцати миротворческих операций в 2003 — 2021 гг. [Худайкулова, 2023], и такие субрегиональные организации, как Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС), Сообщество развития Юга Африки (САДК) и другие.

Заключение

В настоящее время мир авторитарного правления в институциональной парадигме представляет собой 75 государств с населением 3 874 689,37 тыс. человек, которые составляют 38,9% от всех 193 государств-членов ООН и в которых проживает 48,7% от населения планеты.

При структурировании мира авторитарного правления по признаку религии можно выделить три основных кластера. Они включают государства, в каждом из которых

⁹ Организации, помеченные *, запрещены в России.

абсолютное большинство населения составляют последователи одной из трёх мировых религий – буддизма, христианства и ислама.

Самый большой кластер, который включает более половины государств мира авторитарного правления, а именно, сорок, составляют государства мусульманского мира. Государства этого кластера, в который входят двадцать исламских, пять квазиисламских и пятнадцать светских мусульманских государств, играют во многом определяющую роль в мире авторитарного правления, что обусловлено влиянием фактора политического ислама в различных его проявлениях. В этих государствах авторитарное правление носит характер режима личной власти главы государства за исключением Афганистана и Мавритании, где авторитарное правление носит корпоративный характер.

Второй по количеству государств мира авторитарного правления — кластер из двадцати двух государств, где абсолютное большинство населения состоит из последователей различных христианских конфессий. Все государства этого кластера являются светскими, и в них авторитарное правление осуществляется в форме режима личной власти главы государства в должности президента за исключением парламентской республики Эфиопия и королевства Эсватини. При этом так называемый христианский мир в сравнении с мусульманским в меньшей мере склонен к авторитарному правлению в институциональном понимании этих миров.

Третий кластер составляют всего три буддистских государства — королевства Камбоджа и Таиланд, а также Мьянма. И ещё один выделенный кластер — пять государств, в которых последователи ни одной из религий не имеют абсолютного большинства.

Особое место занимает коммунистический кластер, который составляют пять государств с руководящей ролью партии, исповедующей ту или иную интерпретацию коммунистической идеологии. Эти государства сохранились как рудименты рухнувшей в конце XX в. мировой коммунистической системы.

Государства мира авторитарного правления существенно неравномерно распределены по географическим регионам. Это две трети всех государств Азии и Африки, где располагаются 90% государств мира авторитарного правления (46% в Африке и 44% в Азии). Три других географических региона (Америка, Европа и Океания) имеют только 10% таких государств. При этом все государства Северной Америки, Западной и Северной Европы, а также Океании, кроме Папуа-Новой Гвинеи, где в 2023 г. произошёл авторитарный откат, относятся к демократическим государствам.

Доминирующее положение в мире авторитарного правления занимает Китай, который обладает значимыми военными, экономическими и человеческими ресурсами. В мировом политическом пространстве он претендует на роль полюса силы, противостоящего США и НАТО.

Территориальным ядром мира авторитарного правления можно считать Большой Ближний Восток, где располагаются двадцать два мусульманских государства с авторитарным правлением. А именно, пять государств Северной Африки, двенадцать государств Ближнего Востока, кроме демократического Израиля и частично признанной Палестины, а также Мавритания, Сомали, Турция, Афганистан и Пакистан. Эти государства составляют половину государств мусульманского мира.

На лидирующие позиции в территориальном ядре мира авторитарного правления претендуют Иран, Саудовская Аравия и Турция. Иран претендует на роль лидера в шиитской части мусульманского мира и поддерживает радикальные шиитские организации. Саудовская Аравия претендует на роль лидера в суннитской части арабского мира и противостоит Ирану в ключевом для мусульманского мира суннитско-шиитском конфликте. Турция также претендует на лидерство в мусульманском мире и, являясь членом НАТО, стремится оказывать влияние на политические процессы во всём мировом политическом пространстве.

Особую достаточно влиятельную позицию в арабском мире занимает Катар, который оказывает поддержку радикальным исламским организациям и представляет убежище их лидерам.

Крайнюю и радикальную позицию в мире авторитарного правления занимает Афганистан, который позиционирует себя как непримиримого защитника истинного ислама, готового к джихаду и восстановлению исламского халифата. Успех Талибана* в Афганистане привёл к концентрации на его территории ряда радикальных исламских организаций и росту террористической активности таких организаций в других мусульманских государствах.

Другую крайнюю изоляционистскую позицию занимает КНДР, высшие руководители которой стремились и стремятся превратить это государство в изолированную от мира «неприступную крепость» и постоянно будоражат мировое политическое пространство угрозами военной конфронтации.

В начале XXI в. двадцать четыре правителя, которые ещё с XX в. многие годы правили в авторитарных государствах, покинули политическую сцену. Так как многие из них уходили в достаточно преклонном возрасте, то это время можно условно определить как «осень патриархов», которая затронула почти треть государств мира авторитарного правления.

При этом ещё одиннадцать правителей, которые с XX в. правят в авторитарных государствах с республиканской формой правления, сохраняют власть в своих руках до настоящего времени. Лидерами среди правящих долгожителей пока остаются президент Экваториальной Гвианы Теодоро Обианг Нгема Мбасого, который правит с 1979 г., президент Камеруна Поль Бийя (правит с 1982 г.) и президент Уганды Йовери Мусевени (правит с 1986 г.).

С учётом того, что средний возраст правителей в авторитарных государствах по состоянию на 2024 г. составляет 69 лет, а среди авторитарных правителей есть только одна женщина Сиомара Кастро – президент Гондураса, мир авторитарного правления можно рассматривать как мир правителей-мужчин, в основном преклонного возраста, и представителей поколения бэби-бумеров.

Характерной исключительно для мира авторитарного правления особенностью является политическая нестабильность, которая в настоящее время наблюдается в шестнадцати государствах этого мира. При этом зону политической нестабильности на две трети составляют государства Африки и на одну треть государства Азии. В контексте влияния фактора религии абсолютное большинство (в ~70% среди государств с нестабильной политической ситуацией) составляют государства мусульманского мира.

В подавляющем большинстве случаев ключевым фактором дестабилизации политической ситуации выступает участие в поле политики вооружённых формирований в таких формах, как военный переворот, гражданская война и террористическая активность радикальных исламских организаций в государствах мусульманского мира. При этом интернационализированные гражданские войны и локальные гражданские войны с трансграничной составляющей, а также трансграничная террористическая деятельность радикальных исламских организаций несут существенные угрозы стабильности и безопасности на глобальном уровне, в мировом политическом пространстве в целом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица
Мир авторитарного правления

№	Государство	Регион	Население тыс.	Доминирующая религия	Форма правления	Правители
АМЕРИКА						
1	Гаити	Карибский бассейн и Латинская Америка	11 585,00	христиане 86,9%	президентская республика	нестабильная ситуация, убийство в 2009 г. президента Жовенеля Моиза, волнения и вооружённые беспорядки
2	Куба	Карибский бассейн и Латинская Америка	11 212,19	христиане 59,3%	советская республика	Мигель Диас-Канель с 2018 г. председатель Совета министров (с 2019 г. президент), с 2021 г. первый секретарь ЦК КПК
3	Гондурас	Центральная Америка	10 432,86	христиане 87,6%	президентская республика	президент Сиомара Кастро с 2022 г.
4	Никарагуа	Центральная Америка	6 948,39	христиане 85,8%	президентская республика	президент Даниэль Ортега с 2006 г.
5	Венесуэла	Южная Америка	28 301,70	христиане 89,5%	президентская республика, федерация	президент Николас Мадуро с 2013 г.
		14,3% (5 из 35)	Σ 68 480,14			
АФРИКА						
6	Алжир	Северная Африка, Большой Ближний Восток	44 903,22	мусульмане 98%	президентско-парламентская республика	президент Абдельмаджид Теббун с 2019 г.
7	Египет	Северная Африка, Большой Ближний Восток	110 990,10	мусульмане 94,9%	президентско-парламентская республика	президент Абдель Фаттах ас-Сиси с 2014 г.
8	Ливия	Северная Африка, Большой Ближний Восток	6 812,34	мусульмане 96,7%	нет конституции	нестабильная ситуация, с 2011 г. политический кризис, противостояние политических группировок
9	Марокко	Северная Африка, Большой Ближний Восток	37 457,97	мусульмане 99,9%	конституционная монархия	король Мухаммед VI с 1999 г.
10	Судан	Северная Африка, Большой Ближний Восток	46 874,20	мусульмане 90,7%	президентская республика, федерация	нестабильная ситуация, военные перевороты 2019, 2021 гг.
11	Бурунди	Восточная Африка	12 889,58	христиане 91,5%	президентская республика	президент Эварист Ндайишимие с 2020 г.
12	Джибути	Восточная Африка	1 120,85	мусульмане 97%	президентская республика	президент Исмаил Омар Геллах с 1999 г.

№	Государство	Регион	Население тыс.	Доминирующая религия	Форма правления	Правители
13	Зимбабве	Восточная Африка	16 320,54	христиане 87%	президентская республика	президент Эммерсон Мнангава с 2017 г.
14	Коморские острова	Восточная Африка	836,77	мусульмане 98,4%	президентская республика, федерация	президент Азали Ассумани с 2016 г.
15	Мозамбик	Восточная Африка	32 969,52	христиане 56,7%	президентская республика	<i>нестабильная ситуация, противостояние ФРЕЛИМО и РЕНАМО</i>
16	Руанда	Восточная Африка	13 776,70	христиане 93,4%	президентская республика	президент Поль Кагаме с 2000 г.
17	Сомали	Восточная Африка, Большой Ближний Восток	17 597,51	мусульмане 99,9%	временная конституция	<i>нестабильная ситуация, с 1988 г. гражданская война</i>
18	Уганда	Восточная Африка	47 249,58	христиане 86,7%	президентская республика	президент Йовери Мусевени с 1986 г.
19	Южный Судан	Восточная Африка	10 913,16	христиане 60,5%	переходная конституция	<i>нестабильная ситуация, гражданская война 2013 — 2020 гг., столкновения продолжаются</i>
20	Эритрея	Восточная Африка	3 684,03	христиане 62,9%	парламентская республика	президент Исаяс Афеверки с 1993 г.
21	Эфиопия	Восточная Африка	123 379,92	христиане 62,8%	парламентская республика, федерация	блок партий Революционно-демократический фронт эфиопских народов с 1991 г., преобразована в Партию процветания в 2019 г.
22	Ангола	Центральная Африка	35 588,99	христиане 90,5%	президентская республика	президент Жуан Лоренсу с 2017 г.
23	Габон	Центральная Африка	2 388,99	христиане 76,5%	президентская республика	военная хунта с 2023 г. после военного переворота
24	Камерун	Центральная Африка	27 914,54	христиане 70,3%	президентско-парламентская республика	президент Поль Бийя с 1982 г.
25	Демократическая республика Конго	Центральная Африка	99 010,21	христиане 95,9%	президентско-парламентская республика	президент Феликс Чисекеди с 2019 г.
26	Республика Конго	Центральная Африка	5 970,42	христиане 83,9%	президентская республика	президент Дени Сассу-Нгессо с 1997 г.
27	Центрально-Африканская республика	Центральная Африка	5 579,14	христиане 89,5%	президентская республика	<i>нестабильная ситуация, вооружённый конфликт между группировками</i>
28	Чад	Центральная Африка	17 723,31	мусульмане 55,3%	президентско-парламентская республика	военная хунта во главе с Махаматом Деби с 2021 г.
29	Экваториальная Гвинея	Центральная Африка	1 674,91	христиане 88,7%	президентская республика	президент Теодоро Обианг Нгема Мбасого с 1979 г.
30	Буркина Фасо	Западная Африка	22 673,76	мусульмане 61,6%	президентско-парламентская республика	<i>нестабильная ситуация, 2 военных переворота в 2022 г.</i>

№	Государство	Регион	Население тыс.	Доминирующая религия	Форма правления	Правители
31	Гамбия	Западная Африка	2 705,99	мусульмане 95,3%	президентская республика	президент Адам Барроу с 2017 г.
32	Гвинея	Западная Африка	13 859,34	мусульмане 84,5%	президентская республика	военная хунта с 2021 г. после военного переворота
33	Гвинея-Бисау	Западная Африка	2 105,57	христиане 45,1% мусульмане 30,9%	парламентская республика	<i>нестабильная ситуация, политический конфликт, смены премьер-министра</i>
34	Кот-д'Ивуар	Западная Африка	28 160,54	христиане 44,1% мусульмане 37,5%	президентская республика	президента Алаассан Уаттары с 2011 г.
35	Мавритания	Западная Африка Большой Ближний Восток	4 736,14	мусульмане 99,1	президентско-парламентская республика	военная хунта с 1978 г., президент — генерал Мухаммед ульд аш-Шейх аль-Газуани с 2019 г.
36	Мали	Западная Африка	22 593,59	мусульмане 92,5%	президентская республика	<i>нестабильная ситуация, военные перевороты в 2020 — 2021 гг.</i>
37	Нигер	Западная Африка	26 207,98	мусульмане 98,5%	президентско-парламентская республика	<i>нестабильная ситуация, военный переворот 2023 г.</i>
38	Нигерия	Западная Африка	218 541,21	христиане 49,3% мусульмане 48,8%	президентская республика федерация	президент Бола Тинубу с 2023 г.
39	Того	Западная Африка	8 848,70	христиане 43,5% народные верования 35,6%	президентская республика	президент Фор Гнассингбе с 2005 г.
40	Эсватини	Южная Африка	1 201,67	христиане 90%	конституционная монархия	король Мсвати III с 1986 г.
		64,8% (35 из 54)	Σ 1 039 672,00			
АЗИЯ						
41	Казахстан	Центральная Азия	19 621,97	мусульмане 70,4%	президентско-парламентская республика	президент Касым-Жомарт Токаев с 2019 г.
42	Кыргызстан	Центральная Азия	6 803,3	мусульмане 88%	парламентско-президентская республика	президент Садыр Жапаров с 2021 г.
43	Таджикистан	Центральная Азия	9 952,79	мусульмане 96,8%	президентская республика	президент Эмомали Рахмон с 1994 г.
44	Туркменистан	Центральная Азия	6 430,77	мусульмане 93%	президентская республика	президент Сердар Бердымухамедов с 2022 г.
45	Узбекистан	Центральная Азия	35 648,10	мусульмане 96,8%	президентско-парламентская республика	президент Шавкат Мирзиёев с 2016 г.
46	Китай	Восточная Азия	1 412 175,00	нерелигиозные и атеисты 52,2%	советская республика	генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин с 2013 г.

№	Государство	Регион	Население тыс.	Доминирующая религия	Форма правления	Правители
47	Корейская Народно- Демократи- ческая Республика	Восточная Азия	26 069,42	нерелигиоз- ные и атеисты 71,3%	советская республика	Высший руководитель, гене- ральный секретарь ЦК ТПК Ким Чен Ын с 2011 г.
48	Бруней- Даруссалам	Юго- Восточная Азия	449,00	мусульмане 75,1%	теократическая абсолютная монархия	султан Хассанал Болкиах с 1967 г.
49	Вьетнам	Юго- Восточная Азия	98 186,86	народные веро- вания 45,3% атеисты 29,6%,	советская республика	генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг с 2011 г.
50	Камбоджа	Юго- Восточная Азия	16 767,84	буддисты 96,9%	выборная кон- ституционная монархия	премьер-министр Хун Манет с 2023 г.
51	Лаос	Юго- Восточная Азия	7 529,48	буддисты 66%	советская республика	генеральный секретарь ЦК НРПЛ Тхонглун Сисулит с 2021 г.
52	Малайзия	Юго- Восточная Азия	33 938,22	мусульмане 63,7%	конституцион- ная монархия, федерация	Глава Федерации — Янг ди-Пертуан Агонгом Султан Ибрагим Исмаил (султан Джохора) с 2024 г.
53	Мьянма	Юго- Восточная Азия	54 179,31	буддисты 80,1%	парламентская республика	военная хунта с 2021 г. после военного переворота
54	Сингапур	Юго- Восточная Азия	5637,02	буддисты 33,9%, христиа- не 18,2%	парламентская республика	премьер-министр Ли Сяньлун с 2004 г.
55	Таиланд	Юго- Восточная Азия	71 697,03	буддисты 93,2%	конституцион- ная монархия	премьер-министр Сеттха Тхависин с 2023 г.
56	Афганистан	Южная Азия Большой Ближний Восток	41 128,77	мусульмане 99,9%	президентская республика	Движение Талибан с 2021 г. после вывода войск США
57	Бангладеш	Южная Азия	171 186,37	мусульмане 89,8%	парламентская республика	премьер-министр Шейх Хасина 2008–2024 гг.
58	Иран	Южная Азия Ближний Восток	88 550,57	мусульмане 99,5%	теократическая президентская республика	высший руководитель (рахбар) аятолла Али Хаменеи с 1989 г.
59	Мальдивы	Южная Азия	523,79	мусульмане 98,6%	президентская республика	нестабильная ситуация, с 2018 г. чрезвычайное поло- жение
60	Пакистан	Южная Азия Большой Ближний Восток	235 824,86	мусульмане 96,5%	парламентская республика федерация	нестабильная ситуация, жёсткое противостояние политических партий
61	Азербайджан	Западная Азия	10 175,02	мусульмане 97%	президентская республика	президент Ильхам Алиев с 2003 г.
62	Бахрейн	Западная Азия Ближний Восток	1472,23	мусульмане 70,3%	абсолютная монархия	эмира Хамид Аль Халиф с 1999, король с 2002 г.

№	Государство	Регион	Население тыс.	Доминирующая религия	Форма правления	Правители
63	Ирак	Западная Азия Ближний Восток	44 496,12	мусульмане 99%	парламентская республика федерация	<i>нестабильная ситуация</i> , противостояние религиозных группировок
64	Иордания	Западная Азия Ближний Восток	11 285,87	мусульмане 97,3%	конституционная монархия	король Абдалла II ибн Хусейн с 1999
65	Йемен	Западная Азия Ближний Восток	33 696,61	мусульмане 99,1%	нет единой конституции	<i>нестабильная ситуация</i> , гражданская война шиитов с суннитами с 2014 г.
66	Катар	Западная Азия Ближний Восток	2695,12	мусульмане 67,7%	абсолютная монархия	эмир Тамим ибн Хамад Аль Тани с 2013
67	Кувейт	Западная Азия Ближний Восток	4268,87	мусульмане 74,1%	конституционная монархия	эмир Наваф I аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах с 2020 г.
68	Ливан	Западная Азия Ближний Восток	5 489,74	мусульмане 61,3%	парламентская республика	<i>нестабильная ситуация</i> , противостояние политико-религиозных групп
69	Объединённые Арабские Эмираты	Западная Азия Ближний Восток	9 441,13	мусульмане 76,9%	абсолютная монархия	эмир Мухаммад ибн Заид Аль Нахайян с 2022 г.
70	Оман	Западная Азия Ближний Восток	4576,3	мусульмане 85,9%	абсолютная монархия	султан Хейсам бен Тарик с 2020 г.
71	Саудовская Аравия	Западная Азия Ближний Восток	36 408,82	мусульмане 93%	теократическая абсолютная монархия	король Салман ибн Абдул-Азиз Аль Сауд с 2015 г.
72	Сирия	Западная Азия Ближний Восток	22 125,25	мусульмане 92,8%	президентско-парламентская республика	президент Башар аль-Асад с 2000 по 2025 г. С января 2025 г. 19-й Президент Сирии Ахмед Аш-Шараа
73	Турция	Западная Азия Большой Ближний Восток	85 341,24	мусульмане 98,1%	президентская республика с 2017	премьер-министр Тайип Эрдоган с 2003 г., президент с 2014 г.
		70,2% (33 из 47)	Σ 2 613 772,79			
		75 из 193 38,9%	Σ 3 874 689,37 48,7% населения планеты			

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аптеева О.В. (2010). Сравнительный анализ идей чучхе и сонгун в конструировании идеологии военного социализма в КНДР [Apteeva O.V. (2010). Comparative analysis of the Juche and Songun ideas in constructing the ideology of military socialism in the DPRK] // *Сравнительная политика*. №1. С. 225-230.
- Бородин М.Ю., Дорофеев Ф.А., Рыжев И.В. (2019). Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональные лидерства [Borodina M.Ju., Dorofeev F.A., Ryzhev I.V. (2019). Sunni-Shiite confrontation. Iran and Saudi Arabia in the struggle for regional leadership] // *Свободная мысль*. №1. URL: <http://svom.info/entry/904-sunnitsko-shiitskoe-protivostoyanie-iran-i-saudovs/> (дата обращения: 07.03.2025).
- Букин А.В. (2014). Посредническая политика Катар в арабских странах [Bukin A.V. (2014). Qatar's mediation policy in Arab countries] // *Вестник РУДН, серия Международные отношения*. №3. С.96-100.
- Бутан: Национальный доклад (2009). [Butane: National report (2009)] / Совет по правам человека ООН. 3 September 2009. A/HRC/WG.6/6/BTN/1. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/lib-docs/HRBodies/UPR/Documents/Session6/BT/A_HRC_WG.6_6_BTN_1_Bhutan_R.pdf (дата обращения: 07.03.2025).
- Голдстоун Дж. (2006). К теории революции четвертого поколения [Goldstone J. (2006). Towards the theory of the fourth generation revolution] // *Логос*. №5(56). С.58-103.
- Дьяков А. (2020). Ядерная программа Ирана — прошлое, настоящее и неопределённое будущее [Dyakov A. (2020). Iran's Nuclear Program — past, present and uncertain future] // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 12. С.15-24. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-15-24.
- Костелянец С.В. (2014). Дарфур: история конфликта [Kosteljanec S.V. (2014). Darfur: a history of conflict]. — М.: Институт Африки РАН.
- Куришаков В. (2012). Шиитский фактор во внешней политике Ирана [Kurshakov V. (2012). The Shiite factor in Iranian foreign policy] // *Мировая экономика и международные отношения*. №12. С.24-32. DOI: 10.20542/0131-2227-2012-11-24-32.
- Ледяев В.Г. (2023). Авторитаризм [Ledjaev V.G. (2023). Authoritarianism] // *Большая российская энциклопедия*. URL: <https://bigenc.ru/c/avtoritarizm-7cf0b0> (дата обращения: 07.03.2025).
- Ляхов А.Г. (2021). Об идеологии афганского движения «Талибан» [Ljahov A.G. (2021). On the ideology of the Afghan Taliban movement] / Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=79656> (дата обращения 7.03.2025).
- Нисневич Ю.А. (2025). Мир авторитарного правления в начале XXI века (Часть 1) [Nisnevich Yu.(2025). The world of authoritarian rule at the beginning of the XXI century (Part 1)] // *Вопросы теоретической экономики*. 2025. № 1. С. 79–92. DOI: 10.52342/2587- 7666VTE_2025_1_79_92.
- Нисневич Ю.А. (2024). Политический ислам в мусульманском мире [Nisnevich Ju.A. (2024). Political Islam in the Muslim world] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 121–141. DOI: 10.52342/2587- 7666VTE_2024_1_121_141.
- Нисневич Ю.А. (2023). Политическое администрирование VS политическая конкуренция в условиях неоавторитарного правления [Nisnevich Ju.A. (2023). Political administration vs political competition under authoritarian rule] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 25. №2. С.397–422. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-397-422.
- Ниязбаев Я. (2022). Как Турция балансирует в быстро меняющемся мире [Nijazbaev Ja. (2022). How Türkiye balances in a rapidly changing world] / Российский совет по международным делам. 19 августа 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-turtsiya-balansiruet-v-bystro-menyayushchemsya-mire/> (дата обращения: 07.03.2025).
- Операции ООН по поддержанию мира (2024). [UN peacekeeping operations (2024)] ООН. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru> (дата обращения 7.03.2025).
- Сидорова Г.М. (2011). Военные конфликты в Демократической Республике Конго на рубеже XX-XXI веков и их особенности [Sidorova G.M. (2011). Military conflicts in the Democratic Republic of the Congo at the turn of the XX-XXI centuries and their features] // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. № 2 (20). С.81-89.
- Степанова Е.А. (2020). Вооружённые конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации [Stepanova E.A. (2020). Armed conflicts of the early 21st century: typology and directions of transformation] // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. №6. С.24-39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39.
- Стратегическая концепция НАТО 2022 года (2022) [NATO Strategic concept 2022]. Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 года. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения 7.03.2025).
- Толоконникова Е.В. (2014). Экологические проблемы Китая [Tolokonnikova E.V. (2014). Environmental problems in China] // *Вестник Университета (Государственный университет управления)*. №1. С.60-63.
- Худайкулова А. В. (2023). Регионализация миротворчества в Африке: опыт Африканского союза [Hudajkulova A. V. (2023). Regionalization of peacekeeping in Africa: the experience of the African Union] // *Вестник*

Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т.23. № 2. С.339—357.
DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357.

Capdepuuy V. (2009). Grand Moyen-Orient — Greater Middle East. Le lieu d'un moment // *M@ppemonde*. №93(1).
URL: <http://mappemonde-archive.mgm.fr/num21/articles/art09103.html> (access date: 7.03.2025).

Strauss W., Howe N. (1997). *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. — N. Y.: Broadway Books.

Versteeg M., Horley T., Meng A., Guim M., Guirguis M. (2020). The law and politics of presidential term limit evasion // *Comparative international law*. Vol. 120. №1. Pp. 173–248. URL: <https://columbialawreview.org/content/the-law-and-politics-of-presidential-term-limit-evasion/> (access date: 7.03.2025).

Нисневич Юлий Анатольевич

jnisnevich@hse.ru

Yuliy A. Nisnevich

Doctor of Political Sciences, professor of Department Policy and Management National Research University Higher School of Economics (Moscow)

jnisnevich@hse.ru

THE WORLD OF AUTHORITARIAN RULE AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY (Part 2)

Abstract. This article explores the world of authoritarian rule in the institutional paradigm. It structures the world of authoritarian rule on the basis of religion highlighting clusters of Muslim, Christian and Buddhist states, as well as a cluster of states in which followers of any religion do not constitute an absolute majority and a communist cluster, in which states are ruled by parties professing communist ideology in its various interpretations. The article shows that the states of the world under authoritarian rule are unevenly distributed across the geographical regions: 90% of these are located in Asia and Africa, while America, Europe, and Oceania are home to only 10% of such states. At the same time, dominant position in the world of authoritarian rule is held by China, which claims to be the pole of power opposing the United States and NATO. The Greater Middle East can be considered the territorial core of the world of authoritarian rule with Iran, Saudi Arabia and Turkey claiming leading positions and Qatar holding a special position. Extreme isolationist positions are taken, on the one side, by Afghanistan as an uncompromising defender of true Islam and, on the other, by DPRK as an “unassailable fortress” based on the state ideology of Juche. At the beginning of the 21st century, which can be described as the “autumn of the patriarchs,” twenty-four rulers of authoritarian states with a republican form of government, who had begun to rule in the 20th century, left the political scene. Eleven more political centenarians retain power till the present day. This article analyzes the phenomenon of political instability, which is typical exclusively of the world of authoritarian rule and the key factor of which is the participation in the political field of armed groups in the form of a military coup, civil war and terrorist activity of radical Islamic organizations. It is pointed out that internationalized civil wars, local civil wars with a cross-border component and cross-border terrorist activities of radical Islamic organizations pose significant threats to stability and security at the global level, in the global political realm as a whole.

Keywords: *authoritarian rule, world religions, geographical regions, “autumn of the patriarchs”, political instability.*

JEL: F02, F50, F54.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д. филос. н., ординарный профессор, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ МЕЖДУ ПРАВОМ И ПОЛИТИКОЙ (Часть 1)

Аннотация. Кризис международного права демонстрирует растущую нестабильность в международных отношениях в таких областях, как легитимность/легальность, фрагментация/интеграция, правовая асимметрия/симметрия. Потенциал этих изменений настолько велик, что позволяет поставить под вопрос сохранение базового общественного договора — международного консенсуса, достигнутого между сверхдержавами по окончании Второй мировой войны и воплощённого в Уставе ООН и Статуте его Международного суда. Утрата равновесия в международных отношениях означает огромный вызов всей системе международного правосудия, которая должна быть, с одной стороны, гарантом применения международных норм, а с другой, — нейтральным и эффективным инструментом правовой медиации между конфликтующими акторами. Обозревая конфликтные тенденции и трудности современного международного правосудия, автор рассматривает перспективы появления нового равновесия, достигаемого комплексом правовых, внеправовых и политических механизмов во имя установления более стабильной системы международного правосудия.

Ключевые слова: международное право, международное правосудие, международные и национальные суды, конфликт компетенций, уголовная юстиция, переходное правосудие, политика права.

JEL: K33, K38, K40

УДК: 341, 334.02, 339.9

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_130_143

© А.Н. Медушевский, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медушевский А.Н. Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 1) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_130_143.

FOR CITATION: Medushevskiy A. International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 1) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_130_143.

Введение

Перспективы формирования глобальной правовой системы представлены интеграционными процессами, унификацией стандартов и конституционализацией международного права поверх национальных границ суверенных государств. Инструментом такой координации выступает прежде всего международное правосудие, с развитием которого связывается преодоление дифференциации позиций участников международного процесса — регионов, государств, транснациональных корпораций, общественных

организаций и институтов формирующегося глобального управления. Прогресс в развитии глобального права ассоциируется с продвижением положений Устава ООН и его толкования Международным судом ООН, а также различными проектами расширения его компетенции и повышения эффективности реализации решений.

Кардинальные изменения в положении международного правосудия с окончанием Второй мировой войны и созданием ООН определяются следующими факторами: принятием и юридическим закреплением приоритетов идеологии прав человека во всемирном масштабе; растущей конвергенцией международного и конституционного права; расширением компетенции международных судов — включением в неё областей, традиционно относившихся к ведению национальных правительств или являвшихся предметом межгосударственной дипломатии. Меняется функция международных судов — из вполне статичного института («негативного законодателя») и пассивного органа («уста закона») они превращаются в активного создателя международного права. Надежды сторонников глобального права связываются прежде всего с Международным судом ООН, интеграционным проектом ЕС, Европейской Конвенцией по правам человека 1950 г. (ЕКПЧ), юриспруденцией Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и ряда других важнейших международных судов. Это делает международные суды и порядок их отношений с национальными конституционными судами предметом внимания и интенсивного изучения, а используемые ими методы интерпретации права — центральной проблемой глобального конституционализма.

Однако ожиданиям наступления эпохи единого глобального права, доминировавшим на рубеже XX — начала XXI столетий, сегодня противостоит мощный регрессивный тренд, определяемый как кризис легитимности международного права и институтов. Проявлениями дисфункции интернационального правосудия стали: драматический раскол в понимании сторонами смысла ранее вполне стабильных договорных понятий международного и национального конституционного права, оказавшихся доступными едва ли не противоположным интерпретациям; рост на этом фоне фрагментации правовых регионов и секторов правового регулирования; конфликт компетенций международных и национальных судов разных уровней; растущее недоверие к международным уголовным судам и трибуналам, очевидная неспособность международных институтов предотвратить войны и остановить острые международные конфликты по всему миру. Осмысление параметров кризиса международного правосудия и путей его преодоления, связанных с поиском нового равновесия права и политики, — предмет настоящей статьи¹.

Международное правосудие как фактор интеграции глобального правового пространства

В рамках концепции глобального конституционализма решение проблемы глобальной интеграции усматривается в стимулировании процессов конституционализации международного права, сближении правовых систем и координации действий интернациональных и национальных правовых и политических институтов. В то же время достигнутый уровень и перспективы интеграции оцениваются по-разному: одни считают, что глобальный конституционализм уже существует, а его продвижение возможно с опорой на Хартию ООН и Международный суд ООН; другие отрицают конституционализацию общего мирового порядка, считая его в лучшем случае делом отдалённого будущего;

¹ Данная статья написана на основании доклада автора и дискуссии по нему на конференции: «Универсальные стандарты прав человека и их имплементация: тенденции конституционного и международного правосудия в 2024 году» (Четвёртая конференция Центра конституционных исследований 12–13 декабря 2024).

третьи допускают такую возможность для отдельных интеграционных объединений — наиболее продвинутых региональных союзов государств [Медушевский, 2023]. Критиками глобального конституционализма система международного правосудия, напротив, рассматривается как несправедливая, пребывающая в кризисе и утратившая легитимность². Деградация международного права связывается с тем, что, благодаря эгоистическим действиям сверхдержав, прежде всего США, оно отступило от его классических принципов, закреплённых в Уставе ООН [Бауринг, 2021].

Примером успешной интеграции выступает Европейский Союз, демонстрирующий высокий уровень кодификации основных прав человека и системы судебного пересмотра актов Союза [Право Европейской конвенции..., 2018; Тимофеев, Секретова, 2019]. Представление о том, что Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ) — это конституция ЕС, а Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) — аналог конституционного суда имеет определённое право на существование. Конвенция во многих отношениях напоминает конституцию, опираясь на принципы верховенства права, социального государства и федерализм. Однако Конвенцию нельзя признать конституцией в классическом понимании термина³. Создание системы права ЕС стало возможно в результате эволюции данного интеграционного объединения от конституционного монизма (опирающегося на идею единственного источника конституционной власти на определённой территории) к принципу конституционного плюрализма⁴.

Интеграционные процессы в Латинской Америке, в свою очередь, связаны с толкованием Американской конвенции о правах человека Межамериканским судом по правам человека. Им сформулированы правовые позиции, направленные на расширение обязательств государств — участников Конвенции за счёт широкого круга дополнительных специфических обязательств⁵. Интеграционная роль Межамериканского суда выражена в его активистской позиции по формированию общих принципов и стандартов, важных при рассмотрении особых институциональных ситуаций латиноамериканских стран: небросовое применение принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решённого дела; обязательства по межгосударственному сотрудничеству в расследовании и экстрадиции; возможность признания Судом деяний преступлениями против человечества; материальные и процессуальные нарушения, препятствующие должной осмотрительности; квалификация преступлений для проведения эффективного расследования; должная осмотрительность по отношению к системным преступлениям и правосудию переходного периода⁶.

² Иногда воспроизводится образ суда, выраженный в сочинении Ф. Кафки — «Процесс», где он сравнивает Суд с «лабиринтом», говорит о его «безрезультативности» и заканчивает констатацией «абсолютной бессмысленности всей системы в целом» (Кафка Ф. Процесс // Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2014. С. 127).

³ ЕКПЧ остаётся международным документом, не фиксирующим принципы и институты государственного устройства, а ЕСПЧ — выступает гарантом конвенциональных норм, продвигая их в дискуссии с национальными правительствами и конституционными судами. Суд, следовательно, отстаивает особую европейскую модель «общественного договора», которая ныне «демонстрирует признаки кризиса» [Нуссбергер, 2019. С.3].

⁴ Принцип плюрализма предполагает существование и взаимодействие различных конституционных порядков. См.: [Чайка, 2020].

⁵ Эта позиция опирается на две концепции — право на защиту от дискриминации, фиксируемое Конвенцией, и концепцию «уязвимости» определённых категорий населения, сочетание которых способствовало борьбе со структурным неравенством и расширению позитивных обязательств государств [Бюргорг-Ларсен, 2014].

⁶ Принцип «должной осмотрительности» означает, что Суд должен руководствоваться не просто принципом усмотрения, квалифицирующим определённый акт насилия как преступление, но проводить тщательное изучение соответствующей криминальной структуры, ответственной за системное нарушение прав человека (например, массовые убийства), включая параметры её возникновения, структуры, руководства, информационных коммуникаций, целей и методов деятельности, связи с государственными институтами. [Пара Вера, 2015].

В Евразии интеграционные процессы не дали столь ощутимого эффекта. На постсоветском пространстве представлен ряд экспериментов в области интеграционных проектов различной степени интенсивности и соответствующих институтов международного правосудия. Это — Экономический суд Содружества независимых государств (ЭС СНГ); Суд Евразийского экономического сообщества (Суд ЕврАзЭС, действовавший с 2012 до 2014 г.) и Суд Европейского экономического союза (Суд ЕАЭС). Однако в сравнении с Судом ЕС Суд ЕАЭС рассматривается как менее эффективный орган в силу ограниченности своих полномочий: решение Суда ЕАЭС не может изменять/отменять действующие нормы права Союза, нормы законодательства государств-членов, создавать новые нормы права, а также выходить за рамки указанных в заявлении вопросов. Не имея твёрдого правового основания, Суд ЕАЭС держится во многом лишь на политической воле глав государств — членов этого Союза, которая способна быть изменчивой⁷. Другие объединения государств в азиатском регионе (АСЕАН), признавая необходимой координацию в области прав человека [Global Constitutionalism, 2020], не доводят эту идею до создания специализированного транснационального суда, допуская существование особых «азиатских ценностей» и обращая преимущественное внимание на вопросы торговли и инвестирования.

Связь процессов глобализации и правовой интеграции с деятельностью институтов международного правосудия не является линейной. В этой логике, полагает ряд экспертов, не всякая форма международного сотрудничества государств может квалифицироваться как интеграция, но лишь та, где представлено «функционирование общего суда, в компетенцию которого входит, прежде всего, толкование, в том числе преюдициальное, договоров и соглашений этих объединений, а также разрешение споров между государствами, органами этих объединений» [Ulfstein, 2020]. Несмотря на разный уровень интенсивности интеграционных процессов в глобальных регионах, они продвигаются вперёд, делая возможным появление ряда новых понятий — «интеграционного союза», «интеграционного права» и «интеграционного правосудия».

Международное правосудие за пределами Европы: аспекты адаптации европейской модели

Интеграционные процессы в мире имеют разный уровень интенсивности. Интеграционная модель ЕС добилась успеха в значительной степени благодаря конструкции судопроизводства, состоящей в «сплаве христианских и светских ценностей, в достаточно простой и доступной процедуре рассмотрения жалоб, в обязательном исполнении постановлений Европейского Суда», хотя её слабой стороной признаётся «размытость некоторых понятий в Конвенции (“справедливое правосудие”, “частная жизнь”, “собственность”) и противоречивость их толкования в разных прецедентах»⁸. Данная модель представлена взаимодействием двух институтов — Суда ЕС и ЕСПЧ. Право объединений государств в разных регионах мира — Евразии, Латинской Америке и Африке — в целом ориентируется на европейские стандарты, но демонстрирует разный уровень интеграции именно в связи с ролью в них институтов международного правосудия [Интеграционное правосудие..., 2016].

⁷ Из этого следует общий вывод о нестабильности Суда ЕАЭС [Кембаев, 2016]. Оценки потенциала ЕАЭС поэтому противоположны. Одни исследователи видят в результатах его деятельности «совершенствование норм евразийского права», отражённое в «единой скоординированной и согласованной политике» [Нешатаева, 2017]. Другие считают Суд полностью зависимым от государств-членов институтом, который «тормозит развитие интеграции», что превращает Суд в «декоративный орган» и вызывает «недоверие к праву ЕАЭС» [Толстых, 2018. С. 75].

⁸ См.: «Высказывая резкое несогласие, нельзя сходить с колеи профессионализма»: интервью с судьёй А.И. Ковлером // *Международное правосудие*. 2013. № 1 (5). С. 70.

В Латинской Америке Андский суд (созданный в 1985 г.) исповедует интеграционные установки, сходные с Судом ЕС: исходит из преобладания норм Андского Сообщества над многосторонними и двусторонними договорами государств-членов, обладая компетенцией интерпретировать и отменять решения основных институтов сообщества, но на деле не реализует этих компетенций. Карибское Сообщество (CARICOM) (созданное в 1973 г.) учредило Карибский суд справедливости (2001 г.), ориентированный на правовые стандарты ЕС. Но государства — члены Карибского Сообщества имеют существенно различные правовые системы, исторически доставшиеся от разных государств-метрополий (Великобритании, Франции, Голландии), и экспериментируют с их комбинированными вариантами [*The Oxford Handbook...*, 2020]. Карибский суд поэтому сталкивается с проблемами постколониальной ситуации, пытаясь выступать в качестве Суда Сообщества (в первой инстанции) и одновременно конкурента Судебного комитета Тайного совета Великобритании (как суда последней инстанции)⁹. С этим связывается недостаток легитимности Суда и его ограниченная эффективность. Такое интеграционное объединение, как Общий рынок стран Южной Америки — МЕРКОСУР (созданное в 1991 г.), вообще не имеет своего полноценного Суда, доверяя разрешение конфликтов арбитражным судам и Постоянному ревизионному суду, выступающему преимущественно в качестве апелляционной инстанции с достаточно ограниченной компетенцией.

Африканская система защиты прав человека находится на стадии формирования. В 1963 г. была принята Хартия Организации африканского единства (ОАЭ); в 1981 г. — Африканская хартия прав человека и народов; в 2000 г. ОАЭ трансформировалась в Африканский Союз по модели ЕС. Государства Африки приняли протоколы о создании двух судебных органов: Африканского суда прав человека и народов (принят в 1998 г., вступил в силу в 2004 г.) и Суда (буквально «Суда справедливости») Африканского союза (принят в 2003 г., вступил в силу в 2009 г.). На основе протокола, принятого в 2008 г., два судебных органа должны быть объединены в один — Африканский суд справедливости и прав человека. Предполагалось, что в перспективе Африканский суд справедливости и прав человека будет совмещать функции главного судебного органа международной организации и международного суда по правам человека в рамках этой организации. Однако судебная защита прав оценивается как чрезвычайно ограниченная в виду отсутствия согласия между государствами [*Ржевская*, 2013; *Мороз*, 2015].

В Африке действуют суды различных региональных объединений — Общего рынка для Восточной и Южной Африки (КОМЕКА); Суд Восточноафриканского сообщества (ВАС); Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС); Трибунал Сообщества развития Юга Африки (САДК). Представлены также: Суд Западноафриканского экономического сообщества; Суд правосудия Центральной Африки; Общий суд правосудия и арбитража. Наиболее известное из этих объединений — Экономическое сообщество стран Западной Африки (созданное в 1975 г.) — образовало Суд ЭКОВАС (1991 г.), со временем (с 2005 г.) получивший сходство с европейской моделью, зафиксировав право частной жалобы на нарушение прав в любой из стран Сообщества. Однако на практике Суд не смог реализовать этих полномочий, ограничившись продвижением внесудебных правозащитных стратегий [*Интеграционное правосудие...*, 2016].

Чем объяснить отсутствие прогресса судебной модели ЕС за его пределами? Констатируется, что критерием успеха судов в интеграционных объединениях является наличие политической воли: в случае Европы она присутствовала, сделав европейскую модель судебной власти институтом продвижения интеграции, и, напротив, её отсутствие

⁹ На практике закреплена роль Суда Тайного Совета в защите конституционных прав, которая оспаривается сторонниками преодоления колониальных институтов, усматривающих перспективу именно в усилении Карибского суда справедливости [*Vasciannie*, 2020].

овернулось неудачей в двух других случаях. В отличие от Европы, неуверенность положения международных судов в Евразии, Латинской Америке и Африке связана со стремлением избежать конфликтов с другими институтами сообществ, трудностью достижения компромиссов между государствами и предпочтением выборочных и более мягких решений [*The Oxford Handbook...*, 2020; *Global Constitutionalism...*, 2020]. Региональная интеграция, основанная на унификации права и роли судебного толкования, здесь не состоялась или представлена в ограниченной форме, уступая место политической интеграции.

Конфликты компетенций международных судов как выражение фрагментации глобального правового регулирования

Проблема фрагментации международного права поставлена экспертами ООН в 2006 г.¹⁰, хотя в реальности начала ощущаться раньше. Фрагментация международного права понимается как неоднозначное истолкование единых международных норм различными международными судами, ведущее к дифференциации их позиций по сходным вопросам. Следствиями фрагментации международного права стали: обособление сфер правового регулирования; появление различных договоров, регулирующих один вопрос; увеличение числа специализированных судов и трибуналов; их взаимная изоляция; дифференциация практик. Наиболее чётким выражением тренда стал конфликт компетенций — посягательство судов на юрисдикцию друг друга. Преодоление фрагментации в практике международных судов усматривается на пути «интеграции интеграций»¹¹. Следовательно, фрагментация усиливает конкуренцию правовых позиций, превращая судебный диалог в соперничество, в основе которого — конфликт интересов, компетенций и стратегий интерпретации международного права.

Иллюстрацией этого служит разворачивающийся конфликт судов, который не только не ослабевает, но усиливается с течением времени, достигнув сейчас острой формы. Конфликт между судами выражается в различии стратегий формирования правовой идентичности на разных уровнях — глобальном (Международный суд ООН), региональном (транснациональные суды регионов) и национальном (конституционные и верховные суды). Представлены четыре уровня конфликтов — между судами, действующими под эгидой ООН; международного суда ООН и регионального; конфликт региональных судов, а также конфликт регионального и национальных судов.

Первый тип конфликта — выражает «конкуренция компетенций» нескольких международных органов по разрешению споров. Иллюстрацией может служить противоречие позиций Международного суда ООН и Трибунала по бывшей Югославии по вопросу геноцида (дело Тадича). Апелляционная палата МТБЮ на основе теста всеобъемлющего контроля квалифицировала действия боснийских сербов как ответственность государства — Федеративной Республики Югославии. Международный суд ООН, напротив, констатировал, что вопросы ответственности государств находятся вне пределов компетенции МТБЮ, в юрисдикцию которого входят только уголовные преступления отдельных лиц, причём именно последние (а не государство) в данном случае несут ответственность за геноцид. Этот тип конфликта компетенций оценивается как наиболее опасный, поскольку присутствует в отношениях двух судебных институтов ООН.

¹⁰ См.: Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права: ООН. Доклад комиссии международного права: 58-я сессия (1 мая — 9 июня и 3 июля- 11 августа 2006 г.) / ООН. — Нью-Йорк, 2006.

¹¹ Метод её проведения усматривается «в совершенствовании правовых норм, взаимном уважении судов и готовности к сотрудничеству» [Нешатаева, 2015. С.5].

Второй тип конфликта — конфликт Международного суда ООН и Суда ЕС — наиболее чётко представлен делом Кади. Оно рассматривается как революционный поворот — первый случай отстаивания собственной правовой автономии со стороны ЕС по отношению к глобальным институтам посредством установления барьера для действия норм общего международного права. Институты ЕС, как предполагается, стремятся придать ему качества государства, что выражается в тенденции рассматривать нормы Учредительных договоров ЕС как приоритетные по отношению к нормам международного права. Этот поворот, по мнению ряда аналитиков, отражает стремление Суда ЕС играть доминирующую роль в толковании норм ЕС. Доказательство усматривается, в частности, в решениях Суда ЕС, отдающих приоритет внутреннему европейскому праву (Договорам о ЕС и его функционировании) перед международным правом (положениям Устава ООН), противопоставляя международные обязательства государств-членов по внешним соглашениям данным договорам.

Если ранее основная позиция состояла в «уважении» норм международного права (прежде всего Устава ООН), то в деле Кади констатируется изменение этой позиции — устанавливается приоритет правопорядка ЕС над любыми международными обязательствами государств-членов, включая обязательства государств-членов, вытекающие из Устава ООН и затрагивающие сферу защиты прав человека. Смысл решения по делу Кади в этой интерпретации состоит в попытке обосновать конституционное верховенство правопорядка ЕС, что ставит под сомнение ранее не оспаривавшийся автоматический приоритет положений Устава ООН. Тренд к фиксации автономности соответствующих региональных правовых систем демонстрирует Суд Андского Сообщества, Суд Карибского Сообщества [*The Oxford Handbook...*, 2020], а в известной мере и Суд Евразийского экономического союза, хотя он не декларировал автономности евразийского правопорядка.

Ожидания и реальность международных судов не совпадают. Результаты практической деятельности международных судебных учреждений (от Международного суда ООН до судов региональных сообществ и уголовных трибуналов) не выглядят оптимистично. Убеждение в том, что именно МС ООН выступает верховным судом — хранителем международного гуманитарного права, сталкивается с проблемой его фрагментации — усилением различия правовых позиций и автономности других судебных учреждений — судов и трибуналов. Факторами, ограничивающими роль судов, признаны: нежелание государств передавать наиболее чувствительные вопросы на рассмотрение Международного суда ООН и других судов; особенности отношений региональных судов по правам человека (не слишком приспособленных для решения вопроса нарушения этих прав в контексте вооружённых конфликтов); различие их компетенций по регионам мира; просчёты самих международных уголовных судов и трибуналов; скептическое отношение государств к институтам международного уголовного правосудия [Гнатовский, 2013. С. 87]. С развитием глобального противостояния усиливается стремление наиболее могущественных государств блокировать суды по политическим причинам.

Конфликт компетенций транснациональных судов ЕС

Третий тип конфликта — между транснациональными судами одного региона — иллюстрировался прежде всего противоречиями Суда ЕС и ЕСПЧ. Различие компетенций и позиций двух судов не удалось преодолеть с течением времени [Нуссбергер, 2022]. Вопреки ожиданиям официальных структур Европейского Союза, его государств-членов и значительной части экспертного сообщества, Суд ЕС выступил против присоединения ЕС к ЕКПЧ, приняв отрицательное Заключение № 2/13 на проект Соглашения о присоединении Европейского Союза к Европейской Конвенции по правам человека (2014 г.). Объяснение этого факта усматривается в ряде причин.

Во-первых, неоднозначность положений основополагающих документов двух Судов (ЕКПЧ и Хартия основных прав ЕС). Если ЕСПЧ опирается на толкование ЕКПЧ, то Суд ЕС опирается на Хартию ЕС об основных правах, которая стала частью проекта Европейской Конституции, а затем Лиссабонского договора 2007 г. Таким образом, Суды Европы не едины в понимании функционирования европейского пространства свободы, безопасности и правосудия¹².

Во-вторых, констатируется различие политических стратегий двух Судов: ЕСПЧ ориентируется на защиту прав человека с позиций международного права, а Суд ЕС на превращение квазифедерации в федерацию [*Право Европейской конвенции...*, 2018; «*Совесть Европы...*»^{*13}..., 2019]. Если Суд ЕС апеллирует к интеграционным принципам Союза, рассматривая его как единое целое («квазигосударство»), то ЕСПЧ рассматривает ЕС как совокупность государств. В этой совокупности каждое из государств обязано соблюдать требования ЕКПЧ, руководствуясь презумпцией эквивалентной защиты (презумпция Босфора), которая должна устанавливаться в конкретном случае с учётом фактических и юридических обстоятельств дела. Понятие конкуренции в отношении стратегии судов означает различное видение ими целей международного регулирования с позиций ценностей прав человека или конструирования нового квазигосударства — европейской федерации — путём «судебной федерализации Союза». В рамках этой интерпретации Суд ЕС всё более уходит от роли международного суда и позиционирует себя как «Верховный Суд Европейского Союза», решения которого обязательны для всех судов государств-членов, а его прецеденты, хотя и не являются формальным источником права ЕС, признаются играющими важную роль в обеспечении его единства и целостности, приобретая с течением времени «квазинормативный характер» (стадии этого процесса отражены в [*Исполинов*, 2015; *Исполинов*, 2016; *Исполинов*, 2018]).

В-третьих, как считает большинство европейских аналитиков, в этом споре двух судов присутствует элементарная конкуренция в борьбе за компетенцию и власть. Поэтому риск утраты Судом монопольного права по толкованию норм, действующих в правовом порядке ЕС, следует признать основным мотивом отказа Суда ЕС присоединиться к ЕКПЧ [*Лифшиц*, 2019].

Таким образом, в одном случае речь идёт о конкуренции правовых стандартов защиты прав человека, в другом — политических стратегий, в третьем — об институциональной конкуренции европейских судов в целом за власть и влияние. Последнее, прагматическое, объяснение не исключает двух других, но является более реалистическим.

Конфликт компетенций наднациональных и национальных конституционных судов

Частью проблемы правовой интеграции выступает поиск новых принципов взаимодействия наднациональных (международных, региональных) и национальных судов с целью гармонизации их решений¹⁴. Эти вопросы рассматриваются главным образом

¹² Это касается, в частности, применения «дублинского регламента», правового сотрудничества по уголовным и гражданским делам, интерпретации принципа взаимного доверия и основанного на нём принципа взаимного признания (ЕСПЧ исходит из того, что автоматическое применение принципа взаимного доверия не обеспечивает надлежащую защиту прав человека, гарантированных ЕКПЧ) (см.: [*Войников*, 2020]).

¹³ * — Настоящий материал (информация) произведён, распространён иностранным агентом Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики», либо касается деятельности иностранного агента Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики».

¹⁴ При общем сходстве смысла ключевых понятий (международного, транснационального, регионального и наднационального правосудия) они не тождественны, отражая, в частности, степень обязательности выполнения судами международных договоров и различных обязательств.

на материале ЕКПЧ и роли прецедентов ЕСПЧ в интерпретации национальными государствами — членами Совета Европы [*Право Европейской конвенции...*, 2018; «*Совесть Европы...*»¹⁵..., 2019]. В отношениях международных (региональных) и национальных судов констатируется противоречивая диалектика взаимодействия и взаимного соперничества. Ратифицируя ЕКПЧ, государства-участники признают обязательность окончательных постановлений ЕСПЧ (п.1 ст. 46 Конвенции) и соглашаются исполнять их на уровне своей внутренней правовой системы. Причём конечным результатом исполнения должна стать эффективная реакция на обнаруженные нарушения прав человека. В то же время взаимосвязь между Конвенцией и ЕСПЧ, с одной стороны, и национальными конституционными или верховными судами — с другой, рассматривается «не как односторонняя и иерархическая, а как тонкая и дифференцированная»: «исполнение решений ЕСПЧ считается обязанностью, однако не всегда без исключений» [Нуссбергер, 2022. С.135-138].

Отношения ЕСПЧ и национальных судов включают поэтому конфликтность, степень которой определяется формулами о «слабой», «умеренной» или «жёсткой» критике постановлений ЕСПЧ с позиций национальных судов [Нуссбергер, 2022]. Так, Конституционный суд ФРГ предпринял усилия для определения теоретических рамок взаимодействия систем защиты прав человека на национальном и европейском уровнях; Конституционный суд Италии продемонстрировал тот же тренд; Верховный Суд Великобритании выступил с критикой конкретных постановлений ЕСПЧ. Вопросы защиты так называемой национальной «конституционной идентичности» в острой форме были поставлены в странах Восточной Европы — членах ЕС (Венгрии, Польше, Румынии), отказавшихся следовать в фарватере решений ЕСПЧ в ходе конституционных и судебных контрреформ, проходивших под популистскими лозунгами возрождения национального суверенитета, узурпированного Брюсселем [*Constitutional Crisis...*, 2015]. Наивысшей стадии данная риторика достигла, по-видимому, в период Брексита (2016 г.), усилив потенциал оппозиции в ЕС¹⁶.

Сравнительный анализ позволил обнаружить параллелизм во взаимоотношениях наднационального и национального правосудия на Западе (взаимодействие Суда ЕС с Конституционными судами Германии и Италии) и в Евразии (взаимодействие Суда ЕАЭС с Конституционным судом России). Общей установкой выступает приоритет наднационального права соответствующих объединений, однако, при сохранении национальными судами определённой автономии и сферы действий. В основе взаимодействия лежит формула о том, что более высокий стандарт защиты прав не может быть понижен наднациональным судом¹⁷.

В других регионах проблема конфликтности решений международных и национальных судов стоит не менее остро. В отличие от ЕС, интерпретация Американской конвенции прав человека Межамериканским судом по правам человека требует от государств континента отмены внутренних правовых норм, противоречащих Конвенции. Это, по мнению критиков, порождает целый ряд негативных последствий: диалог всех судов заменяется монологом одного, игнорируется региональная специфика отдельных государств, прецеденты транснационального суда вытесняют логику юридической аргументации национальных судов, а последние превращаются в простых регистраторов и исполнителей решений

¹⁵ * — Настоящий материал (информация) произведён, распространён иностранным агентом Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики», либо касается деятельности иностранного агента Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики».

¹⁶ Определённые диспропорции вносит и различие степени транснациональной защиты прав: в делах о защите социально-экономических прав ЕСПЧ традиционно предоставляет государствам более широкую сферу усмотрения [Сыченко, 2016].

¹⁷ Механизм взаимодействия наднациональных и национальных судов для преодоления противоречий усматривается в диалоге — поиске «контактных точек» между верховными, конституционными и наднациональными судами [Нешатаева, 2016].

высшего института абсолютного конвенционального контроля. Это подрывает независимость латиноамериканских судей и ведёт к эрозии легитимности их решений¹⁸.

Вопрос о будущей роли международных судов, и прежде всего ЕСПЧ, в продвижении глобального конституционализма остаётся открытым. Некоторые считают, что это будущее — «неопределённо», а его роль и влияние «не носят бесспорного характера», сталкиваясь с такими глобальными тенденциями, как растущий скептицизм, национализм и угроза политизации судебных решений. «Является ли его борьба с фрагментацией в международном праве не чем иным, как борьбой с ветряными мельницами, — спрашивает А. Нуссбергер (бывший судья ЕСПЧ), — ещё предстоит увидеть» [Нуссбергер, 2022. С. 178, 230].

Все три типа конфликтов компетенций международных и региональных судов являются отражением процессов фрагментации, за которыми стоят не только юридические, но и политические интересы акторов международного процесса. Конфликт международных судов ставит под вопрос единство и эффективность всего международного порядка, конфликты международных и региональных судов выражают фрагментацию региональных правовых систем, а конфликт судов внутри одного региона (ЕС) порождает риск появления двух систем защиты прав человека. Вопросы, встающие в связи с этим: какой тип отношений — интеграция или фрагментация — станет доминирующим и как суды могут преодолеть споры о компетенциях в условиях растущих идеологических и политических противоречий?

Противостояние ЕСПЧ и Конституционного суда России

Наибольшей конфликтностью характеризовались отношения ЕСПЧ и Конституционного суда России, которые включали несколько этапов — идеализм, реализм и консерватизм. Решения ЕСПЧ, затрагивающие внешнеполитические интересы России, признанные критиками политизированными, касались вопросов истории — ретроспективного применения положений Конвенции 1950 г. к деяниям, совершённым властями до её принятия и ратификации Россией (например, оценка Катынского расстрела в деле «Яновец и другие против России» 2013 г.) [Тимофеев, 2013]; ретроактивного применения международного уголовного права (в деле «Кононов против Латвии»), ставшего для российских властей примером переписывания истории Второй мировой войны, «политически мотивированным решением и применением двойных стандартов» [Бауринг, 2012]. Не менее спорными признаны дела об ответственности России за процессы, происходящие в непризнанных государственных образованиях, таких как Приднестровье, Нагорный Карабах и другие, без учёта политической составляющей этих сложных феноменов¹⁹. Односторонность решений ЕСПЧ может быть связана с неадекватной информированностью, граничащей с непониманием природы соответствующих конфликтов, различием критериев оценки дискриминационных практик или пределов возможностей государства в расследовании преступлений прошлого²⁰.

Безусловную конфликтность имели решения ЕСПЧ, носившие, по мнению российских властей, политизированный характер, выраженную антироссийскую направленность

¹⁸ Выход усматривается в создании «интегрированной межамериканской модели», где обеспечен двусторонний диалог судей разных уровней, а национальные суды создают собственное прецедентное право, предваряя интерпретацию Конвенции континентальным судом с целью придания его прецедентам большей легитимности [Dulitzky, 2015].

¹⁹ В этих делах, по мнению критиков, «ЕСПЧ в итоге всё больше отдаляется от права международной ответственности, подрывая тем самым свою собственную эффективность» [Русинова, 2016. С.68].

²⁰ См.: Особые мнения судьи ЕСПЧ А. Ковлера по делам: «Илашку и другие против Молдовы и России» (2004); «Константин Маркин против России» (2010); «Яновец и другие против России» (2012) (Международное правосудие. 2013. № 1 (5). С. 75-87; С. 117- 119; С. 120-123).

и характер вмешательства во внутреннюю политику страны. Наиболее резонансными из них следует признать: 1) Решение ЕСПЧ по делу ЮКОСа (2014 г.), продолженное рядом обвинительных вердиктов апелляционного суда в Гааге (о выплате компенсации и судебных издержек акционерам ЮКОСа), противоречившее позиции российских властей (это — побудительная причина и отправная точка изменения закона о КС); 2) Решение о присоединении Крыма (Постановление №6-П от 19 марта 2014 г.), которым договор о принятии Крыма в состав РФ признан конституционным, — решение, категорически отвергнутое Западом; 3) Решение ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» (2013 г.), при оценке которого КС (в Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П) впервые воспользовался предоставленным законом правом отказать в исполнении решения Страсбургского суда, посчитав, что международный орган превысил свои полномочия и нарушил суверенитет страны (потребовав от России предоставления избирательных прав заключённым, отбывающим наказание в колониях, — что прямо противоречит Конституции РФ).

Общим результатом их растущего противостояния стали постановление КС РФ о возможности неисполнения решений ЕСПЧ (Постановление от 14 июля 2015 года №21-П)²¹, принятие поправок в Федеральный конституционный закон о КС (2015 год)²² и Конституцию РФ (новая редакция статей 79 и 125, принятая конституционной реформой 2020 года) (подробнее см.: [Конституция России..., 2025]). Завершением данного тренда следует признать выход России из Совета Европы и разрыв с юрисдикцией ЕСПЧ в условиях международного кризиса 2022 г. [Конституционный суд..., 2022].

Констатируется нарастание конфликтов международных судов как отражение фрагментации правовых регионов [Право Европейской конвенции..., 2018]: рост: доктринальных противоречий международных и национальных судов (доктрины «контрлимитов», «принципиального сопротивления» и споров о компетенции); стратегий судебного толкования (традиционные и нетрадиционные способы толкования, статичное и динамичное толкование, эволютивное толкование); расхождения в понимании таких основополагающих идей, как принцип пропорциональности, границы свободы усмотрения и судейский активизм, как факторов интеграции или фрагментации. Выражением этого тренда становится кризис легитимности международных институтов и правосудия, которые пасуют перед разнообразием правовых традиций [Torrisco-Casals, 2022], «не находят общего языка», оказываются всё менее эффективны в разрешении международных конфликтов, сталкиваясь с обвинениями в недееспособности, пристрастности и запоздалости решений.

Вывод. Пересмотр интерпретации универсальных стандартов международного правосудия?

Существующая система международного правосудия, по-видимому, не имеет достаточных рычагов воздействия на издержки правовой глобализации. Причина кризиса легитимности международного права — отсутствие базового консенсуса между глобальными регионами и государствами по отношению к смыслу правовых ценностей, принципов и договорных норм. В период после Второй мировой войны сама вера в становление такого консенсуса или возможность его достижения в перспективе существовала, что нашло выражение в создании ООН, Всеобщей декларации прав, ЕКПЧ и системы

²¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 № 21-П // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

²² Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

международного правосудия как инструмента глобальной правовой интеграции. Ныне эта вера поколеблена.

В настоящее время приходится констатировать, что формальное принятие единых стандартов прав человека, верховенства права и демократии подавляющим большинством стран мира не стало решением проблемы глобальной правовой интеграции, поскольку не исключает конфликта интересов — новых форм дискриминации, господства, появления различных типов популистских режимов. Модель правовой интеграции ЕС, длительное время рассматривавшаяся как успешный прообраз глобальной правовой интеграции, в настоящее время стала предметом интенсивной критики за растущую морализацию, двойные стандарты, игнорирование незападной правовой культуры, навязывание европейских стандартов другим странам и регионам вопреки их правовой традиции и идентичности. Это заставляет, как минимум, вернуться к переосмыслению её базовых принципов и пределов реализуемости.

Ранее общий вектор однозначно состоял в движении от политики к праву — стремлении к юридизации политики путём расширения полномочий институтов международного и национального правосудия. В настоящее время, по-видимому, возобладал противоположный вектор — движение от права к «реальной политике», выражением чего стали процессы фрагментации, конфликта идентичностей и компетенций международных и национальных судов. Все ведущие государства настаивают на том, что их действия соответствуют международному праву, но на деле предлагают его противоречивые интерпретации, служащие обоснованию собственных интересов. Если этот вывод соответствует действительности, то актуальная задача международного сообщества состоит в поиске новых политических оснований глобального правового консенсуса, способного обеспечить непротиворечивую интерпретацию стандартов международного права в условиях формирования повестки глобальной политики права.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бауринг Б. (2021). Деградация международного права? Реабилитация прав и возможность политики [Bowring B. (2021). Degradation of the International Law? Rehabilitation of Rights and Possibility of Politics]. — М.: НЛО.
- Бауринг Б. (2012). Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Кононов против Латвии» (17 мая 2010 г.): права ли Российская Федерация в своем понимании отношения политики и международного права? [Bowring B. (2012). Judgment of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights in the case of Kononov v. Latvia (17 May 2010): Is the Russian Federation Right in Its Understanding of the Relationship between Politics and International Law?] // *Международное правосудие*. № 2. С. 75-83.
- Бюргорге-Ларсен Л. (2014). Позитивные обязательства в практике органов Межамериканской системы защиты прав человека [Burgorgue-Larson L. (2014). Positive Obligations in the Praxis of Inter-American System of Human Rights Protection Organs] // *Международное правосудие*. № 2. С. 106-121.
- Войников В. (2020). Право Европейского Союза в практике Европейского Суда по правам человека [Voynikov V. (2020). The Law of European Union in the Case-law of the European Court of Human Rights] // *Международное правосудие*. № 1. С. 50-66.
- Гнатовский Н. (2013). Международное гуманитарное право: насколько ограничены возможности международного правосудия? [Gnatovskiy N. (2013). International Humanitarian Law: Limits of International Justice?] // *Международное правосудие*. 2013. № 2 (6). С. 65-73.
- Интеграционное правосудие в современном мире: основные модели (2016). / Под ред. С.Ю. Кашкина [Integrative Justice in contemporary World: Basic Models (2016). / S.Ju. Kashkin (ed.)] — М.: Норма.
- Исполинов А. (2015). Суд Европейского Союза против присоединения ЕС к Европейской Конвенции по правам человека (причины и следствия) [Ispolinov A. (2015). The Court of Justice of the European Union against the EU's accession to the European Convention on Human Rights (reasons and consequences)] // *Международное правосудие*. № 1 (13). С. 118-134.
- Исполинов А. (2016). Прецедент в практике Суда Европейского Союза [Ispolinov A. (2016). Precedent in the Jurisprudence of the European Union Court of Justice] // *Международное правосудие*. №3. С. 64-77.
- Исполинов А. (2018). В поисках новой парадигмы: Суд ЕС и ЕСПЧ спустя три года после Заключения № 2(13) [Ispolinov A. (2018). In Search of a New Paradigm: the European Court of Justice and the European Court of Human Rights Three Years after Opinion No. 2/13] // *Международное правосудие*. № 2. С. 16-27.

- Кембаев Ж. (2016). Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза [Kembayev Zh. (2016). The Comparative Study of Functioning of the Court of the Eurasian Economic Union] // *Международное правосудие*. № 2. С. 30-45.
- Ковлер А., Фокин Е., Черенкова В. (2019). Органы международного правосудия в интеграционных системах современного мира [Kovler A., Fokin E., Cherenkova V. (2019). Bodies of International Justice in the Integration Systems of Modern World] // *Международное правосудие*. № 2. С. 44-61.
- Конституционный суд России: осмысление опыта (2022). Под ред. А.Н. Медушевского [Russia's Constitutional Court: Rethinking Its Experience (2022). / A.N. Medushevskiy (ed.).] — М.: Центр конституционных исследований.
- Конституция России после реформы 2020 года. Проблемный комментарий (2025) / Под ред. А.Н. Медушевского [The Constitution of Russia after 2020 Reform. Legal and Political Commentary (2025). / A.N. Medushevskiy (ed.).] — М.: Центр конституционных исследований.
- Лифшиц И. (2019). Международные договоры государств — членов Европейского союза с третьими странами в практике Суда ЕС [Lifshits I. (2019). International Agreements of the EU Members with the Third Countries in the CJEU Jurisprudence] // *Международное правосудие*. № 3. С. 84-101.
- Медушевский А.Н. (2023). Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка [Medushevskiy A.N. (2023) Global Constitutionalism: Integration and Fragmentation Processes in the Creation of a new World Order]. — М.: Direct-Media.
- Мороз Р. (2015). Правило исчерпания внутренних средств правовой защиты в африканской системе защиты прав человека [Moroz R. (2015). The Rule of Exhaustion of Domestic Remedies in the African Human Rights System] // *Международное правосудие*. № 4. С. 91-102.
- Нешатаева Т. (2015). Европейская Конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права [Neshataeva T. (2015). European Convention for Human Rights and Fragmentation of International Law] // *Международное правосудие*. № 4. С. 3-10.
- Нешатаева Т. (2016). О проблемах в действии решений органов ЕАЭС в национальных правовых системах государств-членов [Neshataeva T. (2016). On Ambiguous Effects of the EAEU Bodies' Decisions within National Legal Systems of the Member States] // *Международное правосудие*. № 3. С. 10-17.
- Нешатаева Т. (2017). Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву [Neshataeva T. (2017). The Court of the Eurasian Economic Union: from Legal Opinion to the effective Law] // *Международное правосудие*. № 2. С. 64-79.
- Нуссбергер А. (2019). Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод — Конституция для Европы? [Nussberger A. (2019). European Convention for Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms — a Constitution for Europe?] // *Международное правосудие*. № 2. С. 3-19.
- Нуссбергер А. (2022). Европейский Суд по правам человека [Nussberger A. (2022). The European Court on Human Rights]. — М.: ИППП.
- Пара Вера О. (2015). Применение принципа должной осмотрительности в борьбе с безнаказанностью в практике Межамериканского Суда по правам человека [Para Vera O. (2015). The Jurisprudence of Inter-American Court in the Respect of Impunity] // *Международное правосудие*. № 1. С. 20-31.
- Право Европейской конвенции по правам человека (2018). / Под ред. Д. Харриса, М. О'Бойла, С. Уорбрика (Eds) [Law of the European Convention on Human Rights (2018). D. Harris, M. O'Boile, C. Warbrik (eds.).] — М.: Развитие правовых систем.
- Ржевская В. (2013). Африканский суд справедливости и прав человека и Международный Суд ООН: сравнительно-правовой очерк [Rzhevskaya V. (2013). The African Court of Justice and Human Rights and the International Court of Justice: A Comparative Legal Essay] // *Международное правосудие*. № 2. С. 109-116.
- Русинова В. (2016). «Юрисдикция» и «вменение» в решениях ЕСПЧ, связанных с применением Конвенции на территории непризнанных государств: взболтать, но не смешивать? [Rusinov V. (2016). «Jurisdiction» and «Imputation» in the ECtHR Decisions on the Application of the Convention on the Territory of Unrecognized States: Shake, but do not Stir?] // *Международное правосудие*. № 1. С.59-69.
- «Совесть Европы» в действии: 350 решений Европейского Суда по правам человека (2019). Под ред. М.Т. Тимофеева, Н.М. Секретовой [«Conscience of Europe» in Action: 350 Decisions of the European Court on Human Rights (2019). M.T. Timofeev, N.M. Sekretova (eds.).] — М.: ИППП*²³.
- Сыченко Е. (2016). Принцип неделимости прав человека в практике Европейского Суда по правам человека [Sychenko H. (2016). The Principle of Indivisibility of Human Rights in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights] // *Международное правосудие*. № 2. С. 61-68.
- Тимофеев М. (2013). «Яновец и другие против России»: катынская трагедия в прокрустовом ложе судебных решений [Timofeev M. (2013). «Yanovets and Others vs. Russia»: the Katyn Tragedy in the Procrustean Bed of Court Decisions] // *Международное правосудие*. № 4. С. 4-10.

²³ — Настоящий материал (информация) произведён, распространён иностранным агентом Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики», либо касается деятельности иностранного агента Автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики».

- Толстых В. (2018). От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда Евразийского экономического союза [Tolstykh V. (2018). From Apology to Apology; General Problems arising from the Activity of the Eurasian Economic Union Court] // *Международное правосудие*. № 3. С. 66-76.
- Чайка К. (2020). Конституционализация права интеграционных объединений: самостоятельный феномен или отголоски глобального конституционализма? [Chayka K. (2020). The Constitutionalization of the Right of Integration Associations: an Independent Phenomenon or Echoes of Global Constitutionalism? // *Международное правосудие*. № 1. С. 67-78.
- Constitutional Crisis in European Constitutional Area. Theory, Law and Politics in Hungary and Romania*. (2015). A. von Bogdandy, P. Sonnevend (eds.). — London: C.H.BECK-Hart-Nomos.
- Dulitzky A.E. (2015). The Constitutionalization of International Law in Latin America: An Alternative Approach to the Conventionality Control Doctrine // *American Journal of International Law*. Vol. 109. Pp. 100-108.
- Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives* (2020). T. Suami, A. Peters, D. Vanoverbeke, M. Kumm (eds.). — Cambridge: Cambridge University Press.
- The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions*. (2020). / R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle (eds.). — Oxford: OUP.
- Torbisco-Casals N. (2022). The Legitimacy of International Courts: the Challenge of Diversity // *Journal of Social Philosophy*. Wiley: Online Library. 11.01. 2022. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/josp.12452> (access date: 11.03.2025).
- Ulfstein G. (2020). International Courts and Tribunals and the Rule of Law in Asia / T. Suami A. Peters, D. Vanoverbeke, M.Kumm (eds.) // *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives*. — Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 518-529.
- Vasciannie S. (2020). The Appellate Jurisdiction of the Caribbean Court of Justice // *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions*/ R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle (eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 503-528.

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

Doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor Higher School of Economics (Moscow)

amedushevsky@mail.ru

INTERNATIONAL JUSTICE IN SEARCH OF A BALANCE BETWEEN LAW AND POLITICS. PART 1

Abstract. The crisis of international law demonstrates the growing instability in international relations regarding such areas as legitimacy versus legality, fragmentation versus integration, and legal asymmetry versus symmetry. The potential of these changes is so high, that makes it possible to put under question the continuity of the basic social contract — international consensus achieved between super-states after the end of the Second World War, and represented in the UN Charter and Statute of the International Court of Justice. The lost balance in international relations means the great challenge to the whole system of international justice, which should be the guardian of the international norms implementation, from the one hand, and neutral and effective instrument of legal mediation between conflicting actors, from the other. Observing conflicting trends and difficulties of the current international justice, the author consider the prospect of a new balance as achieved by complex of legal, extra-legal, and political mechanisms for the establishment of the more sustainable international justice.

Keywords: *international law, international justice, international and national courts, conflict of competences, criminal justice, transitional justice, politics of law.*

JEL: K33, K38, K40.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.В. Павленко

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В ГОРОДАХ РОССИИ: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ¹

Аннотация. Пространственному экономическому неравенству в России посвящено множество работ, но в центре внимания было межрегиональное неравенство, а не неравенство на уровне городов. В данной работе рассматривается связь между неравенством и бондинговым социальным капиталом, который оценивался на основе данных социальных сетей жителей городов России. На основе данных социальной сети «ВКонтакте» были построены индексы фрагментации, которые оценивают степень связности сетей знакомств жителей городов. Этот индекс оценивает возможность точек в графе к объединению в закрытые группы, где большинство связей соединяет точки внутри этих групп, а не между ними. На выборке из 120 крупных городов России было обнаружено, что индекс фрагментации хорошо коррелирует с уровнем неравенства. Предполагается наличие двусторонней связи. С одной стороны, чем более закрыты социальные группы знакомств, тем выше неравенство, так как у агентов нет социальных связей, позволяющих улучшить своё экономическое положение. С другой стороны, чем выше неравенство, тем более вероятно, что люди будут считать, что богатство не зависит от их усилий, а это приводит к росту бондингового социального капитала и фрагментации сети. Были выявлены географические различия в уровнях неравенства и социальном капитале. Обнаружена U-образная зависимость расстояния от Москвы и уровня фрагментации, и неравенства.

Ключевые слова: экономическое неравенство, социальный капитал, города, Россия, социальные сети, распространение информации, анализ социальных сетей.

JEL: R19, Z13, D85

УДК: 330.14

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_144_163

© Б.В. Павленко, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Павленко Б.В. Социальный капитал и экономическое неравенство в городах России: анализ социальных сетей // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 144–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_144_163.

FOR CITATION: Pavlenko B. Social Capital and Economic Inequality in Russian Towns: Social Network Analysis // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 144–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_144_163.

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Введение

Экономическое неравенство — важный фактор, влияющий на экономическое развитие [Galor, 2009]. Высокое неравенство может ограничивать возможности экономического роста путём блокирования возможностей различных социальных групп в сферах получения образования или увеличения продуктивности их деятельности. В то же время крайне низкое неравенство способно подрывать стимулы для увеличения продуктивности [Freeman, Gelber, 2006].

Россия принадлежит к ряду стран со средним или высоким неравенством [Капелюшников, 2019; Мареева, Слободенюк, 2021]. Существует большое число исследований межрегионального неравенства в России [Белобородов, 2020; Зубаревич, 2019]. Однако факторы неравенства, формирующегося на уровне городов, менее изучены.

Кроме того, необходимо принимать в расчёт институциональные факторы устойчивости неравенства. Задача данной работы — исследование взаимозависимости между социальным капиталом и неравенством в городах России. Правдоподобной гипотезой является то, что такая зависимость может быть самоподдерживающим равновесием.

Социальный капитал, частями которого являются доверие, социальные сети и социальные нормы, способствует формированию институтов, которые, в свою очередь, влияют на экономическое развитие и неравенство [Coleman, 1988; Mogue, Carter, 2004]. Социальный капитал через межличностное доверие и сети позволяет снижать транзакционные издержки и ускорять поиск контрагентов. Доверие необходимо для построения корпораций, поскольку позволяет эффективно подбирать персонал [Fukuyama, 1995]. Рассматривая влияние социального капитала на неравенство, мы можем ожидать, что в обществе с высоким уровнем социального капитала уровень неравенства становится ниже, так как увеличивается разнообразие потенциальных контрагентов, а значит, снижается и разница в экономических возможностях представителей разных социальных групп [Growiec, Growiec, Kamiński, 2018; Chantararat, Barrett, 2012]. Кроме того, уменьшение транзакционных издержек увеличивает конкурентоспособность компаний с меньшим капиталом.

Социальный капитал рассматривается здесь как показатель качества среды для членов общества: он определяет издержки обмена информации через сети [Poder, 2011]. Это не означает, что у всех жителей города есть одинаковые возможности получения информации, поскольку положение индивидов в общей сети различается. Рассматривая влияние социального капитала, стоит отметить разделение социального капитала на бриджинг (bridging) и бондинг (bonding) [Putnam, 2000]. Бриджинговый социальный капитал соединяет различные социальные группы, выступает мостками между ними и связан с доверием незнакомцам и более равномерно распределёнными связями в социальной сети. Бондинговый социальный капитал ассоциируется с концентрацией социальных связей между членами социальных групп в сети, более высоким доверием знакомым, друзьям и родственникам. При этом, рассматривая сети взаимоотношений людей, стоит отметить, что сами связи могут качественно отличаться. Сильные связи, которые возникают между людьми, хорошо знающими и доверяющими друг другу, отличаются по своим возможностям от слабых связей между незнакомцами. Слабые связи помогают распространять информацию, а сильные связи — получать помощь [Granovetter, 1973]. Сильные социальные связи соотносятся с концепцией социального капитала как возможности извлечения выгоды для индивидов, за счёт их использования [Bourdieu, 2006].

Заметим, что при высоком уровне разнообразия в сети ситуации, в которых агент сможет использовать знакомства для получения выгоды, более ограничены, так как одни и те же знакомства существуют у разных людей из разных социальных групп. И наоборот, при высоком уровне бондингового социального капитала и закрытых социальных группах

с редкими связями между различными социальными группами ценность знакомства будет выше, что обычно приводит к сохранению неравенства и сохранению структуры сети.

Исследования социального капитала традиционно использовали опросные данные, которые имеют свои ограничения. Во-первых, измеряют только часть социального капитала (например, доверие к различным социальным группам [Algan, 2018] или членство в социальных группах/клубах [Agampodi, Agampodi, Glozier, Siribaddana, 2015]). Во-вторых, стоимость проведения опросов ограничивает возможности получения выборок, в которых представлен большой список городов. Альтернативой является сбор данных из социальных сетей для построения графов социальных взаимоотношений и получения оценок бриджингового и бондингового социального капитала в зависимости от структуры сети [Wachs, Yasseri, Lengyel, Kertész, 2019]. Таким методом на данных для Венгрии, используя модулярность графа, т.е. меру концентрации социальных связей, для оценки бондингового социального капитала, было установлено, что бондинговый социальный капитал положительно коррелирует с риском коррупции в городе. Напротив, бриджинговый социальный капитал, оценивающий связи между группами, снижает риск коррупции [Там же]. Кроме того, модулярность графа отрицательно связана с ростом экономической активности для муниципалитетов Нидерландов, а географическое разнообразие социального графа — положительно [Norbutas, Corten, 2018]. Таким образом, использование данных онлайн социальных сетей может быть очень перспективным для оценки социального капитала и других переменных. Кроме того, в России существуют собственные онлайн-сети, в которых отсутствуют жёсткие ограничения на выгрузку данных в отличие от некоторых зарубежных аналогов [Bruns, 2019], что даёт исследователям дополнительные возможности.

Существует большое число работ, показывающих влияние географии и исторических событий на формирование институтов и на социальный капитал. Было обнаружено, что межстрановые различия в уровнях доверия относительно стабильны [Bergh, Bjørnskov, 2011]. В одной известной работе авторы показывают причинно-следственную связь между межличностным доверием и интенсивностью торговли рабами, инструментированную расстоянием до берега океана [Nunn, Wantchekon, 2011]. В другой работе продемонстрировано, что в странах, ранее бывших частью СССР, уровень доверия ниже в населённых пунктах, рядом с которыми располагались трудовые лагеря [Nikolova, Popova, Otrachshenko, 2022]. Наконец, климат, обуславливающий более высокий уровень смертности среди колонистов в Южной Америке по сравнению с Северной, повлиял на формирование эффективных институтов [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001]. Все эти исследования показывают, что социальный капитал может формироваться под влиянием исторических событий, а также географии.

Кроме этого, существуют феномены, которые способны не только влиять на формирование институтов, но и поддерживать их. Так, практика использования личных связей для получения услуг во времена СССР — блат — повлияла на возможности привлечения бизнесом денег, а также на его взаимодействие с государством [Леденева, 1997]. Но, если изначально блат помогал ускорить работу формальных процедур (или вообще обойти их), то при переходе к рыночной экономике он стал приводить преимущественно к коррупции. Заметим, что существует и спрос на блат, т.е. при росте эффективности использования связей для получения выгоды становится более ценным сохранение закрытой сети. В работе [Miladinović, 2012] авторы пишут о позитивных эффектах бондингового социального капитала для агента, достигаемых за счёт эксклюзивного доступа к ресурсам. Спрос на сохранение членства в закрытой группе будет зависеть от разницы в полезности контактов внутри группы и возможностях, которые доступны при выходе из неё (при условии что возможен свободный переход между группами) [Барсукова, 2001]. Если блат более распространён при взаимодействии с государственным аппаратом, то более высокий спрос на блат должен возникать в городах, где у чиновников больше административных

возможностей — в административных центрах. Столицы субъектов Федерации должны сильно отличаться от других городов региона, вдобавок необходимо учитывать различия и между регионами [Каганский, 2012].

Методы

Индекс фрагментации оценивает склонность точек (участников группы, отображаемой графом) к объединению в закрытые группы (сообщества), где большинство связей соединяет точки внутри этих сообществ, а не между сообществами. Высокий индекс означает, что общество разделяется на закрытые сообщества с сильными внутренними связями между их членами. Иными словами, речь идёт о наличии высокого уровня бондингового социального капитала внутри таких сообществ [Miladinović, 2012]. Или, если рассуждать от обратного, для того чтобы в обществе был высокий бондинговый социальный капитал, сети должны формироваться так, чтобы получались закрытые гомогенные группы. При этом сообщества формируются таким образом, что наибольшая часть связей для каждой точки в графе возникает между членами одного сообщества.

Для расчёта принадлежности точки к сообществу использовался Лувенский алгоритм [Blondel, Guillaume, Lambiotte, Lefebvre, 2008]. Исследования сетевой науки обнаружили, что агенты, у которых есть какое-то общее свойство, чаще имеют связь друг с другом (свойство гомофилии — однородности) [Currarini, Jackson, Pin, 2009]. Таким образом, можно предположить, что члены одного сообщества обладают общими свойствами, а высокий уровень фрагментации означает наличие сильного неслучайного отбора при формировании связей. Другими словами, сеть будет более фрагментированной, если существуют высокие ограничения на формирование новых связей между членами разных групп (сообществ).

Индекс фрагментации:

$$F_s = \frac{Q(S)}{Q_{\max}(S)}, \quad (1)$$

где $Q(S)$ — фактическое значение модулярности графа для города (S). $Q_{\max}(S)$ — теоретический максимум значения модулярности гипотетического графа, если все рёбра были бы только между членами сообщества. Использование индекса фрагментации вместо индекса модулярности обусловлено тем, что расчёт индекса модулярности зависит от числа точек в графе [Sah et al., 2017].

$$Q_s = \sum_{k=1}^K \left(\frac{L_k^w}{L} - \left(\frac{L_k}{L} \right)^2 \right), \quad (2)$$

где L — число рёбер в сети, L_k — число рёбер, смежных с членами сообщества k , а L_k^w — число рёбер внутри сообщества k .

$$Q_{\max}(S) = \sum_{k=1}^K \left(\frac{L_k^w}{L} - \left(\frac{L_k}{L} \right)^2 \right), \quad (3)$$

Методология построения индекса заимствовалась у [Sah, Leu, Cross, Hudson, 2017; Wachs, Yasseri, Lengyel, Kertész, 2019].

Гипотеза 1. Существует положительная связь между бондинговым социальным капиталом, выраженным в индексе фрагментации сети, и уровнем экономического неравенства в городе.

Положительная корреляция объясняется несколькими факторами. Во-первых, сетевые эффекты влияют на структуру спроса на образование и на рынок труда. Если причастность к сообществу связана с гомофилией (социальной однородностью — наличием общих качеств у членов сообщества), то высокая фрагментация будет приводить к конвергенции спроса на образование между такими группами. То есть социальные группы с высоким образованием будут общаться с образованными людьми, а необразованные — с необразованными. Вследствие чего, разрыв в спросе на образование между социальными группами будет увеличиваться.

Кроме того, бондинговый социальный капитал может приводить к меньшей эффективности рынка труда. С одной стороны, группировка социальных отношений приводит к неэффективности трудоустройства через знакомых, так как агенты лучше осведомлены о предложении и спросе на рынке труда внутри, чем о ситуации за пределами сообщества [Granovetter, 1973; Hellerstein, Neumark, 2020]. С другой стороны, те факторы, которые приводят к формированию фрагментированной сети (например, высокое доверие знакомым и недоверие незнакомцам) сами по себе могут влиять на возможности найма сотрудников вне сообщества [Fukuyama, 1995].

Рассмотрим случай, когда на рынке труда существуют два вида работников — высококвалифицированные и низкоквалифицированные, при этом большинство работников обладает низкой квалификацией. Высокая фрагментированность сети делает распространение информации по графу менее эффективным [Peng, Nematzadeh, Romero, Ferrara, 2020; Romano et al., 2018], т.е. эффективность рынка труда падает. В такой сети работодателю сложнее найти работника с высокой квалификацией, чем в менее фрагментированной сети. Таким образом, высококвалифицированные сотрудники должны получать премию, для того чтобы они не меняли работу (ведь в таком случае работодателю будет сложно найти замену). И наоборот, низкоквалифицированные сотрудники через знакомых смогут получить меньше предложений, а значит будут получать меньшую заработную плату, так как переговорная сила выше у нанимателя. Таким образом, в городах с фрагментированной сетью контактов, вероятно, выше уровень экономического неравенства, а значит, выше средняя зарплата и одновременно больше доля населения, которая находится за чертой бедности.

Гипотеза 2. Существует положительная связь между бондинговым социальным капиталом, выраженным в индексе фрагментации сети, и долей населения, которая находится за чертой бедности.

Гипотеза 3. Существует положительная связь между бондинговым социальным капиталом, выраженным в индексе фрагментации сети, и средней заработной платой в городе.

Из гипотезы 1 следуют гипотезы 2 и 3. Если бондинговый социальный капитал приводит к конвергенции спроса на высшее образование внутри социальной группы и неэффективности рынка труда, то индивиды без образования не смогут найти хорошую работу, из-за чего возникают риски бедности. Кроме того, сотрудников с высокой квалификацией будет сложнее найти работодателю, а значит, им придётся выплачивать более высокую зарплату.

Гипотезы, объясняющие различия в уровне бондингового социального капитала, не выдвинуты. Увеличение бондингового социального капитала, вероятно, связано с богатством. Сохранение этого института может быть вызвано административным устройством России. Близость к административным центрам может позволять агентам получать преференции за счёт связей. При этом выгода от таких связей выше, если социальные связи эксклюзивны, а количество ресурсов больше. Всё это связывает расстояние от административных центров, фрагментацию сетей и неравенство через функционирование института блага.

Гипотеза 4. Расстояние от Москвы квадратически объясняет различия в фрагментированности сети, при этом зависимости для административных центров и других городов — разные.

Модель центр-периферия [Каганский, 2012] предсказывает различия в социальном капитале между административными центрами и другими городами, а также говорит о существовании внутренней периферии — территорий, которые не получали должных инвестиций из-за высокой централизации ресурсов внутри административных единиц. При этом города, которые экономически или социально связаны с административными центрами (и в особенности с Москвой как главным административным центром России), будут одновременно иметь более высокий уровень фрагментации и более сильные социальные связи внутри сообществ. Кроме того, в административных центрах должен быть выше спрос на блат из-за возможностей получения доступа к административному ресурсу. Помимо отмеченного, в таких городах должно быть выше неравенство — так как не всем агентам в одинаковой степени доступны ресурсы.

Данные

В данном исследовании используются два источника данных. Во-первых, для измерения уровня неравенства и социально-экономических показателей использовались данные ВЭБ РФ из проекта «Индекс качества жизни в городах России»². В датасет включена информация о 218 крупных городах России, собранная из различных официальных источников, данных опросов и прочих открытых данных. В рамках исследования используются данные 2023 г., или последние доступные данные, если нет информации для 2023 г. При этом использовались только те города из выборки, для которых есть данные по всем переменным. Дополнительно, применялись данные Росстата 2022 г. как источник информации о выпуске по секторам экономики на региональном уровне³. Численность населения и географические координаты населённых пунктов взяты из базы данных «Населённые пункты России: численность населения и географические координаты»⁴. Для получения оценок социального капитала использовались данные о структуре дружественных сетей из «ВКонтакте» с помощью VKApi⁵. Были выгружены данные для 450 городов России для 2023 г. Использование информации из онлайн-сетей также имеет свои ограничения: часть городов была исключена, если отношение размера графа (число выгруженных аккаунтов «ВКонтакте») к численности населения было маленьким. Это сделано для того, чтобы сэмплы графов имели наименьшее смещение [Kurant, Markopoulou, Thiran, 2011]. Таким образом, после совмещения различных источников информации были получены две базы данных с 120 наблюдениями (отсечение в 10% населения) и 135 наблюдениями (отсечение в 5% населения). Для простоты будем называть их ограниченной и полной выборки, соответственно.

Алгоритм сбора данных из «ВКонтакте»

«ВКонтакте» — крупнейшая онлайн социальная сеть в России и странах СНГ, пятый по месячному охвату сайт в России. В сеть «ВКонтакте» как минимум один раз в месяц заходит 74,4% населения России в возрасте от 12 лет⁶. Пользователи «ВКонтакте» могут общаться друг с другом, добавлять аккаунты в список контактов (добавлять в друзья),

² Индекс качества жизни. ВЭБ РФ URL: <https://citylifeindex.ru/methodology> (дата обращения: 11 мая 2024)

³ Регионы России социально-экономические показатели 2023 г. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения 11 мая 2024 г.).

⁴ Инфраструктура научно-исследовательских данных, Населённые пункты России: численность населения и географические координаты 2021 / Росстат: Минздрав РФ. URL: <http://data.rcsi.science/data-catalog/datasets/160/> (дата обращения 8 апреля 2024 г.).

⁵ VK developer API instruments overview. URL: <https://dev.vk.com/en/guide> (дата обращения 11 марта 2024 г.).

⁶ Mediascope, Cross Web, число пользователей онлайн ресурсов, март 2024 URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения 9 апреля 2024 г.).

чтобы следить за публикациями друг друга. Все это создаёт сети общения или в более широком смысле сети знакомства, которые можно исследовать.

Получение выборки из социальной сети «ВКонтакте»

Сбор данных из «ВКонтакте» осуществлялся методом выбора определённого числа случайных аккаунтов и расширения сети вширь на два уровня (друзей и друзей их друзей). Для каждого города было взято 18 случайных аккаунтов, для которых были получены сети друзей и друзей их друзей. После этого полученные сети были объединены в единую сеть для каждого города.

При выборе аккаунтов мы учитывали демографические характеристики, чтобы сделать полученный граф для города более разнообразным. То есть чтобы граф пользователей «ВКонтакте» стал более похож на генеральную совокупность жителей России. Мы создали три возрастные группы разделив промежуток от 18 до 65 лет на три. Мы также учитывали пол, указанный пользователем. Таким образом, мы получали 6 аккаунтов, двух полов и трех возрастных групп. Мы также отправляли запросы для каждой из категорий три раза, чтобы увеличить размер графа. Из-за этого общее число аккаунтов на город составило 18. Надо отметить, что мы остановились на 18 аккаунтах, так как при предварительном анализе обнаружили, что при итерационном объединении графов и получении оценок для полученного графа, увеличение графа не приводило к изменению индекса фрагментации после объединения сетей из девяти аккаунтов. Мы также обнаружили, что для части городов добавление нового аккаунта не приводило к изменению графа, так как этот аккаунт уже был включён в сеть. Таким образом, число аккаунтов было выбрано из-за ограничений во времени отправки запросов, при падении информационной ценности от каждого нового добавленного аккаунта.

Заметим, что одинаковое число аккаунтов для каждого города вводило ограничения, так как размеры городов отличаются. Поэтому пришлось исключать города со слишком маленькой долей собранного графа, чтобы уменьшить риск потенциального смещения.

Основные переменные

Основной объясняющей переменной в данном исследовании является индекс фрагментации. Зависимые переменные — индикаторы уровня неравенства и уровня бедности, а также средние зарплаты в городе. Информация о переменных представлена в таблицах с описательной статистикой (табл. 1).

При логарифмировании переменных была добавлена единица, для того чтобы избежать пропусков наблюдений в нуле.

Для оценки неравенства используется индекс Джини по показателю располагаемых доходов. Для оценки бедности используются доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте, и доля жителей, уровень располагаемых доходов которых не превышает 60% от общестранового медианного уровня. Наконец, для оценки средних заработных плат используется натуральный логарифм средней реальной заработной платы.

В выборку городов не включены Москва и Санкт-Петербург, так как они являются слишком крупными и сильно отличаются от других населённых пунктов России. Кроме этого, в проекте ВЭБ РФ отсутствовали данные для этих городов, а сбор данных для графов пользователей из этих городов более сложен и требует большего числа запросов.

Результаты

Данный раздел состоит из двух частей. В первом блоке будут рассмотрены зависимости между социальным капиталом и уровнем неравенства в городе, измеренном с помощью индекса Джини по показателю располагаемых доходов, а также переменными, которые связаны с экономическим неравенством для того, чтобы проверить робастность результатов.

Таблица 1
Описательная статистика

Основные переменные	Год	Источник	Ограниченная выборка			Общая выборка		
			N	среднее	ст. откл.	N	среднее	ст. откл.
Натуральный логарифм индекса фрагментации	2023	Расчёт автора, данные сетей выгружены из социальной сети «ВКонтакте»	120	0,344	0,049	135	0,344	0,049
Административный Центр региона, дамми	—	—	120	0,492	0,502	135	0,489	0,502
Индекс Джини по показателю располагаемых доходов	2022	Транзакционные данные, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	0,441	0,026	135	0,444	0,029
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте	2022	Транзакционные данные, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	10,02	2,42	135	10,01	2,33
Доля жителей, уровень располагаемых доходов которых не превышает 60% от медианного уровня располагаемых доходов в стране	2022	Транзакционные данные, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	28,58	2,96	135	28,81	3,01
Натуральный логарифм средней реальной заработной платы	2022	Транзакционные данные, Росстат, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	10,61	0,12	135	10,62	0,12
Отношение числа точек в графе к численности населения на 2020 г.	—	Расчёт автора	120	0,223	0,085	135	0,207	0,093
Натуральный логарифм численности населения города	2020	Росстат, Министерство здравоохранения Российской Федерации, Населённые пункты России: численность населения и географические координаты	120	12,51	0,74	135	12,54	0,74
Натуральный логарифм расстояния от Москвы	2021	Геолокационные данные, Населённые пункты России: численность населения и географические координаты	120	13,95	1,0	135	13,79	1,24

Основные переменные	Год	Источник	Ограниченная выборка			Общая выборка		
			N	среднее	ст. откл.	N	среднее	ст. откл.
Прочие контрольные переменные								
Процент респондентов, которые сильно доверяют друзьям и семье	2023	Опрос, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	85,3	3,2	135	85,4	3,2
Натуральный логарифм реальных располагаемых доходов	2022	Трансакционные данные, Росстат, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	10,84	0,08	135	10,84	0,08
Количество крупных компаний города из топ-10 компаний по выручке, имеющих программы социальной ответственности	2021	Публичная информация с сайтов компаний, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	5,3	2,3	135	5,4	2,4
Количество преступлений, зарегистрированных в отчётном периоде на 100 тыс. человек	2022	МВД, Росстат, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	1453,5	293,0	135	1424,7	299,5
Количество волонтеров из города, зарегистрированных на официальном портале Добро.ру на 10 тыс. человек	2023	Добро.ру, Муниципальная статистика, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	225,3	111,5	135	221,2	112,2
Доля затрат на продукты питания	2022	Трансакционные данные, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	17,6	5,2	135	17,6	5,1
Доля жителей в возрасте от 25 до 64 лет, имеющих высшее образование	2023	Опрос, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	47,1	6,3	135	47,7	6,7
Доля ВРП в обрабатывающих производствах	2022	Росстат	120	18,20	10,75	135	18,38	10,65
Доля ВРП в добыче полезных ископаемых	2022	Росстат	120	14,40	20,86	135	13,74	20,80
Доля респондентов, которые доверяют жителям города (межличностное доверие)	2023	Опрос, Индекс качества жизни. ВЭБ РФ	120	15,3	3,7	135	15,4	3,7
Дамми переменная для городов, находящихся в регионах или на территориях, которые считаются территориями крайнего севера или приравненных к ним	2023	Росстат	120	0,067	0,25	135	0,059	0,24

Источник: расчёты автора.

Во втором блоке будет показано наличие влияния расстояния от Москвы на уровень экономического неравенства и уровень фрагментации сети. При этом демонстрируется, что для фрагментации существует зависимость, отличная для городов — административных центров и прочих городов. То есть города, которые являются административными центрами, не только отличаются по уровню фрагментации, но и имеют другое географическое распределение, что связывает данные результаты с моделью центра-периферии [Каганский, 2012].

Табл. 2 показывает связь между индексом фрагментации и уровнем неравенства, измеренным с помощью индекса Джини для располагаемых доходов. Мы видим, что индекс фрагментации положительно коррелирован с индексом Джини для обеих выборок. При этом при увеличении уровня отсечения (что уменьшает смещение графа) значимость результата увеличивается вместе с ростом значения оценки для переменной.

Таблица 2

Регрессионная модель с уровнем неравенства как зависимой переменной

Показатели	Индекс Джини по показателю располагаемых доходов	
	(1) общая	(2) ограниченная
Натуральный логарифм индекса фрагментации	0,158** (0,051)	0,158*** (0,043)
Административный центр	-0,002 (0,005)	0,003 (0,005)
Натуральный логарифм численности населения города	-0,015*** (0,004)	-0,012*** (0,003)
Доля жителей в возрасте от 25 до 64 лет, имеющих высшее образование	0,002*** (0,0004)	0,001*** (0,0004)
N	135	120
R ²	0,346	0,312
Максимальный VIF	1,794	1,913

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Контрольные переменные включают процент респондентов, которые сильно доверяют друзьям и семье, долю респондентов, которые доверяют жителям города, уровень преступности на 100 тысяч человек, траты на еду, дамми переменную для городов, находящихся в регионах, которые считаются территориями крайнего севера, натуральный логарифм реальных располагаемых доходов. Робастные стандартные ошибки кластеризованы по регионам.

Оценки представлены для нестандартизированных коэффициентов, стандартные ошибки в скобках. Представлено максимальное значение VIF среди регрессоров.

Источник: расчёты автора.

В табл. 3 представлены зависимости между индексом фрагментации и переменными, которые показывают долю населения города с низкими доходами относительно доходов по стране и относительно прожиточного минимума, установленного для региона.

На основе результатов мы можем сделать вывод о наличии связи между фрагментацией и уровнем бедности в городе. Вероятно, это происходит из-за того, что неквалифицированные работники при поиске работы через знакомых находят меньше вариантов возможного трудоустройства. Из-за этого у них меньшая переговорная сила, и в результате получают более низкий уровень заработной платы [Hellerstein, Neumark, 2020]. Высокий уровень бедности также связан с более высоким уровнем неравенства, который мы обнаружили в табл. 2.

Таблица 3

Регрессионная модель с уровнем бедности как зависимой переменной

Показатели	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте		Доля жителей, уровень располагаемых доходов которых не превышает 60% от общестранового медианного уровня располагаемых доходов	
	(3) общая	(4) ограниченная	(5) общая	(6) ограниченная
Натуральный логарифм индекса фрагментации	10,414** (3,257)	11,723** (3,812)	12,882** (4,571)	9,904* (4,979)
Административный центр	1,659** (0,608)	2,075** (0,640)	-0,476 (0,521)	-0,005 (0,558)
Натуральный логарифм численности населения города	-1.508*** (0.450)	-1.643*** (0.443)	-0.109 (0.403)	0.174 (0.408)
Доля жителей в возрасте от 25 до 64 лет, имеющих высшее образование	0.075*** (0.020)	0.059* (0.025)	0.092** (0.033)	0.044 (0.033)
N	135	120	135	120
R ²	0,329	0,381	0,429	0,417
Максимальный VIF	1,794	1,913	1,794	1,913

Замечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Контрольные переменные включают процент респондентов, которые сильно доверяют друзьям и семье, долю респондентов, которые доверяют жителям города, уровень преступности на 100 тысяч человек, траты на еду, дамми переменную для городов, находящихся в регионах, которые считаются территориями крайнего севера, натуральный логарифм реальных располагаемых доходов. Робастные стандартные ошибки кластеризованы по регионам.

Оценки представлены для нестандартизированных коэффициентов, стандартные ошибки в скобках. Представлено максимальное значение VIF среди регрессоров.

Источник: расчёты автора.

Табл. 4 показывает, что уровень фрагментации может быть положительно связан со средней заработной платой в городе. Результат становится значимым после включения в модель данных о структуре выпуска на уровне региона. Мы не можем говорить о робастности полученных результатов для зависимости с индексом фрагментации. Для получения каких-либо однозначных выводов о влиянии фрагментации сети на эффективность рынка труда в городах России стоит использовать другие данные. Особенно важной может быть информация о структуре рабочей силы на уровне города. Данные же индекса качества жизни ВЭБ РФ имеют много пропусков, так как собирались из различных источников и не включают такой информации.

Дополнительно, для того чтобы показать наличие зависимости между уровнем фрагментации и неравенством, можно проверить, как уровень фрагментации связан с уровнем преступности, так как рост неравенства в научной литературе нередко ассоциируется с ростом преступности [To, Wiwad, Kouchaki, 2023].

Табл. 5 также показывает наличие положительной связи между уровнем фрагментации и уровнем преступности на одной из моделей. То есть результат не является робастным. Вероятно, существует какая-то связь с отдельными видами преступлений, но не с уровнем преступности в целом. Например, риск коррупции выше [Wachs, Yasseri, Lengyel,

Kertész, 2019] в городах с более высоким уровнем фрагментации сетей. То есть фрагментация может приводить к созданию организованной преступности через высокое доверие знакомым. Однако насилие в России чаще происходит в городах, которые не являются административными центрами, и может быть не связано с организованной преступностью [Щур, Тимонин, 2020]. При этом уровень фрагментации выше в городах, которые являются административными центрами, что будет продемонстрировано дальше. То есть для того, чтобы сделать вывод о наличии зависимости между фрагментацией и уровнем преступности необходимо использовать другие данные. В частности, для анализа уровня преступности с разделением на отдельные виды преступлений.

Таблица 4

Регрессионная модель со средней зарплатой как зависимой переменной

Показатели	Натуральный логарифм средней реальной заработной платы			
	(7) общая	(8) ограниченная	(9) общая	(10) ограниченная
Натуральный логарифм индекса фрагментации	0,274 (0,202)	0,259 (0,204)	0,376* (0,190)	0,281 (0,195)
Административный центр	–0,052* (0,023)	–0,038 (0,025)	–0,038* (0,017)	–0,023 (0,018)
Натуральный логарифм численности населения города	–0,012 (0,018)	–0,002 (0,018)	–0,021 (0,015)	–0,004 (0,015)
Доля жителей в возрасте от 25 до 64 лет, имеющих высшее образование	0,004* (0,002)	0,001 (0,002)	0,005*** (0,001)	0,002* (0,001)
Доля ВРП в обрабатывающих производствах	—	—	0,003* (0,001)	0,002* (0,001)
Доля ВРП в добыче полезных ископаемых	—	—	0,004*** (0,0004)	0,004*** (0,0004)
N	135	120	135	120
R ²	0,156	0,144	0,465	0,499
Максимальный VIF	1,794	1,913	1,909	2,038

Замечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Контрольные переменные включают процент респондентов, которые сильно доверяют друзьям и семье, долю респондентов, которые доверяют жителям города, уровень преступности на 100 тысяч человек, траты на еду, дамми переменную для городов, находящихся в регионах, которые считаются территориями крайнего севера, натуральный логарифм реальных располагаемых доходов. Робастные стандартные ошибки кластеризованы по регионам.

Оценки представлены для нестандартизированных коэффициентов, стандартные ошибки в скобках. Представлено максимальное значение VIF среди регрессоров.

Источник: расчёты автора.

Таблица 5

Регрессионная модель с уровнем преступности как зависимой переменной

Показатели	Уровень преступности на 100 тыс. человек (только общая выборка)			
	(11)	(12)	(13)	(14)
Административный центр	—	121,99* (50,55)	135,32* (65,66)	129,70* (64,25)
Натуральный логарифм численности населения города	—	—	–25,46 (48,72)	–25,49 (48,94)
Натуральный логарифм индекса фрагментации	920,09* (442,54)	680,77 (464,63)	813,91 (482,39)	677,83 (471,43)
Доля жителей в возрасте от 25 до 64 лет, имеющих высшее образование	–13,88*** (3,78)	–15,68*** (3,47)	–15,41*** (3,48)	–15,46*** (3,50)
N	135	135	135	135
R ²	0,089	0,126	0,129	0,218
Максимальный VIF	1,125	1,168	1,560	1,788
Контрольные переменные	—	—	—	+

Замечание: *p < 0,05, **p < 0,01, ***p < 0,001

Контрольные переменные включают процент респондентов, которые сильно доверяют друзьям и семье, долю респондентов, которые доверяют жителям города, траты на еду, дамми переменную для городов, находящихся в регионах, которые считаются территориями крайнего севера, натуральный логарифм реальных располагаемых доходов. Робастные стандартные ошибки кластеризованы по регионам.

Оценки представлены для нестандартизированных коэффициентов, стандартные ошибки в скобках. Представлено максимальное значение VIF среди регрессоров.

Источник: расчёты автора.

Фрагментация сети и неравенство. Что на что влияет?

Мы предполагаем наличие двусторонней зависимости между фрагментацией сети, которая описывает бондинговый социальный капитал, и экономическим неравенством. Общество, разделённое на закрытые группы, будет иметь высокое значение индекса фрагментации. И в таком обществе будет ограничено движение информации, что влияет на сетевые эффекты, а это, в свою очередь, приводит к росту неравенства. Высокое неравенство может приводить к росту бондингового социального капитала при условии, что сообщества гомогенны по социально-экономическим характеристикам.

При увеличении неравенства снижается разнообразие социальных контактов, поскольку увеличиваются различия между агентами. При этом число потенциальных связей уменьшается, так как число людей со схожими доходами, образованием и другими характеристиками, по которым происходят контакты, падает с ростом доходов. Таким образом, вероятность наличия социальных связей внутри одной социальной группы увеличивается с падением разнообразия контактов. Наконец, высокое неравенство вызывает рост приемлемости асоциального, т.е. оппортунистического, поведения [To, Wiwad, Kouchaki, 2023], что также влияет на сети общения и формирование фрагментации, а значит, ведёт к росту бондингового социального капитала. При этом распространение асоциального поведения может не приводить к росту преступности. Во-первых, не всё асоциальное поведение преступно, но оно неизбежно подрывает доверие, так как нарушает этические нормы

общества [Gino, 2015]. Во-вторых, даже если индивид считает приемлемым совершение преступления, он может не идти на него из-за разницы между ожидаемыми издержками в случае поимки и ожидаемой потенциальной выгодой в случае успеха [Becker, 1968].

Вероятно, рост фрагментации и неравенства связан с сохранением института блата, который увеличивает важность социальных связей для экономической деятельности. При этом ценность сохранения связей должна зависеть от потенциальной ренты, которую приносят контакты. Таким образом, административные центры должны иметь более высокий уровень неравенства и фрагментации. При этом Москва за счёт своего размера и административного статуса может влиять на неравенство и фрагментацию сетей в городах вокруг. Также расстояние от административного центра способно ограничивать возможности развития в отдельных городах [Каганский, 2012]. Для проверки выдвинутых гипотез мы проанализируем, как расстояние от Москвы (Центра) описывает различия в уровнях неравенства и фрагментации сетей городов России. А также протестируем, существуют ли значимые отличия административных центров от других городов.

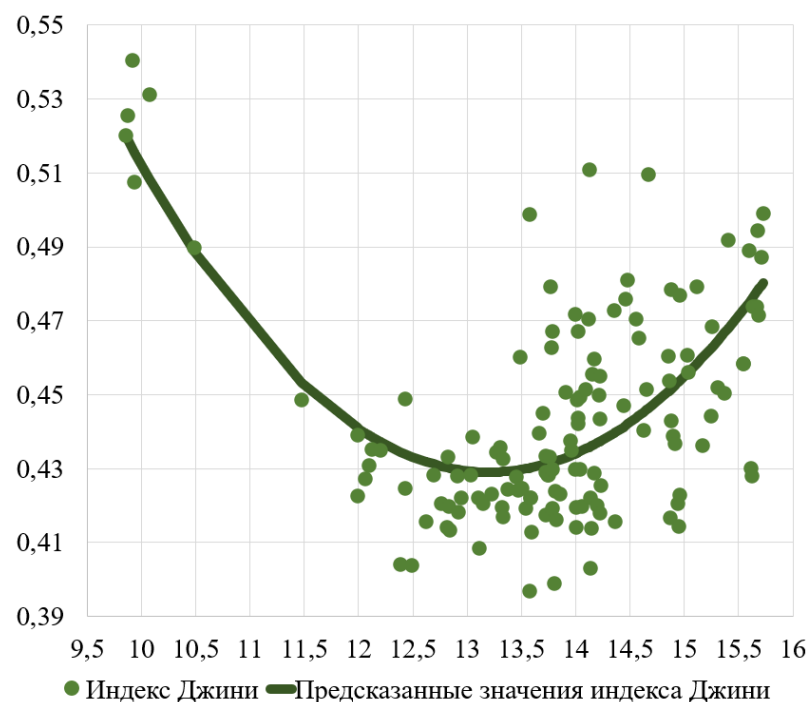

Рис 1. Зависимость между натуральным логарифмом расстояния (в метрах) от Центра и индексом Джини
Источник: расчёты автора

На рис. 1 показана зависимость между логарифмом расстояния от центра Москвы и индексом Джини. Мы видим, что наивысший уровень неравенства обнаружен в городах, расположенных возле Москвы (натуральный логарифм 150 километров — 11,91), при этом также внутри Центральной России мы наблюдаем резкое падение неравенства с увеличением расстояния от Москвы, которое достигает минимума в 650 км от Москвы (минимум функции — 13,375). Затем неравенство снова начинает расти.

На данном графике мы видим две аномалии: очень высокий уровень неравенства в городах рядом с Москвой и относительно низкое неравенство в остальной Центральной России и в ближайших городах других федеральных округов. Попробуем объяснить полученные результаты.

Вполне вероятно, что высокий уровень неравенства в городах, расположенных рядом с Москвой, вызван возможностью работы в Москве, где есть возможность получения более высокой заработной платы [Карачурина, 2022]. Таким образом, если часть работников представлена на местном рынке труда, а другая часть — на московском, то

неравенство будет высоким из-за различий в заработных платах на разных рынках труда. При этом с увеличением расстояния возможности комьютинга исчезают.

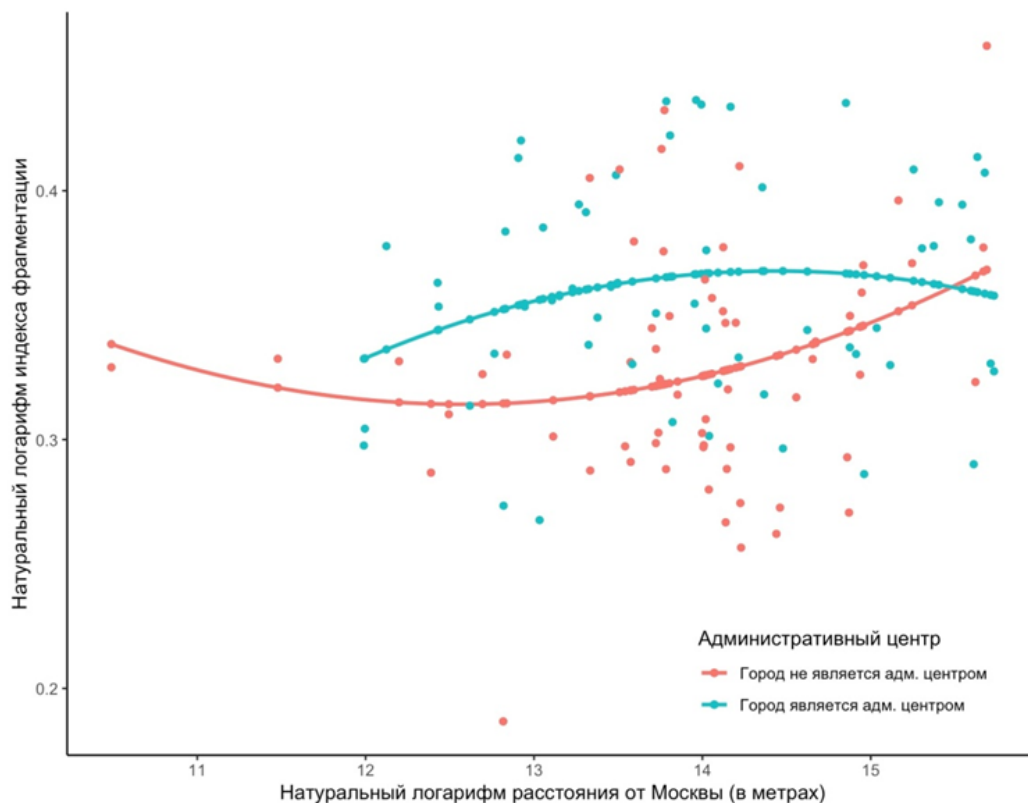

Рис. 2. Натуральный логарифм расстояния от Центра (в метрах) и уровень фрагментации

Источник: расчёты автора

На рис. 2 показана зависимость между логарифмом расстояния от Москвы и логарифмом индекса фрагментации с интеракцией с административными центрами. Можно заметить, что сеть более фрагментирована в городах, которые являются административными центрами. При этом можно выделить 3 группы городов с высоким уровнем фрагментации и одну группу с низким. Самый высокий уровень фрагментации у городов, которые находятся рядом с Москвой — Мытищи и Химки. Потом идут города Дальнего Востока, которые не являются столицами регионов — Находка и Уссурийск. И последняя группа городов, которые имеют самый высокий уровень фрагментации — столицы регионов, находящихся далеко от Москвы (1400-1700 км). К таким городам с самыми высокими значениями индекса фрагментации в выборке относятся Тюмень, Курган, Мурманск, Екатеринбург. Наименьший уровень фрагментации в городах, не являющихся столицами регионов — Дзержинск, Череповец, Рыбинск.

Табл. 6 показывает, что до введения контрольных переменных существуют квадратические зависимости между логарифмом расстояния от Москвы и уровнем фрагментации, индекса Джини. Заметим, что переменная интеракции с административным центром не является значимой для индекса Джинни, но значима для индекса фрагментации. Более того, после введения дополнительных переменных, таких как численность населения и доля рабочей силы с высшим образованием, результат остался значимым.

Полученные результаты иллюстрируют общие географические паттерны для неравенства и социального капитала, а конкретно — наименьший уровень неравенства и фрагментации в 650 км от Москвы и максимальные уровни в Московской области и на Дальнем Востоке. При этом также существуют различия, которые показывают важность административных центров для формирования социального капитала.

Таблица 6

Расстояние от Москвы, индекс фрагментации и индекс Джини

Показатели	Индекс Джини по показателю располагаемых доходов		Натуральный логарифм индекса фрагментации		
	(15)	(16)	(17)	(18)	(19)
Натуральный логарифм расстояния от Москвы (в метрах)	-0,214*** (0,016)	-0,203*** (0,026)	-0,079* (0,037)	-0,163** (0,057)	-0,159** (0,059)
Квадрат натурального логарифма расстояния от Москвы (в метрах)	0,008*** (0,001)	0,008*** (0,001)	0,003* (0,001)	0,006** (0,002)	0,006** (0,002)
Административный центр	—	-0,609 (0,334)	—	-2,705** (0,951)	-2,170** (0,830)
Натуральный логарифм численности населения	—	—	—	—	0,029** (0,005)
Доля населения с высшим образованием	—	—	—	—	0,001** (0,001)
Квадрат натурального логарифма расстояния от Москвы (в метрах) * административный центр	—	-0,003 (0,002)	—	-0,015** (0,005)	-0,012** (0,005)
Натуральный логарифм расстояния от Москвы (в метрах) * административный центр	—	0,083 (0,050)	—	0,403** (0,140)	0,319** (0,122)
N	135	135	135	135	135
R ²	0,481	0,498	0,027	0,147	0,348

Замечание: *p < 0,05, **p < 0,01, ***p < 0,001

Робастные стандартные ошибки кластеризированны по регионам

Оценки представлены для нестандартизированных коэффициентов, стандартные ошибки в скобках.

Источник: расчёты автора.

Выводы

В данной работе было показано, что индекс фрагментации социальных сетей, который показывает бондинговый социальный капитал, положительно коррелирован с экономическим неравенством, измеренным с помощью индекса Джини, уровнем бедности. Таким образом, можно говорить о зависимости между социальным капиталом и экономическим неравенством в России. Это соответствует прошлым исследованиям [Alesina, La Ferrara, 2000; Alesina, La Ferrara, 2002; Wright, 2015], показывающим зависимость между социальным капиталом и неравенством. Однако отличительной чертой данной работы является использование индекса фрагментации, который отражает бондинговый социальный капитал социальных сетей. Это важно по нескольким причинам. Во-первых, это новый и ранее не использовавшийся индикатор. Во-вторых, использование такой методологии позволяет рассматривать влияние отдельных частей социального капитала. При этом данные расчёты используют метрики, которые построены на основании структуры знакомств огромного числа людей, что позволяет на уровне города получать более точные оценки, чем использование опросных данных. Наконец, применение такой методологии сбора данных позволяет получать оценки с меньшими затратами и большей периодичностью, чем проведение опросов.

При целом ряде преимуществ избранной методологии у неё есть недостатки. Возможности сбора данных из онлайн социальных сетей ограничены числом пользователей сети и зависят от того, насколько репрезентативно онлайн сети представляют население. Маленькая доля выборки графа может приводить к смещению [Kurant, Markopoulou, Thiran, 2011]. Кроме того, полученный результат не позволяет сделать вывод о наличии причинно-следственной связи между социальным капиталом и неравенством. Можно предположить, что высокий бондинговый социальный капитал помогает поддерживать неравенство из-за перераспределения ресурсов внутри сообщества через найм знакомых [Леденева, 1997] или коррупцию [Wachs, Yasseri, Lengyel, Kertész, 2019]. При этом высокое неравенство может приводить к росту бондингового социального капитала, так как более уязвимые слои общества будут более склонны к асоциальному поведению, что ведёт к падению доверия и формированию закрытых сообществ [To, Wiwad, Kouchaki, 2023]. Таким образом, можно предположить обоюдную зависимость между неравенством и бондинговым социальным капиталом. Также остаётся неисследованной причина различий в уровне неравенства и социальном капитале городов России. Однако данное исследование указывает на географические различия, связанные с расстоянием от Москвы и важностью административных центров.

Заметим, что полученные результаты можно также интерпретировать как зависимости уровня неравенства и уровня фрагментации от уровня экономической активности и секторов экономики города. Действительно, стоит ожидать, что в городах с более высоким уровнем экономической активности больше численность населения, выше уровень образования, они с большей вероятностью будут являться административными центрами. В таких городах выше уровень фрагментации, за исключением городов Дальнего Востока, где административные центры имеют более низкий уровень фрагментации. Кроме того, в городах с более высоким уровнем экономической активности должно быть больше средних и крупных предприятий, по данным которых Росстат собирает статистику по зарплатам [Зубаревич, 2012]. Кроме того, в регионах может быть административно установлен разный прожиточный минимум. Если прожиточный минимум устанавливается выше, то при тех же доходах растёт доля людей за чертой бедности. Однако мы не можем объяснить таким образом другие результаты, а именно в таких городах больше доля населения, которая не только считается бедной относительно уровня, установленного в регионе, но и относительно медианных доходов по всей стране. Кроме того, мы не видим, чтобы зарплаты в фрагментированных городах были существенно выше, чем в городах с более низким бондинговым социальным капиталом. То есть нельзя сказать, что в фрагментированных городах устанавливается более высокий уровень минимальных доходов и одновременно при этом существенно выше зарплаты. Более того, уровень доходов относительно установленного минимума — ниже.

Таким образом, предложенное объяснение предполагает, что более высокий уровень экономической активности одновременно связан с ростом доходов, неравенства и бедности. Скорее мы можем говорить о неравномерности распределения доходов из-за различий в эффективности секторов экономики, в том числе из-за наличия барьеров или неэффективности распространения информации из-за бондингового социального капитала.

Уровень фрагментации связан с неравенством, и это может неблагоприятно влиять на рынок труда, из-за чего страдают наименее обеспеченные слои населения, которые чаще находят работу среди знакомых и сильнее привязаны к локальному рынку труда [Hellerstein, Neumark, 2020]. Однако данные результаты требуют отдельного более глубокого рассмотрения, чтобы понять, какие в данном случае действуют механизмы и проверить причинно-следственную связь. Для того чтобы протестировать возможное влияние социального капитала на рынок труда и спрос на образование, нужны другие данные. Например, на индивидуальном уровне данные, которые бы оценивали положение конкретного агента в сети и его предпочтения. Также, вероятно, и наличие обратной связи, когда высокое неравенство приводит к падению доверия из-за роста асоциального поведения [To, Wiwad, Kouchaki, 2023], а также к увеличению фрагментации сети, т.е. росту бондингового социального капитала.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Барсукова С. (2001). Вынужденное доверие сетевого мира [Barsukova S. (2001). Forced trust in the online world] // *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 52–60.
- Белобородов В. (2020). Проблема регионального неравенства в России: причины и пути решения [Beloborodov V. (2020). The problem of regional inequality in Russia: causes and solutions] // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология*. № 4. С. 113–123. DOI: 10.31249/rsoc/2020.04.09
- Зубаревич Н. (2012). «Лукавые цифры» на карте Родины [Zubarevich N. (2012). «Cunning numbers» on the map of the Motherland] // *Всероссийский экономический журнал (ЭКО)*. № 4 (454). С. 74–85.
- Зубаревич Н. (2019). Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? [Zubarevich N. (2019). Inequality of regions and large cities of Russia what was changed in the 2010s] // *Общественные науки и современность*. №. 4. С. 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7
- Каганский В. (2012). Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России [Kagansky V. (2014). Inner Periphery — New Growing Zone of the Cultural Landscape of Russia] // *Известия Российской Академии наук. Серия географическая*. № 6. С. 23–3 DOI:10.15356/0373-2444-2012-6-23-344.
- Капелюшников Р. И. (2019). Экономическое неравенство — вселенское зло? [Kapeliushnikov R. (2019). Is economic inequality a universal evil?] // *Вопросы экономики*. № 4. С. 91–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-4-91-106
- Карачурина Л. Б. (2022). Урбанизация или субурбанизация определяет миграцию населения в Московской области? [Karachurina L. (2022). Urbanization and Suburbanization: Which One Determines Population Migration in Moscow Oblast?] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. Т. 67. № 2. С. 360–381. DOI:10.21638/spbu07.2022.208
- Леденева А. В. (1997). Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе [Ledeneva A. (1997). Personal connections and informal communities: transformation of cronyism in post-Soviet society] // *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 6. № 4. С. 89–106.
- Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. (2021). Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности [Mareeva S. Slobodenyuk E. (2021). Inequality in Russia compared to other countries: income, wealth, opportunities]: Аналит. докл. — М.: НИУ ВШЭ. DOI:10.17323/978-5-7598-2631-6.
- Щур А. Е., Тимонин С. А. (2020). Центр-периферийные различия продолжительности жизни в России: Региональный анализ [Shchur A. Timonin S. (2020). Center-peripheral differences in life expectancy in Russia: regional analysis] // *Демографическое обозрение*. Т. 7. № 3. С. 108–133.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2001). The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American economic review* Vol. 91. No. 5. Pp. 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369
- Agampodi T. C., Agampodi S. B., Glozier N., Siribaddana S. (2015). Measurement of social capital in relation to health in low and middle income countries (LMIC): A systematic review // *Social science & medicine*. Vol. 128. Pp. 95–104. DOI: 10.1016/j.socscimed.2015.01.005
- Alesina A., La Ferrara E. (2000). Participation in heterogeneous communities // *The quarterly journal of economics*. Vol. 115. No. 3. Pp. 847–904. DOI: 10.1162/003355300554935
- Alesina A., La Ferrara E. (2002). Who trusts others? // *Journal of public economics*. Vol. 85. No. 2. Pp. 207–234. DOI: 10.1016/S0047-2727(01)00084-6
- Algan Y. (2018). Trust and social capital // *For good measure: Advancing research on well-being metrics beyond GDP*. Pp. 283–320. DOI: /10.1787/888933840019
- Becker G. S. (1968). Crime and Punishment: An Economic Approach // *Journal of political economy*. Vol. 76. No. 2 Pp. 169–217. DOI: 10.1086/259394
- Bergh A., Bjørnskov C. (2011). Historical Trust Levels Predict the Current Size of the Welfare State // *Kyklos*. Vol. 64. No. 1. Pp. 1–19. DOI: 10.1111/j.1467-6435.2010.00492.x
- Blondel V. D., Guillaume J. L., Lambiotte R., Lefebvre E. (2008). Fast unfolding of communities in large networks // *Journal of statistical mechanics: theory and experiment*. Vol. 2008. No. 10. Pp. P10008. DOI: 10.1088/1742-5468/2008/10/P10008
- Bourdieu P. (2006). Le capital social. Notes provisoires // *Bourdieu P. Le capital social. — Paris*: Pp. 29–34. DOI: 10.3917/dec.bevor.2006.01.0029
- Bruns A. (2019). After the «APICalypse»: social media platforms and their fight against critical scholarly research // *Information, Communication & Society*. Vol. 22. No. 11. Pp. 1544–1566. DOI: 10.1080/1369118X.2019.1637447
- Chantarat S., Barrett C. B. (2012). Social network capital, economic mobility and poverty traps // *The Journal of Economic Inequality*. Vol. 10. No. 3. Pp. 299–342. DOI: 10.1007/s10888-011-9164-5
- Coleman J. S. (1988). Social capital in the creation of human capital // *American journal of sociology*. Vol. 94. Pp. 95–120.
- Currarini S., Jackson M. O., Pin P. (2009). An economic model of friendship: Homophily, minorities, and segregation // *Econometrica*. Vol. 77. No. 4. Pp. 1003–1045. DOI: 10.3982/ECTA7528.
- Freeman R. B., Gelber A. M. (2006). *Optimal inequality/optimal incentives: Evidence from a tournament* // NBER Working Paper Series No. w12588.
- Fukuyama F. (1995). Social capital and the global economy // *Foreign Affairs*. Vol. 74. Pp. 89. DOI: 10.2307/20047302

- Galor O. (2009). *Inequality and economic development: An overview* // Working Paper. No. 3. Providence RI: Brown University.
- Gino F. (2015). Understanding ordinary unethical behavior: why people who value morality act immorally // *Current opinion in behavioral sciences*. Vol. 3. Pp. 107–111. DOI: 10.1016/j.cobeha.2015.03.001
- Granovetter M. S. (1973). The Strength of Weak Ties // *American journal of sociology*. Vol. 78. No. 6. Pp. 1360–1380. DOI: 10.1086/225469
- Growiec K., Growiec J., Kamiński B. (2018). Social network structure and the trade-off between social utility and economic performance // *Social Networks* Vol. 55. Pp. 31–46. DOI: 10.1016/j.socnet.2018.05.002
- Hellerstein J. K., Neumark D. (2020). Social Capital, Networks, and Economic Wellbeing // *The Future of Children*. Vol. 30. No. 1. Pp. 127–152. DOI: 10.2139/ssrn.3636642
- Kurant M., Markopoulou A., Thiran P. (2011). Towards Unbiased BFS Sampling // *IEEE Journal on Selected Areas in Communications*. Vol. 29. No. 9. Pp. 1799–1809. DOI: 10.1109/JSAC.2011.1111005
- Mogues T., Carter M. (2004). Social Capital and the Reproduction of Inequality in Socially Polarized Economies // *Agricultural & Applied Economics*. Staff Paper No. 476. 36 p. DOI: 10.22004/ag.econ.12590.
- Miladinović S. (2012). Two Faces of Social Capital in Structural Trends: Bonding and Bridging // *Social and Cultural Capital in Western Balkan Societies* / Centre for Empirical Cultural Studies of South-East Europe; P. Cvetičanin, A. Birešev. — Belgrade. Pp. 59–74.
- Nikolova M., Popova O., Otrachshenko V. (2022). Stalin and the origins of mistrust // *Journal of Public Economics*. Vol. 208. Pp. 104629. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2022.104629
- Norbutas L., Corten R. (2018). Network structure and economic prosperity in municipalities: A large-scale test of social capital theory using social media data // *Social Networks* Vol. 52. Pp. 120–134. DOI: 10.1016/j.socnet.2017.06.002
- Nunn N., Wantchekon L. (2011). The slave trade and the origins of mistrust in Africa // *American economic review*. Vol. 101. No. 7. Pp. 3221–52. DOI: 10.1257/aer.101.7.3221
- Peng H., Nematzadeh A., Romero D.M., Ferrara E., (2020). Network modularity controls the speed of information diffusion // *Physical Review E* Vol. 102. No. 5. Pp. 052316. DOI: 10.1103/PhysRevE.102.052316
- Poder T. G. (2011). What is Really Social Capital? A Critical Review // *The American sociologist*. Vol. 42. No. 4. Pp. 341–367. DOI: 10.1007/s12108-011-9136-z
- Putnam R. D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. — N.Y.: Simon and Schuster. DOI: 10.1145/358916.361990
- Romano V., Shen M., Pansanel J., MacIntosh A. J. J., Sueur C. (2018). Social transmission in networks: global efficiency peaks with intermediate levels of modularity // *Behavioral ecology and sociobiology*. Vol. 72. No. 9. Pp. 154. DOI: 10.1007/s00265-018-2564-9
- Sah P., Leu S. T., Cross P. C., Hudson P. J., Bansal S. (2017). Unraveling the disease consequences and mechanisms of modular structure in animal social networks // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 114. No. 16. Pp. 4165–4170. DOI: 10.1073/pnas.1613616114
- To C., Wiwad D., Kouchaki M. (2023). Economic inequality reduces sense of control and increases the acceptability of self-interested unethical behavior // *Journal of experimental psychology: General*. Vol. 152. No. 10. Pp. 2747–2774. DOI: 10.1037/xge001423
- Wachs J., Yasseri T., Lengyel B., Kertész J. (2019). Social capital predicts corruption risk in towns // *Royal Society open science*. Vol. 6. No. 4. Pp. 182103. DOI: 10.1098/rsos.182103
- Wright M. (2015). Economic Inequality and the Social Capital Gap in the United States across Time and Space // *Political studies*. Vol. 63. No. 3. Pp. 642–662. DOI: 10.1111/1467-9248.12113

Павленко Борис Владимирович

bvpavlenko@hse.ru

Boris Pavlenko

Research Assistant, The International Center for the Study of institutions and development, National research university Higher School of Economics, Doctoral Student of Faculty of economic science HRU Higher School of Economics (Moscow)

bvpavlenko@hse.ru

SOCIAL CAPITAL AND ECONOMIC INEQUALITY IN RUSSIAN TOWNS: SOCIAL NETWORK ANALYSIS⁷

Abstract. Economic inequality in Russia is extensively researched and well-documented. However, most studies have focused on regional disparities, while inequality within individual towns in Russia remains understudied. This study examines the relationship between bonding social capital—measured through social network analysis—and inequality at the town level. Using data from the online social network “VK,” we constructed fragmentation indexes for various towns. The fragmentation index indicates the tendency of social nodes to cluster together and maintain links within these groups. We found that the fragmentation index, which reflects bonding social capital, correlates with inequality across a sample of 120 Russian towns. This relationship may not be strictly one-way. High bonding social capital, which signifies strong social ties within a group and trust among familiar individuals, contributes to increased inequality because it limits access to connections that could enhance economic well-being. Conversely, higher inequality tends to boost bonding social capital, as individuals may come to believe that success is determined more by luck than by merit. This perception can lead to anti-social behavior that undermines trust within society, further increasing bonding social capital and the fragmentation of networks. Additionally, our analysis of the factors underlying differences in inequality and social capital revealed a non-linear relationship with distance from Moscow. Areas closer to Moscow and those in the Far East exhibit higher levels of inequality and bonding social capital, while regions further away, particularly in Central Russia, show lower levels.

Keywords: *economic inequality, social capital, towns, Russia, social networks, information networks, social network analysis.*

JEL: R19, Z13, D85.

⁷ The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program

И.В. Макарова

*к.э.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Москва)*

П.А. Ореховский

*д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ТРАНСПОРТНЫЙ КОЛЛАПС 1990–1991 гг. И СДВИГ В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКИХ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК

Аннотация. В 1990-е гг. в структуре российских грузоперевозок происходит сдвиг, не фиксируемый официальной статистикой. Несмотря на преимущество технико-экономических характеристик железнодорожного транспорта при перевозках грузов на большие расстояния, всё большее количество грузоотправителей используют автомобили. Это не получается объяснить через стоимостную динамику: если в период 1992–1995 гг. тарифы железных дорог действительно сильно оторвались от расценок автотранспорта, то уже в 1996–2000 гг. темпы роста тарифов стали ниже расценок. В 1998 г. министерство путей сообщения даже снизило тарифы, несмотря на общую инфляцию. Для проверки гипотезы о наличии структурного сдвига в работе осуществлён досчёт «теневого» грузооборота автотранспорта. Он основан на простой гипотезе о линейной функциональной связи между реальным ВВП и грузооборотом. Кроме того, вывод о сдвиге перевозок в пользу автотранспорта подтверждается и изменением подвижного состава: в то время как количество вагонов сокращалось, количество грузовых автомобилей увеличивалось. Во многом сдвиг был обусловлен коллапсом на железных дорогах СССР в 1990–1991 гг., когда вагоны с грузами месяцами стояли на придорожных путях, что было связано с общим кризисом управления. В советских городах в это время был дефицит продовольствия и топлива, однако простаивали вагоны не только с заводскими комплектующими, но и с зерном, другим продовольствием, а также — с углём. Тем не менее идея о том, что кризис снабжения был рукотворным, не нашла подтверждения: после распада СССР, запрета на деятельность КПСС и прихода к власти нового правительства в 1992 г. ситуация с разгрузкой железнодорожных вагонов улучшалась достаточно медленно.

Ключевые слова: *инфраструктура, структурный сдвиг в грузоперевозках, 1990-е гг., коллапс грузоперевозок, кризис управления, подвижной состав.*

JEL: N70, R41

УДК: 338(091), 338.47

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_164_180

© И.В. Макарова, П.А. Ореховский, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Макарова И.В., Ореховский П.А. Транспортный коллапс 1990–1991 гг. и сдвиг в структуре российских грузоперевозок // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 164–180. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_164_180.

FOR CITATION: Makarova I.V., Orekhovsky P.A. Transport Collapse of 1990–1991 and a Shift in the Structure of Russian Cargo Transportation // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 164–180. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_164_180.

Введение

Технико-экономические характеристики различных видов транспорта, которые во многом заранее определяют уровень издержек, были хорошо известны советским экономистам, формировавшим транспортные схемы и логистику различных отраслей. Оставляя в стороне институциональные факторы и учитывая то, что Россия — северная страна, где затруднены перевозки речным транспортом (включая и то обстоятельство, что, например, в отличие от США, в России большая часть рек течёт с юга на север), в первом приближении можно сказать, что дешевле всего будут обходиться перевозки морским (океаническим) транспортом, далее — трубопроводным, железнодорожным, автомобильным, речным и авиационным. Основные виды транспорта — железнодорожный (далее — ж/д) и автомобильный (далее — а/т) — имеют свои специфические свойства, например, масштаб грузоподъёмности, что обуславливает разные затраты на погрузку и разгрузку. В силу этого, очевидно, а/т выгоднее использовать при перевозках на сравнительно близкие расстояния, а ж/д — на дальние. Так, по оценке А.М. Липидуса, при доставке грузов до 5, 10, 20 т на расстояние от 100 до 200 км предпочтение всегда будет отдано а/т, ж/д здесь не конкурентоспособен. При транспортировке на расстояние от 1200 до 1500 км стоит выбор между стоимостью доставки и сроками доставки, доставка автотранспортом дороже, железнодорожный транспорт быстрее. При транспортировке на более дальнее расстояние железнодорожная доставка груза обойдётся дешевле, но сохранность груза выше на автомобильном транспорте [Липидус, 2001, С. 141].

По мнению Р.С. Николаева, дальность перевозок в первую очередь определяется обособленностью транспортной системы страны. В российских регионах возникла существенная специфика после распада СССР, связанная с близостью к границам и новой организацией международных перевозок [Николаев, 2019].

В новом прейскуранте 1990 г. был предусмотрен рост ж/д тарифов на 35%. Вместе с тем в это же время в 2,1 раза повышались цены на дизельное топливо. Дополнительные средства предполагалось направить на финансирование важнейших строек союзного министерства путей сообщения [Крейнин, Мазо, 1990]. Однако в целом пропорции между тарифами на ж/д и расценками на автомобильные перевозки были сохранены.

Для иллюстрации приведём советскую методику расчёта тарифов на ж/д перевозки (рис. 1).

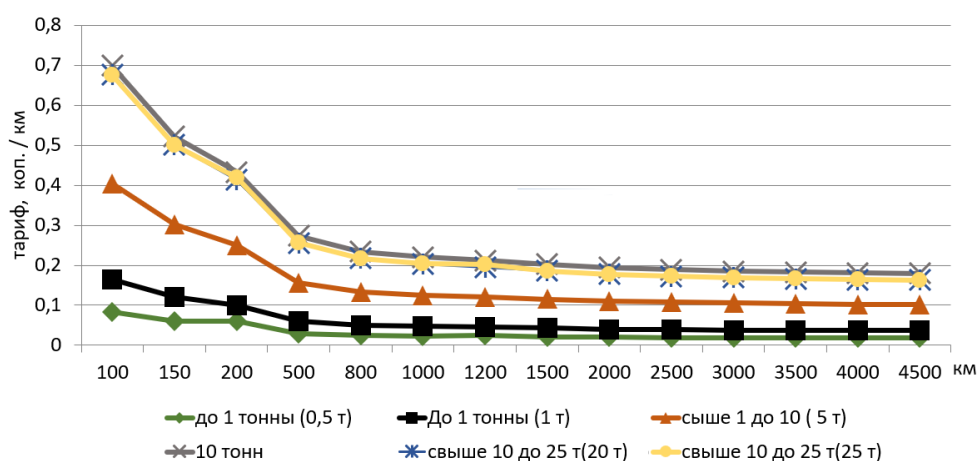

Рис. 1. Зависимость тарифных ставок на перевозки грузов железнодорожным транспортом в сборных вагонах (мелкие и малотоннажные отправки) от расстояния

Источник: составлено авторами по прейскуранту 1990 г.¹

¹ Прейскурант №10-01. Тарифы на грузовые железнодорожные перевозки: Тарифное руководство №1 Министерства путей сообщения. Ч. 2. Расчётные таблицы плат за перевозку грузов. Вводится в действие с 1982 г. М.: Прейскурантиздат., 1982.

Аналогичный график для автомобильных тарифов представлен на рисунке 2.

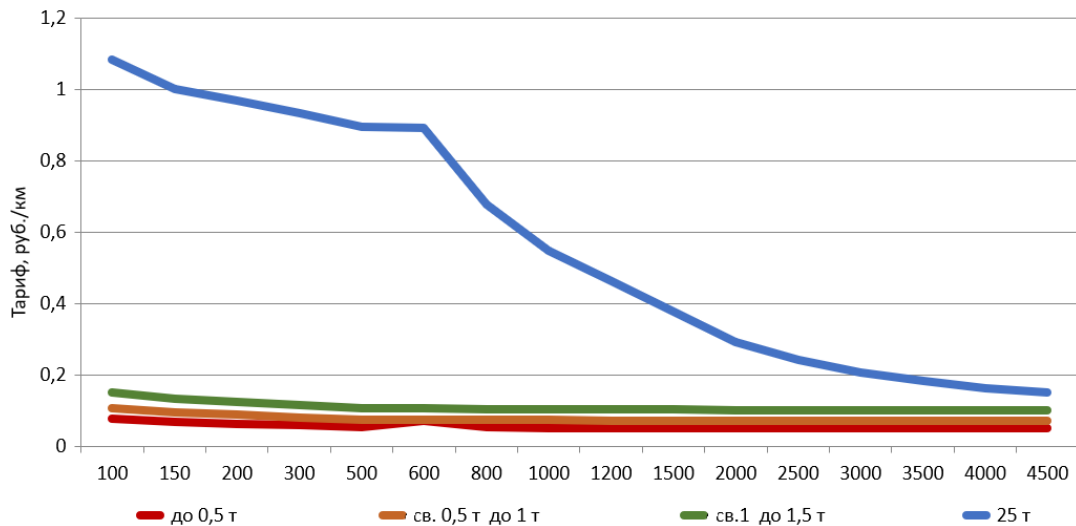

Рис. 2. Зависимость тарифных ставок на перевозки грузов автомобильным транспортом (сдельные тарифы) от расстояния.

Источник: составлено авторами по прейскуранту 1990 г.²

Стоит отметить, что рис. 1 показывает зависимость тарифа ж/д в *копейках* за 1 км, в то время как на рис. 2 тариф на перевозки а/т представляет *рубли* за 1 км. Стоит отметить ещё и то, что тариф за перевозку ж/д транспортом зависит от рода груза, в отличие от автомобильного. Однако анализ этой специфики выходит за рамки предмета нашего исследования.

Как указывалось выше, а/т выгоднее возить небольшие грузы (до 1,5 т) на относительно близкие расстояния (до 300 км), в то время как уже на 500 км даже такие грузы дешевле было отправлять по ж/д. Правда, при этом следует учитывать ещё затраты на погрузку/разгрузку, которые не входят в представленные тарифы. Кроме того, требовалось ещё и время на формирование составов, так что доставка а/т небольших грузов на расстояние до 300 км была не только немного дешевле (тариф, в общем-то, сопоставим), но и намного быстрее. Кроме того, советская практика предусматривала подачу заявки на ж/д транспорт не менее, чем за трое суток, а отправка грузов а/т производилась «по предъявлению». По оценкам Ф.И. Хусаинова, себестоимость перевозки большого объёма грузов ж/д вагонами была в 12-15 раз ниже, чем а/т [Хусаинов, 2003].

У этих простых соображений есть свои существенные оговорки. Так, если железнодорожный транспорт рассматривать как единый комплекс, то затраты на содержание и ремонт путей будут включаться в издержки перевозчика и увеличивать тарифы. Напротив, автомобильные дороги в России долгое время считались почти бесплатными. Владельцы легкового, пассажирского и грузового транспорта платили транспортный налог в зависимости от видов автомобилей, но этот налог не учитывал интенсивность использования транспортных средств и их нагрузку на дорожное полотно. В этом отношении грузоперевозки автотранспортом в России относительно долго субсидировались государством. Положение изменилось только после внедрения системы «Платон» («плати за тонну»).

По нашему мнению, ускорению развития автотранспортных перевозок в России также сильно способствовал транспортный коллапс начала 1990-х гг., ярко высветивший зависимость железнодорожного транспорта от чёткой, скоординированной работы централизованной диспетчерской службы и местных транспортных служб, отвечающих за

² Прейскурант №13-01-01. Тарифы на перевозку грузов и другие услуги, выполняемые автомобильным транспортом. Вводится в действие с 1 января 1990 г. М.: Прейскурантиздат, 1989.

погрузку / разгрузку / перегрузку прибывших грузов на автомашины³. Междугородные перевозки можно было разделить на две категории: крупные партии грузов с обратной загрузкой, без срочности доставки и мелкие партии от 1-3 т со срочной доставкой на расстояние от 800 км и выше, без гарантии обратной загрузки [Кузнецов, 1988]. Кроме того, автотранспорт торгово-производственных фирм позволяет при перевозке товаров «собственным транспортом» не прибегать к услугам специализированных организаций. Эти перевозки, как правило, не попадают в официальную статистику, а заодно при случае могут вводить в заблуждение и налоговую службу. Так, даже в наше время 20-40% перевозок а/т частных транспортных компаний вообще может нигде не фиксироваться [Бирсикина, 2021].

С позиций государства, которое стремится оптимизировать общие затраты на перевозки, что увеличивает общую эффективность функционирования всей транспортной инфраструктуры и способствует экономическому росту, нарушение инженерно-экономических пропорций между видами транспорта и перекосы в тарифах снижают общую конкурентоспособность страны и наносят ущерб конечному потребителю — домохозяйствам. Однако экономическая история имеет значение — если пользоваться терминологией институционалистов, на современное развитие влияет «эффект колеи». Развитие транспортной отрасли отчасти продолжает сохранять тренды, сложившиеся в 1990-е гг. При этом в отношении автотранспорта имеет место совместное пользование фирмами, домохозяйствами и государством общественными благами — дорожной сетью, мостами, другими инженерными сооружениями, попытка разделить получаемые агентами выгоды и понесённые ими издержки приведёт к огромному росту транзакционных издержек. Поэтому рассчитывать на то, что межотраслевая конкуренция автоматически приведёт к формированию оптимальных тарифов и росту инвестиций в развитие инфраструктуры и подвижной состав ж/д транспорта, по-видимому, не стоит.

В данной работе мы абстрагировались от ряда важных исторических сюжетов, связанных с пассажирскими перевозками, перевалкой грузов в портах и т.д. Речь пойдёт только о структурном сдвиге в грузоперевозках авто- и ж/д транспортом в 1990-е гг. и его последующем влиянии на транспортную отрасль.

Железнодорожный коллапс 1990-1991 гг.

По данным документов Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ), с конца 1989 г. резко усугубилась проблема с разгрузкой вагонов и вывозом грузов с железнодорожных станций. Об этом говорилось в Правительственной телеграмме Зампредсовмина РСФСР Горшкова в Минпромторг РСФСР Архипову⁴. В телеграмме указывалось, что только за два дня января 1990 г. количество не выгруженных в срок вагонов возросло в 1,5 — 2 раза, общим количеством 24 тыс. единиц. «Ряд других негативных явлений» вместе с отсутствием разгрузки оказали отрицательное влияние на поставки промышленных и продовольственных грузов потребителям. Заодно «усугубилось положение с вывозом автотранспортом контейнеров с железнодорожных станций»⁵.

³ Следует отметить также и то, что после распада СССР в распоряжении России осталось 87,6 тыс. км или 17 бывших общесоюзных железных дорог, что было менее 60% общесоюзных путей. Это существенно повлияло на связность сети ж/д и скорость прохождения грузов через транзитные территории [История организации..., 2009. С. 307].

⁴ ГАРФ А632 1 2332. Поручения Совета Министров РСФСР по вопросам использования автомобильного и железнодорожного транспорта механического и энергетического оборудования за 1990 г. и документы по их выполнению. Следует отметить, что в телеграммах не указывались инициалы ответственных работников.

⁵ Там же. С. 2.

По распоряжению Совета министров СССР от 11 января 1990 г. №28 в связи с простоями на Московском железнодорожном транспортном узле была создана комиссия под председательством П.И. Мостового. Комиссия рассмотрела вопрос о положении с разгрузкой вагонов, вывозом грузов и контейнеров. Проверка проводилась на самом высоком уровне с привлечением прокуратуры, Госснаба СССР, Минфина СССР, Госарбитража СССР, Минюста СССР, министерств и ведомств, МПС СССР.

Комиссией было установлено, что ожидают разгрузки более 3 тыс. вагонов, на складах скопилось около 28 тыс. т грузов, 8,3 тыс. контейнеров, из них 2,9 тыс. крупнотоннажных. В Московской области простаивала ещё одна тысяча вагонов «с различными народно-хозяйственными грузами»⁶. Из-за простоев грузов в Москве возрастал недостаток товаров в торговле, что вело к усилению социальной напряжённости.

Были выявлены простои вагонов и контейнеров с импортными товарами производственного назначения, в том числе для завода растворного ацетилена Мосстройкомитета. Вагоны с комплектующими для АЗЛК простояли 267 контейнеросутки, кооператива «Север» — простои 176 контейнеросутки. Контейнеры для центральной базы Минкультуры РСФСР простояли от 159 до 804 суток. Проверки предприятий и организаций г. Москвы выявили серьёзные нарушения по разгрузке вагонов и контейнеров. Отмечалось отсутствие должной координации работы предприятий железнодорожного и автомобильного транспорта. Система заключения договоров, учёта и отчётности, применения экономических санкций находится в крайне запущенном состоянии и работает неэффективно. Не обеспечивалось достаточное количество автомобилей для перевозки грузов, автотранспорт работал в одну смену, что было крайне недостаточно. Грузополучатели своевременно не информировались о прибытии грузов на станции Московского транспортного узла.

Отмечалась неудовлетворительная работа министерств и ведомств СССР, Совета министров РСФСР, Мосгорисполкома, Мособлисполкома по организации своевременного приёма грузов, контейнеров и технологической организации. Виновные не привлекались правоохранительными органами к ответственности за нанесение государственного ущерба и многочисленные нарушения.

Было решено «обязать Мосгорисполком, Мособлисполком, МПС СССР, Совет министров РСФСР, Московскую железную дорогу, Мосавтотранс, министерства — грузополучатели и грузоотправители принять исчерпывающие меры к обеспечению в 5-ти суточный срок разгрузки всех простаивающих в Московском железнодорожном узле вагонов и вывозу грузов и контейнеров получателям»⁷.

Аналогичная ситуация отмечалась в Свердловской, Волгоградской областях, в республиках СССР, а так же Министерстве металлургии СССР. В качестве причин простоев вагонов наряду с явлениями, уже описанными выше, указывалось отставание технической оснащённости транспортных цехов от уровня оснащения производства, что явилось следствием неудовлетворительного выполнения мероприятий, предусмотренных постановлением Совета министров от 4 июня 1987 г. №645.

Были привлечены к персональной ответственности директор волгоградского метзавода «Красный Октябрь» т. Н. Орджоникидзе, директор Нижнетагильского меткомбината т. В.С. Новиков

Свердловскому облисполкому, Минметаллургии СССР в трёхдневный срок требовалось принять все необходимые меры, направленные на решение сложившейся ситуации с разгрузкой вагонов и контейнеров. Обязали МВЭС СССР (т. А.И. Качанов), МИД СССР

⁶ ГАРФ А632 1 2332. Протокол №2 заседания комиссии, образованной распоряжением Совета Министров СССР от 11 января 1990 г. №28. С. 25.

⁷ Там же. С. 28.

(т. Ю.М. Воронцов), МПС (т. Гринько) обеспечить увеличение передачи вагонов Афганской стороне.

В том же документе отмечается, что возникли проблемы с обеспечением перевозок отечественного и импортного зерна. План по отгрузке отечественного зерна в целом выполнен, на середину января 1990 г. остались проблемы с отгрузкой только на Северо-Кавказской железной дороге. При этом отмечалась недостаточная подача вагонов в морские порты, что привело к невыполнению плана погрузки зерна в Новороссийском, Одесском и Новоталлинском портах.

Было решено обязать МПС СССР (т. Гринько⁸), Минхлебпродукт РСФСР (т. Голубь), Северо-Кавказскую железную дорогу (т. Котляренко) обеспечить погрузку и перевозку муки мукомольным предприятиям отечественного зерна в соответствии с решением Президиума Совета министров СССР от 10 января 1990 г.

Был принят ряд мер по разрешению сложившейся ситуации с хлебными грузами в стране. Ежедневный контроль за исполнением необходимых мер по бесперебойному обеспечению зерном, мукой возложен на Государственную комиссию Совета министров СССР (т. Тимошин), Совет министров РСФСР (т. Горшков) и МПС СССР (т. Гринько).

В ряде документов отмечались простои вагонов с углём, одним из таких документов является поручение Совмина РСФСР от 16.01.1990 г. «О принятии мер по своевременной разгрузке вагонов», в документе говорится о простое 213 вагонов с углём⁹. Проблема носила систематический характер, наибольшее количество простаивающих вагонов с углём наблюдалось в Кемеровской, Воронежской, Читинской областях, Алтайском крае (табл. 1).

Таблица 1

Количество невыгруженных вагонов с углём на январь-март 1990 г.¹⁰

Края и области РСФСР	Количество вагонов, шт					
	22–28.01	30.01–06.02	7–13.02	14–20.02	21–27.02	28.02–13.03
Кемеровская	67	25	3	11	7	—
Орловская	34	—	18	—	—	—
Пензенская	23	16	—	—	—	—
Алтайский край	23	18	25	39	32	65
Оренбургская	22	—	—	—	—	—
Воронежская	21	29	19	6	6	—
Краснодарский край	6	8	—	19	—	10
Читинская	5	17	25	6	22	27
Пермской	—	7	—	5	—	—
Тамбовская	—	—	8	17	—	—
Рязанская	—	—	7	—	—	—
Курская	—	—	—	16	—	—

Источник: составлено авторами на основе: ГАРФ А632 1 2332 (С. 45–50)

⁸ Следует оговориться, что в телеграммах и решениях, как правило, не указывались инициалы ответственных работников.

⁹ ГАРФ А632 1 2332 Зам. министра А.Г. Тушин. Совет министров РСФСР. Поручение Совмина РСФСР от 16.01.1990 «О принятии мер по своевременной разгрузке вагонов». С. 45.

¹⁰ Там же.

Основными причинами являлись: смерзание угля, неравномерность отправки вагонов, поломка техники, превышение фронта выгрузки до пяти раз. Было организовано привлечение сторонних работников и военнослужащих, переход к круглосуточной выгрузке. Предъявлены санкции за превышение плана отгрузки и пренебрежение профилактическими мерами от смерзаемости угля. Ситуация в стране с несвоевременной отгрузкой отмечается в протоколах от февраля 1990 г. — простои 113, 119, 139 и 69 вагонов, соответственно, в марте простои 102 вагонов в различных областях, краях и автономных республиках РСФСР.

В качестве наиболее частой причины простоев вагонов под разгрузку названо смерзание угля, что свидетельствует о систематическом нарушении нормативов по подготовке вагонов и грузов к отправке на территории РСФСР. Поскольку поступления от второстепенных операций, в том числе от промывки вагонов, отстоя на станционных путях и прочих операций, были незначительны (менее 1%) от стоимости всех грузовых перевозок [Мазо, 2013. С. 153], ими часто пренебрегали. Но результатом такого пренебрежения становилось увеличение простоев.

Госпланом РСФСР 30 марта 1990 г. были рассмотрены материалы Министерств и ведомств РСФСР от 31.07.87 № 318 «О мерах по улучшению работы и дальнейшему развитию промышленного железнодорожного транспорта РСФСР в двенадцатой пятилетке и сокращению простоев вагонов на подъездных путях подведомственных предприятий за 1989 г.»¹¹ В документе отмечена особая значимость ж/д транспорта — сосредоточенность на нём наиболее трудоёмких операций перевозочного процесса. Свыше 96% погрузки и 85% выгрузки грузов производилось на подъездных путях. При этой значимости отмечалось опережающее развитие основного производства по отношению к уровню развития транспортных цехов министерств и ведомств. Так, в 1989 г. министерствам и ведомствам на развитие отраслей было выделено более 16 млрд руб., из них ежегодно на транспортно-складское хозяйство выделялось от 0,2 до 13,4%. Ряд министерств такими данными вообще не располагал.

За 1989 г. произошло улучшение технической оснащённости подъездных путей, их протяжённость с тяжёлыми типами рельсов составила свыше 5,4 тыс. км. Объём механизированных погрузочно-разгрузочных работ на подъездных путях и прирельсовых складах составил 80 и 94% по территории РСФСР. Уровень механизации составил 46% по Минторгу РСФСР, 62 — по Минтекстильпрому РСФСР, 65% — по Госагропрому.

Был проведён ряд мер, направленных на обеспечение своевременной разгрузки вагонов министерствами и ведомствами РСФСР. При всей значительности капитальных вложений в документе отмечается их низкая эффективность и отсутствие позитивных изменений. Отмечается превышение норм простоев вагонов практически по всем министерствам и ведомствам, простои превышают нормы в 8-10 и более раз. По ряду министерств, в первую очередь по Минтекстильпрому РСФСР, Госснабу РСФСР, Минлегпрому РСФСР и Минторгу положение дел даже ухудшилось. Это стало результатом неполного исполнения рекомендаций протокольных решений по данному вопросу Министерствами РСФСР. Оценка упущенной выгоды от простоев вагонов в натуральном выражении составила 3,7 млн т грузов, было выплачено штрафов на сумму 38,6 млн руб.

В период 1984–1990 гг., несмотря на вложение значительных средств в развитие промышленного транспорта, количество разгружаемых вагонов практически не изменилось. Так, в 1984 г. в сутки выгружалось 29,3 тыс. вагонов, в 1989 — 29,6 тыс., что свидетельствовало о низкой эффективности плановых мероприятий. В частности, не проводилось

¹¹ ГАРФ А632 1 2332. Госплан РСФСР. О ходе выполнения постановления Совета Министров РСФСР от 31.07.87 № 318. 30.03. № Пр-1175/50. Заместитель председателя Д.И. Дуднев. С. 81.

стимулирование работников, осуществляющих погрузочно-разгрузочные работы, недостаточно распространялся опыт передовых организаций по своевременной обработке вагонов.

Госснабом РСФСР не было выполнено поручение Совета министров РСФСР «О подготовке предложений по вопросу организации круглосуточного приёма и выгрузке вагонов». Отчёты ряда Министерств носили формальный характер, Минречфлот РСФСР вообще не представил отчёт. В приказе отмечено, что «глубинные причины простоев не вскрываются, отсутствует оценка эффективности средств, направленных на развитие промышленного железнодорожного транспорта»¹².

Российский грузовой автомобильный транспорт в 1990-е гг.

Надо сказать, что положение грузового автотранспорта к моменту распада СССР было едва ли не хуже, чем ж/д транспорта. В Приказе Совета министров СССР от 02.04.1990 г.¹³ отмечалось поступление многочисленных жалоб в Министерство топливной промышленности от подведомственных предприятий на необоснованно принятое решение Советом министров СССР об уплате в бюджет повышенной платы за эксплуатацию грузовых автомобилей после полной их амортизации. Старение парка грузовых автомобилей только возрастало, списанные автомобили не восполнялись в необходимом количестве на протяжении последних десяти лет, продолжалась их дальнейшая эксплуатация. На 1 января 1990 г. в Минтоппроме РСФСР 45% автомобилей имели срок эксплуатации свыше 8,1 лет, из них 27,7% — свыше 10 лет. Из необходимых для восполнения планового выбытия 13 350 грузовых автомобилей за четыре года получено лишь 2 612, в 1990 г. поступило 265. По нормативам следовало списывать порядка 1 000 автомобилей в год, но для обеспечения грузоперевозок угольной, топливоснабжающей, нефтяной, торфяной, лесной и строительной отраслей приходилось использовать парк автомобилей, имевших 100% износ согласно нормам амортизации. Более того, Министерство было вынуждено приобретать списанные автомобили Министерства обороны СССР, срок эксплуатации которых превышал 13 лет. За 12-ю пятилетку таких было получено 2 750 шт., причём плата в бюджет за каждый автомобиль взималась в тройном размере. Указанное положение дел ставило предприятия, работавшие в условиях хозрасчёта и самоокупаемости, в затруднительное финансовое положение. Поэтому Министерство топливной промышленности РСФСР обратилось к Совету министров СССР с ходатайством сделать исключение в вопросе порядка расчёта и уплаты в бюджет средств за использование грузовых автомобилей после их полной амортизации для предприятий Минпромторга РСФСР.

По данным ГКС РСФСР¹⁴, количество автомобилей за 1990-е гг. составило 13 154 635 шт., из них технически исправных 11 547 266 — это 87,8% всего парка автомобилей (табл. 2). Грузооборот составил 299 362,480 млн т-км, на грузооборот транспорта общего пользования приходилось 299 360 млн т-км¹⁵.

¹² ГАРФ А632 1 2332. Госплан РСФСР. О ходе выполнения постановления Совета министров РСФСР от 31.07.87 № 318. 30.03. № Пр-1175/50. Заместитель председателя Д.И. Дуднев. С. 81.

¹³ ГАРФ А632 1 2332. Приказ 13/155 от 02.04.90. «О нераспространении действия постановления Совета министров СССР от 26.01.88 №103 в части внесения повышенной платы за грузовые автомобили».

¹⁴ ГАРФ А374 39 8751. Государственный комитет РСФСР по статистике: Отдел статистики транспорта и связи. Годовые отчёты о наличии автомобилей, гаражей, авторемонтных мастерских и персонала на 1 января 1991 г. С. 1.

¹⁵ Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Стат. ежегодник. Транспорт. Часть I. URL: <https://istmat.org/node/494?ysclid=m6nx7bxn6q430123711> (дата обращения: 03.02.2025).

Таблица 2

Автопарк РСФСР на конец 1990 г., шт.

Виды а/т	Число автомашин, шт.	В том числе технически исправных
Автомобили всего	13 154 635	11 547 266
Грузовые автомобили, всего	2 743 602	2 400 158
По грузоподъемности, кг:		
До 1499	261 780	
1500–4999	1192 603	
7000–9999	355 497	
10 000–14 999	327 661	
15 000 и более	83 544	
— самопогрузчики	12 151	10 880
— седельные тягачи	226 948	197 452

Источник: ГАРФ А374 39 8751.

Таким образом, основная доля парка автомобилей была с грузоподъёмностью от 1 500 до 4 999 кг, что соответствует автомобилям малой и средней грузоподъёмности (табл. 2).

По данным ГАРФ, автомобили, пребывающие с момента выпуска заводом-изготовителем и находящиеся в распоряжении и эксплуатации хозяйства, на конец 1990 г. составили 4 409 509 шт., или 33,4%. Из них, автомобили со сроком эксплуатации до трёх лет составляют 9,4%, от трёх до восьми — 15,3; 8,7% автомобилей старше 10 лет (табл. 3). Это значит, что остальной парк приобретался уже с пробегом. 66,6%, или две трети — это подержанные автомобили.

Таблица 3

Число автомобилей по времени их пребывания в эксплуатации на конец года

Из 13 154 635 автомобилей (всего)	Число автомобилей, штук	% от общего количества автомобилей
до 3,0 лет	1 234 972	9,4
3,1–8,0	2 016 149	15,3
8,1–10,0	517 231	3,9
10,1–13,0	321 353	2,4
13,1 и более	319 804	2,4

Источник: ГАРФ А374 39 8751, дополнено авторами.

Количество собственных автомобилей в хозяйствах РСФСР на конец 1990 г. составило 4 383 560 штук, из них грузовые автомобили, включая пикапы и легковые фургоны составляли 2 674 916 шт.

Железнодорожный и автомобильный транспорт в России: взаимно дополняемые подотрасли или конкуренты?

Сравним динамику грузоперевозок и грузооборота а/т и ж/д транспортом (рис. 3).

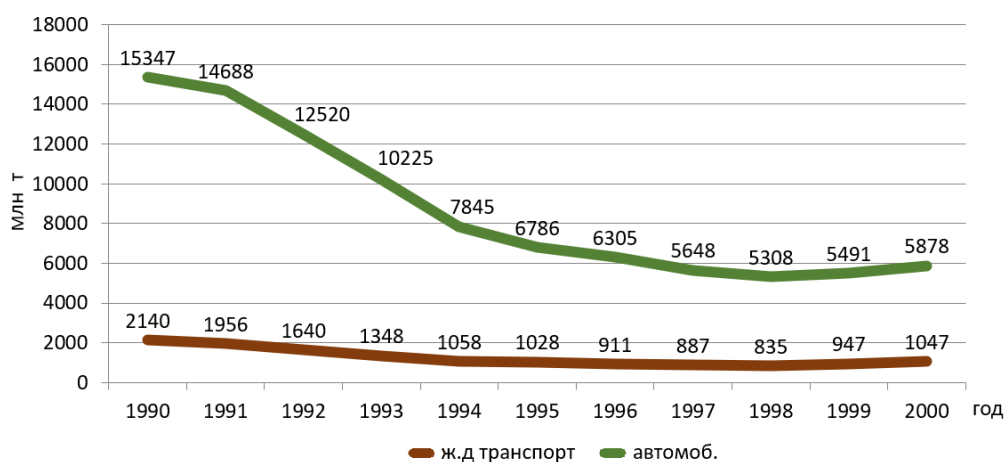

Рис. 3. Перевозки грузов автомобильным (народного хозяйства) и железнодорожным транспортом за период 1990 — 2000 год^{16 17}.

Источник: составлено авторами по данным Росстата (1992–2001).

Официальные данные свидетельствуют о том, что в 1990 — 1995 гг. грузоперевозки а/т упали в 2,3 раза, а ж/д — в 2 раза. За весь период 1990 — 2000 гг. это различие ещё больше: а/т перевозки — падение в 2,6 раз, ж/д перевозки — в 2 раза. Таким образом, доля ж/д транспорта в грузоперевозках выросла с 12,2% в 1990 г. до 13,2 в 1995 г. и до 17,8% в 2000 г. В стоимостном выражении в СССР (объём реализации услуг) в 1990 г. на железнодорожный транспорт приходилось 24,97 млрд руб., на а/м транспорт общего пользования 22,42 млрд руб.¹⁸. Однако данные о грузообороте говорят о прямо противоположном (рис. 4).

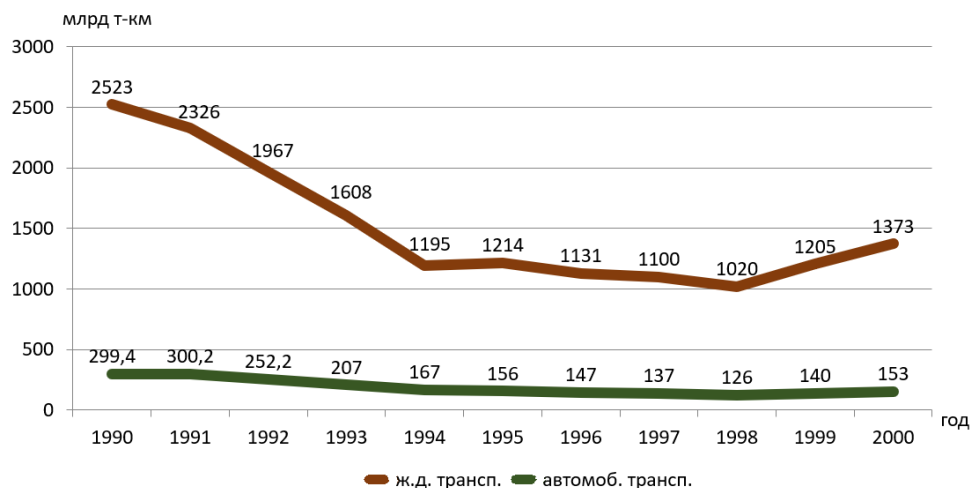

Рис. 4. Грузооборот автомобильного (включая ведомственный) и железнодорожного транспорта 1990–2000 гг., млрд т-км.

Источники: Российский статистический ежегодник, 2001; Овсянников В.А. Железные артерии страны. Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/22061?ysclid=m6nztjtnv895710464>

¹⁶ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Госкомстат, 1992.

¹⁷ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Госкомстат, 2001. С 1995 г. — по организациям подотрасли «Автомобильный транспорт» с учётом оценки объёмов работы, выполненной предпринимателями (физическими лицами), занимающимися коммерческими грузовыми автоперевозками.

¹⁸ Народное хозяйство СССР в 1990 году: Стат. сб. М., 1991. С. 600–601.

Здесь уже грузооборот ж/д транспорта падает к 1995 г. в 2,1 раза, а а/т — в 1,9 раз, причём заметно, что снижение в 1992-1994 гг. меньше, чем на ж/д. За весь период 1990 — 2000 гг. грузооборот ж/д транспорта снизился в 1,8 раз, автомобильного — в 1,9 раза. При этом можно констатировать, что в период 1990-1995 гг. доля а/т в грузообороте выросла с 10,6 до 11,3%, но к 2000 г. снизилась до 10%.

Логично предположить, что коллапс на железных дорогах РСФСР в 1990-1991 гг., распад СССР, либерализация цен и приватизация должны были сказаться на структуре грузоперевозок. Учитывая ещё и феномен роста теневой экономики, которая всегда сопровождает радикальные экономические реформы, автомобильный транспорт вроде бы должен играть лидирующую роль в грузоперевозках. Однако официальная статистика противоречива. Обратимся к тарифам (табл. 4).

Таблица 4

Индексы тарифов на грузовые перевозки основными видами транспорта, % (до 1996 г. — в размах)

Годы	Транспорт	Из него	
		железнодорожный	автомобильный
1992	35,6	37,4	32,4
1993	18,5	19,2	14,6
1994	3,5	4,0	3,0
1995	2,7	2,4	2,7
1996	102,1	129,5	134,8
1997	100,9	101,4	110,4
1998	116,7	80,6	114,7
1999	118,2	109,9	161,9
2000	151,5	169,3	136,6

Источник: Российский статистический ежегодник: Стат.сб. / Госкомстат России. — М.: Госкомстат, 2002. С. 598.

Во время «шоковой терапии» 1992-1994 гг. тарифы на ж/д перевозки росли существенно быстрее, чем по транспортной отрасли в целом¹⁹. К 1996 г. сложилась принципиально иная по сравнению с советской структура цен на грузоперевозки. Всего за 1992-1995 гг. тарифы увеличились в 6 223,8 раз, на ж/д перевозки — в 6 893,6 раза, на перевозки а/т — в 3 831,6 раза. Таким образом, услуги железных дорог стали обходиться грузоотправителям в 1,8 раза дороже, чем услуги автотранспорта.

Естественно, что во второй половине 1990-х гг. руководство Министерства путей сообщения, озабоченное падением объёмов перевозок, предприняло определённые меры по сдерживанию роста тарифов, в 1998 г. они *снизились на 20%*, это беспрецедентное решение в условиях общего роста тарифов на транспорт на 16,7%. Следует отметить, что в мае 1998 г. постановлением Правительства РФ была утверждена «Концепция структурной реформы федерального железно-дорожного транспорта» №448. Её основной целью являлось «снижение совокупных народнохозяйственных затрат на перевозки железнодорожным

¹⁹ Необходимо отметить, что важную роль здесь сыграл и эффект «низкой базы». Так, А.В. Крейнин и Л.А. Мазо отмечали, что в 1989 г. рентабельность железных дорог опустилась до уровня 1956 г. [Крейнин, Мазо, 1991]. Отчасти это было связано с неэффективным управлением, однако другой причиной являлась политика руководства СССР, жёстко контролировавшего ж/д тарифы.

транспортом», что было направлено на создание условий для развития производства [Ланидус, 2021. С.68]. В результате в 1996 — 2000 гг. в целом по отрасли расценки на услуги транспорта выросли в 2,15 раза, в то время как тарифы на ж/д перевозки — в 1,97 раза, а на перевозки а/т — в 3,78 раза. Это позволило выправить ситуацию. По итогам всего периода 1992 — 2000 гг. ж/д перевозки стали дороже в 13 580,4 раз, а перевозки а/т — в 14 483,45 раз. В последующем десятилетии рост ж/д тарифов опять опередил рост а/т расценок, но этот период уже выходит за рамки нашего анализа.

Здесь же необходимо попытаться оценить роль «теневых», не регистрируемых статистикой а/т перевозок. Проблема не только в том, что часть фирм скрывали свою деятельность от налогообложения, занижая показатели услуг, но и в том, что после приватизации предприятий и бума в торгово-закупочной деятельности перевозки *собственным автотранспортом* не выделялись в отдельный вид деятельности. Транспортные издержки просто включались в себестоимость продукции или (для многочисленных торговых фирм) в торговую наценку. С услугами железных дорог это было сделать невозможно (хотя часть внутривозовских железнодорожных перевозок, конечно, тоже не попадала в отчётность).

Введём сравнительно правдоподобное положение об однородности производственных функций транспортной отрасли. Это означает, что падение и рост ВВП затрагивает все грузоперевозки в равной пропорции. Также будем исходить из гипотезы о том, что в 1990 г. наблюдалась относительно эффективная (не оптимальная, но близкая к оптимальной) пропорция перевозок железнодорожным и автомобильным транспортом (при этом абстрагируемся от перевозок авиационным, трубопроводным, речным и морским видами транспорта). Предположим, что грузоперевозки ж/д полностью учитываются Росстатом, в то время как данные о грузоперевозках а/т сильно искажены. Исходя из этих допущений, рассчитаем «грузоёмкость» ВВП и общий, включающий в себя незарегистрированный органами статистики объём а/т перевозок. Для этого нам понадобятся данные о реальном ВВП в 1990 — 2000 гг. (табл. 5).

Таблица 5

ВВП России (в ценах 1990 г.), 1990 — 2000 гг., млрд. руб.

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
ВВП в реальных ценах, пересчёт по дефлятору	644,2	608,0	519,7	473,7	328,6	370,7	368,8	387,2	365,9	387,	410,6

Источник: рассчитано авторами на основе: Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат, 2001. С. 279. https://istmat.org/files/uploads/21317/nx_12.pdf (дата обращения: 01.03.2025)

Реальный российский ВВП 1995 г. снизился к 1990 г. в 1,74 раза, это меньше, чем ж/д перевозки (в 2,1 раза) и перевозки а/т (1,9 раз). Таким образом, всего грузоперевозки должны были снизиться с 17 487 млн т до 10 050 млн т. Ж/д перевозки упали до 1 028 млн т. Таким образом, перевозки а/т должны составить 9 022 млн т, а не 6 786 млн т, как это показывает статистика. Далее, к 2000 г. ВВП в сопоставимых ценах вырос на 10,8% по сравнению с 1995 г. Ж/д грузоперевозки выросли всего на 1,8%, а суммарный объём перевозок ж/д и а/т, учитываемый официальной статистикой, упал на 11,4%. В соответствии с нашими допущениями это падение произошло за счёт не учитываемого объёма грузоперевозок а/т. Если отталкиваться от расчётной цифры 1995 г. в 10 050 млн т, то суммарные грузоперевозки должны составить 11 135,4 млн т, а перевозки а/т — 10 088,4 млн т, но никак не официальные 5 878 млн т.

Используя тот же подход, пересчитаем и грузооборот автомобильного транспорта. Общий грузооборот должен был снизиться к 1995 г. до 1 622,1 млрд т-км, фактические

данные — 1 370 млрд т-км. Таким образом, грузооборот а/т должен составлять 408,1, а не 156 млрд т-км. К 2000 г. общий грузооборот должен был достичь 1 797,3 млрд т-км, из которых 424,3 млрд т-км приходилось на перевозки а/т. И это не скромные 10, а 23,6% внутреннего рынка. Руководству МПС было о чём беспокоиться. В то же время очевидно, что растущий спрос на грузоперевозки вызывал существенный рост расценок на перевозки а/т во второй половине 1990-х гг. В отличие от тарифов на ж/д перевозки, эти расценки не регулировались ФАС (в то время — Государственный комитет по антимонопольной политике, с 1998 г. — Министерство по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства), и отражали растущий спрос на транспортные услуги на остро конкурентном рынке.

Если наши предположения корректны, это должно было отразиться как на подвижном составе ж/д транспорта, так и на количестве грузовых а/машин. Количество вагонов должно было снизиться существенно больше, чем количество грузовых машин. По данным государственной статистики, количество грузовых ж/д вагонов в 1991 — 1998 гг. постоянно снижалось, в то время как количество грузового а/т, напротив, непрерывно возрастало (табл. 6). На наш взгляд, это полностью подтверждает нашу гипотезу о структурном сдвиге в грузоперевозках.

Таблица 6

Подвижной состав ж/д и автомобильного транспорта, тыс. шт

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Рабочий парк грузовых ж/д вагонов (в среднем в сутки)	—	792	658	547	396	368	318	315	385	427	464
Грузовой а/т (вкл. пикапы и фургоны), всего:	2744	2779	2848	2924	3006	3078	3041	3103	3108	3196	3232
в т.ч.:											
- транспорт общего пользования	331	318	278	240	440	361	280	213	177	152	130
- в собственности граждан	4	60	199	392	595	798	998	1107	1249	1440	1568

Источник: Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат, 2001. С. 454. Исторические материалы. URL: https://istmat.org/files/uploads/21317/nx_17.pdf (дата обращения: 17.03.2025)

Насколько этот структурный сдвиг был экономически рационален? Учитывая то, что после 1992 г. главным растущим сектором в России на много лет стала торговля (особенно розничная), грузовой ж/д транспорт использовался прежде всего для перевозок ресурсов (угля, леса, ГСМ, проката, стройматериалов и т.д.), а не товаров конечного потребления, такая перестройка представляется вполне соответствующей новым, рыночным, реалиям. Дальность расстояния перевозок сокращалась: если в 1990 г. для ж/д она составляла 1 179 км, то в 1994 г. сократилась до 1 129 км, для а/т сокращение составило с 23,12 до 19,68 км, соответственно. С 1996 г. дальность перевозок стала возрастать, к 2000 г. составила 1 310 для ж/д и 24,3 км для а/т [Вельможин, Гудков, Миротин, Куликов, 2016. С. 9]. Тем не менее опережающий рост ж/д тарифов над расценками а/т перевозчиков в первой половине 1990-х гг. заставляет задуматься над тем, насколько транспортники в это время вообще могли анализировать инженерно-техническую и инженерно-экономическую эффективность использования инфраструктуры. Так, в результате роста тарифов грузовых ж/д перевозок сложилась ситуация, что лес (один из самых грузоёмких продуктов) оказалось дешевле везти на расстояние свыше тысячи километров а/т по дороге из Архангельска в Москву [Никольский, 1999]. До 1996 г. индексация тарифов проводилась правительством по уровню инфляции. Начиная с 1996 г. МПС стала осуществлять политику сдерживания тарифов. При этом, однако, ж/д перевозки сохраняли свою рентабельность в 1990–1998 гг.,

только в 1996 г. она имела отрицательное значение (-1,5%) [Ланидус, 2001. С.141]. В свою очередь, рентабельность грузовых перевозок а/т в 1995 г. была более 10% [Дмитриев, 1996].

В 1980-х гг. в СССР стали распространяться межотраслевые и межреспубликанские автомобильные перевозки на дальние расстояния, где дальность перевозок доходила до 3 000 км, хотя в пределах населённых пунктов она составляла менее 20 км [Минкин, 1990. С. 53]. Поэтому определённая база для структурного сдвига в грузоперевозках была создана уже в советское время. В 1992 г. властями предусматривалась приватизация 60% предприятий автомобильного транспорта [Ханин, 2012. С.121]. Несмотря на срыв плана, уже в 1993 г. парк частного а/т значительно вырос (табл. 6). На начало 1995 г. доля приватизированных автохозяйств составила 56,7%, доля приватизированного грузового автопарка — 73,3% [Дмитриев, 1996. С. 3], а в 1997 г. на автомобильном транспорте частными предприятиями осуществлялось 90% перевозок грузов [Куприн, 1997. С. 32].

Заключение: распад советской системы управления инфраструктурой

В самом коротком параграфе «От кризиса к катастрофе» своей книги «Гибель империи» Е. Гайдар цитирует И. Погосова, первого зама Председателя Госкомстата СССР. В ноябре 1991 г. «...ажиотажный спрос усиливается. Растущие покупки товаров — ответная реакция потребителей на обесценивание рубля... положение со снабжением населения усугубляется начавшимся со второй половины 1990 г. сокращением импорта... запасы продуктов питания рыночной торговли за десять месяцев снизились на 29%, за август — октябрь в разряд дефицита попали практически все виды продовольствия.... Выполнение плана поставок мясопродуктов в Ленинград за девять месяцев составило 73%, в Московской области — 60%. В середине 1990 г. из 160 товаров хозяйственного назначения в свободной продаже не было ни одного» [Гайдар, 2012. С. 430]. При этом, однако, Гайдар ничего не пишет, например, о рекордном урожае зерна 1990 г. Только в РСФСР тогда было собрано 113,5 млн т, в 1991 г. — только 83,9 млн т²⁰. С продукцией животноводства было похуже, но, во всяком случае, не катастрофически. Откуда же такой кризис на потребительском рынке? Ведь проблема была не только в подорожании продовольствия, многих товаров физически не было на прилавках.

Естественно, на фоне коллапса грузоперевозок ж/д транспортом возникает предположение о том, что часть кризиса снабжения крупных городов товарами произошла по воле людей, провоцировавших создание «революционной ситуации». Но в таком случае после победы демократической революции в августе 1991 г. следовало бы ожидать быстрого улучшения работы транспорта, наполнения товарных рынков, резкого улучшения материально-технического снабжения промышленности. К сожалению, этого не произошло. На 1 января 1993 г. на прирельсовых погрузочных местах предприятий и железнодорожных станций находилось 43 млн т продукции, подлежащей перевозке железнодорожным транспортом, на 34% *больше*, чем на 1 января 1992 г. Значительно больше было скопившихся на путях зерна и продуктов перемола, нефти и нефтепродуктов (в 3 раза), лесных грузов (в 2 раза)²¹.

Продолжали иметь место серьёзные недостатки в обработке подвижного состава. В декабре 1992 г. среднесуточные остатки вагонов с истекшим сроком выгрузки, не

²⁰ Российская Федерация в 1992 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр. 1993. С. 412–413. Исторические материалы. URL: https://istmat.org/files/uploads/18226/rf_1992_mat._proizvodstvo.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

²¹ Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/18226?ysclid=m873s7l4ud67596683> (дата обращения: 03.02.2025).

разгруженных по вине грузополучателей, составили 31 тыс. и стали больше в 1,2 раза, чем в декабре 1991 г.

Таким образом, кризис в работе ж/д транспорта сохранялся и после политических событий 1991 г. Это свидетельствует об общем кризисе управления транспортной инфраструктурой в то время. Понадобилось несколько лет, чтобы добиться сколько-нибудь существенного увеличения скорости перевозок по железным дорогам (табл. 7).

Таблица 7

Линейная скорость движения подвижного состава, км/час

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
поездов (участковая)	33,9	34,3	35,7	35,7	36,7	36,9	37,9	38,6	39,3	38,5	38,6
автомобилей (эксплуатационная)	19,5	20,0	19,8	20,2	22,5	24,8	33,5	21,4	20,5	22,0	21,3

Источник: Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Госкомстат, 1998, 2000, 2001.

Необходимо оговориться, что эксплуатационная скорость а/т, учитывая досчёты грузооборота, сделанные выше, является весьма условным понятием. Иначе трудно объяснить, с чем связано падение за два года, (1996–1998), этого показателя практически на треть. Учитывая объём импорта при заниженном курсе рубля в эти годы, показатели эффективности работы а/т должны быть намного выше.

Подводя итоги проделанного ретроспективного анализа, следует констатировать следующее. Во-первых, ряд учёных, таких как уже цитировавшиеся выше А.В. Крейнин, Л.А. Мазо, А.М. Лапидус, В.Б. Минкин и Г.И. Ханин, отмечали наметившийся структурный сдвиг в грузоперевозках в пользу а/т уже с 1980-х гг. Они указывали на низкую эффективность перевозок на дальние расстояния и растущий ущерб народному хозяйству страны ещё в советское время. Однако в статистике и отчётах того времени отсутствует характеристика структурного сдвига в грузоперевозках, в них продолжает доминировать ж/д [Хусаинов, 2003], что искажает реальную картину технико-экономической эффективности работы транспорта.

Во-вторых, гипотеза об увеличении удельного веса грузоперевозок автомобильным транспортом, как и рост его доли в общем грузообороте, является весьма правдоподобной и подтверждается имеющимися косвенными данными о подвижном составе ж/д и а/т. Простая линейная модель, связанная с динамикой реального ВВП, также подтверждает эту гипотезу.

В-третьих, коллапс железнодорожных перевозок в 1990–1991 гг. был обусловлен не субъективными факторами, но долгосрочным накоплением диспропорций в развитии транспорта в советский период. И даже после того, как был устранён разрыв между платёжеспособным спросом фирм и населения на товары и ресурсы, существенные объёмы готовой продукции на прирельсовых погрузочных местах и складах продолжали сохраняться. Особо стоит подчеркнуть, что частью этих грузов были дефицитные товары народного потребления и продовольствие.

В четвёртых, транспортный коллапс 1990–1991 гг. оказал существенное влияние на структуру перевозок. Появилась новая категория индивидуальных предпринимателей — водители большегрузных фур. Вместо неконкурентного, взаимно дополняемого комплекса транспортных услуг на российском рынке транспортных услуг сформировалась полноценная межотраслевая ценовая конкуренция. Анализ последней выходит за рамки данной статьи, но история внедрения системы «Платон», как и трансформация рынка пассажирских перевозок, также во многом является следствием структурных сдвигов 1990–2000 гг.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бирсикина Т.Г. (2021). Тоже перевозки [Birsikina T.G. (2021). Also Freight Transport] // *Автомобильный транспорт Самары. Приложение к «Самарской газете»*. 15 июня.
- Вельможин А.В., Гудков В.А., Миротин Л.Б., Куликов А.В. (2016). Грузовые автомобильные перевозки: учебник для вузов [Velmozhin A.V., Gudkov V.A., Mirodin L.B., Kulikov A.V. (2016). Freight automobile transportation: textbook for universities]. — М.: Горячая линия — Телеком.
- Гайдар Е.Т. (2012). Гибель империи [Gaidar E.T. (2012). The Collapse of the Empire]. — М.: Астрель, CORPUS.
- Дмитриев Е. (1996). Вывезет ли приватизация груз недоработок [Dmitriev E. (1996). Will privatization take out the load of flaws] // *Автомобильный транспорт*. №1. С. 2-3.
- Евсюков М. (1997). Автотранспортом управлять нужно: как это организовать [Evsyukov M. (1997). You need to manage your vehicle: how to organize it] // *Автомобильный транспорт*. № 5–6. 1997. С. 5-10.
- История организации и управления железнодорожным транспортом России. Факты, события, люди. (2009). К 200-летию транспортного ведомства и образования на транспорте России [History of the Organization and Management of Railway Transport in Russia. Facts, Events, People. (2009). Dedicated to the 200th Anniversary of the Transport Ministry and the Establishment of Transport in Russia] / Под ред. проф. А.А. Тимошина. — М.: УМЦ по образованию на ж/д транспорте.
- Крейнин А.В., Мазо Л.А. (1990). Новая система тарифов на перевозку грузов [Kreinin A.V., Mazo L.A. (1990). A New Tariff System for Freight Transportation] // *Вопросы экономики*. № 3. С. 47–52.
- Крейнин А.В., Мазо Л.А. (1991). Формирование транспортных грузовых тарифов в условиях перехода к рыночной экономике [Kreinin A.V., Mazo L.A. (1991). Formation of transport freight tariffs in the context of transition to a market economy] // *Вестник ВНИИЖТ*. № 4. С. 3-9.
- Кузнецов Е. (1988). Развитие грузового автомобильного транспорта в условиях самофинансирования и полного хозрасчета [Kuznetsov E. (1988). Development of Cargo Motor Transport under Conditions of Self-Financing and Full Economic Accountability] // *Автомобильный транспорт*. №4. С. 46-47.
- Лapidус Б.М. (2001). Экономические проблемы управления железнодорожным транспортом России в период становления рыночных отношений [Lapidus B.M. (2000). Economic Problems of Managing Railway Transport in Russia during the Formation of Market Relations]. — М.: МГУ.
- Куприн Е. (1997). На коллегии Минтранса России было жарко [Kuprin E. (1997). It was hot at the board of the Russian Ministry of Transport] // *Автомобильный транспорт*. №9. С. 32-39.
- Мазо Л.А. (2013). О грузовых тарифах [Mazo L.A. (2013). On freight tariffs] // *Отечественные записки*. №3 (54). С. 151-161.
- Минкин В.Б. (1990). Дальнепробежные перевозки: экономически целесообразные сферы распределения [Minkin V.B. (1990). Long-haul transportation: economically viable distribution areas] // *Железнодорожный транспорт*. № 3. С. 52–55.
- Никольский С. (1999). Тарифы «железки» — впереди паровоза [Nikolsky S. (1999). «Railway» tariffs — ahead of the locomotive] // *Российская газета*. 8 апреля.
- Николаев Р.С. (2019). Современные тенденции развития грузоперевозок автомобильным транспортом в России: структурные и логистические аспекты [Nikolaev R.S. (2019). Modern trends in the development of freight transport by road in Russia: structural and logistical aspects] // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. № 4. С. 290-306.
- Ханин Г.И. (2012). Экономическая история России в новейшее время [Khanin G.I. (2012). Economic history of Russia in recent times] // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 10. Спец. вып.
- Хусаинов Ф.И. (2003). Анализ конкурентоспособности различных видов транспорта на рынке грузовых перевозок [Khasainov F.I. (2003). Analysis of the competitiveness of various modes of transport in the freight transport market] // *Вестник транспорта* №1. С. 20-30.

Ореховский Пётр Александрович

orekhovskaya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

orekhovskaya@mail.ru

Макарова Ирина Викторовна

makiv5@mail.ru

Irina Makarova

PhD (economics), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.

makiv5@mail.ru

TRANSPORT COLLAPSE OF 1990-1991 AND A SHIFT IN THE STRUCTURE OF RUSSIAN CARGO TRANSPORTATION

Abstract. In the 1990s, a shift occurred in the structure of Russian freight transportation that wasn't recorded by official statistics. Despite the advantage of technical and economic characteristics of rail transport for long-distance freight transportation, an increasing number of shippers use automobiles. This cannot be explained through price's dynamics: if in the period 1992-1995 railway tariffs really did significantly deviate from automobile transport rates, then already in 1996-2000 the rate of tariff growth became lower than the rates. The Ministry of Railways even reduced tariffs, despite general inflation in 1998. To test the hypothesis about the presence of a structural shift in the work, an additional calculation of the «shadow» freight turnover of automobile transport was carried out. It is based on a simple hypothesis about a linear functional relationship between real GDP and freight turnover. Moreover, this conclusion about the shift in transportation in favor of road transport is confirmed by the change in rolling stock: while the number of wagons decreased, the number of trucks increased. The shift was largely due to the collapse of the USSR railways in 1990-1991, when freight cars stood on the roadside for months, which was associated with a general management crisis. At that time, Soviet cities were experiencing a shortage of food and fuel, but not only were cars with factory components idle, but also with grain, other food, and coal. However, the idea that the supply crisis was man-made was not confirmed: after the collapse of the USSR, the ban on the activities of the CPSU, and the coming to power of a new government in 1992, the situation with unloading railway cars improved quite slowly.

Keywords: *infrastructure, structural shift in freight transport, 1990s, freight transport collapse, management crisis, rolling stock.*

JEL: N70, R41.

М.А. Фельдман

*д.ист.н., профессор, Уральский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (Екатеринбург)*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ТЕХНИЧЕСКОЙ УЧЁБЫ РАБОЧИХ В 1936–1940 гг. НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ТЕХНИЧЕСКАЯ УЧЁБА»

Аннотация. Статья посвящена малоизученной проблеме: реализации Программы производственного обучения без отрыва от производства на предприятиях Наркомата тяжёлой промышленности (НКТП) в 1936–1940 гг. как основному каналу подготовки рабочих кадров для промышленности СССР. Исследование проведено на основе фронтального изучения материалов журнала Главного управления учебными заведениями НКТП, издававшегося в 1931–1936 гг. под названием «Техническая пропаганда», в 1936–1940 гг. — «Техническая учёба». Сделан вывод о том, что журнал в период 1936–1940 гг. сумел раскрыть замысел Программы производственного обучения без отрыва от производства на предприятиях Наркомата тяжёлой промышленности, выявить основные направления производственного обучения в отраслях, подведомственных НКТП. Статьи журнала дали в целом объективную оценку хода реализации программы технической учёбы рабочих; вскрывали недочёты и ошибки становления новой системы технической учёбы; верно определяли тенденции и параметры её развития.

Ключевые слова: *Программа производственного обучения, Наркомат тяжёлой промышленности, обучение без отрыва от производства, стахановские курсы, курсы мастеров социалистического труда (КМСТ).*

JEL: B24, N44

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_181_195

© М.А. Фельдман, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Фельдман М.А. Государственная программа технической учёбы рабочих в 1936 — 1940 гг. на страницах журнала «Техническая учёба» // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 181–195.*

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_181_195.

FOR CITATION: *Feldman M. State Program of Technical Education of Workers in 1936 — 1940 on the Pages of the Magazine «Technical Studies» // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 181–195*

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_181_195.

Введение

Тенденции развития современной экономики требуют изучения опыта подготовки рабочих кадров для промышленности. В недавнем прошлом данная проблема была идеологизирована. В результате ряд трудов по этой теме [Осовский, 1980; Очерки..., 1981; Батышев, 1987] предоставлял одностороннюю информацию: перечислялись достижения, предлагалась периодизация истории профессионально-технического образования, рассматривались проблемы разработки теории профтехобразования на различных этапах исторического развития, но всё это — вне критического анализа реальных результатов.

В монографии 2004 г. [Постников, Фельдман, 2004] была сделана попытка преодолеть указанные недостатки, но её содержание ограничивалось рамками одного региона. Оценка эволюции системы технической учёбы рабочих тесно связана с определением качественных характеристик советского рабочего класса на рубеже 1930-1940-х гг. Особую роль в изучении этого феномена играла государственная Программа технической учёбы рабочих, принятая по решению декабрьского (1935) Пленума ЦК ВКП(б) (далее — Пленум).

Этот Пленум относится к тому событию, упоминание о котором было обязательным в исторической литературе советского времени. По официальной версии «пленум подвёл первые итоги стахановского движения, наметил программу дальнейших действий». Если мифологичной и рациональной сторонам стахановского движения посвящено современное исследование [Фельдман, 2023], то анализ конкретной реализации резолюций Пленума отсутствует.

Между тем приоритетными в резолюциях Пленума стали задачи в области *технической учёбы рабочих*: предусматривалось в ближайшие три — четыре года организовать обязательное обучение всех рабочих тяжёлой промышленности на курсах по изучению технического минимума. В лёгкой промышленности, лесной отрасли и на транспорте этот срок был сокращён до двух лет (1936–1937 гг.) Намечался пересмотр содержания программы технического минимума «в соответствии с возможностями и новыми задачами» отрасли.

Последующей стадией технической учёбы рабочих должны были стать стахановские курсы и школы. Наконец, «для выдающихся рабочих, рабочих-стахановцев» планировалось «организовать специальные курсы мастеров социалистического труда, принимая на эти курсы стахановцев, дающих высокую производительность труда». На методическое обеспечение системы технической учёбы рабочих был нацелен план пересмотра содержания учебников и пособий, справочников по основным рабочим специальностям [Пленум..., 1935. С. 169].

Судя по тексту резолюции, голос приглашённых на Пленум представителей директорского корпуса был услышан и воспроизведён в основных формулировках резолюции. Этот тезис подтверждает и наличие в комиссии по выработке текста резолюции ряда директоров крупнейших предприятий (Д.А. Брускин, Г.А. Гвахария, Я.С. Гугель, С.Н. Леготин, И.Г. Макаров, И.А. Манаенков, К.М. Отс и др.) [Пленум..., 1935. С. 178]. Таким образом, содержание резолюции по рассматриваемому вопросу в целом соответствовало задачам реальной экономики, но заметно отличалось от декларируемых в партийной пропаганде мифологических основ стахановского движения.

Анализ источников позволяет сделать вывод о планах НКТП и его руководителя — Г.К. Орджоникидзе — обучить основную массу промышленных рабочих на курсах повышения квалификации к 1942 г., и на КМСТ (курсах мастеров социалистического труда) — к 1947 г. КМСТ создавались для наиболее квалифицированных рабочих¹. Для реализации указанных планов в отраслях крупной промышленности при наркоматах, главках, предприятиях была создана централизованная система руководства профессиональной подготовкой рабочих. В частности, на предприятиях возникали Советы по техническому обучению рабочих во главе с директором. Деятельность самих предприятий оценивалась по состоянию массовой технической учёбы рабочих. К преподаванию привлекли ведущих специалистов предприятий, учёных, преподавателей вузов. В кратчайшие сроки (всего за 70 дней) было написано и издано 253 учебника по техминимуму для рабочих 403 различных профессий [Козлов, Хлевнюк, 1988. С. 174].

К началу второй пятилетки удельный вес выпускников ФЗУ составлял менее 10% от всех промышленных рабочих СССР [Гольцман, Коган, 1934. С. 59]. За счёт сокращения в 1933 г. сроков обучения в ФЗУ с двух лет до шести месяцев и удаления из учебных планов

¹ РГАЭ.Ф.7297. ОП. 7.Д. 216. Л. 4-9.

общеобразовательных предметов удалось увеличить количество учащихся. Однако обратной стороной такого изменения стало снижение качества подготовки и отсев учащихся, достигший, по данным Госплана, 75% в 1933 г. и 50% в 1934 г. [*Индустриализация...*, 1971. С. 503]. В результате основная масса рабочих кадров в годы первых пятилеток готовилась без отрыва от производства.

Каким же образом была реализована программа технической учёбы рабочих без отрыва от производства, принятая в январе 1936 г. [*Новая...*, 1936]? В предлагаемой статье делается попытка проследить эволюцию системы технической учебы рабочих без отрыва от производства на основании фронтального изучения публикаций в журнале Главного управления учебными заведениями (ГУУЗ) НКТП — «Техническая пропаганда» (с 1937 г. — «Техническая учёба») за период 1936 — 1940 гг.

И во время существования НКТП (январь 1932 г. — январь 1939 г.) и в последующий период, до лета 1940 г., для возникших на основе НКТП семи промышленных наркоматов — журнал «Техническая учёба» являлся координирующим и методическим центром системы технической учёбы рабочих. Можно только сожалеть, что указанный ведущий научно-технический журнал, много сил отдавший делу совершенствования содержания технической учёбы рабочих, методике преподавания, передаче опыта лучших предприятий, изучению зарубежного опыта профессиональной подготовки рабочих, в 1940 г. был превращён в узкоотраслевое издание (нефтяной промышленности).

Первый год реализации новой системы технической учёбы

Статья И. Парыгина и Б. Рошалья «Новая система технической учёбы», опубликованная в марте 1936 г., повествовала о задачах производственного обучения без отрыва от производства на предприятиях Наркомтяжпрома. В ней отмечалось, что в 1936 г. необходимо обучить на курсах техминимума 700 тыс. рабочих. Обучение должно было пройти в три набора начиная с 1 марта 1936 г. Сообщалось, что объём теоретического обучения должен был в 1936 г. вырасти в два раза и составить 120 часов, из которых 50 затрачивалось на изучение работы и обслуживания агрегата. Помимо того предполагалось отвести 200 часов на производственное обучение и 40 часов на производственный инструктаж. Все программы курсов техминимума утверждались и заверялись главным инженером предприятия. В первую очередь обучению подлежали рабочие 255 профессий, которые по каким-либо причинам не сдали в 1935 г. государственный технический экзамен, а также рабочие 235 первоочередных новых профессий [*Парыгин, Рошаль*, 1936. С.28].

В 1937 г. круг рабочих профессий, подлежащих обязательному обучению на курсах техминимума, был расширен до 488, а план набора на курсы был оставлен прежним — 700 тыс. Ещё 200 тыс. рабочих дополнительно набирались на курсы техминимума для новых рабочих, включавших 200 часов производственного инструктажа [*Копылова*, 1937. С. 8].

Со ссылкой на решения декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) 1935 г. говорилось о «необходимости помочь всем без исключения стахановцам пополнить свои технические знания, создав для них специальные технические курсы, не требующие отрыва от производства» [*Парыгин, Рошаль*, 1936. С.30]. Тем самым среди рабочего класса выделялась особая группа — «стахановцы», т.е. избранные, лучшие работники, для которых создавался не только круг мер дополнительной материальной поддержки, но и особый формат технического обучения. 500 тыс. рабочих должны были закончить стахановские курсы, где акцент был сделан на изучении методов работы лучших стахановцев. Из 160 часов обучения основное внимание уделялось увеличению скорости технологических процессов; устранению простоев оборудования; одновременной обработке нескольких изделий; параллельному проведению нескольких операций, и т.д.

Обращало на себя внимание то, что из общего объёма в 160 часов почти половина, 70 часов, отводилась на изучение элементов арифметики и физики, 40 — на производственный инструктаж, и только 30 часов на освоение работы агрегатов и механизмов. По 10 часов отводилось на изучение организации и технического обслуживания рабочего места, а также на основы технического нормирования и рентабельности производства. Программы обучения стахановцев понимались как постоянно меняющиеся: они должны были пополняться изучением новых стахановских методов и приёмов. На стахановских курсах на протяжении трёх месяцев предполагался следующий режим обучения: 10 дней в месяц по 4 академических часа в день.

По замыслу разработчиков Программы техучёбы рабочих (и по оценке авторов упомянутой статьи), это должно было позволить «в короткий срок времени обучить стахановским приёмам и методам огромную армию рабочих» [Там же. С. 28]. Обоснованность замысла повышения квалификации рабочих не вызывала сомнения, вопрос заключался в достаточности 30 часов на освоение работы агрегатов и механизмов на новых или реконструированных предприятиях.

Сравнение содержания программы курсов техминимума и стахановских курсов [Там же. С. 28.] позволяет сделать вывод об отсутствии принципиальной разницы между ними. Незначительный объём времени на теоретические аспекты технической подготовки, ставка на производственный инструктаж отличали обе ступени технической учёбы. С учётом того, что значительная часть стахановцев в 1935 г. успешно сдала государственный технический экзамен [Социальный..., 1980. С. 143], фактически шла речь не столько о повышении квалификации рабочих, сколько о более тщательном изучении содержания программы курсов техминимума и основ стахановских методов работы. Важное дополнение: для стахановцев предполагалось заблаговременное обеспечение рабочего места всеми необходимыми инструментами, материалами и приспособлениями; заблаговременное получение задания; своевременный планово-предупредительный ремонт и т.д. [Парыгин, Рошаль, 1936. С.28]. Получалось, что только стахановцам гарантировалось то обслуживание, которое вообще-то должно было быть нормой для всех производственных рабочих. Как видно, отличие заключалось, во-первых, в условиях обслуживания станков и агрегатов, на которых работали стахановцы; во-вторых, в возможности на стахановских курсах повторного изучения особенностей оборудования на конкретных производственных участках.

Принципиально иные задачи ставились перед слушателями курсов мастеров социалистического труда (КМСТ). Они создавались для «выдающихся рабочих и рабочих-стахановцев и должны были обеспечить лучшим стахановцам возможность не только повысить техническую подготовку, но и общеобразовательные знания». Учебный план был рассчитан на два учебных года и включал 1400 часов, из которых 200 часов отводились на производственный инструктаж. Учебный план включал следующие дисциплины: русский язык и математику (33% времени); физику, химию, чтение чертежей, общую технологию (23% времени); спецкурс (44% времени) [Там же. С.28].

На КМСТ принимались рабочие, имевшие общеобразовательную подготовку не ниже четырёх лет начальной школы. Задача изучения предметов неполной средней школы носила вполне очевидный характер. Например, объём математических знаний (272 часов), даваемых на КМСТ, должен был быть приблизительно равен математическому объёму неполной средней школы [Там же. С.28]. 192 часа, отведённых на занятия по русскому языку, должны были позволить рабочим грамотно писать и излагать свои мысли; привить навыки работы с книгой, техническим каталогом.

В спецкурсе давалась подробное объяснение новейших усовершенствований станков, механизмов и агрегатов. Углублённо изучалась теория процесса, курс организации производства, технологического нормирования и планирования. Особо тщательно изучались стахановские методы и организация труда.

Обучение на КМСТ в 1936 г. 250 тыс. рабочих должно было «продемонстрировать реализацию задачи, поставленной т. Сталиным: поднятия культурно-технического уровня рабочих до уровня инженеров и техников» [Там же. С.30]. Каким образом знания за семилетку (неполную среднюю школу) и технические знания, необходимые рабочему высокой квалификации, могут непосредственно приблизить уровень развития рабочих к уровню инженеров и техников ни официальные документы, ни рассматриваемая статья не давали ответа.

Тем не менее журнал «Техническая пропаганда» в сжатой форме достаточно полно отразил основные параметры государственной программы технической учёбы рабочих НКТП. Ряд серьёзных вопросов — анализ параметров преподавательского состава на курсах техучёбы рабочих, оценка качества учебных программ и, самое главное, характеристика образовательного уровня советских рабочих, их способности усвоения общеобразовательных и технических дисциплин, сама возможность обучения после рабочего дня — не рассматривались. Идеологические запреты на любые критические замечания в адрес «самого передового класса советского общества» были известны.

Тем не менее действительность вмешалась в грандиозные планы технической подготовки советских рабочих. Значительная часть промышленных рабочих не имела начального образования, навыков систематического стационарного обучения. Многие жаловались на сложности работы на курсах техминимума и стахановских курсах, отказывались от обучения после рабочего дня. В апреле 1936 г., в статье, посвящённой открытию курсов КМСТ на крупном предприятии — Харьковском тракторном заводе (ХТЗ), были опубликованы результаты социологического обследования 500 рабочих, ставших слушателями курсов (заметим, отобранных из 1 400 желающих поступить на КМСТ). Результаты обследования показали: 30% слушателей имели начальное образование, ещё 14 — закончили пять классов, а 18% — семилетку. Это означало, что установленным критериям для поступления на КМСТ ХТЗ соответствовали только 62%. Правда, 21% закончили ФЗУ, где в части учебных заведений преподавались общеобразовательные предметы. Комплектование слушателей КМСТ из рабочих, не имеющих начального образования, было вынужденной реальностью, и журнал фиксировал: даже на крупных предприятиях до 50% учащихся КМСТ не закончили начальную школу (Техническая учёба. 1938. № 11. С. 13)².

Среди слушателей КМСТ ХТЗ преобладала молодёжь: 40% слушателей были моложе 25 лет, а ещё 41% от 25 до 30 лет. Небольшое преобладание имела категория рабочих с производственным стажем менее пяти лет — 51%. Практически такую же долю составляли комсомольцы и коммунисты, ещё половину слушателей составляли беспартийные рабочие [Голубев, 1936. С. 18-21]. Имеющиеся в статьях журнала данные иных социологических обследований на предприятиях НКТП были близки приведённым выше.

В июле 1936 г. журнал «Техническая пропаганда» опубликовал первые аналитические размышления о ходе реализации программы технической учёбы рабочих. В статье начальника ГУУЗа НКТП Д. Петровского [Петровский, 1936], при подчёркивании масштабных «успехов в деле массовой технической учёбы», назывались и проблемы: большие нагрузки на слушателей КМСТ — 15 учебных дней в месяц, по 4 часа в день; часть руководителей курсов массовой технической учёбы рабочих — совместители, с невысокой материальной мотивацией; «отдельные хозяйственники» нарушали закон, допуская к работе на ответственных агрегатах рабочих, *не сдавших техминимум*.

Для решения указанных проблем Петровский предлагал комплектовать руководителей курсов массовой технической учёбы рабочих конкретного предприятия только из числа опытных специалистов данного завода или фабрики. Указав, что оплата сложного и ответственного труда руководителей курсов массовой технической учёбы рабочих (5 руб. в час) явно недостаточна, Петровский предложил увеличить её до 10–15 руб. в час.

² Здесь и далее ссылки на редакторские статьи без подписи — в круглых скобках.

Выделим ещё ряд предложений Петровского. Это, во-первых, обязательность наличия наглядных пособий на занятиях: без них словесные объяснения будут малоэффективны. Во-вторых, гарантии обязательности дополнительного двухмесячного отпуска для слушателей КМСТ и десятидневного — для слушателей остальных курсов. Наконец, важность кадровых перспектив рабочих, успешно сдавших экзамены: прошедшие курсы техминимума должны получать право работы на ответственных агрегатах; окончившие КМСТ — получать звание мастера социалистического труда и статус, равный статусу техников. Указав на отсутствие ответа на вопрос о возможностях кадрового роста прошедших обучение на стахановских курсах, Петровский внёс предложение: слушатели стахановских курсов, успешно сдавшие экзамен, должны выдвигаться на должности бригадиров.

В опубликованном в октябре 1936 г. приказе заместителя наркома тяжёлой промышленности СССР М.Л. Рухимовича от 20 сентября 1936 г. № 1553 «Об улучшении дела технического обучения рабочих на предприятиях», отмечалось, что на ряде предприятий наркомата техническая учёба организована неудовлетворительно (низкая посещаемость занятий, высокий процент отсева слушателей и т.п.). Рухимович в приказном порядке потребовал усилить внимание директоров предприятий к состоянию технической учёбы без отрыва от производства, в том числе ввести запрет на отрыв рабочих от занятий на курсах в установленные для занятий дни учёбы (Техническая учёба. 1936. № 17. С. 30).

В том же номере журнала был опубликован материал, фактически дополняющий приказ Рухимовича. В рамках «нового режима работы курсов массовой технической учёбы рабочих» сообщалось о заметном сокращении времени на изучение материалов и заданий курсов массовой техучебы: на курсах техминимума — не более 10 дней в месяц и по 2,5 часа в день; на стахановских курсах — не более 10 дней в месяц и по 2 часа в день; на КМСТ — не более 12 дней в месяц и по 3 часа в день. Наиболее резкие изменения касались стахановских курсов, где общий курс сокращался с 120 часов до 50 за счёт исключения общеобразовательных дисциплин. На КМСТ, при уменьшении времени на последние с 192 до 140 часов, вводились специальные занятия (100 часов) для консультаций с отстающими. Разумным выглядело и введение двух вариантов учебной подготовки: для слушателей с подготовкой в рамках начальной школы и для тех, кто закончил семь классов [Монахов, 1936]. Однако в статье не говорилось, чем вызвано введение «нового режима» работы курсов массовой технической учёбы рабочих; какая государственная структура инициировала его введение; на основании каких документов он вводится; какую позицию здесь занимает ГУУЗ НКТП.

Только в ноябре 1936 г. в журнале «Техническая пропаганда» прозвучало более подробное разъяснение причин появления «нового режима». Оно появилось в статьях, призывающих «по просьбам трудящихся» к упрощению учебных программ. Так, в статье С. Емельянова [Емельянов, 1936] указывалось на «перенасыщение» учебного процесса предметами школьной подготовки и на излишне сложный режим занятий. Емельянов подчёркивал: три квартала 1936 г. отчётливо показали, что при выполнении планов набора на курсы массовой технической учёбы, планы выпуска слушателей с курсов сорваны, причём наибольший отсев слушателей произошёл на стахановских курсах. Указав на следствие — «недовольство рабочих обучением на стахановских курсах» [Там же. С. 6], автор ушёл от анализа причин такого явления. Выход — со ссылкой на решение ЦК ВКП (б) (без указания времени принятия решения) — излагался следующим образом: срок обучения на курсах техминимума сокращался с шести до четырёх месяцев, а на стахановских курсах — с четырёх до двух. Показательно и другое: в конце статьи отмечалось, что и подобное сокращение не избавит от проблем слушателей курсов.

Конкретизируя мысли статьи Емельянова, авторы статей в том же номере журнала указывали: только на немногих предприятиях, и даже в подотраслях тяжёлой промышленности, состояние технической учёбы не оставляет желать лучшего. А в целом по заводам и фабрикам НКТП при плане обучения на 1936 г. в 700 тыс. слушателей на курсах техминимума,

на 1 октября было обучено и проэкзаменовано немногим более 200 тыс. человек. При констатации такой ситуации неубедительно звучал тезис о том, что введение твёрдого графика сдачи экзаменов может кардинально изменить положение дел [Несбланд, 1936].

Не лучше обстояло дело и на стахановских курсах — попытка вместо «лучших стахановцев» направить на них всех рабочих, сдавших в 1935–1936 гг. техминимум, явно не отвечала возможностям системы производственно-технической подготовки. Что же касается КМСТ, то при плане набора в 250 тыс. человек в 1936 г. с трудом удалось набрать 200 тыс. (по другим данным — 175 тыс. [Копылова, 1937. С. 9]). Выход из данной ситуации ГУУЗ видел в привлечении на КМСТ не только стахановцев, но и мастеров, бригадиров, десятников [Там же]. В целом планы подготовки рабочих кадров в 1936 г. не выполнялись — как по отраслям, так и по регионам. Например, по Свердловской области план 1936 г. по официальным данным (отчёту обкома в ЦК ВКП(б)) был выполнен на 66,6%³. В сочетании с разочарованием в результатах стахановского движения это вызывало гнев Сталина.

Подведём черту. Столкнувшись с немалыми трудностями в первый же год реализации госпрограммы системы техучёбы рабочих (1936 г.), выход был найден в наиболее простом варианте — упрощении учебных программ. Иной вариант — совмещение процессов образовательной и производственно-технической подготовки — рассматривался только в формате КМСТ. Но КМСТ в 1936 г. смогли охватить только от 200 тыс. до 175 тыс. рабочих, а первый выпуск планировался в 1938 г. [Иванов, 1937].

Публикации журнала 1937–1938 гг. — профессионализм и репрессии

Редакция журнала не могла не отреагировать на события 1937 г., связанные с массовыми репрессиями против специалистов. Статьи журнала оказались сфокусированы на описании и передаче опыта организации технической учёбы на крупных передовых заводах. Характерными в этом плане можно считать публикации В.Бойко, Д. Гончарова и В. Сизова [Бойко, 1937; Гончаров, 1937; Сизов, 1937]. Авторы статей, повествуя о многотысячных выпусках на курсах техминимума и стахановских курсах, эффективность работы курсов иллюстрировали в количественных показателях перевода выпускников курсов в мастера, бригадиры, наладчики. В статьях не поднимались вопросы о росте в трудовых коллективах на предприятиях доли квалифицированных рабочих; о связи высокой текучести кадров и необходимости год за годом обучать многие тысячи новых рабочих. Определённое значение имели сообщения о введении в крупных цехах должности заместителя начальника цеха по технической учёбе, а в остальных цехах — ответственных за курсы массовой техучёбы рабочих [Бойко, 1937].

Особый интерес вызывает материал, опубликованный в сентябре 1937 г. в рубрике «Наша анкета на Уралмаше о техучёбе» (№ 14. С. 10–11). Проведённый социологический опрос работников завода показал: большинство из них выступало за увеличение часов на изучение общеобразовательных дисциплин, прежде всего на изучение производственных чертежей, что противоречило содержанию приказа наркомата (от 20 сентября 1936 г. №1553).

Вместе с тем характерной чертой 1937 г. можно считать появление ряда публикаций о вредительстве специалистов в деле производственно-технической подготовки рабочих [Муравьева, 1937; Выкорчёвывать..., 1937]. Если в 1936 г. статьи в журнале говорили только об отдельных *ошибках и недочётах* на курсах массовой техучёбы рабочих, например в редакционной статье журнала 1936 г. (№ 10), то в 1937 г. — нередкими стали заявления о *заведомом вредительстве* ответственных за дело производственно-технической подготовки. Вредителем был назван и «разоблачённый враг — бывший начальник ГУУЗ НКТП

³ РГА СПИ. Ф.17. Оп. 21. Д. 297.Л.15.

Д. Петровский». Осознанное вредительство Петровского выражалось, по утверждению редакционной статьи журнала, в «путаных директивах и в отсутствии учебников по специальным дисциплинам КМСТ» [*Выкорчёвывать...*, 1937. С. 2].

Без сомнения нуждается в дополнительной проверке утверждение о комплектации стахановских курсов в рамках НКТП в 1936 г. на 10-18% в контексте утверждения о «вредительском формате этого вида техучёбы» [Там же. С. 3]. Ещё одним последствием событий 1937 г. стало заметное сокращение публикаций, посвящённых освещению зарубежного опыта техучёбы.

Тем не менее показателен характер Совещания актива работников массовой техучёбы рабочих (далее — Совещание) 22-23 августа 1937 г. в Москве в ГУУЗ НКТП (см. № 10 1936 г.). Повестка дня включала подведение итогов работы курсов за 1936 и 1937 гг. и анализ «мер по ликвидации вредительства на фронте профессионального образования». Внимательное прочтение выступлений участников Совещания показывало картину вполне определённых упущений и недочётов (запоздалый выход учебников для слушателей КМСТ; учебные пособия не всегда согласовывались с администрацией предприятий, со стахановцами и специалистами и т.п.), но отнюдь не умышленного вредительства.

На Совещании прозвучало признание объективных трудностей, препятствующих эффективности работы курсов техучёбы. Например, на шахтах Донбасса среди рабочих основных профессий доля закончивших начальную школу была невелика: не превышала 50-60% среди машинистов электровозов и их помощников, 70% — среди машинистов врубовых комбайнов и их помощников. Между тем, как уже отмечалось, на КМСТ, по положению, принимались только рабочие, закончившие начальную школу. Единичными оказались упрёки участников Совещания в адрес абстрактных «врагов народа, всячески дискредитирующих стахановские курсы».

Таким образом, проведённое в разгар массового террора 1937 г. Совещание показало: при внешнем согласии с кампанией борьбы с вредителями в Наркомтяжпроме и на предприятиях отрасли представители актива работников массовой техучёбы рабочих проявили свой профессионализм, разбирая конкретные проблемы профессионального образования как на уровне отдельных предприятий и главков, так и наркомата в целом. Это объяснялось не только личной смелостью, но и пониманием ответственности за порученное дело.

В сложный период 1937-1938 гг. редакция журнала «Техническая учёба» сконцентрировала своё внимание на двух аспектах: 1) на позитивной роли институтов технической учёбы; 2) на стахановских курсах целевого назначения. По мнению редакции журнала, образцом такого института выступал столичный институт — Московский институт техучёбы [Александров, 1938], охвативший организационно-методическим руководством более 350 предприятий 12-ти центральных областей РСФСР. За каждым инспектором института техучёбы закреплялись 25-30 предприятий по конкретной отрасли промышленности. В обязанности инспектора института входили не только проверка учебных занятий, но и методическая помощь, включая открытый разбор занятий на совещаниях преподавателей курсов; доклад о состоянии техучёбы на предприятии на совещании у главного инженера всех начальников цехов и работников профессионального образования. Работники Московского института техучёбы проводили семинары по повышению педагогической квалификации преподавателей курсов с обязательной проверкой динамики учебного процесса. Самокритично звучали слова о недостаточной работе по организации выпуска наглядных пособий для курсов; по организации обмена опытом техучёбы передовых предприятий [Там же. С.50]. Авторы отмечали, что в провинциальных институтах техучёбы дела идут менее успешно [Грен, 1938]. Обращает на себя внимание отсутствие оценки Институтов технической учёбы со стороны НКТП.

Что касается стахановских курсов целевого назначения (СКЦН), то, судя по публикациям в журнале «Техническая учёба», они возникли в качестве ответной реакции на

резкую критику стахановских курсов. СКЦН были нацелены на углублённое изучение конструкций механизмов и агрегатов, включая их разборку и сборку (30 часов) и производственный инструктаж, направленный на знакомство с методами работы стахановцев (15 часов) [Шварцберг, 1937]. Опыт работы передовых предприятий предполагал изучение рабочими механизмов и агрегатов в соответствующих заводских лабораториях, имеющих необходимую проверочную аппаратуру.

В статье журнала, опубликованной в январе 1938 г., СКЦН назывались «совершенно новым учебным заведением» [Львов, 1938]. Характерно, что автор статьи неоднократно подчёркивал принципиальную разницу между прежними стахановскими курсами и СКЦН. Указывалось, что «прежние стахановские курсы не являлись второй ступенью технической учёбы», а фактически дополняли объём знаний и навыков, полученных на курсах техминимума.

Принципиальное отличие СКЦН автору статьи виделось в «резко выраженном отраслевом характере»; в сочетании изучения требований отрасли и конкретного предприятия. В задачу курсов входило устранение тех или иных дефектов специальной подготовки рабочих конкретной профессии [Там же. С. 48]. Однако эти отличия, на мой взгляд, не свидетельствовали о качественном отходе от принципов стахановских курсов. В большой степени они определялись стремлением уйти от жёсткой критики предшествующего опыта техучёбы в 1936 г. типа «вредительского формата этого вида техучёбы», о котором говорилось выше.

Куда большую значимость имел тезис о комплектовании СКЦН: учебные группы должны были комплектоваться из рабочих одних специальностей, работавших на однотипных агрегатах [Там же. С. 49]. Не менее важным было указание на то, что оплата преподавателей на СКЦН должна была проводиться по ставкам, утверждённым для преподавателей и инструкторов курсов техминимума. Тем самым упорядочивался и регламентировался порядок набора на курсы и формат оплаты. О значимости указанной темы говорит и появление в 1938 г. в журнале специальной рубрики «Стахановские курсы целевого назначения».

В статье В. Бойко «Стахановские курсы целевого назначения на заводах «Электросталь» и Серп и молот» отмечались положительные сдвиги в работе СКЦН [Бойко, 1938]. Начальники цехов завода разработали программы целевых курсов вместе с работниками отдела кадров выбрали преподавателей из числа начальников смен, инженеров, лучших сменных мастеров. В центре программ целевых курсов оказались вопросы работы бригады, участка, цеха по производственному графику. Изучению подлежали параметры производительности агрегатов и механизмов. Повышенные требования к слушателям СКЦН позволили обеспечить их высокую посещаемость (84,7% по заводу «Электросталь»), но дали заметно более скромные результаты на квалификационном экзамене: на «отлично» сдали 11%, на «хорошо» 20% от числа обучавшихся рабочих. Это означало, что на экзамене менее трети рабочих смогли показать умение и навыки, требуемые положениями об экзамене. Тем не менее вывод автора был однозначный: у СКЦН имелся большой потенциал для роста. Не случайно лучшие слушатели и преподаватели были премированы приказом директора «Электростали» по итогам обучения на СКЦН.

Первые выпуски КМСТ в 1938 г. активизировали интерес редакции журнала к наиболее важной проблеме — подготовке высококвалифицированных рабочих. Однако, акцентируя внимание на трудностях такой подготовки, отмечая, например, среди учащихся КМСТ на Кузнецком металлургическом заводе лишь небольшую долю рабочих, закончивших семилетку, указывая на низкий общеобразовательный уровень стахановцев (до поступления на КМСТ) «в ста словах делали 20–30 ошибок, а некоторые и 60; плохо разбирались в технической, политической и художественной литературе» [Чирков, 1938], автор не затрагивал главного вопроса: как изменился квалификационный потенциал предприятия; насколько эффективно действовал преподавательский персонал. Аналогичные материалы были опубликованы в статье Я. Гербера «Первый выпуск слушателей КМСТ на заводе им. Петровского» [Гербер, 1938].

Журнал «Техническая учёба» и разработка проектов третьего пятилетнего плана

Разработка проектов третьего пятилетнего плана на 1938-1942 гг. подтолкнула научные силы страны к переосмыслению итогов второй пятилетки. Не остался в стороне и журнал «Техническая учёба». С лета 1937 г. на его страницах начинается обсуждение проектов ГУУЗ НКТП на третью пятилетку. В статье А. Весбланда «Пятилетний план техучёбы рабочих» была дана развёрнутая характеристика одного из таких проектов [Весбланд, 1938]. Главное внимание уделялось дальнейшему развитию курсов техучёбы рабочих без отрыва от производства. С одной стороны, курсы техминимума рассматривались как уходящий формат рабочего образования (ставилась задача за три-четыре года завершить обучение рабочих на этой ступени профессионально-технической подготовки). С другой стороны, в 1938 г. планировалось обучение на указанных курсах 1 млн человек и ещё 1 млн в 1939-1942 гг. Статья не касалась проблемы высокой текучести рабочих кадров и вынужденной необходимости снова начинать обучение вновь пришедших на производство людей.

Перемены намечались и в промежуточном звене между курсами техминимума и КМСТ: стахановские курсы, по мнению автора, «исчерпали себя». Это произошло в силу и невозможности унификации повышения квалификации рабочих в самых различных отраслях, и общей негативной оценки этого типа обучения. Заменить их должны были целевые курсы на предприятиях, нацеленные на решение их конкретных задач. Обращало на себя внимание совпадение плановых показателей на третью пятилетку по обучению на курсах техминимума и курсах целевого назначения — по *два миллиона*. Это не было случайностью: все рабочие, закончившие нижнюю ступень профессионально-технической подготовки, должны были последовательно приступить к занятиям на курсах целевого назначения (слово «стахановские» стало употребляться редко).

Статья впервые вводила в научный оборот утверждение о том, что КМСТ в годы Третьей пятилетки должны стать основной формой повышения культурно-технического уровня стахановцев и лучших рабочих-ударников. С учётом того, что, по официальным данным, стахановцы и ударники составляли большую часть рабочих промышленности СССР, это означало указание на *тенденцию* к всеобщему обучению рабочих на КМСТ.

Уточняя эту мысль, автор подчёркивал: в годы третьей пятилетки КМСТ должны обучить половину состава квалифицированных рабочих, а вторую половину — в годы четвёртой пятилетки. Автор не скрывал и сложностей: немалая часть из обучающихся в данный момент (170 тыс. слушателей КМСТ) учились в плохо приспособленных для занятий помещениях [Сизов, 1937]. Аналогичные мысли выдвигались в статьях по данной проблематике опубликованных в 1937 г. [Емельянов, 1937].

Трудно сказать, в какой мере взгляды авторов статей журнала были учтены руководством ВКП(б), НКТП и ГУУЗ НКТП. Однако план расходов по сети технического образования на третью пятилетку по НКТП, подготовленный ГУУЗ НКТП в августе 1937 г., предусматривал *выделение на КМСТ более половины всех расходов* (53% из 3 млрд рублей), тогда как на курсы техминимума выделялись 6%, на курсы целевого назначения — 20, на ФЗУ — 17%⁴. То есть позиция журнала отражала реальный курс плановых органов.

Всего за годы Третьей пятилетки в тяжёлой промышленности СССР должны были пройти обучение 7 млн рабочих, в том числе на КМСТ — 22,4% (1,568 млн человек)⁵. Следует отметить и принципиальный момент: отсутствие в журнале публикаций, анализирующих саму возможность обучения на КМСТ столь обширной армии слушателей. Бесспорность ставки на КМСТ не сочеталась с имеющимися условиями и возможностями: и для уже обучающихся 170 тыс. человек помещения для занятий были плохо приспособлены.

⁴ РГАЭ. Ф.7297. Оп. 7.Д. 216. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 7-8.

Годы третьей пятилетки привнесли новые подходы к профессионально-технической подготовке без отрыва от производства. В статье И. Большакова и Г. Павлова «Техническое обучение в третьей пятилетке» [Большаков, Павлов, 1939] предлагалось разделить КМСТ на два концента (направления): один — со сроком обучения 2,5 года, и второй — со сроком обучения 3 — 3,5 года. Первый предназначался для рабочих, имеющих 4-5 классов школьной подготовки. По окончании КМСТ слушателям присваивалось звание мастера социалистического труда. Второй предназначался для рабочих с семью классами школьной подготовки. По окончании КМСТ слушателям присваивалось звание техника. Статья давала положительную характеристику курсам целевого назначения как «весьма гибкой и оперативной форме учёбы».

В статье С. Трубникова «К вопросу о подготовке квалифицированных рабочих в 1940 г.» [Трубников, 1939] отмечался масштаб потребностей промышленности СССР в квалифицированных рабочих в период 1938-1940 гг.: 3 млн человек. Выполнить такую исполинскую задачу можно было только при согласовании плановых органов всех отраслевых наркоматов (до 1938 г. входивших в НКТП). Статья того же автора «Некоторые итоги подготовки квалифицированных рабочих кадров» [Трубников, 1940] фактически подводила итоги технической учёбы рабочих в годы первых пятилеток и работы самого журнала «Техническая учёба», утратившего во второй половине 1940 г. свои функции межотраслевого методического центра. Автор вновь обратил внимание на несоответствие между потребностью промышленности в квалифицированных рабочих кадрах и выпусками курсов массовой техучёбы, качеством обучения на «отдельных предприятиях». К сожалению, основное внимание в статье уделялось количественным показателям техучёбы.

И на заседании секретариата ВЦСПС 9 сентября 1940 г.⁶, и на совещании начальников управлений технического обучения рабочих наркоматов СССР в Госплане 17 декабря 1940 г.⁷ прозвучала критика существующей системы курсов массовой техучёбы рабочих, прежде всего КМСТ. Объектом критики стали малые (в сравнении с планом) наборы слушателей; низкая успеваемость; высокий процент отсева. При этом на упомянутом выше совещании в Госплане были озвучены показатели итогов технического образования в СССР за 1936-1940 гг.: технической учёбой было охвачено 20 млн человек, закончили учебу 15 млн. Что же касается *рабочих*, то, по данным ЦУНХУ⁸, в промышленности и строительстве различными видами технического обучения было охвачено 9 772,4 тыс. человек⁹, а во всём народном хозяйстве — 12,5 млн в 1938–1940 гг. и 2,25 млн в 1-м полугодии 1941 г.¹⁰ Это были действительно потрясающие цифры, свидетельствующие о масштабности усилий советского государства и общества. Вопрос заключался в другом: в степени их результативности. Во всём народном хозяйстве СССР к 1941 г. КМСТ закончили 223,4 тыс. человек. Такой показатель явно не соответствовал планам на третью пятилетку.

Отметим три обстоятельства, необходимые для понимания ситуации в рассматриваемой сфере в преддверии 1941 г. Во-первых, критика КМСТ, на мой взгляд, была несостоятельна: отсев с КМСТ за 1938-1940 гг. сократился с 34,8 до 12,6 % [Сенявский, Тельпуговский, 1971. С. 269], а успеваемость учащихся выросла с 89 до 97 %¹¹. В пользу эффективности КМСТ говорил и факт создания в ряде наркоматов курсов по подготовке техников из числа выпускников КМСТ. В 1939 г. 2 тыс. рабочих-металлургов, успешно закончивших КМСТ (или четверть всех выпускников 1939 г. в отрасли — наркомат чёрной металлургии), были

⁶ ГАРФ, Ф.5451. ОП. 24. Д. 69. Л. 14-20.

⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 394. Л. 182-185.

⁸ ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учёта.

⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 833. Л. 3.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 293. Л. 31.

¹¹ Средние данные по 14 металлургическим заводам Урала и ЧТЗ. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 47. Д. 109. Л. 346-351; Наш трактор. 1940. 8 янв.

зачислены на курсы по подготовке техников¹². Уже первые выпуски КМСТ дали промышленности СССР высококвалифицированных рабочих и резерв низового звена управленцев. Так, в Свердловской области 50,3% выпускников КМСТ перешли в различные звенья управленческого аппарата, став мастерами, бригадирами, начальниками смен¹³.

Во-вторых, на протяжении 1940 г. в СССР усиливался курс на сокращение расходов на подготовку рабочих кадров. По постановлению Экономсовета СНК СССР от 3 февраля 1940 г. было принято решение о сокращении расходов на подготовку рабочих кадров на 1,2 млрд руб.¹⁴, или на 40% от планового показателя на годы третьей пятилетки. Тратить каждый год на обучение одного рабочего на КМСТ по 500 руб. при альтернативе расходов в 60 руб. на курсах техминимума и 35 — 40 рублей на стахановских курсах власть не желала¹⁵. В-третьих, материальная база явно не соответствовала поставленным задачам. Проблема, как видно, заключалась не в низкой отдаче от КМСТ, а в подходах советского руководства: количественные показатели оказались важнее качественных.

Что касается стахановских курсов целевого назначения, то их в 1936–1940 гг., судя по официальным данным, опубликованным в журнале «Техническая учёба», закончили примерно 3,5 млн человек. Ещё 1 млн рабочих прошёл обучение в стахановских школах — более кратких по срокам и менее формальным по регламенту видам обучения [История..., 1984. С. 122]. Это означало, что около половины промышленных рабочих СССР прошли курсы повышения квалификации. Точность этих данных весьма сомнительна. Более достоверны локальные сведения, например, о том, что в 1940 г. на курсах повышения квалификации занимались более половины рабочих-машиностроителей заводов Перми¹⁶, а в 1-м полугодии 1941 г. — более половины металлургов Урала¹⁷.

О результатах реализации технического образования рабочих в СССР за 1936–1940 гг. определённое представление даёт обследование 2 640,7 тыс. рабочих девяти наркоматов, проведённое Госпланом СССР весной 1941 г.¹⁸.

Материалы обследования, в частности распределения рабочих по уровню квалификации по состоянию на 15 мая 1941 г., показывают: 42,3% рабочих были отнесены к разряду квалифицированных, 22,3 — к категории полуквалифицированных, а 22,2% — к неквалифицированным. Структура рабочего класса в зависимости от квалификации по сравнению с 1927 г. изменилась весьма незначительно. Но принципиальный момент: численность квалифицированных рабочих в промышленности СССР за годы предвоенных пятилеток увеличилась в *три раза* при усложнении самих критериев квалификации [Постников, Фельдман, 2004. С. 155].

С учётом того, что численность рабочих в промышленности СССР в 1940 г. составляла 11 566,9 тыс. человек¹⁹, наличие четырехмиллионной армии квалифицированных работников, казалось бы, гарантировала нашу страну от кадровых проблем в случае войны. Однако показатели стажа непрерывной работы, квалификации позволяют только в общих чертах судить о качественных характеристиках рабочего класса. Например, в США в 1940 г. из числа всех рабочих только 31,3% относились к категории квалифицированных [Смирнов, 1968, С. 124].

Доля квалифицированных рабочих в составе всех рабочих Германии составляла 31,9% в июне 1939 г. Однако в ведущих отраслях промышленности Германии эта доля была

¹² Подсчитано по: РГАЭ. Ф 8875. Оп. 47. Д. 109. Л.78–81.

¹³ ГАСО. Ф.1150. Оп.1. Д. 838.Л.131; Ф.122, Оп. 2.Д. 1236.Л. 136.

¹⁴ РГАЭ. Ф 4372. Оп. 41. Д. 554. Т.2. Л.129–130.

¹⁵ РГАЭ. Ф 4372. Оп. 38. Д. 394. Л.192–260.

¹⁶ ГАНИОПДПО.Ф. 1. Оп. 23. Д. 105. Л. 22–23.

¹⁷ ГАСО. Ф.841.Оп.1. Д.68.Л. 59,83.

¹⁸ РГАЭ. Ф 4372. Оп. 42. Д. 2169. Л.7 — 8.

¹⁹ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д. 1475. Л. 39.

значительно выше: в 1939 г. в металлообработке она составляла 54,4, в металлургии — 81,1% [Shneider, 1999. S. 336]. Это означало, что именно в ведущих отраслях, связанных с производством военной техники и боеприпасов, концентрировался значительный массив квалифицированных рабочих.

Следовательно, необходимо дополнительное исследование того, что в конкретной стране и в конкретное время включало в себя понятие *качества труда, сроки и содержание профессионально-технической подготовки*.

Заключение

Журнал «Техническая пропаганда» в 1936 г. («Техническая учёба» в 1937–1940 гг.) сумел сделать широким достоянием замысел Программы производственного обучения без отрыва от производства на предприятиях Наркомата тяжёлой промышленности. Статьи журнала несли первые аналитические размышления о ходе реализации программы технической учёбы рабочих, вскрывали недочёты и ошибки становления новой системы технической учёбы; верно определяли тенденции и параметры её развития. Начиная с лета 1937 г. на страницах журнала прошло обсуждение проектов ГУУЗ НКТП на третью пятилетку.

Редакция журнала смогла провести социологические обследования работников курсов техучёбы на ряде предприятий, позволяющие правильно оценить «снизу» многие процессы развития профессионально-технической подготовки рабочих.

На страницах журнала впервые было введено в научный оборот утверждение о том, что КМСТ должны стать основной формой повышения культурно-технического уровня промышленных рабочих. Трудности развития этой формы обучения аргументировано были связаны с объективными причинами, а не с вредительством или с недостатками самих КМСТ. Экономия средств на системе техучёбы, прежде всего на КМСТ, сопровождалась ростом брака промышленной продукции. В 1938–1940 гг. потери от брака составили 5,9 млрд руб., из них 4 млрд — в машиностроении²⁰.

Показав грандиозность и обоснованность задач повышения уровня производственной подготовки промышленных рабочих СССР, связанных как с реализацией индустриального проекта, так и с социалистическими идеалами, авторы журнала, в достаточно осторожной форме, указали на причины частичного невыполнения Программы производственного обучения без отрыва от производства. Параметры Программы были оторваны от реальных характеристик рабочего класса; задачи техучёбы рабочих не всегда являлись приоритетом как для хозяйственников, так и для советского руководства. Анализ статей, опубликованных в журнале в 1936–1940 гг., позволяет лучше понять динамику и масштаб увеличения доли квалифицированных и высококвалифицированных рабочих в трудовых коллективах промышленных предприятий. Не остались незамеченными и просчёты, прежде всего недооценка человеческого фактора: мифологизация характеристик советского рабочего класса; пренебрежение к материальным стимулам в работе преподавательского состава на курсах техучёбы рабочих; недооценка высокой роли работников промышленных предприятий.

Но важно, что и внимательный читатель номеров журнала тех времён, и современный исследователь могли заметить достижения второй половины 1930-х гг.: создание армии квалифицированных рабочих, включая корпус высококвалифицированных выпускников КМСТ. Это были те труженики, которые в следующем десятилетии смогли выиграть войну в тылу.

²⁰ РГАЭ. Ф 1562. Оп. 329. Д. 293. Л. 35.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Александров В. (1938). Московский институт техучёбы [Alexandrov V. (1938). Moscow Institute of Technical Sciences] // *Техническая учёба*. № 10. С. 49-50.
- Батышев С.Я. (1987). Реформа профессиональной школы: опыт, поиск, задачи, пути реализации [Batyshev S. Ya. (1987). Professional school reform: experience, search, tasks, way of implementation]. — М.: Высшая школа.
- Большаков И., Павлов Г. (1939). Техническое обучение в Третьей пятилетке на заводах «Электросталь» и «Серп и молот» [Bolshakov I., Pavlov G. (1939). Technical training in the Third five-year plan] // *Техническая учёба*. № 11. С. 49-52.
- Бойко В. (1937). Год борьбы за решения Декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) [Boyko V. (1937). The year of struggle for the decisions of the December Plenum of the Central Committee of the CPSU (b)] // *Техническая учёба*. № 1. С. 16-21.
- Бойко В. (1938). Стахановские курсы целевого назначения на заводах «Электросталь» и «Серп и молот» [Boyko V. (1938). Stakhanov target training courses at the Elektrostal and Sickle and Hammer plants] // *Техническая учёба*. № 11. С. 49-52.
- Весбланд А. (1937). Пятилетний план техучёбы рабочих [Vesbland A. (1937). Five-year plan for workers' maintenance] // *Техническая учёба*. № 10. С. 3-8.
- Выкорчевать вредительство, исправить ошибки и недочёты (редакционная статья) (1937). [Root out sabotage, correct mistakes and short-comings (editorial) (1937)] // *Техническая учёба*. № 8. С. 2-4.
- Гербер Я. (1936). Первый выпуск слушателей КМСТ на заводе ХТЗ [Gerber Ya. (1936). The first graduation of KMST students at the KhTZ plant] // *Техническая пропаганда*. № 7. С. 18-21.
- Голубев Я. (1936). Образцовые курсы мастеров социалистического труда на ХТЗ [Golubev Ya. (1936). Exemplary courses for masters of socialist labor at KhTZ] // *Техническая пропаганда*. № 7. С. 18-21.
- Гольцман М.Т., Коган Л.М. (1934). Старые и новые кадры пролетариата: по данным переписи 13 профсоюзов, произведённой в 1932-1933 гг. [Goltzman M. T., Kogan L. M. (1934). Old and new cadres of the proletariat: according to the census of 13 trade unions conducted in 1932-1933]. — М.: Профиздат.
- Гончаров Д. (1937). Техническая учёба на металлургическом заводе Петровского [Goncharov D. (1937). Technical studies at the Petrovsky Metallurgical Plant] // *Техническая учёба*. № 16. С. 25-28.
- Грен Л. (1938). Как работает Новосибирский институт техучёбы [Gren L. (1938). How the Novosibirsk Institute of Technical Studies Works] // *Техническая учёба*. № 10. С. 46-47.
- Емельянов Г. (1937). Некоторые замечания к плану по рабочему образованию в третьей пятилетке [Yemelyanov G. (1937). Some remarks on the plan for working education in the third fifth year] // *Техническая учёба*. № 11-12. С. 37-42.
- Иванов А. (1937). Проверка техучёбы [Ivanov A. (1947). Checking technical studies] // *Техническая учёба*. № 16. С. 18-19.
- Индустриализация СССР. 1933 — 1937. Документы и материалы (1971). [Industrialization of the USSR. 1933-1937. Documents and materials]. — М.: Наука
- История советского рабочего класса. Т.3. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938-1945 гг. (1984). [History of the Soviet working Class. Vol. 3. The working class of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War. 1938-1945]. — М.: Наука .
- Козлов В.А., Хлевнюк О.В. (1988). Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов [Kozlov V. A., Khlevnyuk O. V. (1988). It begins with man. The human factor in socialist construction: results and lessons of the 1930s]. — М.: Политиздат.
- Копылова С. (1937). Планирование технической учёбы рабочих [Kopylova S. (1937). Planning of technical training of workers] // *Техническая учёба*. № 1. С. 8-9.
- Львов Б. (1938). О стахановских курсах целевого назначения [Lvov B. (1938). On Stakhanovite courses for targeted purposes] // *Техническая учёба*. № 1. С. 47-49.
- Монахов А. (1936). Новый режим новой системы техучёбы [Monakhov A. (1936). The new regime of the new maintenance system] // *Техническая пропаганда*. № 17. С. 11-16.
- Муравьева О. (1937). На Макеевском заводе разваливают техучёбу [Muravyeva O. (1937). The technical school is being demolished at the Makeyevsky plant] // *Техническая учёба*. № 5. С. 2 — 5.
- Несбланд А. (1936). Гостехэкзамен [Nesbland A. (1936). State technical examination] // *Техническая пропаганда*. № 18. С. 2-5.
- Новая система массовой технической учёбы рабочих тяжёлой промышленности (1936). [A new system of mass technical education for heavy industry workers]. — М.-Л.: ОНТИ.
- Осовский Е.Г. (1980). Развитие теории профессионально-технического образования в СССР. 1917-1940 [Osovsky E. G. (1980). [The development of the theory of vocational education in the USSR. 1917-1940]. — М.: Высшая школа.
- Очерки истории профессионально-технического образования в СССР (1981). / Под ред. С.Я. Батышева [Essays on the history of vocational education in the USSR (S. Ya. Batyshev (ed.))]. — М.: Педагогика.
- Парыгин И., Рошаль Б. (1936). Новая система технической учёбы [Parygin I., Roshal, B. (1936). A new system of technical education] // *Техническая пропаганда*. № 5. С. 27-30.

- Петровский Д. (1936). Повысить качество технической учёбы [Petrovsky D. (1936). To improve the quality of technical education] // *Техническая пропаганда*. № 12. С.2-5.
- Пленум ЦК ВКП(б) 21-25 декабря 1935. Стенографический отчёт. (1935). [The Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) on December 21-25, 1935. Verbatim report]. –М.: Партиздат.
- Постников С.П., Фельдман М.А. (2004). Государство и профессиональная подготовка кадров промышленности Урала в 1900-1940 гг. [Postnikov S.P., Feldman M.A. The state and professional training of industrial personnel in the Urals in 1900-1940]. — Екатеринбург: УрО РАН.
- Сизов В. (1937). О массовом техническом обучении рабочих в годы третьей пятилетки [Sizov V. (1937). On mass technical training of workers during the Third Five-Year Plan] // *Техническая учёба*. № 11-12. С.19-22.
- Смирнов Е.Л. (1968). Подготовка квалифицированных кадров // [Smirnov E.L.(1968). Training of qualified personnel] // *Труд и зарплата в СССР*.– М.: Экономика. С.122-148.
- Совещание актива работников массовой техучёбы (редакционная статья) (1937). [Meeting of activists of mass technical service workers (editorial) (1937)] // *Техническая учёба*. 1937. № 14. С. 4-6.
- Социальный облик рабочей молодёжи. По материалам социологических обследований 1936 и 1972 гг. (1980). [The social image of working youth. Based on the materials of the sociological surveys of 1936 and 1972 (1980)].–М.:Мысль.
- Сенявский С.Л., Тельпуговский В.Б. (1971). Рабочий класс СССР (1938-1965 гг.) [Senyavsky S.L., Telpugovskiy V.B. (1971). The working class of the USSR (1938-1965)]. — М.:Мысль.
- Трубников С. (1939). К вопросу о подготовке квалифицированных рабочих в 1940 г. [Trubnikov S. (1939). On the issue of training skilled workers in 1940] // *Техническая учёба*. № 9. С. 4 — 7.
- Трубников С. (1940). Некоторые итоги подготовки квалифицированных рабочих кадров [Trubnikov S. (1940). Some results of the training of qualified workers] // *Техническая учёба*. № 9. С. 11 — 15.
- Фельдман М.А. (2023). Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев и дискуссии об индустриализации в середине 1930-х гг. [Feldman M.A. (2023). The first All-Union meeting of Stakhanovite workers and women workers and discussions about industrialization in the mid-1930s] // *Российская история*. № 4. С. 178-190.
- Чирков И. (1938). Итоги учебного года на КМСТ Кузнецкого металлургического завода [Chirkov I. (1938). The results of the academic year at the KMST of the Kuznetsk Metallurgical Plant] // *Техническая учёба*. №10. С. 9-11.
- Шварцберг Я. (1937). Стахановские курсы целевого назначения на Южнотрубном металлургическом заводе [Shvartsberg J. (1937). Stakhanovite courses for targeted purposes at the Yuzhnotrubby Metallurgical Plant] // *Техническая учёба*. № 1. С. 51-54.
- Schneider M. (1999). *Unterm Hakenkreuz: Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939*. — Bonn: Dietz. Bd. 12.

Фельдман Михаил Аркадьевич

feldman-mih@yandex.ru

Mikhail Feldman

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

(Ekaterinburg)

feldman-mih@yandex.ru

STATE PROGRAM OF TECHNICAL EDUCATION OF WORKERS IN 1936– 1940 ON THE PAGES OF THE MAGAZINE «TECHNICAL STUDIES»

Abstract. The article is devoted to a little-studied problem: the implementation of an on-the-job industrial training program at the enterprises of the People's Commissariat of Heavy Industry in 1936- 1940, as the main channel for training workers for the USSR industry. The study was conducted on the basis of a frontal study of the materials of the journal GUUZ NKTP, published in 1931-1936 under the title "Technical Propaganda", in 1936-1940. — "Technical Studies" It is concluded that in the period 1936 — 1940, the magazine was able to reveal the idea of an on-the-job industrial training program at the enterprises of the People's Commissariat of Heavy Industry, the main directions. The articles of the journal gave a generally objective assessment of the progress of the technical training program for workers, revealed the shortcomings and mistakes of the formation of a new system of technical education; correctly identified the trends and parameters of its development.

Keywords: *Industrial training program, workers, NKTP, Stakhanov courses, courses for masters of socialist labor (CMST).*

JEL: B24, N44.

А.П. Заостровцев

к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург),
старший научный сотрудник, МЦСЭИ «Леонтьевский Центр»
(Санкт-Петербург)

И СНОВА О ПРИРОДЕ БОГАТСТВА (о книге М. Коямы и Дж. Рубина «Как разбогател мир: исторические истоки экономического роста»)

Аннотация. В статье представлена рецензия на книгу, в которой её авторы рассматривают концепции перехода к устойчивому экономическому росту. В центре внимания проблема институтов и культуры. Обсуждаются особенности понимания их взаимосвязи. Представлены концепции Р. Аллена и Дж. Мокира с их разной трактовкой условий и причин, породивших промышленную революцию в Великобритании. Авторы книги далее рассматривают распространение этой революции на весь мир. Приводятся разные взгляды на природу развития и отсталости, процессы догоняющего развития. Дается видение причин того и другого применительно к разным странам. Внимание уделяется экономической истории США, Японии и «восточноазиатских тигров». Особое место занимает Китай. Делаются выводы о невозможности импорта институтов без учёта институционально-культурной среды. Книга позволяет получить обширные сведения о главных на сегодняшний день представлениях институциональной экономической истории.

Ключевые слова: институты, культура, промышленная революция, Просвещение, прогресс, Великобритания.

JEL: N00, O10, O43

УДК: 330.8, 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_196_204

© А.П.Заостровцев, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заостровцев А.П. И снова о природе богатства (о книге М. Коямы и Дж. Рубина «Как разбогател мир: исторические истоки экономического роста») // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 196–204

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_196_204.

FOR CITATION: Zaostrovtssev A. And Again About the Nature of Wealth (about the book by M. Koyama and J. Rubin «How the World Got Rich: The Historical Origins of Economic Growth») // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 196–204. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_196_204.

Знакомый с литературой по экономике развития читатель, увидев заголовок книги, решил бы: ну, вот опять, очередная! Сколько можно! И ошибся бы. В этот раз авторы не добавляют собственную концепцию к изобилию исследований на эту тему, с многими из которых познакомился российский читатель [Аджемоглу, Робинсон, 2015; Аджемоглу, Робинсон, 2021; Аллен, 2013; Голдстоун, 2014; Даймонд, 2010; Камерон, 2001; Кларк, 2012; Лал, 2007; Лал, 2010; Макклоски, 2018; Мокир, 2012; Мокир, 2014; Норт, 2010; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011], но делают обзор таковых. Это очень ценно, так как позволяет разом охватить практически все базовые концепции, касающиеся причины богатства народов и экономического роста. «Цель этой книги — собрать в одном месте многочисленные

научные теории о причинах происхождения современного устойчивого экономического роста» [Кояма, Рубин, 2024. С. 29]¹. И далее она формулируется более кратко: «Наша цель — беспристрастно представить все основные теории того, “как разбогател мир”» (С. 38). Посмотрим, насколько эти поставленные цели достигнуты.

В книге выделяются две группы предпочитаемых объяснений. Согласно первой, начала как индустриализации, так и экономического роста связаны с экономическим и политическим развитием. Затрагиваются такие темы, как институциональные изменения, рост потенциала государства и верховенство закона. Вторая группа объяснений подчёркивает роль культуры, понимаемой как те «эвристические методы, которые люди применяют для интерпретации сложного мира вокруг себя» (С. 36-37). Отмечается, что, во-первых, культурные ценности могут быть чрезвычайно стойкими, а, во-вторых, они взаимодействуют с институциональным развитием (С. 37) (к вопросу о связи институтов и культуры нам придётся еще вернуться в силу принципиальной важности проблемы).

Авторы стараются «сделать всё возможное, чтобы в изложение материала не прокрались собственные предпочтения. В то же время во второй части работы они выделяют те концепции, которые, на их взгляд, обладают большей объяснительной силой, чем другие. Рассматривается экономическая история ключевых регионов, прежде всего Великобритании эпохи промышленной революции. И, конечно, нельзя было обойти вниманием Китай и страны Юго-Восточной Азии. О России авторы пишут очень немного, преимущественно о провале коммунистического эксперимента.

Их заслугой является то, что они почти не касаются того, что сами называют «тёмной стороной экономического роста»: загрязнения окружающей среды, изменения климата и способности создавать смертоносное оружие. Загрязнение преодолевается, в конечном счёте, благодаря появлению новых технологий, возможному только в процессе экономического роста. Изменение климата — надуманная проблема, проистекающая из левой повестки дня и вытекающего из нее рентоориентированного поведения. Способность же создавать смертоносное оружие сопровождала человечество всю его историю, а если имеется в виду ядерное оружие, то оно, как показывает практика, является лучшим гарантом мира (не обладай им Индия и Пакистан, то войны между ними были бы постоянны). Однако вернёмся к главной теме.

Начинается обзор с роли географического фактора. Долго на нём задерживаться не будем. Уже многократно было доказано, что география может исключить развитие (например, вряд ли переход к современному экономическому росту мог состояться на Чукотке), но не раскрыть причину перехода к таковому. И здесь согласимся с авторами в том, что «география сама по себе не может объяснить *время* начала промышленной революции» (С. 73).

Далее речь заходит об институтах. Это — третья глава книги. В данной связи хотелось бы обратить внимание на такой аспект, как необходимость внести большую определённости в само понятие «институт». На сложность с ним как результат неправильного перевода английских терминов указали А. Верников и А. Курышева [Верников, Курышева, 2023]. Дело в том, что в английском языке и в соответствующей академической литературе фигурирует слово *institution*, которое следовало бы передавать на русский как институция. Слово институт (*institute*) тоже в ней присутствует, но под ним подразумевается учреждение, организация. И именно в этом смысле он используется в русском языке, когда говорят институт прокуратуры или институт центрального банка. Но это — не институции! Институцией является, например, право. В русском же языке слово институция не употребляется, поэтому институт у нас и институция, и организация (институт). Естественно, далее вошедший в употребление термин «институт» будет равносителен институции, но

¹ В дальнейшем при ссылках на данный источник указываются только страницы в круглых скобках.

никак не организации. Это важно иметь в виду, поскольку речь пойдёт о значении институтов для развития, и здесь совсем не хотелось бы отводить организациям ту роль, которую они не исполняют.

Внеся это уточнение, можно двигаться дальше. Затрагиваются права собственности и система права в целом. Особо подчёркивается значение безличностного характера права, которое ставит на место власти посредством власти закона. И поднимается вопрос: откуда берётся власть закона? Авторы, ссылаясь на видных правоведов и экономистов-институционалистов, находят корни безличности в английском общем праве, которое, в отличие от континентального права, меньше опиралось на римское право и представляло собой набор стабильных, но гибких принципов, позволявших впоследствии появиться сложным организационным формам. Оно было связано с менее обременительным регулированием и лучшей защитой прав собственности. Потом его принципы распространились на поселенческие колонии.

Заходит речь и о политических институтах. На поверхность выходит вечно дебатруемый вопрос: что первично — демократия или экономический рост? И авторы не приходят к определённом ответу: «Нет однозначных доказательств того, что (либеральная) демократия способствует экономическому росту, а не является сама продуктом экономического роста» (С. 100).

Можно вспомнить, что Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон выдвигали политические институты на первый план, ставили их над экономическими. Для них политические институты — инструмент создания экономических институтов. «Политические институты определяют, кто обладает властью в обществе и для каких целей эта власть может быть использована» [Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 80]. М. Кояма и Дж. Рубин, соединяя концепции Д. Норта с соавторами [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011] с концепцией Аджемоглу и Робинсона, ставят вопрос о том, как общества переходят к порядку открытого доступа или к инклюзивным институтам? «Одно дело — перечислить необходимые институты. Другое дело — понять, как к ним перейти» (С. 106). Они указывают на то, что мостами на этом пути у Норта с соавторами служит набор «пороговых условий», а у Аджемоглу с Робинсоном — «критические переломные моменты» (*critical junctures*)², однако авторы книги справедливо заключают: «Нет общего ответа на вопрос, как общество обретает “хорошие” политические институты» (С. 106).

Итак, тут мы второй раз сталкиваемся с неразрешённой загадкой. Первая, как видели, касается ответа на вопрос, где причина и где следствие? Представляется, что причинно-следственную связь в вопросе о демократии и экономическом росте (или даже несколько шире — об экономическом развитии) установить невозможно. Скорее всего, дело в том, что её, при такой абстрактной постановке вопроса, попросту нет. Всё зависит от исторического контекста. В Великобритании сильное представительное правление, как будет показано далее, сыграло существенную роль в создании условий для промышленной революции, а вот если бы таковое имело место на первых шагах становления рыночной экономики в «азиатских тиграх», то вряд ли бы говорили о них как о «тиграх». Тут играет роль ещё и тот факт, что в Великобритании избирательное право долго не было всеобщим. Появись оно в начале XIX в., не исключено, что на развалинах британской экономики появилась бы какая-нибудь партия луддитов.

Вторая загадка — как создать хорошие институты? Хотя, в то же самое время, нет никакой загадки в том, что они собой представляют. По всей видимости, проблему можно сформулировать так: создание этих институтов — не инженерное решение, их сборка

² Критический момент определяется как «исторический момент, в ходе которого возможны гораздо большие изменения, чем в предшествующий и последующий периоды высокой и часто длительной институциональной стабильности» [Büthe, Jacobs, 2017. P. 1].

не происходит по инструкции, как, например, в конструкторе «Лего». Они есть продукт противостояния групп интересов, их некоего равновесия, когда ни одна из них не может решительно взять верх над другой или другими. И тогда приходится искать компромисс, договариваться (представительное правление — всегда порождение компромисса). А вот создать такое соотношение общественных сил по заказу невозможно. Оно — продукт всей истории той или иной страны. Если же институциональные реформы силой продавливаются во враждебном окружении, то почти всегда надо ждать отката той или иной силы (революция аятолл в Иране после «белой революции» шаха Мохамеда Реза Пехлеви или ползучая исламизация в Турции под руководством клана Меджеба Эрдогана после радикальных реформ Ататюрка).

В конце посвящённой институтам главы авторы формулируют вопрос: «Почему в разных частях мира институты работают по-разному?» (С. 132). И он становится мостиком, позволяющим перейти к рассмотрению роли культуры. «Культура резюмирует то, как мы смотрим на мир» (С. 133). В заключительной части главы про культуру говорится, что «современные теории склонны рассматривать культуру так, как её понимают антропологи: как те аспекты общества, которые формируют мировоззрение людей (С. 173)³. Автор рецензии уже поднимал в собственной статье проблему соотношения институтов и культуры. Погружение в эту проблему позволило заключить, что если признаётся наличие неформальных институтов, то они и культура, по сути, вещи тождественные [Заостровцев, 2024. С. 9-10].

Авторы книги констатируют, что «последние исследования показывают, что культура может играть огромную роль в самых разнообразных экономических результатах» (С. 138). Упоминается, что согласно Д. Макклоски, ключевым культурным фактором является то, как люди думают и говорят о труде и прибыли. От себя заметим, что эту идею она развивает в полемике с другими ведущими экономистами-институционалистами [McCloskey, 2016a; McCloskey, 2016b]. А также обратим внимание на то, что в книге, к сожалению, эта полемика не нашла отражения, хотя она находится в самом центре в обсуждаемых в книге проблем⁴.

В анализе влияния культуры один из авторов (Рубин) представляет собственное видение роли протестантизма. В отличие от М. Вебера, он пишет, что значение имело не содержание религиозного учения, а более высокий уровень образования протестантов, необходимый для самостоятельного изучения Библии. Ещё более значимым было то, что Реформация подорвала возможность правителей охваченных ею стран легитимировать свою власть с опорой на авторитет церкви. В результате пришлось обратиться к парламентаризму. Он ограничивал произвол власти и способствовал привлечению к решению общественных вопросов тех слоёв, чьи интересы отвечали нуждам развития экономики (С. 150–152).

В процессе исследования культуры затрагиваются не только религии. Традиционно поднимаются проблемы доверия. В то же время упор делается на такое качество культуры, как устойчивость. «Одна из ключевых причин, по которой культура может влиять на экономические результаты, заключается в том, что она *устойчива*» (С. 173). Признавая и разделяя это убеждение, я хотел бы отметить, что работе не хватает рассмотрения связанной с этим обстоятельством зависимости от траектории предшествующего развития («эффекта колеи»).

³ «Культура – это целиком и полностью продукт разума: она включает предпочтения, убеждения, ценности, которые разделяются достаточно большими группами в обществе и передаются с модификациями между поколениями» [Mokyr, 2025. P. 901].

⁴ С точкой зрения её оппонентов можно познакомиться в [Greif, Mokyr, 2016; Langlois, 2016; Lawson, 2016; Tabellini, 2016].

Далее авторы переходят к вопросу о снижении рождаемости в европейской модели брака (ЕМБ). Показаны разные точки зрения относительно силы влияния ЕМБ на переход к современному экономическому росту. Сами авторы полагают, что демографический переход стал одной из ключевых причин того, почему экономический рост обрёл устойчивость. И самое главное состоит в том, что он стимулировал инвестиции в человеческий капитал (С. 203). Таким образом, на практике воплотился девиз «лучше меньше, да лучше!».

Поднят модный ныне в левых кругах дискурс о «вине» колонизаторов. Авторы показывают, что у современных экономистов однозначного ответа здесь нет. Вместе с тем, надо отдать должное тому, что в книге отмечается очевидное, но обычно задвигаемое ныне на задний план. Например, тот факт, что «расхождение между Западной Европой и Ближним Востоком произошло задолго до колонизации последнего» (С. 212). Или то, что Индия и Китай много лет до вторжения туда европейцев находились в застое. Кроме того, в пост-колониальное время «местные боссы не захотели расставаться с потоком ренты и после обретения независимости, поэтому экстрактивные институты, как правило, сохранялись» (С. 226).

На этом заканчивается первая часть книги. И начинается вторая. Полное её название «Почему некоторые части мира разбогатели первыми, другие последовали за ними, а третьи пока остаются позади». И тут одна за другой следуют, пожалуй, две центральные главы работы. В первой из них выясняется, почему Европа разбогатела первой. В основе — институты. Но какие? Наряду с общеизвестными (типа прав собственности и политического представительства) авторы указывают на политическую раздробленность. На месте Европы не возникло огромной империи, подобной китайской или османской. Конкуренция многих государств на относительно небольшом пространстве оказалась уникальной чертой Европы. Эта конкуренция дала толчок экономическим, политическим, научным и технологическим прорывам.

Однако Европа в силу политической раздробленности представляла и разные облики составляющих её государств. Богатства Испанской империи укрепляли власть монархов и подавляли парламентаризм. Её агрессии бросила вызов Голландская республика. Здесь подчёркивается важность культуры, в данном случае — Реформации. Восстание не могло бы привести к успеху без распространения протестантских (кальвинистских) идей. Одних экономических интересов было бы недостаточно.

В то же время в Голландии «не было никакой централизованной власти, которая могла бы изымать ресурсы, попира́ть права собственности или ущемлять личные свободы» (С. 269). Она создала институты, от которых выигрывали представители экономической элиты. В то же время и в Англии укреплялся парламентаризм. В XVII в. там произошли события, которые отделили её от остальной Европы. Этими событиями стали гражданские войны, завершившиеся Славной революцией. Ограниченная власть монархов позволила снизить стоимость заимствований. Дело в том, что кредиторы стали больше верить такому заёмщику. Можно было мобилизовать огромные ресурсы для ведения войн, не затрагивая напрямую благосостояние страны.

Однако в воздухе повисает вопрос: почему всё-таки Великобритания, а не Голландия стала родиной промышленной революции? Это выясняется в следующей главе. «Главным революционным изменением во время промышленной революции было увеличение темпов инноваций. Ускорение инноваций гарантировало, что экономический рост будет продолжаться и не выдохнется» (284). Далее представлены две позиции относительно Британской промышленной революции.

Р. Аллен находит причину в том, что инновации были ответом на высокую оплату труда и дешёвые капитал и энергию. Дж. Мокир связывает индустриализацию Великобритании с культурными и интеллектуальными процессами в британском и европейском обществе. Плюс то, что сегодня называется на английском *skills* — профессиональное

мастерство работников. Мокир называет это «промышленным Просвещением», поскольку оно базировалось на идее прогресса. Сегодня это покажется несколько странным, но идея прогресса («стрела времени» вместо циклического понимания времени) имела место далеко не всегда, а её появление как раз и обусловило прорыв Великобритании. Разумеется, это имеет успех в сочетании с квалификацией работников. Последние поняли, что могут жить лучше и именно это придало смысл их деятельности⁵. «Британские квалифицированные работники усвоили ключевые культурные идеи Просвещения» (С. 329). Именно это отличало страну от остальной Европы.

Авторы книги, как ни старались спрятать собственные взгляды в обзорной работе, очевидно, разделяют видение Мокира, если не в деталях, то в главном. В сущности, в этой концепции речь идёт о культурной революции, которая наложилась на то, что Мокир называет «полезными знаниями». И их носители стали применять эти знания в производстве для инноваций и распространять вширь.

Глава «Подъём современной экономики» иллюстрирует, как возникшая в Великобритании промышленная революция стала распространяться (или не распространяться) на остальной мир. Как экономический рост стал устойчивым, что значительно увеличило благосостояние. Последнее произошло только во второй половине XIX в. В частности, много места уделяется экономическому развитию США. Для российского же читателя самым интересным будет раздел, который озаглавлен «Советский зигзаг».

Действительно, Россия, ставшая СССР, свершила, казалось бы, небывалое. Если до того везде индустриализация проходила в рамках институтов рыночной экономики, то СССР делал самые большие шаги в деле индустриализации, на первый взгляд, в несовместимой с ней среде. Без прав собственности, без ограничений на полномочия исполнительной власти, без рыночных сигналов в виде свободных цен. Отсутствовали условия того, что называется «смитовским ростом» (по имени А. Смита). Однако шумпетерианский рост (рост на базе инноваций) в той или иной мере имел место. СССР стал примером для ряда развивающихся стран, которые с тем или иным успехом копировали его институты, ограничивая функционирование рынка. Это отвечало интересам элит архаичных социальных систем, которым свободное развитие рынка угрожало потерей монополии на власть.

Авторы книги полагают, что история советской индустриализации преподнесла два урока. Первый заключается в том, что коммунизм несовместим с долгосрочным экономическим ростом. Второй состоит в том, что авторитарное государство в долгосрочной перспективе может задушить рост (С. 372). Эти выводы носят не только исторический характер. Они могут быть применимы и к описанию перспектив экономик современных автократий, в чём мы убедимся, когда дойдём до описания развития Китая.

Рассмотрение «догоняющего развития» начинается с Индии, для которой этот процесс нельзя назвать целиком успешным. Страна «засиделась на старте», будучи увлечённой социалистическими экспериментами. Движение в правильном направлении было выбрано слишком поздно, после краха СССР. В то же время свое внимание Кояма и Рубин фокусируют совсем не на Индии, а на Японии и «восточноазиатских тиграх». Эти разделы выглядят далеко не лучшими в их книге. Представляется, что это во многом следствие самого жанра книги как обзора имеющихся исследований. Потому из её содержания можно заключить, что неевропейская индустриализация изучена ещё не столь обстоятельно, как европейская. Хотя отдельные причины называются, но как-то в целостную картину они не складываются.

Китаю уделено куда больше внимания. Не будем вслед за авторами идти по истории этой страны. Перейдём ближе к современности. Здесь находим важное рассуждение о легитимности власти. Для китайца хорошее правление (обеспечивающее рост благосостояния)

⁵ Подробнее см. в [Мокир, 2025].

означает легитимное правление. Это обстоятельство поддерживает нынешнее коммунистическое правление. В то же время выносится предупреждение: «Поскольку Китай остаётся высоконцентрированным и авторитарным государством, то всегда существует возможность, что текущая экономическая политика поменяется на противоположную» (С. 414)⁶.

В конце главы об индустриализации и мире делается вполне уместный вывод: «Подходящие институциональные реформы всегда будут зависеть от контекста и политических ограничений». И далее: «То, что сработало и сделало некоторые части мира богатыми, сработало в определённом историческом и институциональном контексте» (С. 415-416). К этим словам важно прислушаться тем, кто полагают, что в социальном мире, как в области технических конструкций, имеется некий универсальный план, раскрыв и изучив который, можно реформировать чуть ли не любое общество. Более того, при таком социальном конструировании часто не известно, что работает, а что — нет.

В заключительной части работы, названной «Мир богат», подводятся итоги и делаются обобщения. Импонирует, что авторы акцент делают в том числе и на культуру. Они снова обращаются к тому уникальному прорыву, который совершила Великобритания, впервые в мире превратив устойчивый экономический рост в норму. Перечисляя всем известные английские институты, сделавшие это возможным, авторы говорят: «Но в Великобритании были ещё и культурные атрибуты, дополнявшие эти институты. Труд в поте лица не ставил человека на низкую ступень социальной лестницы. Среди интеллектуальной элиты идея непрерывного прогресса казалась достойной и реалистичной целью» (С.422). Ни одна другая страна не обладала таким сочетанием институционально-культурных характеристик.

Аналогично авторы желают вновь подчеркнуть невозможность импорта институтов без привязки к местному институционально-культурному контексту. «Именно это делает проблему экономического развития в беднейших частях мира такой коварной. Панацеи не существует. Мы знаем, что работало в различных исторических контекстах. Но просто перенести то, что сработало в другом месте, в беднейшие страны — не решение. Имеет значение контекст. Имеют значение культура и историческое прошлое» (С. 423).

В общем, этот заключительный вывод очень близок к тому видению, к которому пришли представители современной австрийской экономической школы в своей экономике развития: «Приживаемость (*stickiness*) институтов — способность (или неспособность) предлагаемых институциональных устройств удержаться там, куда они трансплантированы, является критической для понимания того, каким образом история имеет значение для институтов конкретных народов и, следовательно, их экономической конкурентоспособности» [Boettke, Coyne, Leeson, 2013. P. 9].

Всё это говорит о том, как мало человек может сделать в конструировании социальной реальности. Все успешные великие реформаторы застигали меняемые общества «врасплох» — в период потрясений, когда их институционально-культурная сопротивляемость новому была серьёзно ослаблена шоковыми событиями. В эту категорию попадут и послевоенная Германия, и такая же Япония, и Турция в период старта реформ Ататюрка, и Южная Корея после Корейской войны, и Тайвань периода правления Чан Кайши и его преемника Цзян Цзинго. Однако это необходимое, но недостаточное условие, Ирак после С. Хусейна не демонстрирует стремления к правовому государству. Впрочем, как и Сирия после свержения Б. Асада.

Возвращаясь к книге, нельзя не сказать, что, безусловно, она представляет собой очень ценный материал по институциональной экономике развития. Традиционно её называют новой институциональной экономической историей, но она выходит далеко за

⁶ Подробный обзор развития Китая, его проблем и перспектив на основе институционального анализа см.: [Shirley, Xu, 2025].

рамки узкого экономического мышления. Эта книга сможет заменить чтение, как минимум, десятка источников, нередко и недоступных ныне российскому экономисту, социологу, политологу. Несомненна её ценность для преподавателей предмета «Институциональная экономика». Да и для всех изучающих этот курс. Она раздвинет узкие рамки экономического мейнстрима, покажет, что мир не ограничивается сравнением предельных выгод с предельными издержками. Или же тогда в предельные выгоды придётся вложить максимально широкое содержание, включая убеждённость в собственной идейной правоте.

Однако эта книга — больше чем просто хороший путеводитель по институциональной истории. Она помогает избавляться от догматизма социального конструктивизма. Не стесняется показывать проблемы, на которые академическое сообщество не находит ответов. Может быть, в этом и заключается её самая большая ценность. Поскольку такой подход подталкивает к самостоятельному мышлению. А эта сверхзадача далеко не всегда присутствует в работах экономистов.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. [Acemoglu D., Robinson J. (2015). *Why Nations Fail, The origins of Power, Prosperity and Poverty*]. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). *Узкий коридор* [Acemoglu D., Robinson J. (2021). *The narrow corridor*]. — М.: АСТ.
- Аллен Р. (2013). *Глобальная экономическая история. Краткое введение* [Allen R. (2013). *Global Economic History: A Very Short Introduction*]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Верников А.В., Курышева А.А. (2023). Институция: лишняя сущность или недостающее звено? [Vernikov A. V., Kuryшева A. A. (2023). How Did the Meaning of an Institution Get Distorted?]. // *Journal of Institutional Studies*. Т. 15. № 4. С. 109–123. DOI: 10.17835/2076- 6297.2023.15.4.109-123.
- Голдстоун Дж. (2014). *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850* [Goldstone J. (2014). *Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500-1850*]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Даймонд Дж. (2010). *Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ* [Diamond J. (2010). *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*]. — М.: АСТ, Corpus.
- Заостровцев А.П. (2023). Эффект колеи, культура и «критические моменты» в институциональной истории [Zaostrovtshev A. (2023). Path Dependence, Culture and «Critical Junctures» in the Institutional History]. // *Вопросы теоретической экономики*. 2023. № 3. С. 7-21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21.
- Камерон Р. (2001). *Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней* [Cameron R. (2001). *A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present*]. — М.: РОССПЭН.
- Кларк Г. (2012). *Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира* [Clark G. (2012). *A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Кояма М., Рубин Дж. (2024). *Как разбогател мир: исторические истоки экономического роста* [Koyama M., Rubin J. (2024). *How the World Get Rich. The Historical Origin of Economic Growth*]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Лал Д. (2007). *Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты* [Lal D. (2007). *Unintended Consequences. The Impact of Factor Endowments, Culture? And Politics on Long-Run Economics Performance*]. — М.: ИРИСЭН.
- Лал Д. (2010). *Похвала империи. Глобализация и порядок* [Lal D. (2010). *In Praise of Empires. Globalization and Order*]. — М.: Новое издательство.
- Макклоски Д. (2018). *Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции* [McCloskey D. (2018). *The Bourgeois Virtues. Ethics for an Age of Commerce*]. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Мокир Дж. (2012). *Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний* [Mokyr J. (2012). *Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Мокир Дж. (2014). *Рычаги богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс* [Mokyr J. (2014). *Levers of Wealth: Technological Creativity and Economic Progress*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений* [North D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*]. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для изучения письменной истории человечества* [North D., Wallis D., Weingast B. (2011). *Violence and social orders*.

- A conceptual framework for interpreting recorded human history]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Boettke P.J., Coyne Ch.J., Leeson P.T. (2013). Comparative Historical Political Economy // *Journal of Institutional Economics*. 2013. Vol. 9. No. 3. Pp. 285-301.
- Büthe T., Jacobs A.M. (2017). Letter from the Editors // *Qualitative and Multi-Method Research*. Vol. 15. No. 1. P 1.
- Greif A., Mokyr J. (2016). Institutions and Economic History: A Critique of Professor McCloskey // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp. 29-41. DOI: 10.1017/S1744137415000417.
- Langlois R.N. (2016). Institutions of Getting Out of the Way // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp. 53-61. DOI: 10.1017/S1744137415000375.
- Lawson R.A. (2016). Can Two Observations Confirm a Theory? A Comment on Max U versus Humanomics // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp. 49-51. DOI: 10.1017/S174413741500017X.
- McCloskey D. N. (2016a). Max U versus Economics: A Critique of Neo-Institutionalism // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp. 1-27. DOI: 10.1017/S1744137415000053.
- McCloskey D. N. (2016b). The Humanities Are Scientific: A Reply to the Defences of Economic Neo-Institutionalism // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp.63-78. DOI: 10.1017/S1744137415000430.
- Mokyr J. (2025). Culture versus Institutions in the Great Enrichment // *Handbook of New Institutional Economic*. 2-nd ed./C. Menard & M. M. Shirley (eds.). Cham: Springer. Pp. 896-924.
- Shirley M., Xu L.C. (2025). Formal and Informal Institutions Explaining Chinese Modern Economic Development: Their Historical Roots and Recent Evolution // *Handbook of New Institutional Economic*. 2-nd ed./C. Menard & M. M. Shirley (eds.). Cham: Springer. Pp. 927-952.
- Tabellini G. (2016). Ideas or Institutions — A Comment // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No.1. Pp. 49-51. DOI: 10.1017/S1744137415000338.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtssev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics.

zao-and@yandex.ru

AND AGAIN ABOUT THE NATURE OF WEALTH (ABOUT THE BOOK BY M. KOYAMA AND J. RUBIN «HOW THE WORLD GOT RICH: THE HISTORICAL ORIGINS OF ECONOMIC GROWTH»)

Abstract. The article presents a review of a book in which its authors consider concepts of transition to sustainable economic growth. The focus is on the problem of institutions and culture. The features of understanding their relationship are discussed. The concepts of R. Allen and J. Mokyr with their different interpretations of the conditions and causes that gave rise to the industrial revolution in Great Britain are presented. The authors of the book then consider the spread of this revolution throughout the world. Different views on the nature of development and backwardness, catching up development are given. A vision of the causes of both is given in relation to different countries. Attention is paid to the economic history of the USA, Japan and the “East Asian tigers”. China occupies a special place. Conclusions are made about the impossibility of importing institutions without taking into account the institutional and cultural environment. The book allows you to get extensive information on the main ideas of institutional economic history today.

Keywords: *institutions, culture, industrial revolution, Enlightenment, progress, Great Britain.*

JEL: N00, O10, O43.